

МИХ.
ЗОЩЕНКО

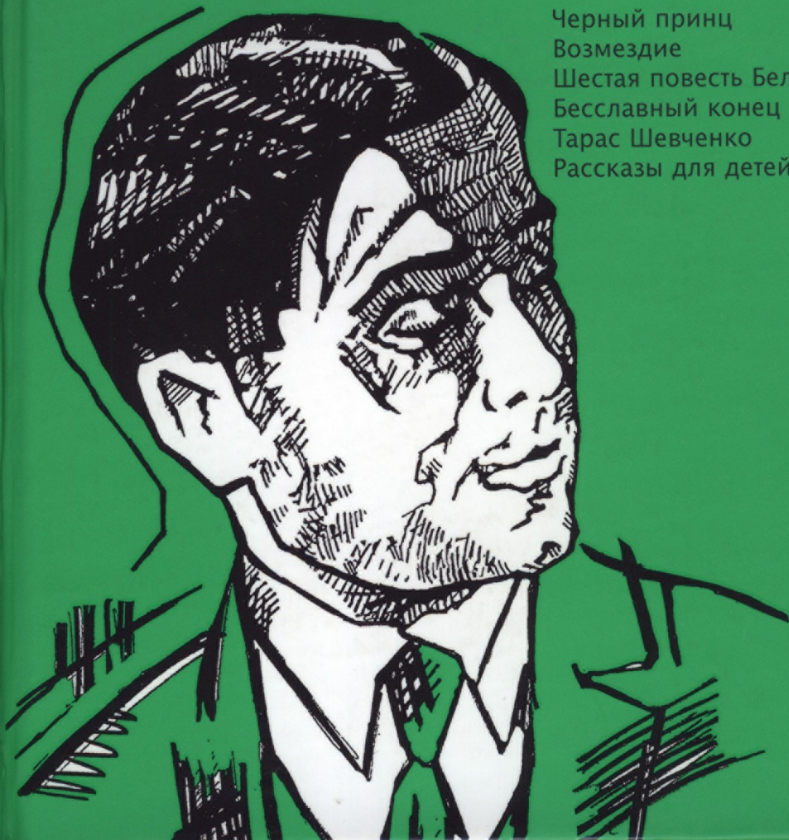
**ШЕСТАЯ
ПОВЕСТЬ
БЕЛКИНА**

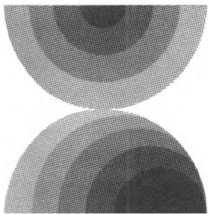
Черный принц
Возмездие
Шестая повесть
Белкина
Бесславный
конец
Тарас Шевченко
Рассказы для
детей

МИХ.
ЗОЩЕНКО

**ШЕСТАЯ ПОВЕСТЬ
БЕЛКИНА**

Черный принц
Возмездие
Шестая повесть Белкина
Бесславный конец
Тарас Шевченко
Рассказы для детей

РусьБанк

Мих.
Зощенко

Собрание сочинений

Мих.
Зощенко

**Шестая повесть
Белкина**

Черный принц
Возмездие
Шестая повесть Белкина
Бесславный конец
Тарас Шевченко
Рассказы для детей

москва 2008

ББК 84Р7-4
378

Составление и примечания
Игорь Сухих

Макет и оформление
Валерий Калныньш

- Зоценко М. М.**
378 Шестая повесть Белкина / Собрание сочинений. — Состав. и примеч. И. Н. Сухих. — М.: Время, 2008. — 592 с.
ISBN 978-5-9691-0364-1

Собрание сочинений М. М. Зоценко — самое полное собрание прозы одного из крупнейших писателей-новаторов XX века. В него входят практически все известные произведения писателя от ранних рассказов, пародий и «Сентиментальных повестей» до книги «Перед восходом солнца» и поздних «положительных» фельетонов.

Этот том включает повести «Черный принц» (1936), «Возмездие» (1936), «Шестая повесть Белкина» (1937), «Бесславный конец» (1937), «Тарас Шевченко» (1939) и весь корпус рассказов для детей.

ББК 84Р7-4

ISBN 978-5-9691-0364-1

9 785969 103641

- © Зоценко М. М., наследники, 2008
- © Сухих И. Н., составление и примечания, 2008
- © «Время», 2008

Исторические повести

Черный принц

1. КРЫМСКАЯ КАМПАНИЯ

В середине прошлого столетия (1854–1856 гг.) происходила так называемая Восточная война.

Эту войну начала николаевская Россия против Турции. Николай Первый (торжественно говорилось в истории) выступил в защиту христианских народов в Турции. Он выступил в защиту православной церкви в Палестине. Это была борьба за «святые места».

Но тут случилась, так сказать, сильная историческая неувязка. «Христианские народы», за интересы которых ратовал Николай, неожиданно выступили в защиту Турции, а не России. И тем самым обнаружилась истинная подкладка всего дела.

Это была борьба за свое влияние в Турции, это была борьба за еще более святые места — за торговые рынки и за положение на Черном море — за Дарданеллы.

В общем, в борьбе за эти «святые места» против России выступили: Франция, Англия и Италия (Сардинское королевство).

Это была бессмысленная и для всех несчастная война. У русских было убито, ранено и искалечено двести тысяч бойцов. А французские и английские войска только в течение одного дня, во время штурма Севастополя, потеряли десять тысяч человек.

Почти все военные операции сосредоточены были в Крыму. И эти военные действия названы были Крымской кампанией.

Союзники заняли Евпаторию и Балаклаву. И осадили Севастополь.

2. ПРОТИВНИКИ

Эта несчастная война отчасти показала миру, что такое представляла собой николаевская Россия.

За всем поверхностным блеском, за ура-патриотическим криком газет и за палочной муштрой таилась слабость николаевского режима, бездарность начальников и неуверенность их в своих действиях.

Главнокомандующим русской армией в Крыму был назначен бывший генерал-губернатор Финляндии — хилый и придурковатый старик, светлейший князь Меншиков.

И хотя это не имеет прямого отношения к нашему рассказу, тем не менее мы не можем отказать себе в удовольствии сообщить о нем несколько слов.

Знаменитый хирург Пирогов, приехавший в сева­стопольский госпиталь, весьма красочно описал эту историческую личность. Этот главнокомандующий Меншиков по прибытии в Севастополь нарочно выбрал себе вместо приличного помещения какую-то жалкую лачугу. И когда Пирогов зашел к нему представляться, то главнокомандующий встретил его,

как-то странно хихикая, и, не скрывая своего удовольствия, показал рукой на жалкий скарб — дескать, вот он, главнокомандующий и светлейший князь, живет среди такой ужасной бедности. Но ничего, дескать, не поделаешь — война.

А так как главнокомандующий выбрал себе это помещение отнюдь не от скромности и не в силу привычки жить бедно или умеренно, то за этим хихиканьем было ханжество, глупость и шутовство.

Вот в каких жалких сиятельных руках была русская армия.

Что же касается техники, то тут Россия стояла на исключительно низком месте. Войска имели устаревшие берданки, в то время как союзная армия была вооружена нарезными ружьями — штуцерами.

Что же касается флота, то несколько наших парусных кораблей не осмеливались даже показать в море своего носа, так как у крымских берегов плавали быстроходные и прекрасно вооруженные английские фрегаты. Черное море было полностью в руках союзников. Огромный их флот находился вблизи Севастополя. А в те дни, о которых идет речь, только у Балаклавы скопилось свыше тридцати различных судов.

Этот маленький заштатный приморский городок Балаклава во время осады Севастополя играл крупную роль. Он был укреплен, и там были сосредоточены военные припасы и склады союзников. Там же находилась главная квартира английского командования. В балаклавскую гавань ежедневно прибывали суда из Франции и Англии.

3. ПЕРВЫЙ РЕЙС

И вот в ноябре 1854 года в Балаклаву прибыл с ценным грузом новый английский пароход «Принц». Он привез для армии теплую одежду, медикаменты и, как говорят, тридцать бочонков золота в английской и турецкой валюте на сумму свыше двух миллионов рублей для уплаты жалованья войскам.

Прибывший «Принц» был новенький, только что построенный трехмачтовый винтовой пароход. Это была краса и гордость английского флота. Он имел около трех тысяч тонн водоизмещения и был оборудован по последнему слову техники.

Он с честью выполнил свой первый рейс. И утром 8 ноября подошел к Балаклаве.

Однако прибытие его в Балаклаву сразу же омрачилось неудачей.

Дело в том, что балаклавская бухта весьма длинная и узкая, и гавань ее не приспособлена для приемки многих судов. По этой причине большинство кораблей, дожидаясь своей очереди, останавливалось на рейде у входа в бухту.

То же самое сделал и «Принц». Он подошел к устью балаклавской бухты и отдал якоря.

Но тут случилось непредвиденное происшествие, которое мы просим запомнить ввиду его исключительной важности для дальнейшей судьбы «Принца».

Первый отданный якорь вместе с канатом неожиданно ушел в воду.

Тогда тотчас отдали другой якорь, но и этот якорь тоже моментально был потерян в воде. В общем, в течение пяти

минут пароход потерял оба своих якоря на глубине примерно тридцати пяти саженей.

Совершенно очевидно, что ни один из канатов не был приклепан к барабану, на который навертывался канат.

Так или иначе, английская книга «Последняя кампания», изданная в 1857 году, говоря об этом случае с «Принцем», добавляет, что такая потеря якоря — «это очень обыкновенная вещь на вновь построенных кораблях, поспешно приготовленных для выхода в море».

4. НА РЕЙДЕ

После потери двух якорей «Принц» ушел дальше в море и временно пришвартовался к корме корабля «Эвон».

И тогда капитан Христи в сопровождении лейтенанта королевского флота Хитченсона отправился к начальнику порта капитану Декру с сообщением, что «Принц» потерял свои якоря и нельзя ли поэтому им тотчас войти в гавань.

Однако капитан Декр отказал в этом. Он сослался на то, что гавань слишком забита кораблями и пока тут нет места для стоянки «Принца».

Тогда (как сообщает «Последняя кампания») капитан Христи указал на место, где он мог бы поставить свой пароход. Но капитан Декр категорически отказался от этого. Он сказал, что свыше тридцати кораблей дожидаются своей очереди у входа в бухту. И что порт даст «Принцу» новый якорь, с тем чтобы пароход пока оставался в море.

10 ноября в Балаклаву прибыл генерал-квартирмейстер и приказал срочно начать разгрузку «Принца», так как прибывший груз был сейчас крайне необходим для войны.

Однако начальник порта Декр сказал, что разгрузка сейчас невозможна ввиду сильного волнения, но в ближайшие дни это произойдет, или же он примет «Принца» в гавань.

11 ноября капитан «Принца» Христи снова явился к начальнику порта и настойчиво просил войти в гавань, так как, по его мнению, было рискованно оставаться в море на одном якоре.

Тогда капитан Декр резко сказал: «Вас ожидает судьба капитана “Резолютт” господина Левиса, которого я вчера арестовал за слишком настойчивое домогательство войти в гавань. Я вам заявляю: “Принц” останется в море до тех пор, пока не выйдет из гавани пароход “Виктория”».

Эти слова капитана Декра неожиданно оправдались. «Виктория» из гавани не вышла. Она во время шторма затонула в бухте, столкнувшись с французским кораблем «Эвон». И «Принц» остался в море навсегда.

5. СТРАШНЫЙ УРАГАН

В полдень 11 ноября погода резко изменилась. Подул свежий юго-западный ветер, небо покрылось низкими тучами, и на море поднялось сильное волнение.

12 ноября ветер и волнение усилились. И все корабли, стоявшие на рейде, принуждены были отдать оба якоря и вытравить свыше ста саженей каната.

И так как «Принц» имел один якорь, то он поднял пары и этим уравновешивал свою стоянку.

13 ноября ветер не уменьшался. Барометр падал, и можно было ожидать значительного шторма. И находившиеся на рейде корабли стали готовиться к этому.

Несколько же кораблей, предвидя жестокий шторм, ушло в открытое море, чтобы не быть вблизи скал балаклавской бухты.

Но вот на рассвете 14 ноября барометр упал с такой невиданной быстротой, что это многих привело в замешательство.

В семь часов утра хлынул сильнейший дождь, ударила молния, и юго-восточный ветер с неслыханной силой пронесся над Балаклавой.

Этот порыв ветра сорвал крыши со многих домов и опрокинул почти все лагерные палатки.

Яростный шквал начал трепать корабли, находившиеся в море.

Ветер стал усиливаться еще больше, и он усиливался до тех пор, пока не превратился в ураган такой огромной силы, что на море поднялся невообразимый хаос. Пенящиеся столбы воды поднимались к небу. И водяной смерч крутил корабли, которые героически боролись против чудовищной силы. Казалось, что уже ни для кого не было спасения, и корабли один за другим стали терпеть бедствия.

Но вот к девяти часам утра неожиданно наступило затишье. Ветер стих. И волнение на море стало слегка ослабевать. И всем показалось, что ужасное испытание кончилось.

Но вдруг в начале десятого часа слабый южный ветер перешел в восточный. И опять, как и в первый раз, ветер этот стал усиливаться и снова превратился в ураган.

«Был такой ураган, которого никогда не видели в Англии», — сообщает очевидец катастрофы.

Снова на море поднялся невообразимый хаос.

И тут вся масса кораблей, загнанная прежним ветром к северу, неудержимо понеслась к скалам. Причем ветер и волны были такой неслыханной силы, что ни о каком сопротивлении не могло быть и речи.

И вот около тридцати судов разных конструкций — от маленьких парусных кораблей до огромных и мощных транспортов — почти одновременно очутились на краю гибели.

6. ГИБЕЛЬ ЭСКАДРЫ

Огромные и отвесные скалы окружали внешний рейд. Тут, в этом месте, нигде не имелось отлогого берега, куда в крайнем случае можно было бы выброситься.

И тогда, увидя это, некоторые из кораблей в своем стремительном ходе пытались как-нибудь проскочить в узкое горло бухты, с тем чтобы избегнуть скал. Но никому из них не удалось это сделать.

Впрочем, один французский корабль — «Эвон» — сумел проскочить в бухту, но он тут же столкнулся с пароходом «Виктория». И удар был так велик, что оба эти судна почти сразу затонули.

Все другие попытки проскочить в бухту не увенчались успехом. И эти корабли с мужественными капитанами погибли наравне с теми кораблями, которые без сопротивления отдались на волю ветра.

Итак, все тридцать кораблей один за другим стали разбиваться о скалы. И это был исключительный и беспримерный случай во всей истории мореплавания.

Одна английская газета того времени, сообщая о гибели флота в Балаклаве, уклончиво говорит: «Агенты адмиралтейства нуждались в благоразумии и в познаниях».

Вероятно, эти слова следует понять в том смысле, что английское командование допустило громадную ошибку, приказывая приходящим судам останавливаться вблизи балаклавских скал. Впрочем, вероятно, во время войны нельзя было учитывать все правила морского дела.

Так или иначе, тридцать кораблей почти со всеми людьми погибли в течение менее чем одного часа.

И вместе с этими кораблями, пятым по счету, погиб пароход «Принц». И гибель этого великолепного парохода была еще более ужасна.

Сейчас почти в точности можно восстановить картину этой гибели.

Несмотря на то что «Принц» поднял пары в полную силу, он один из первых стал дрейфовать, так как у него был всего один якорь. И он один из первых стал приближаться к скалам. В этот опасный момент команда принялась рубить мачты.

И тогда капитан парохода пытался взять направление в бухту, с тем чтобы проскочить в нее. И он сумел уже повернуть

пароход так, как это следовало. Но в этот момент упала срубленная бизань-мачта, и обломки ее повисли за кормой. И тут оказалось, что такелаж этой мачты запутался в винте и остановил его вращение. И тогда судьба «Принца» была решена.

С огромной быстротой он приблизился к скалам и после трех ударов о скалы затонул.

Первый удар (по рассказам того времени) был сравнительно слабый, и мощный корабль, казалось, противостоит этому. Но после первого удара корабль поднялся на вершину гигантской волны и с колоссальной силой ударился боком об отвесные камни.

И после этого в течение нескольких минут все было кончено.

Еще раз разбитый «Принц» был приподнят на гребень волны и снова был брошен о скалы. После чего он, распавшись на куски, скрылся в волнах, по-видимому около самого входа в бухту.

Вместе с «Принцем» погибло сто пятьдесят человек команды.

Только троим удалось спастись. И то трудно представить, каким образом им это удалось. Скалы были так отвесны, что тут не было возможности выбраться на берег. По всей вероятности, эти моряки выбросились в море не в том месте, где разбился корабль, и не тогда, когда он разбивался, а значительно ранее, при первом движении корабля к скалам.

В старинной печати есть указание, что моряки с «Принца», оставшиеся в живых, спаслись, привязав себя к спасательным ракетам.

7. СОКРОВИЩА ПОГИБШЕГО КОРАБЛЯ

Итак, примерно к десяти часам утра все было кончено — разбитый «Принц» со своим золотом и ценным грузом лежал на дне.

Еще несколько часов после этого ураган свирепствовал на море. И хотя в полдень ветер переменился, однако буря не унималась. Стало холодно. Пошел мокрый снег. И снежная буря продолжалась до вечера.

Но к вечеру почти все стихло.

А утром на другой день море было спокойно. Ветра не было. Сияло солнце. И казалось, что тут ничего не произошло. В то время как тут вчера разыгралась такая катастрофа, какая редко когда бывает... Треск ломающихся кораблей. Ужасные крики людей... Взрывы бомб и снарядов от страшных ударов о скалы... Все это заглушалось неистовым воем и гулом урагана. Трудно даже отчасти представить себе картину этой невероятной катастрофы.

Уже одно обстоятельство, что многие из кораблей при своем приближении к скалам делали попытки проскочить в очень узкое и извилистое горло бухты, — уже одно это придает катастрофе ужасный, трагический и небывалый характер.

Так или иначе, погибло тридцать кораблей почти со всеми людьми.

И гибель этих тридцати кораблей была огромным ударом для союзников.

Все иностранные газеты и журналы того времени не скрывали своей печали и огорчения. Но особенно вся печать

жалела, что погиб лучший корабль английского флота — «Принц», который вез зимнюю одежду для армии, снаряжение, медикаменты и другой ценный груз.

Кстати сказать, прямого указания на гибель золота в печати того времени не было. Но это, конечно, весьма понятно, — это, по-видимому, объяснялось военным временем и желанием скрыть и смягчить потери.

Зато все газеты, оценивая погибший груз, называли исключительно высокие суммы — до пяти и шести миллионов рублей. И это уже одно многое говорило.

Вся же дальнейшая печать (в особенности печать конца прошлого столетия и начала нашего) полна сообщениями о погибшем золоте.

И даже все официальные справочники, энциклопедии, морские сборники, путеводители по Крыму и книги по Крымской войне, почти все они сообщали о гибели «Принца» с грузом золота, которое было привезено для уплаты жалованья английским войскам.

Однако какая именно сумма погибла, никто в точности не указывал.

Например, Большая энциклопедия изд. «Просвещение» сообщает, что «бочонки с золотом на огромную сумму пошли ко дну вместе с пароходом».

Сборник «Русское судоходство» (за 1896 г.) пишет, что «корабль вез, как известно, двести тысяч фунтов стерлингов».

Журнал «Природа и люди» (1911) говорит, что «на этом корабле было до десяти миллионов рублей одной золотой монеты».

«Путеводитель по Крыму» (1903) указывает, что золота было в двадцати бочонках на сумму около пяти миллионов.

Во всяком случае, этот разноречивый в цифрах говорит за то, что подлинная сумма никому в точности не была известна.

Однако признавалось, что наиболее правильная цифра указана в английской книге «Крымская война» (1877). Там было сказано, что «Принц» вез пятьсот тысяч фунтов стерлингов и теплую одежду.

Вот эта сумма в пять миллионов рублей золотом и была, так сказать, закреплена за погибшим «Принцем».

8. «ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ»

И вот через несколько лет после Крымской войны начались поиски этого золота.

Кажется, все народы — итальянцы, французы, немцы, норвежцы и американцы — пробовали свои силы в этом деле.

Однако водолазные работы в то время стояли на очень низкой ступени. Глубоководные спуски были почти не по силам. Специальные ныряльщики не могли находиться под водой более одной-двух минут. А специальный водолазный колокол, в котором опускали сидящего там водолаза-наблюдателя, также не позволял сколько-нибудь нормально работать под водой.

И нет ничего удивительного, что при такой водолазной технике поиски золота не увенчались успехом.

Однако после того как появился первый водолазный костюм (скафандр), начались более энергичные поиски «Принца».

В 1875 году во Франции было даже учреждено большое акционерное общество по подъему «Принца». Причем это акционерное общество на паях обладало весьма, по тем временам, значительным капиталом.

Но результаты не вознаградили огромных денежных затрат. Французские водолазы отыскивали свыше десяти затонувших и разбитых кораблей, однако среди них не оказалось «Принца», на которого рассчитывали акционеры.

Эта неудача объяснялась огромными трудностями водолазного дела. Корабль искали на глубине тридцати-сорока саженей. А эта глубина в то время была, так сказать, не освоена водолазами, и, по рассказам того времени, когда водолазов поднимали из воды, у них кровь капала из глаз и ушей и даже просачивалась сквозь кожу груди и рук.

Естественно, что при таких условиях поиски золота ни к чему не привели.

Тем временем вокруг «Принца» стали расти слухи и стали создаваться легенды.

Сумма погибшего золота постепенно возрастала и дошла наконец до шестидесяти миллионов.

Эта цифра, кстати сказать, указана писателем А. Куприным. Он был в Балаклаве в то время, когда итальянская экспедиция разыскивала затонувший корабль. И писатель в своих «Листригонах» указывает, что «погибшее золото достигало огромной суммы — шестидесяти миллионов рублей звонким английским золотом».

Но эти строчки были уже из области беллетристики, так как для этого купринского золота, по подсчету специалистов, потребовалось бы около тысячи трехведерных бочонков, что вряд ли было возможно для перегруженного «Принца».

В общем, вокруг «Принца» стали создаваться сказки и легенды. И сам «Принц» неожиданно стал называться «Черным принцем».

Это романтическое наименование вошло почти во все официальные бумаги, путеводители и справочники.

Мы не знаем, как именно возникло это наименование. Возможно, что кто-нибудь из предпринимателей, в раздражении от неудач, назвал его черным кораблем. Тем более, что дубовые обломки затонувших кораблей были черны от времени, это был «мореный дуб». Но, может быть, это имя дали ему в честь исторического героя — принца Уэльского, который жил в XIV веке и назывался «Черным» по цвету своего рыцарского вооружения. Этот принц умер ранее своего отца, и он не царствовал. Он умер от меланхолии и от несчастий, которые преследовали его в последние годы жизни. И в истории он известен под именем «Черного принца».

Так или иначе, погибший корабль получил такое же печальное и трагическое наименование — «Черный принц».

9. ИТАЛЬЯНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Однако неудачи не всех обескуражили. В 1901 году в Балаклаву прибыла новая иностранная экспедиция под руководством изобретателя подводного аппарата инженера

Джузеппе Рестуччи. Это была итальянская экспедиция. Она работала в Балаклаве около года. И мы на этой работе должны немного остановиться, так как это имеет значение для дальнейшего.

Впрочем, несмотря на то, что после этих работ прошло всего тридцать пять лет, оказалось, что весьма трудно восстановить сейчас некоторые подробности, связанные с этими работами.

Тридцать пять лет — это огромный срок в человеческой жизни. За этот срок почти полностью меняется, так сказать, «личный состав людей». И те немногочисленные свидетели, которые были в 1901 году в сознательном возрасте и которые сейчас могли бы рассказать об этих работах, стали забывчивы и склонны к фантазиям.

Во всяком случае, показания этих живых свидетелей не совпадают. И даже место работ над «Черным принцем» сейчас не удастся в полной точности установить. Впрочем, большинство указывает, что итальянцы начали тралить в двадцати саженях от Белых Камней. И что «Черный принц» был ими найден именно здесь, на глубине 35 сажен.

Писатель Куприн также указывает, что работы итальянцев производились возле Белых Камней.

Но то, что итальянцы отыскивали здесь на дне моря, — вот это установить сейчас оказалось чрезвычайно затруднительным.

Даже наиболее яркое происшествие в дни розыска было теперь либо позабыто, либо украшено фантазией. Речь идет о медных буквах, снятых итальянцами с найденного судна.

По рассказам некоторых свидетелей, итальянские водолазы, найдя разбитый и засосанный песком корабль, сняли с

его кормы металлические буквы — остаток названия корабля. И что, найдя эти буквы, итальянцы устроили торжественный обед, так как эти буквы будто бы в точности устанавливали, что найден именно «Черный принц».

Однако один из живых свидетелей, севастопольский житель П. И. Григорьев, сообщает (в 1927 году), что никаких букв не было найдено. Он, дескать, присутствовал при этих работах и ежедневно перевозил итальянцев на своем ялике и, несомненно, знал бы об этой важной находке. Он подтверждает, что итальянцы однажды устроили торжественный обед в честь найденного «Черного принца», но это не было в связи с буквами.

Другой очевидец, К. М. Иванов, бывший в то время командиром пограничного отряда в Балаклаве, утверждает, что буквы были медные, размером до пяти вершков вышины. И он видел эти буквы. Сначала найдена была одна буква, а затем еще три. Но какие именно буквы — он не помнит. Этим словам можно было бы вполне поверить. Наверяд ли человек стал бы до такой степени фантазировать. Однако имеется еще одно показание, которое подвергает сомнению всю историю с четырьмя буквами.

Речь идет об очерке Куприна «Листригоны». Писатель сообщает, что были найдены четыре буквы: ...ck Pr..., то есть буквы от английского названия: «Black Prince» — «Черный принц». Но так как «Черный принц» получил свое название только в легенде и корабль назывался на самом деле просто «Принц», без эпитета «Черный», то вся эта история с буквами ничего дельного не говорит.

10. ПОИСКИ

Впрочем, можно допустить, что итальянцы нашли какое-нибудь доказательство, которое подтвердило правильность их поисков. Тем более, что все свидетели почему-то ярко запомнили праздничный обед в честь найденного корабля.

«Была на барже (сообщает один из очевидцев) устроена легкая закуска и выпивка, и вечером вся команда итальянцев расхаживала по берегу навеселе».

Исторического факта этой выпивки мы, конечно, опровергать не будем, но что касается букв, то это нельзя считать установленным. Даже если буквы и были найдены, то еще неизвестно, принадлежали ли они к названию «Принца».

Из найденных итальянскими водолазами вещей особенно всех взволновал очень тяжелый, запаянный металлический ящик $\frac{3}{4}$ на $\frac{1}{2}$ аршина. Огромный вес этого ящика говорил за то, что там могло быть золото. Этот ящик был вскрыт с большим трепетом. Но оказалось, что в ящике были свинцовые, сильно сплюснутые пули.

Кроме этого ящика, были найдены: подозрительная труба, куски железа, разломанная винтовка, деревянные части корабля, якоря и прочие мелкие части разбитого судового набора.

Все это итальянцы грузили в трюм своего парохода.

Особенно интересных и ценных находок не было. Возможно, и даже скорее всего, это объясняется необычайно трудными условиями работы. Водолаза поднимали из воды страшно изможденного, покрытого испариной. Он дышал тяжело и был близок к обморочному состоянию. Так что это

была скорей пытка водой, чем сколько-нибудь нормальная работа водолаза.

Водолазный аппарат был тяжел и крайне неудобен. Передвигаться на дне было нельзя. И по данному сигналу водолаза при помощи тросов передвигали с места на место. При чем вся подводная работа производилась лежа на животе.

Вот как описывается этот варварский аппарат в «Листригонах»: «Это был страшный футляр, отдаленно напоминающий человеческую фигуру без головы и без рук. Футляр сделан из толстой красной меди и покрыт снаружи голубой эмалью. Этот футляр раскрыли, как гигантский портсигар... Водолаз боком втиснулся в него... Снаружи свободными оставались только руки, все тело вместе с неподвижными ногами было заключено в сплошной голубой эмалевый гроб громадной тяжести. Голубой шар с тремя стеклами скрывал голову»...

Этот дьявольский снаряд господина Рестуччи опускали на дно, на глубину сорока саженей. Подъем и спуск продолжался по полтора часа.

В общем, при таких условиях работать на дне было почти невыносимо. И нет ничего удивительного, что итальянская экспедиция не могла найти золото, даже если бы оно там лежало на видном месте.

Так или иначе, весной 1903 года итальянский пароход, груженный незначительным мусором, отбыл из Балаклавы.

Тайна «Черного принца» не была раскрыта, и снова возникла твердая уверенность, что найденный итальянцами корабль не был «Принцем». И это предположение через несколько лет подтвердилось.

Тот же господин Рестуччи снова прибыл в Балаклаву в 1905 году, признав, что прежние его поиски неправильны.

И он снова нашел какой-то пароход, о котором он писал в донесении: «Я наконец отыскал пароход, по-видимому “Черный принц”, так как на его борту я нашел целый арсенал орудий, пушек и т. д. ... Приступаю к работе...»

Однако золота на этом пароходе не было, да и был ли это «Черный принц», тоже оставалось под большим сомнением, так как никаких особых доказательств не удалось обнаружить.

В общем, инженеру Рестуччи и во второй раз не посчастливилось раскрыть тайну «Черного принца».

11. ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА

После отъезда итальянской экспедиции в министерство торговли и промышленности буквально посыпались всякого сорта заявления с просьбой предоставить право на розыски «Черного принца».

Мысль, что несколько миллионов золота лежат где-то под рукой, не давала покоя многим инженерам, изобретателям и авантюристам.

Но заграничные дельцы постарались «обскакать» русских предпринимателей. Особенно с бурной стороны проявил себя некто Герман Молво.

Этот Молво был, по его словам, представителем в России «Генуэзского общества для подъемов и работ на больших глубинах воды».

Этот энергичный человек (судя по архивным материалам) сумел перешагнуть все бюрократические трудности и, несмотря на громадные мытарства, ухитрился достать разрешение на подъем «Черного принца».

Что трудности были велики, можно судить хотя бы по такой резолюции, которая была поставлена на прошении главноуправляющим торговым мореплаванием великим князем Александром Михайловичем: «Работы по подъему затонувшего корабля могут стеснить деятельность Черноморской эскадры и плавание судов вообще, ввиду чего отказать просителю».

И вот, несмотря на такие трудности и несмотря на целый ряд отечественных просителей, иностранец Герман Молво, взволнованный золотой лихорадкой, пробился сквозь все преграды и приступил к работам.

Он в течение трех лет рыскал по балаклавской бухте и, не найдя злополучного парохода, умер, так сказать, естественной смертью. Но род его не угас.

Достойный его сын и наследник Фридрих Молво не уронил знамени этой экспедиции и продолжал идти по стопам своего отца. Но его полезная деятельность вскоре пресеклась по неожиданным обстоятельствам.

Министерство торговли и промышленности навело справку об этом представителе, и генуэзский генеральный консул ответил, что «в Генуе вообще не существует “Генуэзского общества для подъема и работ на больших глубинах воды”, а потому никакого агента в России не должно быть».

На этом частная экспедиция Молво прекратила свое существование, к радости всех наших отечественных дельцов, которые стали уже более энергично требовать разрешения на розыск «Черного принца».

Некоторые предприниматели, обуреваемые жадной разбогатеть, спекулировали на патриотических чувствах. Некто горный инженер Рудников писал в своем заявлении: «Я, русский по происхождению и русский подданный, живу и жил всегда в России, а потому в случае извлечения золота эти деньги останутся в России, и ими будут пользоваться и другие русские люди, а не я только один».

Другой предприниматель, «потомственный дворянин Друганов», не зная, как уж ему подольститься ко вкусам министерства, писал в прошении в таком квасном стиле: «Я не собираюсь привлекать иностранные фирмы, а равно пользоваться заграничными приспособлениями, а буду работать только отечественными средствами и только русскими людьми...»

Некто А. Черкасов писал в заявлении: «Имею честь предложить вам изобретенный мною способ поднятия грузов со дна моря... Прошу исходатайствовать мне рублей триста денег на постройку модели и на проезд взад и вперед от Ташкента до С.-Петербурга».

Другой гражданин, служащий Рязанско-Уральской железной дороги Ф. Григорович, пишет в министерство: «В настоящий век каждый сознает, что деньги нужны всем и всюду. И я надеюсь, что и наше правительство не замедлит

использовать таковую сумму, если только окажется возможным ее достать. Но в этой преграде я чувствую себя способным оказать свои услуги в подъемке парохода. Я надеюсь поднять пароход в течение одного месяца при затрате не более трех тысяч рублей. Моя идея для вас кажется сказочной или бредом больного, но я надеюсь оправдать свои слова, когда меня допустят к делу».

Перед нами еще целый десяток любопытных заявлений и просьб, но мы ограничимся этим, поскольку картина и без того получается довольно ясная.

Министерство промышленности не знало, кому отдать предпочтение, и по этой причине складывало все эти прошения в стол. И золотая лихорадка, которая многих трепала, переносилась, так сказать, в стадии внутреннего заболевания.

Изобретатели, инженеры, дельцы и авантюристы в течение нескольких лет обивали пороги министерства. Но вот наконец чиновники из министерства нашли прекрасный выход — кому дать разрешение. Решили предложить конкурентам обозначить размер долевого отчисления в пользу казны. И кто укажет больший процент отчисления, тот и получит право на подъем сомнительного клада.

Но так как на все эти предварительные процедуры ушло весьма много времени, то ничего путного из этой идеи не получилось, тем более, что вскоре разразилась европейская война, которая надолго прекратила золотую лихорадку.

12. СОВЕТСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Война и революция надолго отвлекли внимание от «Черного принца». Но в 1922 году один из ныряльщиков-любителей достал со дна моря несколько золотых монет, и тогда снова о «Принце» заговорили с удвоенной энергией. Мирровая общественность снова заинтересовалась английским золотом, лежащим на дне моря. В германской печати появилось язвительное сообщение, что золото «Черного принца» если и не было найдено, то исключительно из-за некультурности и отсталости России. И что страна никуда не годится, если у нее на дне моря лежат позабытых пять миллионов.

В это время один феодосийский фельдшер, некто Томп, желая принести пользу государству, подал в военный комиссариат заявление, в котором указал, что на дне Черного моря лежит шестьдесят миллионов в золотых дукатах. Фельдшер указал (без знания дела), что «Черный принц» лежит там, где его искали итальянцы, — в самой бухте (!) и что следует устроить дамбу у входа и выкачать воду из бухты, понизив уровень воды на десять сажений. За этот фантастический проект фельдшер просил устроить его на краткосрочные курсы в университет с предоставлением ему пособия.

Не знаем, закончил ли фельдшер свою учебу, но «Черный принц», согласно письменному указанию, не разыскивался.

Однако примерно в это же время (1923) некто В. С. Языков явился в ОГПУ республики и просил предоставить ему помощь, чтобы достать золото с «Черного принца». В. С. Языков принес с собой целую папку бумаг и документов, в кото-

рых излагалась история гибели «Принца» и подтверждалась отправка золота. Причем указывалось, что золота было на сумму пятьсот тысяч английских фунтов.

В марте 1923 года было решено организовать небольшую экспедицию для этой цели. И хотя считалось недоказанным нахождение ценностей на «Черном принце», тем не менее было решено приступить к подводным работам для поисков легендарного золота.

Помимо конкретной своей задачи, эта экспедиция могла быть полезна на Черном море во многих отношениях. В каждом порту Черного моря было целое подводное кладбище затонувших и затопленных кораблей. Для водолазов здесь было немало работы. Впрочем, в момент организации экспедиции это, видимо, не принималось в расчет, и основная задача была поставлена: найти затонувшее золото.

Тем более интересно и поучительно проследить, как советская экспедиция, отправившаяся за сказочным золотом, постепенно отбрасывала романтику и шаг за шагом становилась на путь реальных возможностей.

И когда наконец надежда найти золото стала отдаляться, экспедиция не только не погибла, но, наоборот, все более и более стала крепнуть и стала завоевывать те новые позиции, которые в дальнейшем создали экспедиции столь славное имя: Эпрон.

Но не будем забегать вперед. Скажем только, что в марте 1923 года была организована экспедиция особого назначения (Эпрон). И эта экспедиция в том же году приступила к подготовительным работам.

Решено было построить такой подводный снаряд, который можно было бы спускать на большие глубины для производства работ.

13. РАБОТА ЭПРОНА

И вот помощнику начальника Особого отдела Л. Н. Мейеру было дано распоряжение в наикратчайший срок подготовить экспедицию, с тем чтобы уже предстоящим летом начать подводные работы.

И тогда инициативная группа в составе Языкова, Карпович и инженера Даниленко приступает к делу.

Инженер Даниленко создает проект глубоководного снаряда.

Этот снаряд — особого вида подводный колокол, в котором могут поместиться три человека. Причем снаряд может опуститься на глубину до восьмидесяти саженей. Воздух подается по шлангу. Другой шланг служит вентиляцией. Внутри снаряда имеется электрическое освещение и телефон.

Сам же аппарат имеет особые выдвигающиеся руки с двумя пальцами. Так что находящиеся в аппарате могут управлять этими руками. И пальцы, подобно клещам, захватывают то, что требуется.

Интересно отметить, что спустя двенадцать лет (в 1935 г.) в Вашингтоне (США) производились опыты с аппаратом, весьма напоминающим этот колокол. Причем конструкция этого аппарата была доведена американцами до совершен-

ства. Этот колокол, вернее — огромный стальной шар с окнами, назван был батисферой. Он рассчитан на глубину до семисот пятидесяти метров.

Опыты дали прекрасные результаты. Аппарат снабжен специальными прожекторами. «Руки» его — подвижные стальные шланги длиной до двух метров. К этим рукам прикреплялось до двенадцати различных инструментов, с помощью которых водолаз, не выходя из батисферы, мог выполнять самые различные работы на дне моря. Так, например, руки завязывали узлы на тросе, просверливали отверстия в металлической обшивке судна, распиливали железо и рубили дерево. Больше того, американские газеты приводили пример исключительной ловкости рук: стальные руки тасовали колоду карт и раскладывали эти карты на дне океана.

Так что, судя по всему, эту конструкцию ожидает большое будущее.

Но в тот год, о котором идет речь (1923), наша экспедиция строила более простенький аппарат. «Руки» были менее подвижны. И, конечно, о картах не могло быть и речи.

Тем не менее аппарат системы Даниленко по тому времени был исключительным и достойным всякого удивления.

Но пока строился этот снаряд, экспедиция начала подготовительную работу в Балаклаве. Несколько военных тральщиков исследовали дно и производили промеры глубин.

И вот наконец, 2 сентября, сам конструктор инженер Даниленко спускается в своем снаряде на глубину двадцать шесть саженей. Опыт блестяще удается.

В ближайшие же дни снаряд опускается на глубину девятноста пять метров и вслед за этим на сто двадцать три метра. Причем эти спуски явились рекордными не только для России, но и для заграницы.

В общем, с первых чисел сентября начинаются регулярные подводные работы. И при помощи этого снаряда тщательно исследуется все пространство дна Балаклавского залива.

Весь предполагаемый район гибели «Черного принца» был разбит на квадраты (вехами). После чего каждый квадрат тщательно осматривался при помощи этого глубоководного снаряда.

Причем считалось (ошибочно), что узнать «Принца» среди других затонувших судов не представляло труда, так как он был единственным железным винтовым пароходом.

Но тут крылась ошибка, которая многое запутала в этом деле.

Как мы в дальнейшем увидим и документально докажем, «Принц» был не единственный железный винтовой корабль.

Но пока не будем останавливаться на этом обстоятельстве.

Отметим только, что экспедиция с первых же шагов своей работы наткнулась на множество остатков разбитых кораблей. Но все это были деревянные обломки. И экспедиция не слишком задерживалась на осмотре их.

Впрочем, некоторые наиболее «интересные» части кораблей поднимались наверх.

Черноморский торговый флот чрезвычайно нуждался в морском имуществе. И такие предметы, как якоря, цепи, тросы и цветные металлы были драгоценными находками. Так что экспедиция подводных работ с первых же своих шагов невольно отвлеклась от своей прямой работы.

14. ДРУГИЕ ДЕЛА

Между тем проходило лето. Траление подводным снаряжением шло успешно. Однако «Черного принца» нигде найти не могли. На дне моря находили массу деревянных кораблей. Находили тиковые мачты, реи, стеньги, якоря.

Недалеко от входа в бухту нашли даже разбитую турецкую фелюгу, набитую дровами, обросшими ракушками.

Все даже и теперь, через восемьдесят лет, говорило об ужасной, потрясающей катастрофе, которая разразилась у Балаклавы. Для полноты картины не хватало только погибших людей. Но, увы, этот материал оказался самым непрочным из всех материалов, затонувших в прошлом столетии. Изредка находили обрывки шерстяных костюмов и подметки от сапог. Вот все, что осталось от погибших людей!

И так в поисках «Черного принца» прошли весна, лето и осень.

Но знаменитый пароход так и не был найден.

Однако экспедиция не растерялась от этой своей первой неудачи. И еще летом (1924), увидев, что дело затягивается,

экспедиция одновременно с поисками «Черного принца» стала заниматься «другими делами».

Эти «другие дела» были: подводные работы по розыску и подъему морского имущества.

Однако балаклавская бухта в этом смысле не могла много дать. Более интересна была севастопольская бухта, которая была буквально забита затонувшими баржами и кораблями.

Тут на дне моря лежало не менее ценностей, чем золото «Черного принца».

И вот экспедиция, учитывая это, стала постепенно производить работы по подъему этого имущества.

Экспедиция, отклонившись от своей прямой задачи, стала энергично работать и совершенствовать свою работу в севастопольской бухте. Из экспедиции по розыску золота Эпрон постепенно становился судоподъемной организацией. И это был, повторяем, реальный и правильный путь, который вывел экспедицию с романтической дороги на дорогу огромных побед и достижений.

В общем, в течение года было поднято множество мелких судов, катеров и пароходов. И в короткое время Эпрон стал приобретать большой опыт в подводных работах.

Постепенно накапливалось водолазное имущество. Образовались значительные кадры превосходных водолазов.

При таком обороте не могло быть и речи о роспуске экспедиции, которая хотя еще и не выполнила конкретной задачи — не нашла золота, — но зато нашла и сохранила имущество на огромную сумму.

И это был удивительный факт, который показал, как правильно экспедиция умела маневрировать и перестраиваться согласно требованиям жизни и обстоятельств. Ведь легче всего было растеряться и совсем свернуть работу после неудач целого года. Но этого не случилось.

Вместе с тем «Черный принц» не был позабыт. Командование разделило экспедицию на две группы: одна, небольшая балаклавская, группа продолжала розыски «Черного принца», а перед другой, более мощной, севастопольской, группой была поставлена новая задача — подъем больших судов и подводных лодок, затопленных интервентами в 1920 году.

15. НАХОДКА

В такой работе прошел год.

Балаклавская группа под руководством доктора Павловского продолжала обследовать дно. Но вместе с тем этой группе было поручено подготовить новые кадры подводных работников.

И вот доктор Павловский лично производил занятия с молодыми водолазами.

В ноябре 1925 года во время этих занятий водолазы подняли со дна моря какой-то огромный, с чугунными дверцами железный ящик, который после тщательного исследования оказался паровым котлом допотопной конструкции.

Эта находка была сделана на восьмисаженной глубине.

Тотчас были еще спущены водолазы, которые стали обследовать дно. Кроме этого котла, найдены были еще три разбитых котла и пароходная дымовая труба.

Стали обследовать дальше. И вот оказалось, что тут, под обломками скал, лежал совершенно разбитый и разметанный по дну, обшитый железом паровой корабль.

Это были скорее бесформенные обломки корабля.

В хорошей форме сохранилась только часть железного корпуса с тремя иллюминаторами. Все остальное было разбито, разорвано и завалено глыбами камней. Видимо, когда-то тут рухнула огромная скала, которая и засыпала дно и разбитый корабль своими обломками.

У водолазной группы не оставалось больше сомнений. Это была найдена могила знаменитого, так долго разыскиваемого «Черного принца».

Сомнений в том, что это не был «Черный принц», ни у кого не возникало, так как считалось установленным, что на рейде (в 1854 г.), кроме «Принца», не было паровых, обшитых железом кораблей.

Эта находка была тем более поразительна, что в этом районе никогда не производилось розысков.

Эта находка произвела на всех огромное впечатление. Тотчас со всей энергией начали производить подводную работу в этом районе.

В первые же дни на месте гибели были найдены и подняты из воды: медицинская ступка, ручная граната и несколько кусков железа неопределенного назначения.

Несколько последующих дней дали еще любопытные находки: какие-то медные обручи, несколько неразорвавшихся снарядов, железный рукомошник из офицерской каюты и множество подметок с каблуками. Причем эти подметки обросли травой, а на многих были каменные обрастания.

Розыски эти затруднялись тем, что рухнувшая скала засыпала разбитый корабль огромными глыбами. И почти каждую вещь приходилось доставать с большим трудом.

В общем, балаклавская группа проработала здесь вплоть до декабря.

В конце декабря начались сильные штормы, и дальнейшие розыски пришлось отложить. К тому же выяснилось, что продолжать работу было рискованно, — экспедиция не могла найти новых документальных данных, подтверждавших нахождение золота на «Черном принце».

Было запрошено наше полпредство в Великобритании об английском мнении по поводу «Черного принца».

Наше полпредство ответило Эпрону, что мнения относительно ценности груза расходятся и что-либо установить сейчас крайне трудно, принимая во внимание срок, прошедший со времени этого события. Можно лишь считать установленным, что ценности были, и много вероятности за то, что значительные. Но было ли золото — это остается под вопросом.

Итак, хотя с технической точки зрения подъем «Черного принца» уже не представлял больших затруднений, тем не менее дальнейшая работа признавалась рискованной, тем более что Эпрон к тому времени затратил около ста тысяч

рублей на розыски и у него не было средств для дальнейших операций. Наркомфин же вполне резонно, не имея никаких верных гарантий, отказал в дальнейших субсидиях.

Однако это не повлияло на дальнейшую судьбу «Черного принца». Напротив того, история найденного «Черного принца», как мы сейчас увидим, только начиналась.

16. ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Итак, сомнений не оставалось, — найденные развалины железного парохода принадлежали «Черному принцу».

Больших технических трудностей для производства дальнейших работ, мы повторяем, не было, но экспедиция уже истратила все отпущенные средства, и потому на самом, так сказать, интересном месте работу пришлось прекратить.

Но в это время в Москве находился представитель японской водолазной фирмы, некто Като, который и сделал предложение Главконцессскому «войти в компанию» с Эпроном для разгрузки «Черного принца». Первоначально это предложение было более обширно. Японская фирма предложила свои услуги на судоподъемные работы по всем морям СССР. (Кроме того, фирма желала получить концессии на рыбные промысла.)

Но руководители Эпрона ответили, что весь затопленный в водах СССР тоннаж судов будет поднят средствами советских организаций. Что же касается «Черного принца», то

Эпрон согласен предоставить дальнейшие операции японской фирме.

А надо сказать, что это была знаменитая водолазная фирма под названием: «Синкай Когиоссио Лимитед».

Эта японская фирма отличилась и прославилась тем, что за два года до этого она успешно разгрузила английский пароход, который затонул в Средиземном море с большим грузом золота. Эта водолазная операция, по словам специалистов, действительно показала наивысший класс глубоководной работы.

Английское судно затонуло на глубине свыше сорока саженей. И японские водолазы с огромной быстротой, несмотря на чрезвычайные трудности, с большим блеском и успехом произвели эту работу и подняли из глубины Средиземного моря несколько миллионов золота.

И вот теперь представитель этой прославленной фирмы, молодой японский коммерсант Като, узнав о «Черном принце», чрезвычайно заинтересовался делом и, списавшись со своим патроном, подал заявление в Главконцесском о желании войти «в долю» с Эпронем.

И вот, как мы уже говорили, Эпрон, тщательно обсудив все дело, решил целиком предоставить японской фирме работу над «Черным принцем».

Предоставление этой работы иностранной компании считалось весьма полезным для дела, так как предстояла возможность вблизи изучить водолазную технику, которая у японцев была в то время на необычайной высоте. В то время

японская водолазная техника считалась первой в мире. И в особенности водолазным специалистам было интересно ознакомиться с японской водолазной маской, в которой японцы (без скафандра) могли находиться на громадной глубине в течение семи — десяти минут. В общем, во всех отношениях это японское предложение было интересным и небезвыгодным.

Итак, первоначальные переговоры с японским представителем были вчерне закончены.

Японская фирма соглашалась оплатить Эпрону понесенные расходы в связи с поисками «Принца», и в случае удачи предположено было делить золото на тех условиях, на которых в дальнейшем договорятся обе стороны.

В общем, это были пока черновые наброски. По приезде же главы фирмы все эти вопросы должны были снова обсуждаться уже более подробно, после чего между Эпроним и японской фирмой предполагалось заключить официальный договор.

Договорившись приблизительно на этом, представитель фирмы Като просил по возможности ускорить дело, так как он находится в Москве уже полгода и его отец стал несколько недоверчиво к нему относиться и стал урезывать ему денежные переводы, поскольку он потерял всякую надежду на благоприятный исход переговоров относительно рыбных концессий.

Като чистосердечно добавил, что он прожил в Москве большие деньги и у него единственная надежда, что вопрос о «Черном принце» будет разрешен в благоприятном смысле, иначе он прямо не представляет себе, как он вернется домой.

17. «СИНКАЙ КОГИОССИО»

И вот в марте 1927 года из Японии прибыл в Москву директор и председатель правления этой водолазной фирмы — мистер Катаока.

Он прибыл со своим инженером и тремя водолазами.

Представителям Эпрона он заявил, что основная группа в восемнадцать человек, со всем водолажным имуществом, приедет в Москву после заключения договора. Пока же они привезли только самое необходимое для того, чтобы произвести обследование на Черном море, и для того, чтобы показать некоторые свои возможности.

Материальную сторону дела мистер Катаока в основном не стал оспаривать. Он сказал, что его, конечно, в высшей степени интересует этот вопрос и к этому он, несомненно, еще вернется, но пока он не этим занят. Он хочет сначала обследовать место гибели. И, кроме того, он желает показать русскому обществу, на какой степени совершенства находится японская водолазная техника. А уж потом можно будет заняться коммерческой стороной дела.

Катаока с гордостью сказал:

— Наша фирма тем и отличается от других фирм, что мы широко смотрим на вещи. Мелочность не в нашем характере. Мы главным образом заинтересованы, чтоб нам не подорвать наше реноме. А будет ли у нас прибыль на пять процентов больше или меньше — это не является чем-то основным и решающим. Да, конечно, в это дело мы вовлекли много японских финансовых деятелей. И они все жаждут получить

свою прибыль. Но и убыток их не смутит и не доведет до отчаяния. И это тоже плюс нашей фирмы.

Улыбаясь, Катаока воскликнул:

— Но не будем говорить об убытках, — мы вполне надемся на счастливый исход дела! Поднятие золота со дна моря — это уже нам нечто знакомое по нашим прежним работам, благодаря которым мы установили свое реноме так высоко, как не смогла до нас сделать никакая другая фирма, существовавшая до нас или даже в наше время.

И тут Катаока солидно добавил:

— В довершение всего мы привезли вам рекомендательные письма о солидности нашей фирмы от двух больших японских банков и от лидера партии, сочувствующей СССР. И когда вы ознакомитесь с этими письмами, вы наглядно убедитесь в справедливости наших слов.

После этой своей маленькой речи корректный и вежливый Катаока сказал, что они желали бы возможно скорей выехать в Балаклаву, для того чтобы без всякого промедления приступить к обследованию и показу технических возможностей.

— Наша фирма не любит ждать и сидеть сложа руки, — сказал Катаока. — А уж если пришло время работы, то мы работаем, как львы, и теряем понятие дня и ночи.

И вот в первых числах апреля группа японцев во главе с директором Катаока и представителем Като прибыла в Балаклаву.

Директор внимательно обследовал балаклавский рейд и место гибели «Черного принца». Сам Катаока не спускался в

море, но его инженер и техник лично обследовали развалины корабля. После чего Катаока сообщил в Токио своим акционерам, что трудностей при разгрузке парохода будет значительно больше, чем предполагено, так как затонувший корабль находится под отвесной скалой и весь корпус его засыпан обломками скалы, среди которых имеются камни весом до шестидесяти тонн и больше. Все эти камни придется убрать, и только потом можно будет приступить к разгрузке.

18. ПОКАЗАТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Это обследование производилось на глубине всего восьми-девяти саженей, так что для показа глубоководных работ японцы специально прибыли в Севастополь, где и демонстрировали свою знаменитую маску. В этой маске (без скаффандра) водолаз мог спуститься на глубину пятидесяти саженей. Причем устройство этой маски было в высшей степени оригинальное. Маска закрывала только глаза и нос водолаза. Рот же и уши оставались открытыми. Причем водолаз брал в рот какие-то небольшие щипчики, которые соединялись с маской. Весь секрет этой маски заключался в умелом и особом дыхании. Воздух качали по шлангу, и водолаз вдыхал носом и, не разжимая рта, выбрасывал его в воду.

В такой маске водолаз без всякого для себя вреда мог находиться до десяти минут на значительной глубине.

Причем поразительно было то, что подъем и спуск водолаза происходили без всяких замедлений. Японец бросался

вниз головой, как ныряльщик, а не как водолаз. И вытаскивали его из воды тоже без всякой страховки на случай «кессонного заболевания».

Сама маска представляла собой толстое овальное стекло в металлическом никелированном ободке.

Директор разрешил внимательно осмотреть маску, но при этом, улыбаясь, сказал, что европейцам с этой маской делать нечего, что эти маски рассчитаны на специфику японского водолаза.

Потирая руки, Катаока с достоинством сказал:

— Европа может сколько угодно рассматривать и изучать эту маску, но воспользоваться ею не представляется возможным. Европейский водолаз не имеет нужного душевного склада. Он под водой склонен к задумчивости. И может так случиться, что, находясь на грунте, он, вопреки необходимости, хотя бы слегка или на секунду откроет рот, и тогда его ожидает печальная участь человека, захлебнувшегося на страшной глубине. С японским же водолазом не может ничего подобного случиться. И, между нами говоря, эта маска рассчитана на него.

В общем, в Севастополе японцы демонстрировали водолазные спуски в этой знаменитой маске.

Работа была действительно изумительная.

Японский водолаз (почти голый), маленький и худенький, опоясался тяжелым поясом и, надев на лицо маску, бросился в воду вниз головой.

Ему была дана задача обследовать положение подводной лодки «А. Г.-2», затопленной англичанами в 1920 году. Глу-

бина, на которой лежала лодка, доходила до тридцати саженей. Причем водолазы не сказали даже, каков тип судна.

До этого наши водолазы спускались несколько раз, но ввиду большой глубины не могли в точности установить, в каком положении была лодка.

Через пятьдесят секунд японец был на дне. Затем по данному сигналу его подняли наверх. Причем весь подъем занял полторы минуты, вместо положенных двух часов.

Итак, водолаз снова на борту. Он спокойно снял с себя маску, сбросил пояс и тотчас ушел в рубку. Тот, кто подумал, что он ушел отдохнуть и привести себя в порядок, ошибся.

Японец вскоре вернулся с листком бумаги, на котором он зарисовал корпус лодки, рубку, рули и число люков. Все было указано в полной точности.

Доктор Павловский осмотрел и выслушал этого водолаза. Никаких изменений в состоянии водолаза не было. И никаких признаков кессонного заболевания не имелось. Оказывается, правильный ритм дыхания (пять вдохов в минуту) предохранял от подводной болезни.

Это была действительно замечательная работа. Она была тем более удивительна, что такая глубина в то время нами была еще не освоена.

В этом смысле приезд японцев сыграл огромную роль, — эпроновцы многому у них научились. И даже спустя несколько лет выполнили глубоководную работу в Средиземном море, от которой отказались японцы. И в этом отношении ученики превзошли своих учителей. Английский пароход, поднятый Эпроном, лежал на глубине семидесяти саженей.

19. ДОГОВОР

После демонстрации своих сил японцы снова вернулись в Балаклаву и занялись тщательным исследованием «Черного принца».

Водолазы вынесли убеждение, что «Черный принц», помимо того, что он завален камнями, еще разбит пополам, причем средняя его часть совершенно отсутствует. Видимо, она уничтожена прибоем и камнями. Нос же и корма, сравнительно в целом виде, находятся на грунте, причем на носу сохранилось даже несколько иллюминаторов.

При обследовании «Черного принца» водолазами было поднято несколько незначительных предметов — воздушный насос, части машин и обломки железа.

Дальнейшее исследование было прекращено вплоть до подписания договора.

Катаока сказал, что трудности по разгрузке предстоят значительные, но тем не менее он соглашается подписать договор.

— Наша фирма «Синкай Когоссио», — сказал Катаока, — не закрывает глаза на трудности в этом деле. Больше того, мы считаем это дело весьма и весьма рискованным. Если бы средняя часть корабля находилась на месте, мы подписали бы договор с закрытыми глазами. Но нас волнует недостающая и наиболее важная часть «Принца». Где она? — мы спрашиваем друг друга. И не находим ответа. А ведь, может быть, именно там и было золото. Короче говоря, мы считаем риск в пропорции двадцать процентов за и восемьдесят против успеха. Тем не менее фирма за свой риск и страх со-

гласна подписать договор. Далеко не в нашем характере избегать того, что связано с риском. Да, мы не хотим терять наше реноме, но зато, если мы это золото найдем, это будет нечто небывалое в этом мире. Фирма, которая то и дело поднимает золото из глубин моря! В прошлом году Средиземное море, в этом году — Черное. Одинаковость ситуации нас заставляет совершать ответственные шаги. Мы, господа, подпишем договор, понимая всю рискованность задачи.

В общем, японцы во главе с Катаока снова вернулись в Москву и занялись составлением договора.

В основном договор сводился к тому, что японская фирма, независимо от дальнейшего, уплачивает Эпрону сто десять тысяч рублей за все его предварительные работы по розыску и обследованию «Черного принца».

Причем компания принимает на себя все дальнейшие расходы. А все поднятое золото делится из расчета — шестьдесят процентов получает Эпрон и сорок процентов японская компания.

«Если же общая сумма будет превышать один миллион, то Эпрон получает пятьдесят семь с половиною процентов, а фирма сорок два с половиною процента.

Распределение поднятых ценностей должно осуществляться каждые две недели. И те предметы, кои по своей природе не могут быть делимы, должны быть по соглашению сторон проданы наивыгоднейшим образом и вырученные суммы распределены между сторонами».

Как видно, договор был составлен весьма удачно и выгодно для нас. Но вместе с тем и японская фирма в случае удачи

без особого труда могла бы получить восемьсот тысяч рублей золотом, поскольку ожидалось найти два миллиона.

Кроме этих основных условий, японская фирма соглашалась безвозмездно передать в собственность Эпрона по одному экземпляру каждого предмета специального технического оборудования.

28 июня 1927 года Совет Народных Комиссаров, рассмотрев этот вопрос, постановил допустить японскую фирму к производству работ по подъему «Черного принца».

И наконец 2 июля договор между сторонами был подписан.

Катаока кратко сказал:

— В ближайшие дни из Токио выезжают восемнадцать человек во главе с нашим старшим инженером Уэки. И с ним едет еще один инженер — тот самый, который имел счастье найти золото в Средиземном море. По приезде этой группы мы тотчас приступаем к работам. Мы горим поскорей начать это дело.

Вскоре из Японии прибыла эта партия японцев, и 15 июля фирма начала свою деятельность в Балаклаве. Причем эта деятельность была совершенно самостоятельна, так как от всякой помощи, предложенной Эпронем, японская фирма отказалась.

— Мы понимаем договор в том смысле, — сказал Катаока, — что мы не вошли в компанию с Эпронем, а нам полностью предоставлено все дело. Такое ведение работ ближе характеру нашей фирмы.

Тем не менее японская фирма согласилась работать совместно с представителями Эпрона. Эти представители

были — доктор Павловский и замуководитель Эпрона тов. Хорошкин.

Но прежде чем приступить к работам, Катаока потребовал, чтобы закупили четыре тонны риса.

— Без этого, — сказал Катаока, — мы не рискуем начать работы. Мы не хотим в такой момент нарушать свои привычки.

Внешторг телеграфом закупил товар в Харбине. И вскоре двести пудов рису было доставлено в Балаклаву.

20. ЯПОНСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ

Итак, 15 июля японская экспедиция приступила к работам. С первых же шагов работа была начата с громадным подъемом, воодушевлением и с невероятным лихорадочным натиском.

Колоссальные глыбы камней весом до пятисот пудов японские водолазы «стропили» под водой в течение десяти — пятнадцати минут.

В сутки поднимали не менее двадцати пяти таких камней. Причем громадные глыбы в тысячу и более пудов не поднимались на поверхность, а паровой лебедкой отводились далее в море. Семь водолазов и 5 ныряльщиков работали безостановочно. Техника работ была блестяща и значительно выше того, что мы предполагали. Мировое первенство японцев по водолазному делу было в то время предоставлено им не зря.

В водолазном деле мы, повторяю, многому научились у японцев. Мы научились у них быстро ходить по морскому дну и восприняли их энергичный стиль работы. Однако в их работе несколько удивлял, пожалуй, невероятный азарт и лихорадочная нервность, которая срывалась подчас в болезненное раздражение. Это был их значительный дефект.

Азарт же был велик, и он усиливался шумом, который был поднят вокруг этих работ. Вся мировая печать интересовалась этим делом. Репортеры и работники кино ежедневно приезжали в Балаклаву с надеждой узнать сенсацию. Это была в полной мере золотая лихорадка.

Катаока сам лично, не имея на то привычки, но захваченный общей горячкой, два раза спускался на дно, без всяких, правда, результатов для дела. Опускались также его инженеры и техники. И даже впервые в жизни спустился главный инженер Уэки, отдавая этим, так сказать, дань серьезности момента.

Катаока руководил всеми работами чрезвычайно энергично, и даже, пожалуй, излишне пылко. Он входил в каждую мелочь, вмешивался решительно во все, но при всем этом было видно, что он не самый главный человек в экспедиции. Некоторые его распоряжения не исполнялись. И некоторые советы его оставались без внимания. Хотя сам он пользовался исключительным уважением и любовью.

Главный инженер Уэки, при всей его энергии и прекрасном знании дела, также не являлся главным руководителем в процессе работы.

Что же касается инженера, имевшего счастье найти золото в Средиземном море, то он вообще особой роли в экспедиции почему-то не играл. Это был довольно вялый и задумчивый японец. Сначала он горячо приступил к делу, но вскоре остыл и следил за работами отчасти даже без интереса. По-видимому, он был чем-то болен. Но, может быть, они его взяли с собой как талисман, для счастья и удачи в делах. Во всяком случае, к нему относились почтительно и старались ничем не потревожить его задумчивости.

Душой же дела были три водолаза. Из них один — Вакино — был, как говорят, главный акционер фирмы. Он пользовался исключительным вниманием и авторитетом, и все его замечания исполнялись беспрекословно.

Два других водолаза — Иси и Яомато — были менее влиятельны и менее богаты, чем Вакино, но и они имели большой вес в экспедиции. И, так же как и Вакино, они в случае успеха участвовали в больших процентах.

Остальные же водолазы, ныряльщики, подрывники и рабочие были на положении рядовых сотрудников, состоящих на жалованье. И в случае находки золота им процентов не полагалось. Впрочем, премия была обещана.

Вот каковы были взаимоотношения внутри японской фирмы.

Справедливость требует отметить, что богатый водолаз Вакино, так же как и два его собрата, был действительно большим специалистом и отличался исключительно высоким мастерством в своем деле.

Однако некоторое самомнение, зазнайство и повышенная водолазная мания величия все же несколько вредили ходу дела.

Эти три крупных водолаза были представителями особой прослойки в капиталистическом строе. Это была рабочая буржуазия. И десять лет назад иметь такую прослойку в рабочей среде считалось весьма полезным против революции.

Так вот, отличаясь высоким знанием дела, эти три водолаза не могли все же руководить всеми операциями, тем не менее они влияли на весь ход работы, и в этом была ошибка и упущение. Так, например, место, где была найдена первая золотая монета, не признавалось ими за основную точку дальнейших изысканий, и они, несмотря на приказания, не стали расследовать это место, а перешли к другому.

Так или иначе, акционеры весьма влияли на весь ход дела, и, в свете их богатства, директор Катаока при всем своем пышном положении был не совсем самостоятельной фигурой.

В быту же состоятельные водолазы никак особенно себя не проявляли и жили вместе со всеми в трех комнатах. И питались за одним столом со всей командой.

Что касается директора, то ему была предоставлена отдельная комната. Однако одевался мистер Катаока как рабочий и кушал то, что приготавливал японский повар для всех сотрудников, — обычно рис и сырую рыбу, вымоченную в уксусе.

Экспедиция занимала в Балаклаве дом на набережной. И только один коммерсант, московский представитель фирмы Като, стоял в гостинице. Он был нервный, волновался за

каждый шаг работы и тревожился, что золото не будет найдено. По причине чего он страдал бессонницами и не мог спать вместе со всеми.

Итак, приближался наиболее серьезный и ответственный момент во всей истории «Черного принца». И в силу этого пусть читатель не посетует на нас за столь подробное и торжественное описание событий.

21. ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

Итак, работа шла у японцев полным ходом. Ежедневно поднимали с грунта до шестидесяти тонн камней разной величины. Вместе с камнями иной раз поднимали куски железа, части палубы и листы от обшивки. Ничего значительного и интересного пока поднято не было.

Решено было не заниматься розысками золота до тех пор, пока разбитый и заваленный корабль не будет очищен от больших камней.

Работа по очистке корабля от камней была трудна и малоинтересна. Однако напряжение и азарт у японцев не ослабевали. Они попрежнему вели работу с огромным рвением.

8 августа японцы устроили торжественный обед. В этот день они праздновали вторую годовщину поднятия золота в Средиземном море.

Однако, несмотря на такой торжественный день, они работали как обычно. И даже в этот день у них произошел несчастный случай.

Один из японских матросов был ушиблен и ранен камнем, который сорвался с лебедки.

— Это плохой знак, — тревожно сказал Катаока. — Если бы наш матрос Генди был зашиблен в любой день, я бы не имел такого душевного расстройтва, какое у меня сейчас. Но он ранен именно в тот день, когда это никак не должно быть. Нам сегодня вообще не надо было выходить на работу, — вот это был бы выход из положения. Но, откровенно говоря, нам хотелось в этот счастливый день найти пару пригоршней золота. Вы понимаете, какой шум подняли бы газеты всего мира. «Восьмое августа, — они сказали бы, — поистине у них исключительное число. По этим числам они находят золото»... Впрочем, наша фирма «Синкай Когиссио» не привыкла падать духом хотя бы и при обстоятельствах, особо печальных и угнетающих дух.

Доктор Павловский, осмотревший раненого, нашел его положение хорошим. Были ссадины на теле и ушиб в области ребер. Кровоизлияние внутрь было весьма незначительное. Так что серьезных последствий не могло быть.

Это известие повлияло на всю фирму превосходным образом. Тотчас решено было устроить еще более торжественный обед, чем предполагалось.

Катаока сказал, потирая руки:

— Счастье и удачи не покидают наше общество в этот день. Да и было бы странно, если б это число омрачилось потерей.

Вечером в саду был устроен обед. Вино пили весьма в небольшом количестве. Все было очень корректно и сдержан-

но. Посторонних никого не было, — японцев не покидала вежливая осторожность, с какой они относились к окружающим.

После обеда японцы пели вполголоса, весьма заунывно и тихо, под аккомпанемент какой-то особой флейты, на которой наигрывал японский повар. После чего показывали друг другу какие-то удивительные головоломные фокусы.

Директор Катаока велел переводчику говорить всем, кто поинтересуется, что тут в саду празднуется вторая годовщина поднятия золота в Средиземном море.

На другой день после праздника снова закипела работа. Дело по очистке парохода от камней подходило к концу. Помимо камней, стали поднимать наверх части парохода. С большим трудом был поднят огромный кусок борта (5 × 3 саж.) с одним иллюминатором. Это еще более приподняло настроение у работающих. Казалось, что теперь весь пароход в их руках.

Однако камни мешали еще приступить к более точному розыску.

В это время в английских и германских газетах появились сообщения о том, что японцы и русские, по-видимому, ошибаются в своих розысках. По-видимому, в том месте, где идет работа, «Принца» не может быть. По всей вероятности, «Черный принц» затонул в том месте, где его в свое время искали итальянцы. И что настоящая японская работа основана на слабом изучении исторического материала.

Это сообщение угнетающим образом подействовало на директора Катаоку.

— Реноме нашей фирмы, — сказал он, — подверглось тяжкому испытанию. Уже то, что фирму перед лицом всего мира рисуют со стороны исторического невежества, — это невероятный удар по нашему самолюбию. Но мы все же не намерены сдаваться в такой ответственный момент. Пароход в наших руках, и мы его буквально вывернем наизнанку, но золото найдем во что бы то ни стало.

Молодой коммерсант Като, посоветовавший фирме заняться «Черным принцем», узнав об этих статьях, совершенно упал духом. Его бессонница сменилась таким крайним нервным раздражением, что он вышел из строя и уехал на Кавказ лечиться.

Экспедиция же продолжала работу с напряжением, но без прежнего натиска.

22. ПЕРВОЕ ЗОЛОТО

Наконец, неожиданно 5 сентября под одним из поднятых камней водолаз Ямомато нашел золотую монету чеканки 1821 года. Это был английский соверен (один фунт стерлингов). На одной стороне монеты была надпись: «Георг IV — Британия». На другой стороне — изображение всадника на лошади — Георгия Победоносца.

Но прежде чем поднять ее со дна моря, японцы попросили доктора Павловского (как представителя Эпрона) спуститься на дно и посмотреть, как лежит эта прилипшая к камню монета.

— Нам, — сказал Катаока, — важно иметь свидетельские показания постороннего человека. Вы, господа, не знаете, что такое биржа. Нам там могут не поверить без доказательства. Они скажут: «Фирма нарочно подбросила золотую монету, чтоб повысить свои акции». Но зато теперь биржевики, которые играли на понижение, получают хороший удар. Наши бумаги поднимутся в цене процентов на двадцать! И мы лично могли бы сделать себе царское состояние, если бы на этом захотели сыграть.

В общем, доктор Павловский спустился на дно и подтвердил, что золотая монета лежит, прилипши к камню. Но лежала ли она там восемьдесят лет или она лежала месяц, судить было, конечно, трудно.

Впрочем, тогда ни у кого никаких сомнений не было. Телеграмму отправили в Токио. И вскоре акции этой фирмы высоко поднялись в цене.

В общем, эта находка необычайным образом всех взволновала. Монета рассматривалась с трепетом и великим почтением.

Все семь водолазов, один за другим, стали спускаться на поиски золота, однако в тот день ничего больше не было найдено.

Были подняты лишь какие-то бесформенные куски железа и медная ручка от какой-то машины.

Катаока, рассматривая монету, сказал:

— Мы знали, что дело с «Черным принцем» рискованное. Мы клали двадцать процентов за и восемьдесят процентов против успеха. Эти двадцать процентов снизились у нас за

последнее время до десяти. Но сейчас, господа, я беру соотношение тридцать к семидесяти. Надо будет со всей нашей энергией заняться делом. А что касается английских газет, то не надо забывать, что мы достаем со дна моря английское золото. И можно допустить, что национальный дух английского народа в высшей степени раздражен и протестует против наших подводных операций. Но тогда хотелось бы знать, почему они сами не взялись за это дело, вместо того чтобы укорять фирму в историческом невежестве! Нет, господа, Англия — великая страна, но я никогда не берусь угадать, что именно думает эта страна, когда она иной раз говорит!

Так или иначе, найденный золотой снова вдохновил японскую компанию, и снова с огромной силой японцы стали перетряхивать остатки «Принца» и грунт, на котором лежал разбитый пароход.

23. ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЕ

12 сентября утром водолаз Ямомато снова под одним из камней нашел вторую монету. Эта монета, как и первая, была тоже чеканки 1821 года.

Эта находка опять вызвала большие волнения.

— Меня радует, что обе монеты чеканки двадцать первого года, — сказал Катаока. — Если бы даты были разные, я бы мог подумать, что монеты из разных карманов погибших моряков. Но чеканка одного и того же года наводит ме-

ня на мысль, что эти рассыпанные монеты из одного бочонка. Продолжайте, господа, розыски.

Два водолаза были опущены на дно. Но не прошло и десяти минут, как они одновременно подали тревожные сигналы о том, чтобы их немедленно подняли наверх.

Это всех на баркасе настолько поразило, что наступил момент большой растерянности.

После нескольких секунд замешательства водолазов тотчас подняли наверх.

Водолаз Вакино был бледен и дрожал. Сняв скафандр, он сказал:

— Там внизу происходит нечто невообразимое, — там идет землетрясение и почва колеблется под ногами. Я сейчас же вернусь на берег, и если это так будет продолжаться, я уеду в Японию. Я не для того сюда приехал, чтобы испытать то, что мы все и без того отлично знаем.

Было около четырех часов дня. Море было спокойно. На берегу тоже продолжалось спокойное течение жизни. Никаких признаков землетрясения нигде не наблюдалось. И то, что водолазы ощутили колебания почвы на дне моря, было удивительным фактом.

Это знаменитое крымское землетрясение, во время которого девятьсот человек было ранено и шестнадцать убито и была также разрушена Ялта, произошло, как известно, в ночь с 12 на 13 сентября. И первый толчок был в час ночи. Но вот оказывается, что еще за десять часов до этого на дне моря было значительное колебание грунта.

Японцы моментально закончили работу и вернулись на берег.

А так как на берегу было тихо, то настроение у всех вскоре улучшилось. И к вечеру японцы начали даже подтрунивать над водолазами, которые проявили такую поспешность при возвращении на берег. Однако в час ночи, когда все мирно спали, произошел первый толчок, который в Балаклаве достигал шести баллов.

Японцам, более чем кому-либо, известно, что такое землетрясение и какие ужасные бедствия с ним связаны. Еще у всех в памяти оставались картины страшного землетрясения, которое произошло в Японии в 1923 году. Тогда, как известно, погибло двести пятьдесят тысяч человек.

Поэтому следует снисходительно отнестись к той панике, которая произошла среди японцев в ночь на 13 сентября.

Первый же толчок произвел ужасное смятение.

Японцы не выбегали из дверей, а выбрасывались из окон. Причем некоторые бросались даже сквозь стекла. (Вероятно, до сих пор в некоторых японских домах вместо стекол имеется бумага.)

Так или иначе, некоторые из японцев поранили себя стеклами.

Директор Катаока (как не без яда было сказано в рапорте) «стеганул» из окна вниз головой. При падении он повредил себе ногу и ударился головой о дерево.

Японский повар, бегая по саду, напоролся на бутылочное стекло и этим весьма значительно повредил ногу.

Во всяком случае, паника была большая. И, согласно врачебному осмотру, у многих высоко поднялась температура.

Но все это, повторяем, не является показателем японского характера. Вероятно, у них в крови и в психике мистический ужас перед землетрясением. Стоит только вспомнить, что в 1923 году в Токио заживо сгорело на военном плацу тридцать тысяч человек. Огонь выбросило из-под земли, и все японцы, которые прибежали сюда, чтоб спастись, погибли в течение одного часа.

24. СТО ДНЕЙ

Землетрясение в Балаклаве было незначительное. Паника вскоре улеглась, и даже наутро японцы вышли на работу как ни в чем не бывало. Найденная накануне золотая монета заставила позабыть о неприятностях вчерашнего дня. Работа закипела. Водолазы снова принялись исследовать дно. И в связи с этим землетрясение отошло на второй план, хотя незначительные толчки еще ощущались.

Однако работа сразу же не заладилась. Надежда найти еще золотые монеты не оправдалась. И тщательный осмотр грунта не дал никаких результатов.

Мистер Катаока был мрачен и суров. Он сказал:

— Мы пошли на рискованное дело — это всем известно, но тут происходит нечто такое, что вызывает наше удивление. Мы согласны терпеть неудачи, мы также можем выслушивать любые упреки, которые нам мировая печать бросает

в лицо, но то, что, в довершение ко всему, у вас происходит землетрясение, — это уж ни на что не похоже. Я разделяю взгляды ученых моего времени относительно реальности явлений, но согласитесь сами, что в таком случае это землетрясение следует квалифицировать по крайней мере как знак, говорящий о линии сплошных затруднений и неудач в деле поднятия золота со дна Черного моря!

С суровым достоинством он продолжал:

— У нас нет причин на кого-нибудь перекладывать наши огорчения. Наша фирма тем и отличается от подобных фирм, расплотившихся за последнее время, что мы сами отвечаем за свои поступки. Однако, признаюсь, мы слишком увлеклись идеей найти золото в Черном море. И теперь видим, что эта операция может подорвать наше реноме. Вот, господа, что значит работать на предметах, затонувших очень и очень давно!

Катаока оптимистически добавил:

— Но мы не сдаемся еще! Мы хотим пойти на решительное средство. Мы поставим землесос, который перетряхнет весь морской песок под обломками «Черного принца». А крупную гальку и все, что там с ней попадается, наши водолазы будут подавать наверх в мешках. И тогда мы окончательно убедимся, в чем дело. Морально нам землетрясение нанесло ущерб, но это нас еще не сломило. И хотя некоторые из нас запросились домой, но мы еще не теряем надежды что-нибудь обнаружить!

Итак, работа вошла в новую фазу. Кроме обломков кормы и поднятого борта с иллюминатором, сколько-нибудь целого

железного корпуса обнаружено не было. Поэтому землесос и водолазы стали буквально перетряхивать весь грунт в том месте, где были найдены развалины «Черного принца».

И вот в мешках вместе с песком и галькой стали попадаться обломки металла, бесформенные куски меди, чугуна и железа.

В одном из мешков была обнаружена медная монета с портретом королевы Виктории (дата 1843 г.).

Однажды вместе с мешком была подана ржавая офицерская сабля и двенадцать кирок.

17 сентября в песке была найдена пятифранковая серебряная монета 1823 года и две столовые ложки белого металла. Потом снова землесос стал выбрасывать с песком обломки железа и меди.

Затем в мешках стали подавать гальку вместе с кожаными подошвами. Была обнаружена одна неношенная галоша и с датой 1848 года две вилки и снова ложка из белого металла без всяких надписей.

В конце сентября вместе с грунтом стали попадаться в большом количестве деревянные обломки. Какая-то втулка от колеса, кусок лопаты. Все деревянные части были совершенно черного цвета.

Кроме этого, землесос выбросил большое количество свинцовых пуль. Потом найдены были в мешках несколько железных подков, лошадиные кости, лопаточка для накладывания пирожных, замок и мелкие разбитые куски судового инвентаря.

Настроение у работающих упало. Многие открыто стали поговаривать об отъезде в Японию.

Катаока сказал:

— Мусор, который мы находим, может действительно посеять панику в рядах работающих. Мы находим в мешках то, что никак не вяжется с нашим представлением о золоте. Мы работали в Средиземном море, применяя там точно такие же методы, но мы там поднимали то, что нас интересовало. А тут мы поднимаем такие вещи, при виде которых у нас из глаз буквально капают слезы... Некоторые представители адмиралтейства нам не советовали браться за «Черного принца». Они нам сказали, что многие страны уже выбросили на эти поиски столько денег, сколько вообще ожидалось найти. И вот мы теперь тоже в этом лагере людей. Отныне нас не будут интересовать топляки, которые семьдесят пять лет болтало под волнами. Однако мы работу не прекратим до тех пор, пока весь участок не перевернем до основания. Вот каковы намерения нашей фирмы.

В общем, несмотря на крайний упадок настроения, японцы продолжали работу.

Сто дней длилась работа в Балаклаве, но это ни к чему не привело.

25. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА РОДИНУ

Итак, дело подходило к концу. Водолаз Вакино сложил свои вещи и решил в море больше не выезжать. Инженер, имевший счастье найти в свое время золото в Средиземном море, отбыл в Японию. И его отъезд посеял некоторую даже

панику среди работающих. И тут начался полный перелом в работе.

Работа над «Черным принцем» шла теперь вяло и без всякого интереса.

12 октября найдена была третья золотая монета — турецкая лира. А 24 октября землесос отбросил четвертую золотую монету (с изображением Георга III) чеканки 1830 года.

Работающие мало оживились после находки этих монет. Однако водолаз Вакино снова стал выезжать в море, и им была найдена пятая золотая монета с датой 1844 года.

После этого две недели поисков не дали никаких результатов.

Тогда решено было окончательно свернуть работу.

Катаока сказал, что работа тут была ими выполнена столь добросовестно, что дальнейшие поиски никаких результатов не дадут.

— Тут нету золота, — сказал Катаока, — и это так же верно, как я смотрю на море. Да, это был «Черный принц», над которым мы работали, — для меня не остается сомнения. Но в каком виде был этот пароход! Он был так разломан и все части его так бессовестно изуродованы, что я вынес такое мнение: тут когда-то, видимо, поработала другая фирма. Волны и прибой не сломали бы так медные части корабля. С самого начала нас поразило отсутствие главной части кюзова — середины. Где она? — мы спрашивали друг друга. И теперь мы отвечаем: она была кем-то поднята наверх. И, почем знать, может быть, там и было золото... Нас упрекали в историческом невежестве. Да, оно тут имело место.

Мы не знали, что английские войска оставались тут после гибели «Черного принца» в течение восьми месяцев. Восемь месяцев английская армия находилась в Балаклаве, вплоть до падения Севастополя! Хотели бы мы знать, что делали англичане после того, как у них потонул корабль, битком набитый золотом! Может быть, они любовались морем, в котором лежало теперь пять миллионов? В таком случае, господа, вы плохо знаете англичан. Я вам откровенно скажу — и в этом не остается никаких сомнений, — это они так разломали корабль, вынимая из него бочки с золотом. Что из того, что это было в прошлом столетии и техника была на слабом уровне! Когда рядом под носом лежат пять миллионов, то техника была у них безразлично какая, но именно такая, которая позволила им обратно взять свои деньги... Да, историческое невежество имело место. Если бы мы знали, что англичане восемь месяцев были рядом с погибшим кораблем, то мы не взяли бы за это дело, даже в том случае, если бы корабль находился на глубине шестидесяти сажень и больше. Мы возвращаемся на родину в таком состоянии, что нам будет совестно взглянуть в лицо ребенку. Вот что сделали с нами англичане с их рвением вернуть свои деньги.

Фирма спешно стала готовиться к отъезду. Однако некоторые формальности не были еще соблюдены. Согласно договору фирма могла закончить работы лишь с согласия Эпрона.

Поэтому директор Катаока написал спешное письмо с просьбой свернуть дело по розыску золота. И вот перед нами

лежит это подлинное «историческое» письмо мистера Катаоки, адресованное начальнику Эпрона.

В этом письме (от 28/X 1927 года) Катаока пишет:

«Мое мнение сводится к следующему:

1. “Черный принц” погиб на том самом месте, где мы производили обследование.

2. Морское дно настолько твердо, что нельзя предположить, что пароход зарыт в нем.

3. Камни упали со скал после крушения “Черного принца”. И я не могу предположить, что пароход зарылся под уже лежащими камнями.

4. После того как пароход затонул, союзная армия оставалась в течение восьми месяцев.

5. Главная часть кузова весила, приблизительно, тысячу восемьсот тонн, а мы нашли всего двадцать тонн. Таким образом, большая часть кузова кем-то была унесена.

6. Сломанные части кузова, повидимому, сломаны искусственным путем...

7. Ввиду изложенного я пришел к заключению, что главная часть кузова, золотые монеты и прочие ценности были взяты англичанами вскоре после крушения...

Я очень сожалею, что ваши ожидания не оправдались, а также что наши надежды не сбылись... Надеюсь, вы согласитесь с моим предложением прекратить работу и спасете меня от дискредитирования, ибо я слишком стыжусь теперь перед всем миром.

В заключение я выражаю сердечную благодарность от имени моей команды вам и вашим сотрудникам за то

содействие, которое вы нам оказывали, и за поощрение нас в то время, как мы производили работы.

Остаюсь с совершенным почтением

Катаока».

На это письмо Эпрон дал свое согласие закончить работу.

15 ноября все работы по «Черному принцу» были прекращены.

К этому времени с Кавказа приехал молодой коммерсант Като. Лечение мало подействовало на него, и нервное состояние его было столь плачевное, что его поддерживали под локоть, когда он перед отъездом на родину прогуливался по Балаклаве.

20 ноября японская экспедиция в полном своем составе отбыла в Японию, выполнив договор буквально до мелочей.

26. ИТОГИ

Итак, японцы уехали.

Итоги их розысков были плачевные.

Всего найдено было четыре золотые английские монеты по одному фунту стерлингов, одна золотая турецкая лира и одна серебряная французская пятифранковая монета.

Истратила же японская экспедиция около двухсот тысяч рублей золотом.

Итак, вот еще одна страна, которая чуть не четверть миллиона золотом всадила в это предприятие.

Целый ряд стран прежде всего пострадал в деле «Черного принца». За восемьдесят лет истрачены были громадные деньги. Несколько частных немецких предпринимателей, один американец, один норвежец, несколько русских дельцов и изобретателей весьма поистратились, приступая к розыскам «Черного принца». Франция, как известно, затратила полмиллиона. Италия потеряла двести тысяч золотых рублей.

В общем, дело приняло какой-то катастрофический характер.

В чем же суть? Почему такие неудачи преследовали всех, желающих получить золото «Черного принца»?

Да и было ли вообще это золото? Может быть, это была легенда, основанная на шатких и непроверенных основаниях? Может быть, легковверные люди, склонные к романтическим историям, раздули все это дело?

В этом смысле нам представляется почтенным твердое поведение нашего Наркомфина, который отказался выдать деньги на дальнейшие розыски. В самом деле: пароход уже найден и, казалось бы, золото под рукой. Тут легко было почувствовать азарт и пойти на некоторый риск. Однако это было не в правилах нашего советского учреждения. Такую же твердость характера проявил и Эпрон, который при большом желании мог бы, конечно, изыскать средства для работ. Тем более, что момент был необычайно острый. Тут было много оснований для головокружения. Однако руководители Эпрона (вероятно, скрепя сердце) предоставили дело иностранной экспедиции.

В общем (если пойти на легкое остроумие), можно сказать, что в деле «Черного принца» Эпрон вышел сухим из воды. И это было поразительно, потому что, повторяем, ситуация была слишком необычна: печать, документы, воспоминания — все говорило за то, что золото на «Черном принце» имелось.

Однако давайте попробуем произвести следствие по делу «Черного принца».

Автор этой работы был в свое время следователем уголовного розыска. И вот когда эта профессия нам снова пригодилась. В общем, требуется установить: 1) был ли найденный пароход действительно «Черным принцем» и 2) было ли золото на пароходе?

Итак, вот наше мнение.

27. БЫЛ ЛИ НАЙДЕННЫЙ ПАРОХОД «ЧЕРНЫМ ПРИНЦЕМ»

Пароход, над которым работала японская экспедиция, почти всеми специалистами был признан «Черным принцем».

Катаока (как видно из его вышеприведенного письма) также не имел сомнения, что это был «Черный принц». Мы тоже имеем некоторую склонность думать, что это был знаменитый пароход. И мы не собираемся со всей твердостью доказывать противное, но сделать несколько предположений нужно.

Работа следователя заключается не в том, чтобы полагаться на ощущения и на чужие доказательства. Работа следователя состоит в том, чтобы тщательно проверить и продумать разрозненные факты и попробовать связать их в одно целое, подчиненное логике во всех мелочах.

Мы, собственно, не знаем, каковы были у Катаоки доказательства, удостоверяющие то, что найденный пароход — «Черный принц».

Катаока в своем деле не был достаточно компетентен, так что его мнение можно считать неавторитетным. Больше того, даже в том случае, если бы Катаока знал, что это был не «Черный принц», он, не желая окончательно подрывать реноме своей фирмы, мог бы, пожалуй, не признаться в своей оплошности.

Что касается специалистов морского дела, то их доказательства основывались главным образом на найденных паровых котлах (и пароходной трубе) тех больших размеров, какие можно было предположить у «Принца».

Но эти доказательства строились на шатком основании: будто бы на балаклавском рейде не было железных паровых судов, кроме «Черного принца».

Это основание легко опровергается. По старым журналам и газетам можно установить, что, кроме «Принца», в Балаклаве были еще паровые суда, обшитые железом. Во французском иллюстрированном журнале («Универсаль») от 23 декабря 1854 года сказано:

«В Балаклаве англичане имели чувствительные потери. Девять великолепных транспортов, из которых несколько паровых и между ними “Принц”, разбились о скалы».

Во французском сборнике «Иллюстрированная история войны с Россией» сказано следующее: «Пароход “Виктория” погиб в гавани, потерявши руль и винт после столкновения с пароходом “Эвон”».

Стало быть, вот еще два паровых судна — «Виктория» и «Эвон».

Из английского «Механического журнала» за 1854 год (том VI) можно установить, что одного устройства (и одной фирмы с «Принцем») был также железный винтовой пароход «Мельбурн».

Кроме того, в английской печати упоминается, что среди грузовых транспортов один транспорт был обшит железом. Это был паровой транспорт «Резолютт».

Итак, если доказательства о «Черном принце» сводились только к тому, что найденные развалины были остатками железного парохода, то эти доказательства не следует принимать в расчет, ибо у Балаклавы, как нам теперь известно, стояло по крайней мере пять железных винтовых пароходов, из которых один — «Резолютт» — был гружен порохом и снарядами.

Но так как пароходы «Виктория» и «Эвон» погибли в гавани, то могут быть под сомнением «Мельбурн» и транспорт «Резолютт».

Судя по описаниям современников, «Мельбурн» успел перед штормом уйти в открытое море, так что остается под сомнением грузовой транспорт «Резолютт».

Французская книга «Иллюстрированная история войны с Россией» сообщает, что «Резолютт» был удален из гавани

ввиду того, что ожидалось наступление русских войск и было чрезвычайно рискованно держать склад пороха в самой Балаклаве.

А из истории Крымской войны известно, что в конце октября действительно ожидалось наступление русских войск на Балаклаву. И даже известен такой нижеследующий любопытный факт. Английским патрулем была задержана гречанка, которая пыталась пройти в Балаклаву. На допросе она сказала, что она направляется из Севастополя к своим родным, проживающим в Балаклаве. Однако ее поведение показалось подозрительным, и при обыске в ее туфле нашли записку, которая призывала балаклавских жителей поджечь город в момент наступления русских войск.

А так как пожар в Балаклаве в первую очередь создал бы угрозу транспорту, нагруженному порохом и снарядами, то совершенно естественно, что «Резолют» был удален из гавани и поставлен на рейд.

Теперь становится понятным поведение капитана «Резолют», которого (как мы уже знаем) начальник порта посадил под арест за слишком настойчивое домогательство снова войти в гавань. Совершенно очевидно, что этому капитану была неизвестна вся ситуация с наступлением и с предполагаемым поджогом Балаклавы. И весьма понятно, что он недоумевал — на каком основании его убрали из гавани и поставили на рейд вблизи скал, что, по его мнению, составляло громадную угрозу для его взрывчатых припасов.

Начавшиеся штормы заставили его со всей резкостью домогаться более спокойного места, где нет угрозы удариться

о скалы. Однако начальство видело еще большую угрозу в том, что «Резолютт» будет стоять вблизи горящих зданий. Вместе с тем военная обстановка не позволяла, видимо, огласить столь важный военный секрет, как наступление русских. Вот, видимо, почему произошла бурная сцена столкновения капитана «Резолютт» с начальником порта.

Эта сцена, как известно, закончилась арестом капитана, что, без сомнения, сохранило ему жизнь.

Сейчас, конечно, трудно сказать что-либо утвердительное, но можно допустить, что найденный пароход, который был признан «Черным принцем», на самом деле был транспортом «Резолютт».

Конечно, это предположение остается в плане догадки, а не утверждения. Но эта догадка усиливается, если вспомнить, что японцы удивлялись тому, что все металлические части парохода были в исковерканном виде. Директор Катаока даже в этом увидел чью-то руку, которая искусственно ломала металл. Однако теперь можно допустить, что такая исковерканность частей была результатом взрыва, который, без всякого сомнения, произошел на пароходе в момент его гибели от ударов о скалы.

То, что взрыв был, — это подтверждается находками. Были найдены, например, куски и обломки взорванных снарядов.

Правда, несколько снарядов нашли в целом виде. И это может ввести в заблуждение. Поскольку трудно ожидать, что что-нибудь из снарядов могло не взорваться, если произошел взрыв на пароходе, груженном артиллерийскими

припасами. Тем не менее такой случай мог произойти, если предположить, что взрыв последовал, когда пароход частично уже был затоплен. Вот именно при этом обстоятельстве полной детонации могло не быть, так как часть снарядов уже находилась под водой.

Так или иначе, развалины найденного парохода могли быть остатками взорвавшегося транспорта «Резолютт».

Я снова повторяю: я делаю предположение, а не утверждаю против мнения, установленного специалистами.

Если же найденный пароход все же не «Резолютт», а «Черный принц», то тогда многое становится непонятным. Во-первых, непонятно, куда же делись орудия, которыми был вооружен военный пароход. Ведь орудиям, по своей тяжести, более всего надлежало находиться в том месте, где они затонули. Тем не менее никаких орудий найдено не было. Во-вторых, непонятно, куда подевалась средняя часть кузова, если не было значительного взрыва.

Правда, мистер Катаока предполагал, что над средней частью кузова поработали сами англичане, доставая свое золото.

Но тут мы не беремся что-либо утверждать, так как эта работа была возможна только лишь во время Крымской войны, то есть в те давние времена, когда водолазная техника стояла на слишком низком уровне.

Но если тем не менее англичане и с такой низкой техникой достали свое золото, то это им делает высокую честь, и, стало быть, они вполне заслужили то, что достали. Но тогда странно, что они с таким надменным равнодушием и спокойствием

взирали на работу, которая происходила впустую. Впрочем, за давностью лет это дело могло быть позабыто ими.

Итак, на вопрос: был ли найденный пароход «Черным принцем», мы можем ответить лишь гадательно. Мы можем предположить такую пропорцию: тридцать пять процентов (из уважения к авторитетным мнениям) за то, что это был действительно «Черный принц», пятьдесят процентов за то, что это был «Резолютт», и пятнадцать за то, что это был какой-нибудь иной пароход, над которым поработали итальянцы.

28. БЫЛО ЛИ ЗОЛОТО НА «ЧЕРНОМ ПРИНЦЕ»

Теперь подойдем ко второму вопросу — имелось ли золото на погибшем «Черном принце».

Этот вопрос также следует проверить со всей тщательностью. Впрочем, вопрос решается более коротко, чем первый.

Со всей очевидностью можно сказать, что даже если на «Черном принце» имелось золото, оно не было найдено за все эти семьдесят лет. Иначе об этом раззвонили бы на весь мир. Скрывать не было причин. Можно лишь, пожалуй, допустить одно обстоятельство, которое осталось неизвестным миру, — это если англичане достали золото тотчас после катастрофы.

Однако оставим это обстоятельство пока в стороне и попробуем решить основной вопрос — был ли золотой груз на «Черном принце».

За то, что золото было, говорит, во-первых, вся печать, которая затрагивала вопрос о «Черном принце». Однако следует немедленно отметить, что о золоте говорит печать, более близкая нашему времени.

Более ранняя печать о золоте не упоминает.

В старинной печати мы всюду читаем, что «Принц» вез ценный груз, но то, что было золото, не указывается.

А уж казалось, что русские газеты того времени должны бы разгласить о такой потере врагов. Тем не менее нам не удалось отыскать сообщений о гибели золота.

Например, «С.-Петербургские ведомости» за 1854 год сообщают: «Погибло тридцать два английских судна и винтовой пароход “Принц” со всей зимней одеждой для армии и различным грузом в триста тысяч долларов, со всем экипажем».

Известный военный историк того времени Аничков также не сообщает о гибели золота. Он пишет:

«У Балаклавы погиб “Принц”, только что прибывший с зимней одеждой и грузом на триста семьдесят пять тысяч рублей серебром» («Военно-исторические очерки»).

Морской сборник за 1854 год сообщает, что «пароход “Черный принц” погиб со всем экипажем, с зимней одеждой и с грузом в пятьсот тысяч франков».

Английская печать того времени, перечисляя, что именно погибло, тоже ничего не говорит о золоте.

Зато печать более поздняя полна сообщениями о золоте.

В английской книге «Крымская война» (1877) указано, что «Принц» вез пятьсот тысяч фунтов стерлингов и теплую одежду.

В дальнейшем же каждое сообщение о «Принце» связано с погибшим золотом. Однако нам более ценны указания старой печати. И поэтому, ознакомившись и с теми и с другими источниками, мы склоняемся к мнению, что на «Черном принце» золота (во всяком случае большой суммы) не было.

Однако давайте попробуем разобраться в этом деле без ссылки на документы.

Уже поверхностный взгляд говорит за то, что вряд ли золото (в такой сумме) было на пароходе. В самом деле. Предположим, что в Балаклаву прибыло пять миллионов рублей для уплаты жалованья армии. Пароход теряет якорь. Находится во время первого шторма (10 ноября) в явно рискованном положении. Тем не менее начальник порта не желает принять в гавань прибывший пароход. Вместо этого начальник порта посылает «Принцу» один якорь.

Обстоятельство чрезвычайно абсурдное в том случае, если на «Принце» было золото. Все поведение капитана порта говорит за то, что на «Принце» золота не было, в противном случае желанный корабль был бы бережно поставлен в гавань и его не стали бы подвергать опасности стоять на одном якоре.

Тут даже не помогает делу, если отказ принять «Принца» рассматривать как боязнь, что пароход попадет в руки русских в случае их наступления. Этот случай нельзя допустить, так как это судно было винтовое и, находясь под парами, оно всегда могло убраться вовремя.

Так что все говорит за то, что «Принц» не был принят в гавань, так как его прибытие не считалось чем-то экстраординарным.

И это есть второе (после печати) доказательство того, что большого золотого груза на «Принце» не было.

Однако против того, что было золото, говорит еще одно немаловажное обстоятельство, основанное на архивных документах.

В английском парламенте в 1854 году на запрос по поводу гибели «Принца» некто сэр Грахем сказал, что действительно имеется известие о потере парохода «Принц». Однако, перечисляя потери, докладчик ничего о золоте не упомянул. В следующем же году в отчете английского парламента значится следующее показание Джона Вильяма Смита: «Я должен установить, что накладная на шестьдесят тысяч соверенов пришла для комиссариата с этим судном. И хотя я не имел специального приказа в отношении распоряжения этими деньгами, тем не менее я взял на себя ответственность выгрузить их утром в воскресенье в Константинополе и таким образом спас их».

Это немаловажное показание говорит о том, что спасено было около полумиллиона рублей золотом. Однако это, конечно, еще не означает, что, кроме этих денег, на «Принце» не могло быть других сумм. Быть может, тут речь шла о спасении части золотого груза.

В общем, эти три факта, связанные вместе, дают, по-видимому, правильную картину того, что было. Очень вероятно, что на «Черном принце» имелось золото именно в том количестве, какое было снято в Константинополе. То есть, другими словами, «Принц», выгрузив полмиллиона рублей в Константинополе, пришел в Балаклаву без золотого груза.

И к этим трем фактам можно добавить четвертый факт. За все восемьдесят лет англичане не проявили активного интереса к своему золоту, лежащему на дне моря.

Больше того, почти все страны в той или иной степени приступали к работам, либо высказывали желание отыскать затонувшее сокровище. Англия же осталась равнодушной к своим деньгам.

И это есть четвертое доказательство того, что золота на затонувшем «Черном принце» не было.

Итак, проверив все, мы склоняемся к мысли, что золота на затонувшем пароходе не имелось.

Конечно, наше предположение гадательно. И мы бы предложили такую пропорцию: девяносто пять процентов за то, что золота не было, четыре процента за то, что англичане достали золото вскоре после гибели парохода, один процент за то, что золото осталось в море.

29. ФИНАЛ

Итак, наш исторический очерк, наше маленькое исследование о «Черном принце» подходит к концу.

По всей вероятности, мы не ошибемся, если эту историю о золоте назовем легендой.

И если это так, то вот прекрасный случай, когда можно увидеть, как именно возникают легенды и как они иной раз заканчиваются.

Впрочем, конца еще нет. Еще могут быть самые большие неожиданности. Например, спустя три года после всех неудач, после того, как японская экспедиция ни с чем уехала, снова в наше полпредство в Италии поступило предложение относительно «Черного принца».

Некий итальянский капитан Р. А. Бозано выразил желание заняться поисками погибшего золота. В своем заявлении (в 1929 году) он пишет:

«Считаю нужным известить вас, что по этому делу я уже вошел в соглашение с английским адмиралтейством, которое недавно сообщило мне все необходимые данные».

На это заявление руководители Эпрона ответили нашему полпредству в Риме, что итальянцы могут быть допущены к работам, но только в том случае, если у них имеются точные доказательства о золоте «Черного принца».

После этого ответа капитан, видимо, решил поисками золота не заниматься, так как новых заявлений от него не последовало. И тем самым он сохранил свои кое-какие капиталы, которые чуть было не попали в общий мировой котел расходов по розыску «Черного принца». А общая сумма этого расхода столь велика, что она (как сказал Катаока) уже значительно превысила то, что хотели найти.

Человечество привыкло платить большие деньги и нести большие потери за свою склонность к идеалистическим мечтаниям.

И мы полагаем, что история с «Черным принцем» еще не отрезвила романтических голов.

Поэтому тем более интересно видеть, как на шаткой основе и зыбкой почве, как на сказке и легенде возникло мощное учреждение, которое шаг за шагом отбрасывало то, что относится к фантазиям и к выдумке. На общем романтическом фоне, на фоне риска, азарта и игры (то, что характерно для буржуазного строя) велась та реалистическая и ясная линия, которая привела к победе. И на фоне золотой лихорадки это было поразительно видеть.

Так или иначе, у всех желающих найти легендарное золото были тяжкие поражения и большие потери.

Что же касается Экспедиции подводных работ особого назначения, то, вопреки всему, поражения не последовало. И хотя золото «Черного принца» и не было найдено, зато было найдено то, что давно превысило огромные суммы, какие желали найти искатели морского клада.

За пятнадцать лет работ Эпронем были подняты со дна моря двести пятьдесят судов, из которых больше половины восстановлено и бороздят воды морей и океанов.

Помимо судов, Эпрон дал нашей промышленности сто сорок тысяч тонн металла, поднятого с морского дна.

И в свете этих дел меркнет сияние легендарного золота «Черного принца».

Возмездие

1. ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

Во время годовщины Октябрьской революции на одном из ленинградских заводов был устроен вечер воспоминаний.

Каждый из желающих рассказывал о своем участии в революции, о своих подвигах, о своих встречах со знаменитыми революционерами и о своей прошлой боевой жизни.

Делились своими воспоминаниями не в торжественной обстановке и не в зале с эстрадой и кафедрой, а просто участники вечера за чашкой чая вели свои беседы. Это придало разговору живой и непринужденный характер. И в тот же вечер моя записная книжка была вдоль и поперек исписана интересными заметками и сюжетами.

Между прочим, очень много всех смешил заводский парикмахер, некто Леонидов. Он очень забавно и комично рассказывал, как он до революции служил в модной парикмахерской на Морской и как там он стриг и брил разных генералов и князей. И какие там у него встречались требовательные и нахальные клиенты, не разрешавшие во время бритья дотрагиваться пальцами до своей благородной кожи.

Все очень смеялись, когда Леонидов вспоминал иные забавные факты из своей практики. Но об этом я расскажу как-нибудь в дальнейшем.

После Леонидова с коротенькой речью выступил молодой слесарь Коротков, раненный в Февральскую революцию. Он рассказал об уличном столкновении с полицией, во время которого он и был ранен.

И вот наконец выступила работница завкома, товарищ Анна Лаврентьевна Касьянова, награжденная в свое время орденом Красного Знамени.

2. РЕЧЬ А. Л. КАСЬЯНОВОЙ

Речь Касьяновой была исключительно интересна и занимательна. Это было воспоминание о прожитой жизни, о революции, о гражданской войне, о знаменитом Перекопе и о бегстве барской России за границу.

Это был рассказ человека, побывавшего в самом пекле революционных событий.

Уже по первым ее фразам я понял, что это не заурядная женщина с простенькой и обыкновенной биографией. И действительно, ее жизнь поразила нас каким-то внутренним, особенным значением.

Ее речь всех нас захватила, и мы не заметили, как промелькнуло полтора часа.

Во время перерыва я подошел к т. Касьяновой и попросил ее разрешения написать повесть об ее жизни.

Анна Лаврентьевна сказала:

— Если это получится как забава, то не надо. Мне было бы неприятно, если бы вы посмеялись над моей жизнью. Но

если это полезно для дела революции, то я согласна, чтоб вы это написали.

Потом она добавила:

— Только то, что я рассказала, — это древняя история. Сейчас мы заинтересованы другой материей — строительством и расцветом нашей страны. И эта старая история моей жизни, может, сейчас не так полезна в литературе, как другие, более современные темы.

Я сказал:

— Это именно та «древняя история», которая исключительно нам интересна, потому что без таких историй, может быть, и не было бы того, что есть сейчас.

В общем, я условился с Касьяновой, что по окончании моей работы мы повидаемся с ней и она внесет поправки, если в моей повести будут неправильности или неточности против правды.

Однако значительных неправильностей в моей работе не оказалось, и товарищ Анна Лаврентьевна Касьянова дала свое согласие опубликовать историю своей жизни.

Необходимо сказать, что в этой моей работе я постарался сохранить все особенности рассказчицы, все ее интонации, слова и манеру.

Однако прежде чем приступить к рассказу, я скажу несколько слов о наружности Касьяновой.

Она среднего роста. Склонная к полноте. Ей сейчас примерно около сорока лет. У нее голубые глаза, русые волосы и несколько широкое лицо. Вероятно, в молодые годы она была очень красива той прекрасной, здоровой русской красотой,

в которой чувствуются сила, уверенность и удивительное спокойствие.

Вот что рассказала Касьянова.

3. ДЕТСТВО

Я родилась в рабочей семье. Мой отец, Лаврентий Иванович Касьянов, крестьянством не занимался. Он был рабочий. Он служил на сахарном заводе. И мы жили в сорока километрах от Киева.

Но в японскую войну его во время забастовки на заводе арестовали и куда-то забрали. И он к нам не вернулся.

И тут после этого, если так можно сказать, все равно как бомба разорвалась в нашей семье. Отец не вернулся. Старший брат, мальчик лет семнадцати, уехал в Персию и там где-то остался. У сестренки открылась болезнь почек. И она потом умерла. И моя мать, видя все это, тоже начала хворать, гаснуть, и в скором времени она тоже скончалась.

В свои семь лет я осталась круглой сиротой. И только у меня в Киеве проживала одна тетя. И тогда эту тетю вызвали из Киева и спросили, что делать. Тетя удивилась, что я осталась одна, и отдала меня в соседнюю деревню в няньки к одному своему знакомому кулаку.

А у этого кулака была большая семья. Его родственники. Он сам. Два сына — Мишка и Антошка. И еще грудная девочка Феня, которую мне надо было нянчить.

А мне было всего семь лет. И можете себе представить, какая я была в то время няня. И какой мне был интерес ухаживать за этой девочкой.

Фамилию этого кулака я запомнила на всю жизнь. Это был исключительно богатый мужик и мироед, Максим Иванович Деев.

Он держал несколько батраков, которые обрабатывали его поля и смотрели за его хозяйством.

4. НА ЗАВОДЕ

Этот кулак Деев, видя, какая я нянька, решил меня отдать на завод.

И он меня отдал на сахарный завод, где в свое время работал мой отец, мой папа.

Я стала работать на этом заводе. И я там работала по двенадцать часов в сутки.

И когда я возвращалась домой, то дома я тоже не знала отдыха. Я дома продолжала работать. Я носила дрова. Убирали хлев. Пригоняли коров. Кормила птиц. Нянчила Феню. И утром часов в пять снова уходила на завод.

Мне хотелось играть в куклы или побегать с ребятами, но вместо того вот что я имела.

А у нас там, на сахарном заводе, детей использовали на подсобных работах. У нас там дети подбирали свеклу. Каждому из ребят полагался такой железный крючок. И вот с этими крючками мы ходили взад и вперед и подбирали

свеклу, поскольку она то и дело падала, когда ее подвозили на эстакаду.

А когда мне исполнилось девять лет, то меня перевели с этой легкой работы к станкам, где сахар рубят.

Там были такие особые ящички, куда бросают сахар. И вот мы, дети, подбирали кусочки и швыряли их в эти ящички.

Но когда мне ударило двенадцать лет, то меня уже поставили на станок. И я там рубила сахар. И там я этим занималась до пятнадцати лет.

И мне за это кулак Деев ежемесячно платил один рубль. Но сам он за меня получал сначала три рубля, а потом восемь.

Он в течение шести лет получал за меня по восемь рублей. Но я продолжала получать от него один рубль. И на эти деньги я должна была справлять себе обувь и одежду.

И за каждый этот мой несчастный рубль, полученный от него, он заставлял благодарить себя как за совершенную милость. И я его сердечно благодарила, потому что не понимала, как еще бывает иначе. Я не знала, что это был возмутительный акт с точки зрения революции. Я не отдавала себе в этом отчета. Я, девчонка в пятнадцать лет, жила как в дремучем лесу.

И только когда произошла революция, я кое-что стала понимать.

Но во время революции я уже не работала у Деева, а служила кухаркой в Киеве. Но тем не менее я тогда вспомнила эту эксплуатацию. Я вдруг вспомнила, как он мне платил один рубль, а остальные деньги брал себе. И как он, кроме того, заставлял меня дома работать до того, что я спала не больше пяти часов в сутки.

И когда я впоследствии нарисовала себе эту картину, я просто не могла с собой совладать. Меня трясло от злобы, когда я подумала, как это было.

И, руководимая этой злобой, я даже нарочно решила поехать в деревню поговорить с Деевым.

Это было вскоре после Февральской революции.

5. ПОЕЗДКА В ДЕРЕВНЮ

А мне в то время было около девятнадцати лет. И я тогда, повторяю, жила в Киеве. Я была прислугой, кухаркой.

И это было исключительное движение души, что я вдруг вспомнила эту эксплуатацию и решила съездить в деревню.

Я сама себя уговорила, что мне надо было побывать в деревне. У меня там решительно никаких дел не было.

Тем не менее в мае я приехала в деревню. И зашла во двор к Дееву. Он сидел на крыльчке и грелся на весеннем солнышке.

Я его три года не имела счастья видеть, но я ему не поклонилась. И он мне не поклонился.

Он мне грубо сказал:

— Ты чего шляешься по чужим дворам? Это еще что за новости!

Тогда я ему сказала, еле сдерживая свое негодование:

— Ты что же мне, старая плешь, платил один рубль, в то время как сам получал за меня восемь рублей! Ты знаешь, как это называется с точки зрения революции?

Но Деев на это засмеялся и велел своим сыновьям Мишке и Антошке выгнать меня со двора.

И я тогда удивилась, что революция не облегчила мои душевные страдания. Я только потом узнала, что это была буржуазная революция, ничего не имеющая с нами общего. И надо было еще ждать полгода, чтобы произошла другая, народная революция, которая все поставила на место.

Так или иначе, кулак Деев стал смеяться над моими словами. И он до того смеялся, что еле мог выкрикнуть Мишку и Антошку.

А когда те прибежали, то я удивилась, как они выросли за эти три года, что я провела в Киеве.

Они были все равно как здоровые жеребцы.

Деев им сказал:

— А нуте-ка, прогоните мне эту белобрысую халду, приехавшую с глупостями к нам из Киева.

Старший кулацкий сын Мишка не стал меня гнать. Он сказал: «Не надо этого делать». Но другой сын, Антошка, ринулся на меня, словно дикий бык.

Он начал меня бить ногами. Стал выталкивать меня со двора.

Мы с ним одновременно выбежали на улицу. И там друг против друга остановились.

И он, засмеявшись, мне сказал:

— Я тебя, Анютка, прогнал со двора, потому что мне папенька так велел. А если ты у нас хочешь получить работу, то наймись ко мне блох ловить.

И от этих его насмешливых слов у меня буквально свет померк в глазах. Души моей не стало от этой его дурацкой и нахальной фразы.

Я вдруг схватила коромысло, стоявшее у колодца, и ударила им кулацкого сына Антошку. Я два раза и больше его ударила. И потом я, кажется, даже стала молотить его этим коромыслом.

И он вдруг испугался, что увидел такую мою злобу, какую он не предполагал видеть в женщине.

И от страха он закричал:

— Ах, подойдите все сюда! Вот что она со мной делает!

Но потом вдруг побежал к дому, бросая горстями кровь с носу.

И я тогда пришла в себя и пошла обратно. И даже не обернулась назад, чтоб посмотреть, не бежит ли кто за мной. Мне в тот момент, как помнится, сделалось все равно.

И только я потом узнала, что сам старик Деев хотел выстрелить в меня из дробового ружья, но он испугался это сделать, потому что ему сказали, что я член горсовета.

Но я тогда не знала, о чем он замышлял, и бесстрашно шла с тем, чтобы никогда сюда не возвращаться.

Но я вернулась сюда через двенадцать лет. Через двенадцать лет я была в этом районе. И снова нарочно заехала в эту деревню.

Это был уже 1930 год.

И вот я заехала в эту деревню. И пошла на двор к Дееву.

Но оказалось, что старик Деев уже давно отправился путешествовать на тот свет. А его сыновья, Мишка и Антон,

были раскулачены и высланы из этого района. И никого из их родственников я тут больше не нашла.

А в их помещении была изба-читальня.

Я зашла в эту избу.

И когда я зашла в эту избу-читальню, я вдруг рассмеялась, что так все случилось.

Я не обладала жестоким сердцем, и я всегда была внимательна к чужому страданию. Но тут я рассмеялась, когда вошла в избу.

Заведующая избой-читальней спросила меня: «Чего вы смеетесь?» Я ей ответила с той сердечной простотой и наивностью, которые у меня тогда были. Я ей сказала:

— Я смеюсь, что произошла такая народная революция, которая оправдала мои надежды.

И тогда заведующая, не поняв, в чем тут дело, сказала:

— Может быть, вы хотите взять какую-нибудь книжку почитать, чтобы повысить свою культуру?

Не помню сейчас, но, кажется, я действительно взяла тогда какую-то книжку. Но в те дни я не стала ее читать, потому что у меня и без книг тогда слишком было переполнено сердце.

6. В КИЕВЕ

А что касается дореволюционного времени, то у этого кулака Деева я находилась почти что до шестнадцати лет.

А когда мне исполнилось шестнадцать лет, к нам в деревню прибыл из Киева один мой знакомый, ранее служивший на сахарном заводе.

Он мне симпатизировал.

Он мне сказал:

— Бросай, Аннушка, своего кулака Деева и давай поедем в Киев. И я там куда-нибудь определю тебя на работу. Сам я служу в Киеве в москательной лавке. И если ты захочешь, мы там будем с тобой встречаться по воскресеньям.

И вот я тогда бросила своего кулака и действительно поехала в Киев.

И я там в скором времени устроилась прислугой к одной барыне.

Собственно говоря, это была, так сказать, не чистой воды барыня: Ее муж служил в интендантстве по снабжению армии. И был все время в разъездах.

А супруга его содержала небольшую шляпную мастерскую, в которую она даже никогда не заглядывала по причине своего нездоровья. А просто там у нее кто-то работал, а прибыль получала она. Тогда это было в порядке вещей, что один работает, а другой за него барыши получает. Это не казалось чем-то особенным. Это было тогда повседневным делом — подобная эксплуатация.

А у этой барыни была дочка Оленька. И Оленька оставила по себе очень хорошее воспоминание. Она меня учила грамоте. Она сама была гимназистка выпускного класса. И была чересчур бойкая и развитая не по летам. За ней постоянно мужчины бегали. И даже какой-то юнкер из-за нее хотел застрелиться.

Но у нее хватало времени со мной заниматься. Она мне преподавала географию, чтение, арифметику и ботанику.

В общем, я ей очень благодарна за науку, потому что к моменту революции я была уже немного подкована в смысле грамотности, и я уже не была такой, что ли, чересчур темной особой.

Эта Оленька потом вышла замуж и уехала из Киева. И я не знаю, где она теперь.

Я у них служила около двух лет. И я тогда нигде почти не бывала. А моего знакомого, с которым я приехала в Киев, взяли на войну. Он был мобилизован.

Я его провожала на вокзал. И я не знаю, что с ним в дальнейшем стало. Наверное, он был убит на войне. Или он пропал без вести. Только я о нем никогда ничего не могла узнать.

А он очень страдал, что уезжает от меня. И мы с ним торжественно, как жених и невеста, поцеловались на вокзале.

Но я привыкла терять близких мне людей. И не имела от этой потери какого-нибудь отчаяния.

Я тогда стала больше работать, чтоб не скучать.

И я поступила даже на курсы поваров, чтобы повысить свою квалификацию.

Мне моя барыня разрешила это сделать. Ей самой смертельно хотелось, чтоб я у нее лучше готовила. И она мне позволяла по вечерам ходить на занятия.

Но от этого она, увы, не получила своего выигрыша, потому что я вскоре ушла от нее на более хорошее место, к одной генеральше.

7. ГЕНЕРАЛЬША ДУБАСОВА

У нас рядом с нашим домом был отдельный особняк. И там жила генеральша Нина Викторовна Дубасова, урожденная баронесса Недлер.

Она была сравнительно молодая, довольно интересная особа. Ей было около тридцати лет.

А сам генерал Дубасов был постоянно на фронте. Он был боевой генерал. Фронтовик. А она тут жила все равно как в сказке.

Они были очень богаты, эти Дубасовы. У них было несколько имений на Украине. И к ним постоянно мужики привозили всякую снедь и продукты. И, кроме того, мужики привозили им деньги. И в довершение всего кланялись в пояс и целовали ручку. Причем они круглый год работали. А та за них отдыхала. И пользовалась всем на свете. Просто невероятно сейчас подумать, как это тогда было.

В общем, генеральша жила в полной роскоши, не зная никаких затруднений.

У нее, между прочим, было три денщика. А когда с фронта приезжал генерал, то он еще двух денщиков с собой привозил. Так что это было смешно видеть, что у них был такой личный штат.

Кроме того, у них было два кучера, два дворника, горничная, истопник и кухарка. А поскольку сам генерал был почти все время на фронте, то все эти услуги относились только к баронессе Нине Викторовне, которая прямо с ума сходила от своего безделья.

Она меня видела несколько раз со своего балкона и велела мне сказать, чтоб я бросила служить у прежней барыни и чтоб я перешла к ней, поскольку я ей почему-то понравилась.

И она мне положила в два раза большее жалованье. Я получала шесть рублей, а она мне дала двенадцать рублей. А в то время это были порядочные деньги.

И тогда я к ней перешла. И вскоре я убедилась, что она была страшно сумасшедшая. Она была недотрога и истеричка в высшей степени.

Ее люди очень не любили. И она часто выгоняла то одного, то другого. Причем у нее была тенденция не платить. Она рассердится, например, на дворника, вышвырнет ему за дверь паспорт и велит сразу уходить. И никакой управы на нее нельзя было найти.

У нее было три денщика. Так она каждый день их лупила. Сейчас, конечно, трудно даже представить, как это можно ударить служащего человека. Но тогда это был не вопрос. Тогда это было вполне законное явление. И она за каждый пустяк била то одного, то другого. Она била их по лицу. Причем у нее не было даже злобы, а просто это была у нее привычка. А на битые они, как военные, не имели права ничего сказать. Они даже не смели шелохнуться. Они стояли навзтяжку, когда она их лупцевала. И только один денщик, некто Боровский, поднял руку, чтоб защититься.

Он поднял руку, чтобы закрыть свое лицо от побоев. Он ей сказал: «Я, Нина Викторовна, весь в огне горю. Еще, говорит, один удар, и я, говорит, могу допустить крайность».

И он совершенно легко отодвинул ее от себя. Он отбросил ее от себя, чтоб не иметь соблазна пойти на крайний шаг. А она нарочно на пол упала. И такой она плач подняла, такие крики и такую истерику, что чуть не со всего района собрались люди на это сумасшествие.

И тогда Боровского арестовали и посадили в тюрьму.

8. НОВАЯ КУХАРКА

Но интересно, что после этого случая она не стала тише себя вести и продолжала своих денщиков лупцевать.

Конечно, невоенных служащих она остерегалась бить, но весьма часто замахивалась.

Один раз она даже на меня замахнулась.

Но я ей сказала спокойно и просто:

— Имейте это в виду, Нина Викторовна: если вы меня тронете, то я сама за себя не отвечаю.

А я тогда была исключительно сильная и здоровая. Я была очень цветущая. У меня, например, был медальон. Так когда я его надевала, то он у меня не висел, как обыкновенно бывает висят медальоны. А он у меня горизонтально лежал. И я его даже могла видеть, не наклоняя головы. Он даже больше чем горизонтально лежал. И я даже отчасти не понимаю, как это тогда было.

Во всяком случае, я отличалась тогда исключительным здоровьем. И если б я захотела, то эту самую Нину Викторовну я могла бы вышвырнуть из одной комнаты в другую. Тем

более, что она была маленькая и хрупкая. Она была красивая, но тонкая и худенькая брюнетка. И когда к нам гости приходили, то они все больше смотрели на меня, чем на нее. А это ее очень бесило и расстраивало.

Конечно, я не скажу, что я отличалась в то время какой-нибудь удивительной красотой. Но я многим нравилась. И мое здоровье останавливало на себе внимание. Я была тогда до сумасшествия здоровая.

А если говорить о недостатках, то у меня были руки, которые мне принесли несчастье. И когда я в дальнейшем попала в Крым к белым, то мои руки меня выдали с головой. Белые сразу поняли, кто я такая. У меня были обыкновенные рабочие руки. У меня были большие мужицкие руки, которые от постоянного кухонного жара пылали тогда краснотой. И с точки зрения дворянской жизни это был крупнейший недостаток. В те времена некоторые барыни, чтоб вызвать белизну и еще больше заморить свои ручки, ставили даже к ним пиявки и надевали на ночь лайковые перчатки. Потому что труд в том обществе считается большим позором. И нельзя было иметь то, что напоминало о принадлежности к трудовому классу.

Нет, конечно, вообще говоря, красиво иметь тонкую ручку. И я ничего бы не имела против этого. Но я тогда страдала не по этой причине. А просто у меня была такая бурная жизнь и среди таких людей, которые весьма подозрительно смотрели на мои руки. И это мне мешало.

Сейчас я физическим трудом не занимаюсь, и руки у меня стали нормальные, но тогда действительно было что-то

особенное. И я тогда не раз досадовала, что для достижения моей цели я не имела белых дворянских ручек с голубыми жилками, для того чтобы ввести в заблуждение моих врагов.

9. ГЕНЕРАЛЬШИНЫ ГОСТИ

Итак, я поступила кухаркой к генеральше Нине Викторовне Дубасовой.

И она была этим очень довольна, потому что я была в то время интересная, а это ее очень устраивало. Она была из таких надменных барынь, которые любят, чтоб у них все было самое красивое, самое наилучшее. И она добивалась, чтоб у нее прислуга тоже отличалась какой-нибудь интересной внешностью.

Ей нравилось, когда гости поражались, что им открывает дверь такая миловидная прислуга. Она этим удовлетворяла свою барскую спесь и дурацкую гордость.

Но поскольку я была кухаркой, то я к гостям не должна была выходить. У нас днем двери открывали денщики; а вечером горничная.

Но баронесса непременно захотела, чтоб и я открывала двери.

И я тогда в вечерние часы стала тоже подходить к дверям. Тем более, что свою личную горничную Катю генеральша не любила к гостям выпускать, так как она и ростом и чернотой волос отчасти напоминала свою барыню. А это ее компрометировало и, вероятно, снижало в глазах знакомых.

Так или иначе, я по вечерам впускала гостей.

Но это не так долго продолжалось, потому что она сослепу приревновала меня к одному офицеру, который был ее любовником.

К ней каждый день заходил один молоденький офицерик, некто Юрий Анатольевич Бунаков. Он был хорошенький таковой, как кукла.

И я раньше никогда таких не видела. Он был похож на херувима. У него на щеке была нарисована черная мушка. И губы свои он подкрашивал красной краской. И всегда ходил с маленькой коробочкой. Там у него была пудра. И он то и дело припудривался, потому что он любил, чтоб у него была матовая кожа.

Сначала он меня просто рассмешил своей кукольной наружностью. Я даже не знала, что бывают такие изнеженные мужчины. Я хохотала, как сумасшедшая, когда в первый раз его увидела. Тем более, что он вел себя как ребенок. Он капризничал, хныкал и с головной болью валялся на кушетке.

Но Нина Викторовна была в него сверх всякой меры влюблена. Она его обожала. И от него без ума находилась. Она могла глядеть на него круглые сутки. Она считала его удивительным и небывалым на земле красавцем.

Она с ним буквально нянчилась.

И когда генерал был на фронте, то Юрий Анатольевич каждый день к ней заходил.

Он играл песенки на рояле. И напевал их вполголоса. Причем весь репертуар у него был исключительно из груст-

ных номеров. Он чаще всего пел: «О, это только сон» и «Под чарующей лаской твоею».

Также он имел привычку твердить такие стихи (я их запомнила, потому что я их в свое время записала):

Все на свете, все на свете знают —
Счастья нет.
И который раз в руках сжимают
Пистолет.
И который раз, смеясь и плача,
Вновь живут.
Хоть для них и решена задача —
Все умрут.

И он при этом подкидывал в руках свой браунинг № 1, с которым никогда в жизни не расставался.

10. ВЕСЕЛАЯ ЖИЗНЬ

Но, конечно, это была сплошная ерунда — то, что она меня к нему приревновала. Я на него просто никак не глядела. Вернее, мне было забавно видеть его поведение. Но он действительно иногда глаз с меня не сводил.

Он мне однажды сказал в передней:

— Это, говорит, Анюта, чересчур жалко, что среди нашего высшего общества не бывает таких, как ты. Среди нашего общества все больше высохшие мумии. И я бы, говорит,

наверно, вполне исцелился от меланхолии, если б я сошелся с такой особой, как ты.

Но я рассмеялась ему в лицо и не велела ему об этом больше говорить.

А моей баронессе не понравилось, что он со мной то и дело заговаривал. Она мне сказала:

— Я, говорит, Анюта, считаю ниже своего достоинства к вам ревновать, поскольку вы для меня человек, стоящий на нижней ступени общественной лестницы, но тем не менее двери я вам больше не позволю открывать.

Конечно, я не стала от этого горевать, потому что, откровенно говоря, в конце концов плевала на них обоих.

Кроме этого молоденького офицера, которого у нас на кухне называли попросту Юрочка, к нам очень часто заходил его ближайший друг, некто ротмистр Глеб Цветаев. Этот был уже в другом духе. Он тоже отличался изнеженной красотой. Только что против Юрочки он был более веселый и энергичный и отличался хорошим здоровьем. Он был не такой квелый, как тот. А в остальном он был вроде него. Он тоже пудрился, мазался, на щеке носил мушку и имел черные тонкие усики, как у французской кинознаменитости Адольфа Менжу.

В довершение всего он курил тончайшие дамские папироски, увлекался мужчинами и душился так, что мухи боялись к нему подлетать.

Нина Викторовна считала, что по своей небывалой красоте он может стоять на втором месте после Юрия Анатольевича. Она говорила, что даже розы могли бы распускаться

под его чарующей улыбкой. И он благодаря этому то и дело улыбался. Но я в этой улыбке ничего особенного не видела. Это была деланная и фальшивая улыбка, которая исчезала, когда он отворачивался.

Интересно отметить, что впоследствии я в Крыму столкнулась с этим офицером. Он тогда был начальником контрразведки в Ялте. И он там тоже улыбался, когда глядел на мое разбитое лицо. Но об этом после.

Вместе с ротмистром Цветаевым у нас часто бывал его друг, граф Шидловский. Вот этот был большой нахал. Он ко мне часто приставал со всякой ерундой.

Но он мне был просто противен своей гладкой, сытой физиономией и своими дворянскими поворотами.

Но он, конечно, не представлял себе, что кому-нибудь он может не понравиться, в то время как я дрожала от отвращения, когда он иной раз ко мне прикасался своей рукой.

Все эти офицеры у нас почти что каждый день бывали. Они тут пили вино, танцевали, играли в карты и так далее.

Иногда у них всю ночь шло пьянство и стоял бешеный разгул. Но я даже затрудняюсь сказать, что у них там еще было. Прислуга не имела права входить без приглашения.

А что касается Нины Викторовны, то она буквально дня не могла прожить без этих вечеринок, после которых она ходила желтая, как шафран, и целый день освежалась гофманскими каплями.

Из гостей у нас также иногда бывали разного сорта знаменитости — артистка Вера Холодная, киноактер Рунич и другие. И даже как-то раз приехал к нам из Москвы артист

Вертинский. Этот пел свои знаменитые песенки. И эти песенки хватали нашего Юрия Анатольевича прямо за самое сердце, до того, что он навзрыд плакал и просил их петь до бесконечности.

Эти песенки также исключительно сильно подействовали на ротмистра Глеба Цветаева, который тоже прослезился и сказал, что у него такое ощущение, будто погибает весь мир и нельзя никого спасти.

Такое препровождение времени у нас было всю зиму, вплоть до Февральской революции.

11. ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Я по-настоящему не понимала, что такое революция. Мне об этом мало приходилось слышать.

Я редко сталкивалась с людьми, которые могли бы меня на этот счет просветить. Что касается завода, то у нас там говорили об этом, но я была тогда слишком маленькая и не разбиралась. А у кулака Деева я тоже не могла ничего почерпнуть.

Я жила как в дремучем лесу.

И вот как-то утром я пошла на базар.

И вижу, что по улицам ходят студенты и обезоруживают полицию. У меня сразу екнуло сердце. Я подумала: наверно, что-нибудь особенное произошло.

Я тогда пошла дальше и вижу, что на всех углах стояли уже студенческие посты, а полиция снята.

Тогда я спросила одного, почему так делается. И он мне сказал: «Это революция».

Но я тогда не знала, как это бывает, и решила пойти посмотреть.

И вот я пошла дальше со своей корзинкой и вдруг вижу — идет громадная толпа. Некоторые идут с винтовками, а некоторые держат красные знамена, а некоторые идут так.

И многие из них кричат: «Мы идем на Сенной базар освобождать заключенных. Все идемте с нами».

А там у нас в Киеве на Сенном базаре была огромная тюрьма, в которой было много политических заключенных.

И вот я пошла вместе со всеми. И вдруг мы все (хотя я и не знала слов) в один голос запели революционную песню и с этой песней пришли на Сенной базар и увидели тюрьму.

И тогда народ с криками побежал к зданию и стал требовать выпуска всех заключенных.

А я и некоторые другие молодые женщины залезли на забор и там сидели, наблюдая, что будет. Причем я не расставалась со своей корзинкой для провизии, потому что мне надо было кое-что закупить, чтобы к двенадцати часам дня начать готовку обеда.

И вот я сижу на заборе. И слышу страшные крики. Это народ велит открыть все двери в тюрьме.

Вдруг действительно открываются все двери и ворота, и в окнах показываются заключенные. И нам видать, что они недоумевают и не понимают, что это такое. И думают — нет ли тут провокации.

Мы видим, что двери и ворота открыты, часовых нету, но никто из заключенных на улице не появляется.

И тогда среди народа раздаются нетерпеливые возгласы: «Выходите же!.. Верьте нам, произошла революция!»

И вот появляется первая партия заключенных. Они вышли из ворот и сразу поняли, что произошло. Один из них упал в обморок. А другой сразу же влез на забор и начал произносить речь. Он был большевик. Он долго говорил, а я сидела со своей корзинкой и слушала.

Он говорил, что в революции нужна прежде всего организация. Он сказал толпе: «Объединяйтесь в профсоюзы, и тогда вы можете бороться со своим главным врагом — с буржуазией, чтоб она вас не эксплуатировала».

И весь народ ему хлопал, хотя многие и не понимали, что это такое.

Тем временем из ворот тюрьмы вышли все заключенные. Некоторые были бледные и качались. А некоторые с криком радости бежали в толпу. И там они обнимались с родными и целовались со знакомыми.

Потом вышла целая партия уголовников. Но никакого нахальства среди них не наблюдалось. Они держали себя смиренно и возвышенно, но только все время у всех стреляли папироски.

12. НЕОЖИДАННАЯ ВСТРЕЧА

И вдруг, сидя на заборе, я увидела, что из тюрьмы вышел наш денщик Боровский. Он полгода сидел в тюрьме за то, что защитился от побоев генеральши Нины Викторовны.

И тут я увидела, что он прямо переродился за это время. Всегда молчаливый и сдержанный, он тут вдруг самостоятельно влез на подводу и произнес речь. И многие ему тоже хлопали.

И тогда я протискалась к нему и сказала: «Здравствуй, Паша Боровский!»

Он очень обрадовался, что увидел свою знакомую. И мы с ним решили находиться вместе.

В это время среди народа раздалась крики: «Идемте все к думе, там происходят исключительно важные события».

И тут мы с Боровским побежали к думе. И встали около самой трибуны.

Там было много произнесено пламенных речей. И Боровский произнес вторую речь. Он рассказал про свой случай с генеральшей и убеждал народ не доверяться буржуазии и дворянству.

Потом я посмотрела на часы и увидела, что уже четыре часа. То есть это был час, когда генеральша садилась за стол обедать. Она в смысле еды была исключительно аккуратная особа. И не любила запоздания даже в пять минут.

Тут я вспомнила, что я даже ничего к обеду не купила.

Но Боровский мне сказал:

— Сейчас безрезультатно что-нибудь покупать. Иди так домой. А если ты боишься неприятностей, то я могу с тобой пойти. И мы тогда посмотрим, что тебе Нина Викторовна скажет в моем присутствии. Хотел бы я это видеть.

Я сначала растерялась, и мной страх овладел, когда Боровский со мной пошел. Но потом мне от этого даже стало немного весело.

И мы с Боровским пришли домой. И наши денщики форменным образом обалдели, когда увидели нас вместе.

Они сказали:

— Ну, знаете ли, это уж слишком.

Но мы им объяснили, в чем дело. И среди нас поднялся горячий разговор.

И вот мы все, домашние работники, сидим в кухне и разговариваем.

Вдруг открывается дверь, и на пороге показывается Нина Викторовна, такая грозная, как она редко когда бывает.

И она так говорит, задыхаясь от злости:

— Я не погляжу, что происходят революционные события. Мои права хозяйки остаются в полной силе. И эти права никем не могут быть нарушены. И я, говорит, всех вас в два счета к черту выгоню, если будет повторяться что-нибудь подобное.

Вот так она говорит и вдруг видит — сидит на стуле Боровский.

Тут она побелела как полотно, схватилась за дверь и прошептала: «Боже милосердный!»

Она, наверно, в этот момент поняла, что случилось. Она поняла, что произошло нечто небывалое в ее жизни.

И тут вдруг Паша Боровский встает со своего стула, и мы видим, что он нервничает. Он сильно волнуется.

Он встает со своего стула, отодвигает его тихонько в сторону и так говорит Нине Викторовне:

— Амба!

И если бы он сказал что-нибудь другое, она бы не так испугалась. Но то, что он сказал «амба» и при этом сделал рукой отрицательный жест, это ее устрасило до последней степени.

Она вскрикнула «ах», задрожала, пошатнулась и, бледная как полотно, выскочила из кухни.

И тут все денщики рассмеялись и сказали: «Вот, господа, что такое революция».

13. ПЕРВОЕ КРЕЩЕНИЕ

Потом вдруг в кухню вошел ротмистр Глеб Цветаев. Он сказал Боровскому со своей улыбкой.

— Если тебя, мой друг, революция освободила, то это еще не значит, что ты, как уголовный арестант и государственный злодей, можешь тут у баронессы находиться. Я прошу тебя, мой друг, немедленно удалиться, или будут самые печальные последствия.

Боровский сказал:

— Я уйду, так как я не хочу подвергать опасности моих товарищей. Потому что если мы, господин офицер, с вами сейчас столкнемся, то они за меня заступятся. И тогда мне неизвестна их судьба. Вот почему, и только поэтому, я уйду. Но с вами мы еще, господин офицер, встретимся. И тогда я вам преподнесу такую дулю, что вы пожалеете за свои чересчур нахальные слова.

Мы думали, что после этих слов произойдет нечто страшное. Но ротмистр Цветаев повернулся на каблуках и ушел, так хлопнув дверью, что кофейница упала с полки.

И тогда Боровский, попрощавшись с нами, тоже ушел. И он взял с меня слово, что я сегодня вечером приду в университет на митинг, который был назначен в девять часов.

Тогда я наспех из чего попало приготовила обед, и горничная Катя подала его господам. И те пожрали в охотку и никаких замечаний не сделали.

А я, приодевшись, пошла в университет на митинг, ничего не сказав об этом Нине Викторовне, что было в то время большим преступлением по службе.

И вот я пришла в университет. Там уже было полным-полно. Выступали главным образом студенты и курсистки. Тут подошел ко мне Боровский. Он сказал:

— Ну, Анюта, не подкачай. Ты сегодня непременно выступи. Ты будешь говорить от лица домашних работниц. Это произведет фурор. Ты скажи что-нибудь хорошенькое про эксплуатацию прислуги.

Тут я форменным образом задрожала, потому что речи я никогда не говорила и не знала, как это нужно.

Но Боровский не стал слушать моих возражений. Он подвел меня к трибуне и познакомил со всеми видными революционерами, какие там были.

И один из них, по фамилии Розенблюм, сказал мне, как будто я была заправская ораторша:

— Ты, говорит, товарищ Касьянова, скажи что-нибудь о профсоюзном движении.

Тут я, скажу откровенно, совершенно сомлела, потому что я только сегодня днем впервые услышала об этом движении и еще не представляла себе, что можно об этом сказать что-нибудь определенное.

Но тут они меня привели на трибуну и представили публике.

Я не помню, о чем я начала говорить. Я только помню, что я дрожала как собака на этой трибуне. Но потом я совладала с собой и начала такую речь, что в зале произошла удивительная тишина. Все меня слушали и говорили: «Это нечто особенное, что она так говорит».

А я им развернула картину эксплуатации моего детства и сказала о теперешней жизни, которую я терплю у Нины Викторовны.

Тут я сказала, что среди нас находится еще одна ее жертва, денщик Боровский, побитый ею и посаженный в тюрьму. И тут все захотели увидеть этого Боровского.

И тогда Боровский вышел на трибуну и сказал: «Да, это так, как она сказала».

И тогда все в один голос закричали: «Скажи нам ее адрес, мы ее к черту в порошок сотрем, эту твою баронессу».

Но я сказала то, что слышала утром. Я сказала со своей трибуны:

— При чем тут адрес. Революцию надо организованно вести, надо создать профсоюзное движение, и тогда планомерно вести борьбу с буржуазною знатью.

Тут раздались такие аплодисменты, что я думала, что зал треснет пополам. Я как в чаду сошла с трибуны.

Тут сразу ко мне все подскочили. Боровский говорит: «Это что-то особенное, настолько ты исключительно великолепно говорила».

Розенблюм мне сказал:

— Ты, Анюта Касьянова, пойдешь организатором в профсоюзы. Завтра приходи к думе в оргбюро и получишь назначение.

Я как пьяная вернулась домой. И я по дороге сочиняла речи, чтобы произнести их как-нибудь в другой раз.

14. НОВАЯ ЖИЗНЬ

На другой день утром меня вызвала к себе барыня Нина Викторовна.

Она мне сказала:

— Если ты хочешь у меня служить, то прекрати это безобразие. Я тебе не позволю шляться по всяким митингам, где бог знает что говорится.

Но я сказала, что в таком случае я откажусь от места.

Она стала меня просить, чтоб я этого не делала. Она сказала, что в три раза прибавит мне жалованье и подарит несколько платьев, только чтоб у нее в доме наступили мир и тишина.

Я ей ответила:

— Вы из образованных слоев — и говорите такие удивительные глупости. Ваши слова мне смешны и напрасны. Разве вы не видите, что делается с народом? Не от моего желания зависит прекратить то или другое.

Тут в этот момент происходит звонок, и к нам в столовую входит поручик Юрий Анатольевич Бунаков. И с ним вместе ротмистр Глеб Цветаев.

Бунаков, совершенно бледный и расстроенный, ложится на диван. А ротмистр говорит:

— Что делается на улице — это уму непостижимо. Хамья столько, что пройти нельзя. Как, говорит, ужасно, что в таких варварских руках будет судьба России. А к этому идет, потому что мы против них буквально маленькая горсточка. Стоит выйти на улицу, и вы в этом убедитесь.

Тут он увидел меня и закашлялся.

Нина Викторовна говорит:

— Я с этой представительницей народа целый час бьюсь. Но она уперлась на своем, как баран. Ей милей, видите ли, уличная шантрапа, чем порядочная жизнь в высшем обществе. И, главное, она еще осмеливается мне возражать и вступать со мной в пререкания, как будто мы вместе с ней находимся на одной ступени жизни.

Тут ротмистр Цветаев сказал фразу, которую я поняла только через десять лет. Он сказал:

— Вот когда нам приходит возмездие от народа. Наши деды ели виноград, а у нас оскомина.

Юра Бунаков вскочил со своего дивана, и я удивилась, что в нем может кипеть такая злоба. Он сказал:

— Но ведь мы же не отдадим свои права без борьбы?

Ротмистр воскликнул:

— Мы будем драться до последней капли крови. Никакое соглашение тут невозможно, потому что сталкиваются два

мира между собой. И то, что сейчас происходит, — это пускай по сравнению с тем, что будет.

Нина Викторовна мне сказала:

— Аннушка, уйдите отсюда, нам не до вас.

И вот я в этот день, приготовив обед, поспешила в оргбюро.

В оргбюро уже все слышали обо мне. Мне там сказали: «Ты, Касьянова, пойдешь у нас агитатором. Ты будешь ходить среди масс и агитировать за профсоюзы. Ты революцию поняла именно так, как следует».

И тогда я спросила, со всей наивностью:

— Можно ли мне от барыни уйти?

И тут все засмеялись и сказали:

— Можно и даже нужно.

И вот я прибежала домой, сложила вещи и сказала: «Я ухожу».

Что было — это описать нет возможности. Но я выдержала бурю. И тогда баронесса, не заходя на кухню, швырнула мне паспорт. Но денег, почти за месяц, она мне не отдала.

Я хотела с ней об этом спорить, но как раз так случилось, что с фронта приехал сам генерал Дубасов. Я думала, что это здоровый, бородатый генерал, вроде бульдога. Но он оказался удивительно худеньким и маленьким. И он там в комнате все время что-то кудахтал. Он был недоволен и выражал свои взгляды на Юрочку Бунакова. Он приревновал Нину Викторовну. Но та вела себя удивительно нахально. Денщики мне сказали, что она нипочем не захотела отказаться от дома Юрочке. И генералу, который обожал Нину Викторовну, пришлось смириться. В довершение всего пришедшие офи-

церы начали распространяться про революцию, и у них там поднялись горячие политические споры.

В общем, я не стала туда к ним соваться насчет своих денег. А просто пошла в оргбюро и получила там назначение. Мне там дали немного денег и отвели комнату. И мы условились относительно моей работы.

Я горячо принялась за эту работу. Тут мне все было интересно и занимательно. Новый мир стал открываться передо мной. Я только тогда поняла, как я жила и как весь народ жил. И как мы все находились в кабале и сами, по своей слепоте, не замечали этого.

И вот тут, как я уже говорила, движимая ненавистью, я и поехала в деревню для переговоров с кулаком Деевым. И эта поездка мне многое объяснила. Она мне объяснила, что, кроме этой революции, может быть еще другая, народная революция, направленная против буржуазии и дворянства.

И я, вернувшись, еще с большей энергией стала работать для революции.

Я как агитатор ходила по домам и там устраивала общие собрания домашних работниц, сиделок, нянек и санитарок.

Я им произносила пламенные речи и убеждала их вступить в профсоюз для планомерной борьбы со всякого сорта эксплуататорами, за грош выжимающими масло из трудящихся.

Почти всюду меня принимали хорошо, но в некоторых местах меня хотели даже побить за слишком левые слова.

А когда были выборы по рабочим кварталам, то меня, как представительницу от домашней прислуги, выбрали в горсовет.

А в горсовете в это время были и генералы, и большевики, и меньшевики — все вместе.

И когда я туда пришла, мне там сказали:

— Примыкайте к какому-нибудь крылу. Вы кто будете?

Тут некоторые ребята из профсоюза мне говорят:

— Поскольку мы тебя, Аннушка, знаем, тебе наиболее всего к лицу подходит партия большевиков, — примыкай к этому крылу.

И я так и сделала.

15. ОКТЯБРЬСКИЕ ДНИ

И вот осенью у нас в Киеве начались выборы на съезд, который должен был состояться в Ленинграде.

Меня, как активную работницу, выбрали на этот съезд. И с киевской делегацией я выехала в Ленинград.

Я была этим очень горда. И больше, как об этом съезде, ничего не хотела знать.

Мне перед отъездом из Киева Боровский сделал предложение, но я ему отказала. Он хотел, чтобы я была его женой, он влюбился в меня.

Но мне было не до этого. В довершение всего он мне не особенно нравился. Так что я со спокойной совестью уехала в Ленинград.

А он, я не знаю, куда делся. Я больше его никогда не встречала.

А в Ленинграде нашу делегацию поместили в здании юнкерской школы.

В Ленинград же мы приехали в самые решительные дни. Это было дня за два до начала съезда.

Это были горячие и пламенные дни, когда решалась дальнейшая судьба революции. Это были торжественные и боевые дни для народа. Я в те дни слышала Ленина и близко видела многих замечательных революционеров. И это было для меня большое счастье. Это был праздник, на котором я присутствовала.

Мне удивительно об этом говорить. Но, если так можно сказать, я в то время не отдавала себе отчета в том, что тогда делалось.

Я кипела в котле революции, но я не сознавала полностью все значение тех событий. И это был мой минус. Это меня никогда не успокаивало. Я всегда завидовала тем людям, которые сознательно вступили в борьбу. И для меня это были великие люди. Что же касается меня, то я должна признаться — я жила в то время как в тумане.

И такую великую революцию, как Октябрьскую, я встретила горячо и даже пламенно, но я тогда еще не сознавала, какое это великое событие в жизни трудящегося народа.

И мне даже совестно вам признаться, что я гуляла с подругой по городу в то время, как начиналась последняя борьба против буржуазии.

Мы шли тогда с ней, с подругой моей, по Садовой улице. И вдруг услышали выстрелы.

А мы с ней были тогда еще обыкновенные деревенские девчата, дурехи, не бывшие на фронте под обстрелом.

Мы сказали друг другу:

— Давай пойдем посмотрим на стрельбу.

Мы вышли на Невский проспект и увидели демонстрацию, которая направлялась от думы к Зимнему дворцу. Это были меньшевики. Они несли плакаты: «Вся власть Временному правительству».

А наш лозунг — «Вся власть Советам». И в этом мы отлично разбирались. И поэтому мы не пошли за меньшевиками, а стали пробираться на площадь к Зимнему дворцу, где, нам сказали, имеются наши отряды большевиков.

В это время мы увидели бегущих людей, которые закричали меньшевистской демонстрации:

— Господа, не идите дальше, потому что большевики вас могут встретить огнем, и тогда произойдет ненужное кровопролитие.

И вся колонна остановилась в недоумении, что им делать. В это время на площади снова раздались выстрелы.

И тогда несколько человек от меньшевиков пошли вперед узнать, что им делать.

Мы с подругой не могли пробраться к нашим и тогда пошли на площадь с другой стороны, где ходили еще трамваи как ни в чем не бывало.

Мы дошли до самой площади, которая была, к нашему удивлению, почти пустая.

Все наши отряды были расположены на Миллионной улице и под аркой Главного штаба.

Мы непременно захотели соединиться со своими. Мы почувствовали, что наступает что-то решительное. Но тут началась такая сильная ружейная перестрелка, что толпа, за которой мы шли, бросилась бежать назад.

Тут, в довершение нашей беды, подруга моя упала и подвихнула себе ногу. И я, взяв ее под руку, пошла с ней домой.

И мы всю дорогу слышали выстрелы, которые все больше усиливались.

В тот же вечер мы были на съезде и узнали, что Зимний дворец был взят.

16. СНОВА КИЕВ

На другой день к нам в общежитие явился Розенблюм, приехавший с нашей делегацией. Он был сильно взволнован. Он сказал, что нам следует немедленно ехать в Киев, так как там ожидаются события и захват власти большевиками. И что наше дело быть сейчас там.

В тот же день мы уехали из Ленинграда,

Уже на вокзале в Киеве мы узнали, что в городе идет бой, большевики заняли несколько кварталов и продвигаются на Подол.

Розенблюм нам сказал:

— Хотя меня дома ожидают жена и сын и мое сердце так к ним рвется, как я даже никогда не представлял себе этого, тем не менее нам надо, не заходя домой, вступить в ряды бойцов. Кто хочет сражаться за большевизм и против Временного правительства — идемте.

И мы, оставив на вокзале вещи, пошли на Подол.

Действительно, там уже начинался жаркий бой. Юнкера, офицеры и часть гражданского населения встретили бешеным огнем киевский пролетариат.

Это сражение, как известно, решило дело в пользу Украинской рады против Временного правительства. Киевский пролетариат занял весь город, но советская власть была утверждена в Киеве только в январе, и то ненадолго, потому что тогда Киев заняли немецкие войска.

Итак, мы вступили в бой прямо с вокзала. Я тогда не стреляла, потому что я никогда не держала винтовки в руках. Но я помогала наступающим. Я подносила патроны и бинтовала раненых.

А когда кончился бой и весь город был в наших руках, Розенблюм мне сказал:

— Теперь ты выдержала такое большое испытание, что тебе надо вступить в ряды партии.

И вот он написал записку и послал меня в партийный комитет.

Там за столом сидела женщина и заполняла партийные билеты.

А к ней была порядочная очередь из рабочих, матросов и приехавших с фронта солдат.

Я стала в очередь и вскоре получила красную книжечку.

И с тех пор я стала партийной.

А тогда было для Киева исключительно трудное время.

Немецкие войска, гетман Скоропадский, Петлюра и Деникин вступали в Киев и устанавливали там свою власть.

И нам, большевикам, нельзя было сидеть сложа руки.

Только, может быть, месяца два или три до прихода немцев я жила сравнительно спокойно, не участвуя в походах и боях. Тогда был даже такой период в моей жизни, что я сошлась с одним человеком, и мы с ним поженились.

17. В ПОХОДЕ

Дело в том, что я там была знакома с одним революционером-студентом. Его звали Аркадий Томилин. Он был сын чиновника, но он был всецело на стороне пролетариата, когда мы сражались в Киеве. Я к нему питала большое уважение. И он был тоже в меня влюблен. И у нас, вообще говоря, возникло большое чувство друг к другу.

Он не был в партии, но он весь горел, когда дело шло об интересах народа. Он ненавидел дворянство и купечество. И говорил, что каждый честный человек должен биться только за трудящихся. Он говорил, что сейчас наступил такой момент, когда народ может наконец сбросить со своих плеч всех эксплуататоров, с тем чтобы работать в дальнейшем для себя, а не для кучки паразитов. А как это будет в дальнейшем называться — коммунизм или как-нибудь иначе — это его пока не интересует. Там, в дальнейшем, разберутся и сделают именно так, как это будет полезно для трудящегося народа. А пока мы должны биться за эту ближайшую цель, хотя бы это нам стоило жизни.

Он был очень пламенный и честный человек. Он был студент-политехник. Но он курса не закончил. И мы с ним вместе

вступили в партизанский отряд, когда Киев был под властью немцев и Скоропадского. А когда немцы оставили Киев (после революции в Германии), мы вступили с ним в ряды Красной гвардии.

Мы с ним вместе находились в Пластунской дивизии на Черниговском фронте.

Я была там в качестве разведчицы, а он состоял в пулеметном отряде.

Но в бою под Черниговом, когда мы брали город, он был убит белогвардейской пулей.

Я привыкла терять людей, и у меня всю жизнь были большие потери, но тут я не знаю, как я была ошелоmlена. Я была растеряна и потрясена, и я так плакала, как никогда этого со мной не было и никогда, наверно, не будет в дальнейшем.

Я в то время прямо потерялась от горя, так я его любила.

А мне товарищи сказали:

— Ты, Анюта Касьянова, поклянись над его трупом отомстить за эту смерть и исполнить то, что ты наметила. И тогда тебе будет много легче, чем сейчас.

Я так и сделала.

И верно, мне тогда стало легче. Я дала себе торжественное обещание не выпускать винтовки из рук, пока не исполнятся все наши надежды.

Я тогда как с ума сошла от своего обещания. Я все время была в первых рядах сражавшихся. Я шла напролом куда угодно. Я заходила в тыл к белым и производила там опустошения. Для меня ничего не составляло тогда зайти в тыл и

бросить бомбу в какой-нибудь ихний штаб. Я тогда была удивительно смелая и решительная. Для меня тогда не существовало никаких преград.

За этот период я дважды получила награды от штаба армии. Первый раз мне подарили именной браунинг, а второй раз мне подарили золотые часы. Что касается боевого Красного Знамени, то я получила его в дальнейшем.

Но тут в эти два года были такие дела, что об этом следует написать отдельную книжку из эпизодов боевой жизни.

Тут были такие боевые дела, которые, без сомнения, будут описаны историей гражданской войны.

Тут были победы и поражения. Но были и очень тяжелые моменты, когда почти вся Украина была в руках белых и когда на Ленинград наступал Юденич.

Тогда, бывало, зайдешь в штаб, чтоб посмотреть на сводки, и сердце упадет от тоски. Но зато потом мы в один месяц докатили белую армию до Крыма.

И когда мы гнали эту дворянскую Россию аж к самому Перекопу, мне тогда на ум приходили слова ротмистра Цветаева. Он тогда сказал, что приходит час расплаты и час возмездия за все то, что было. И это было действительно так.

Но в то время я еще не знала, где находится ротмистр Глеб Цветаев и где его друг Юрочка Бунаков и наша баронесса Нина Викторовна со своим генералом.

Я о них узнала только потом, когда встретила с ними в Крыму, в Ялте. Это было перед самым их бегством за границу.

И это был незабываемый момент.

18. ПОЕЗДКА В ЖИТОМИР

В общем, когда наши взяли Житомир и стали энергично продвигаться дальше, отбрасывая белую армию к Крыму, случилось обстоятельство, которое неожиданно выбросило меня из строя на несколько месяцев. Я тогда заболела и чуть не умерла.

Это случилось таким образом. Мне начальник нашей дивизии приказал сопровождать эшелон с больными. Он меня назначил комендантом эшелона. Мне дали это назначение, чтоб я имела некоторый отдых от боевой жизни. Все мои товарищи видели, что я прямо горела на фронте и совершенно не считалась с опасностями. Кроме того, я еще не остыла от потери моего мужа.

И вот решено было переключить мое внимание.

Начальник дивизии мне сказал:

— У нас создается сейчас опасное положение на транспорте. Нужно во что бы то ни стало продвинуть поезда с больными и ранеными внутрь. Мы тебе, Аня Касьянова, поручаем доставить пять эшелонов в Житомир и назначаем тебя над ними старшим комендантом. И ты помни, что это дело чрезвычайно важное и почетное — везти раненых.

В трех эшелонах были действительно раненые, в двух же эшелонах оказались сыпнотифозные больные. И начальник дивизии сам, наверно, не знал, что мне подсудобили эти эшелоны.

Через несколько дней я уже вполне оценила всю трудность моей задачи.

Это у меня было совершенно невероятное путешествие. Санитары все, к черту, переболели. Уборщицы — говорить нечего. У нас даже захворали сыпняком все тормозные кондуктора, так что раненые сами тормозили состав. Поездка этим очень осложнилась. Главное, что ухода за ранеными почти не было. И мне самой на спине пришлось таскать раненых и разгружать теплушки от умерших людей.

Вдобавок, чтоб продвинуться вперед, надо было всякий раз добиваться паровозов и путевок.

Тут я поняла, что в боевой обстановке мне было гораздо приятнее, чем здесь. Я тут нажила себе невроз сердца, и у меня даже началась бессонница.

А одного начальника станции я просто даже чуть не застрелила.

Я пришла к нему в кабинет, а он не дает паровоза.

А мы тут уже стоим день. И тут у меня в эшелонах особенно много умирает. И я чувствую, что мне надо двигаться.

Я ему показываю специальный мандат, но он небрежно откидывает его рукой.

Тогда я хочу его взять на темперамент и выхватываю наган.

Я говорю:

— Скажите — будет ли мне паровоз?

Но он, не растерявшись, хладнокровно говорит:

— Смотрите, она мне еще смеет угрожать. А ну-ка, спрячь свой пистолет за пазуху, или мы тебя с дежурным по станции выкинем в окно. Каждая, говорит, бабенка начнет мне пистолет в морду совать — что и будет. Вот именно за это я тебя проучу и не дам тебе паровоза.

Тогда я прихожу в такое страшное раздражение, что почти в упор стреляю в начальника станции. И пуля всаживается в стену буквально на расстоянии двух сантиметров от его лица.

И он вскакивает из-за стола и молча, без никакого крика, убегает из помещения.

Я кричу:

— Я вас всех тут, к свиньям, перестреляю.

Тут все забегали, засуетились.

Дежурный по станции говорит:

— Успокойтесь. Паровоз я вам дам во что бы то ни стало.

Действительно, минут через двадцать мне дают паровоз.

И начальник станции тоже вышел к прицепке. Но он не смотрел в мою сторону. И мне от этого было вдвойне совестно, что я так сильно погорячилась.

Я тогда перед самой отправкой велела ему отнести полбуханки хлеба. Он, поломавшись, принял этот хлеб с благодарностью и даже сделал мне приветствие ручкой.

В общем, я предпочла бы находиться на фронте, чем проталкивать поезда. Однако мне надо было исполнить задачу.

И я эту задачу с честью выполнила.

Правда, в пути у меня четверть людского состава перемерла, но могло быть и хуже.

Так или иначе, я доставила эшелоны в Житомир.

В Житомире я пошла в баню. Вымылась. Вышла на улицу. И на улице упала в обморок. И тут начался со мной страшный бред.

Меня отнесли в больницу. И оказалось, что у меня сыпной тиф в крайне опасной форме. Я вскакивала с кровати, разбивала, к черту, все стекла, и так далее.

Я почти полтора месяца болела. Но потом поправилась. То есть я настолько плохо поправилась, что еле могла два шага сделать.

А в семидесяти километрах от Житомира жил дядя моей знакомой киевлянки Лели, с которой я тут неожиданно столкнулась в больнице.

Она мне предложила вместе с ней поехать в деревню к этому дяде отдохнуть немножко. И я так и сделала.

Мне в штабе дали отсрочку, дали немного денег, и я вместе с Лелей поехала в деревню, к ее дяде, который довольно мило и сердечно нас встретил.

И я там у него за две с половиной недели удивительно быстро поправилась, подкрепилась, расцвела и снова решила вступить в дело, так как гражданская война еще не была закончена.

19. ОПАСНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Я тогда снова приехала в Житомир, но там мне в штабе сказали, что обо мне был запрос из Екатеринослава. И что я должна немедленно туда ехать, согласно полученной телефограмме.

Я приехала в Екатеринослав и явилась в партийную организацию.

Один из работников губкома, мой однофамилец Касьянов, Петр Федорович, очень внимательно меня встретил. Он сказал, что у них до меня есть большое дело. Тут он познакомил меня с двумя военными, прибывшими с фронта из-под Перекопа. И сказал, что сейчас совершается исторический момент в судьбе пролетарского движения. Он сказал, что сейчас советская Россия почти чиста от дворянских и буржуазных войск. Вся страна в руках народа, и расцвет страны — недалекое будущее. Но Крым пока еще в руках врага, в руках генерала Врангеля, в руках офицеров, дворян и помещиков. И пока это так, ни в коем случае нельзя складывать оружие.

— Этот фронт, — сказал один из военных, — надо ликвидировать к зиме во что бы то ни стало. Крым сейчас у нас — бельмо на глазу. Мы гнали барскую Россию аж по всему фронту. И не дело, что у нас тут случилось нечто вроде заминки. Пора опрокинуть в море белую армию, засевшую на полуострове.

Тогда Касьянов добавляет:

— И в связи с этим у нас есть очень ответственное до тебя дело. Нам известно твое славное прошлое, и нам хорошо известна твоя боевая готовность и преданность народной революции. Генерал Кутепов зверски разгромил рабочую организацию Симферополя и многих повесил на фонарях. И мы в настоящий момент потеряли связь с нашей подпольной организацией в Симферополе и Ялте. Туда надо каким-нибудь образом пробраться. Надо товарищам передать деньги и сообщить кое-какие инструкции о дальнейшем...

Можешь ли ты это сделать? Мы наметили тебя, и никого больше, потому что сейчас в Крым можно пробраться только через линию фронта. А ты можешь в крайнем случае называться супругой офицера или что-нибудь вроде этого. Одним словом, тут мужчина не годится, а годится женщина...

И он поглядел на меня и одобрительно добавил:

— Такой наружности, как твоя. И такой храбрости, какая нам известна за тобой.

Для меня был не вопрос, соглашаться или нет. И я сразу ответила:

— Хорошо, я перейду к белым и все сделаю так, как нужно.

Он сказал:

— Но мы не знаем, как они отнесутся к тебе, если они тебя поймают. Вернее, тогда они...

Тут он еще раз вскинул на меня свои глаза, и я вдруг увидела, что он вздрогнул. Он как бы в первый раз на меня посмотрел. И я вижу, что он посмотрел так равнодушно и с таким глубоким волнением, что я смутилась.

И тут я вижу, как может видеть женщина, что я так ему понравилась, как это редко случается. Тут я увидела, что у него в одно мгновение сгорело от меня сердце. Он положил свою пылающую ладонь на мою руку и так от этого застыдился, что не знал, что сказать. И тут все присутствующие увидели, что происходит что-то не то. Все закашлялись. И он тоже закашлялся, встал со стула и прошелся по комнате.

Мы все ждали, что он скажет. И я подумала: «Только бы он не сморозил какую-нибудь несообразность».

Но он сказал:

— А если твое здоровье, товарищ Анна Касьянова, не в порядке, то тебе ни в коем случае на это не надо идти. Мы тогда найдем еще кого-нибудь на этот предмет.

Я сказала:

— Здоровье мое теперь вполне порядочно. И то, что сказано, я исполню с большой охотой и радостью.

Один из военных сказал:

— Давайте так условимся: мы доставим вас завтра на передовые позиции, изучим с вами план, и потом уж можно будет перейти.

Касьянов пошел проводить меня до лестницы, и там он мне сказал:

— Когда ты вернешься из Крыма, то, если можно, я бы хотел тебя увидеть... Я, говорит, смущаюсь об этом говорить, но ты перед собой видишь человека, который, кажется, любил тебя с первого мгновения. Я сам удивляюсь, что это так произошло. Но ты именно такая женщина, какая отвечает моим представлениям. И для меня, говорит, была бы большая и непоправимая потеря в жизни, если б я тебя потерял из виду.

Если говорить откровенно, то я была взволнована его словами. Я не могу сказать, что он, этот сорокалетний мужчина, мне тогда понравился, но я тем не менее, сама не знаю почему, согласилась с ним увидеться после возвращения. Хотя это было не в моем принципе. Уж если человек мне предельно не понравился, так это было не в моем характере что-нибудь ему обещать.

В общем, мы с ним попрощались и дали друг другу обещание не забывать сегодняшнего дня.

20. НОЧНОЙ ПЕРЕХОД

В этот же вечер мне дали пояс с деньгами, которые я должна была передать подпольной симферопольской организации. Потом мне дали точные инструкции и велели наизусть запомнить два адреса — в Ялте и в Симферополе. По этим адресам я должна была явиться и передать инструкции и распоряжения о возможных стачках в Крыму.

Затем я потребовала, чтоб мне выдали самое лучшее шелковое белье, хорошее платье и все, что полагается к наилучшему гардеробу. Мне хотелось быть подкованной до мелочей. И, на случай ареста, я решила выдать себя за женщину, бежавшую из советской России. Я решила сказать, что я жена офицера или что-нибудь вроде этого.

Мне выдали из конфискованных вещей такие дивные вещи, какие я только видела у баронессы Нины Викторовны.

Кроме того, мне дали для дворянского шика одно кольцо с розовым камешком и одну браслетку.

Но когда я стала эти украшения надевать на свои руки, загрубелые от кухни, то я поняла, что версия об офицерской жене, пожалуй, мне не пригодится.

Но я пока не стала обдумывать, за кого я себя выдам. Я почему-то надеялась на полный успех. Я надеялась, что я,

пользуясь своим опытом разведчицы, проникну без ареста на территорию белых.

Я вызубрила два адреса. Надела пояс таким образом, что в случае чего я могла его в один момент сбросить.

Я еще хотела непременно надеть лорнетку с цепочкой, как это бывало у высшей аристократии, но лорнетку мне не нашли и вместо этого дали хорошенький перламутровый бинокль, тоже дивной художественной работы.

На другой день меня доставили на позиции к самому Перекопскому перешейку.

Сначала я решила было переходить в районе железнодорожного моста, но начальник дивизии товарищ Грязнов советовал мне это делать. Он сказал, что вся линия полотна особенно тщательно проверяется и что надо поискать иных ходов, потому что тут нет ни одного шанса пройти незамеченной.

И тогда, изучив план всего фронта, мы решили, что следует перейти в другом месте, около укреплений, которые, кажется, если я не забываю и не путаю, называются Юшуньскими.

Это место было до удивительности открыто. То есть тут было почти сплошное ровное место вроде степи. Так что в смысле перехода тут, казалось, до поразительности трудно было что-нибудь сделать. Однако тут имелось болото. И местами оно было как бы даже скрыто от глаз. И я, как разведчица, сразу оценила это обстоятельство. Тут, видимо, и охраны было наименьше всего, и переход был отчасти возможен.

Во всяком случае, все другие места не выдерживали критики в сравнении с этим.

Интересно, что через четырнадцать лет, в 1935 году, в этом болоте были найдены остатки трупа красноармейца. Он был с большими почестями похоронен. Это одно говорило за то, что, несмотря на ровную позицию, тут были места, до некоторой степени укрытые от глаз.

Еще была возможность перейти по самому берегу Сивашского Гнилого моря. Но это меня менее устраивало, потому что там надо было около двух километров шлепать по соленой воде.

Так что я со спокойной душой решила остановиться именно на выбранном болотистом месте.

Я два дня изучала план неприятельских позиций. Вся моя задача заключалась в том, чтобы под покровом ночи постараться незаметно пройти через неприятельскую укрепленную линию. Для этого мне надо было перерезать проволочные заграждения и пройти в том болотистом месте, которое наименьше всего охранялось. И если бы я в том месте попала, тогда мне пришлось бы начать свое вранье о бегстве от советского режима. Но это было бы уже плохо. Только дурак поверил бы, что я для этой цели могла пройти через красных. Тем не менее иного выхода для перехода к белым не было.

В общем, если я пройду в тыл незамеченной, то дальше было бы просто — у меня в поясе были такие документы, что сам барон Врангель ахнул бы от удивления.

Я много мучилась с костюмом. Я их переменяла несколько штук. Мне все хотелось, чтобы было естественно. Но особенно естественно не получалось. Тогда я остановилась на своем обыкновенном потрепанном платье. Но зато под платье я надела шелковое белье. И теперь я была более похожа на тоскующую женщину, бежавшую от советской власти.

Но вот наконец все было готово, и в ночь на двадцать восьмое сентября, в одиннадцать часов ночи я вышла из наших окопов.

Наш патруль провел меня шагов двести и оставил в поле с одним разведчиком, который в совершенстве знал всю эту местность.

Было ужасно темно. Луны не было. Неприятельские ракеты по временам ярко освещали поле. Сердце мое учащенно билось. Но страха я не чувствовала. Наоборот, был прилив энергии и желание поскорей и наилучшим образом все сделать.

Мой разведчик тронул меня за руку, и мы с ним медленно и осторожно пошли.

Наконец мы наткнулись на проволочные заграждения. Мы с разведчиком ножницами перерезали колючую проволоку и пошли дальше. Кое-где раздавались выстрелы. И снова кверху стали взвиваться ракеты.

Наконец, пройдя еще шагов сто, мой разведчик дал наставление, куда мне идти дальше, и, попрощавшись со мной, удалился.

Я осталась одна. Кругом меня было болото. Я шла страшно медленно и с таким трудом, что, казалось, теряла силы. Я шла по направлению звезды, указанной разведчиком.

В одном месте я лежала на кочках минут двадцать. Я так устала и утомилась, что мне вдруг захотелось тут заснуть. Я с трудом прогнала это сонное настроение и пошла дальше. Но тут вскоре я увидела, что ракеты взвиваются к небу позади меня. Значит, я миновала уже неприятельские позиции. Это был невероятный случай, но это был факт, и эта честь принадлежала нашему опытному разведчику.

21. АРЕСТ

Я шла теперь по ровному полю. Прошла немного более версты и вдруг наткнулась на какую-то деревянную будку.

Это было настолько неожиданно, что я чуть не вскрикнула.

Я шарахнулась в сторону. Но в этот момент кто-то закричал:

— Стой! Кто идет?

Я знала, что молчать нельзя. Я сказала:

— Вот что — я пробираюсь к белым.

Тут раздались быстрые шаги, ко мне подбежали двое.

К моему удивлению, это были офицеры. Я была готова к аресту, но я предполагала, что меня арестуют солдаты. Мне было бы с ними легче договориться. Но тут были офицеры в золотых погонах и с шашками. Это меня неприятно поразило.

В этот самый момент на небе появилась луна, и стало довольно светло.

Один из офицеров схватил меня за плечо и стал трясти. Он был, видать, испуган неожиданностью и взбешен. Он закричал:

— Ты кто такая? Ты как сюда попала?

Другой офицер сказал:

— Ясно, что это красная дрянь. Больше тут некому шляться.

Я спокойно ответила:

— Пойдемте, господа, в штаб. Я там скажу.

Мне хотелось выиграть время. И сама не знаю, на что я тогда надеялась.

Я сказала офицерам:

— Я пробираюсь, господа, в Симферополь по своим личным делам. Я бежала от красных.

Они засмеялись и сказали:

— Что-то не похоже. Пойдем, однако, в штаб дивизии.

Но они стали уже более вежливы.

И мы с ними пошли в штаб.

Моей усталости как не бывало. Я лихорадочно обдумывала план действия. Ни о каком бегстве не могло быть и речи. Офицеры с наганами шли плечо к плечу.

Прежде всего мне надо было освободиться от пояса.

Пояс находился у меня под платьем, и он был так устроен, что его легко можно было сбросить.

Я незаметно провела рукой по животу. Пояс скользнул по моему шелковому белью и по ногам и мягко упал на траву.

Офицеры не заметили.

Мне стало вдруг так жалко денег и документов, что я чуть не расплакалась. Но делать было нечего. Надо было спасти шкуру для дальнейшего.

Тут я подумала, что надо бы, на случай, запомнить место, где упал пояс. Но как это, черт возьми, сделать?

Я стала считать шаги. Мне хотелось сосчитать шаги вплоть до какого-нибудь особенно характерного места, которое я могла бы запомнить.

Я сосчитала семьсот пятьдесят шагов, и вдруг мы вышли на полотно железной дороги. Я снова стала считать шаги. И до столба с номером семьдесят шесть я сосчитала сто шагов.

После чего я стала думать о своем предстоящем вранье.

Мне вдруг вспомнился интересный факт из моего недавнего боевого прошлого.

У нас на фронте под Черниговом был задержан белый офицер, некто полковник Калугин. Он был молодой, лет тридцати. И он нас удивил своим поведением.

Он держал себя очень смело и непринужденно, когда его привели в штаб.

Его спросили, для какой цели он перешел к нам.

Мы ожидали от него услышать всякое вранье, но он так сказал:

— Да, я по убеждению белый офицер. Я скрывать от вас не буду, что я с революцией ничего общего не имею. Но в данном случае я прошу поверить моему честному слову — я перешел к вам отнюдь не по делам военным или политическим. Я питаю большую любовь к одной женщине, которая

осталась при отступлении в Орле. И у меня такое к ней неудержимое чувство, что я решил повидать ее. Если вы меня отпустите с ней назад — я по-человечески вам буду исключительно благодарен и не буду с вами сражаться. Если нет — я останусь тут с ней. Если вы, конечно, помилуете меня и не расстреляете. Я знал, на что шел.

Эти речи нас всех привели в удивление, и мы не знали, что подумать.

На полевом суде этот полковник Калугин на все вопросы отвечал с достоинством, но настаивал на своей любовной версии.

Однако суд не нашел причин для помилования и приговорил полковника к высшей мере. Причем прокурор ему сказал:

— Мы хотели бы, полковник, уважить вашу последнюю просьбу. И, если вы найдете нужным, мы передадим вашей любимой женщине то, что вы захотите, — карточки, вещи и последний привет. Это делает вам честь так любить. Но вы наш враг, и мы не имеем права поступить сейчас иначе.

На это полковник рассмеялся и сказал:

— Неужели вы могли думать, что в такой момент, когда решается судьба России, русский офицер мог пришить к бабьей юбке?.. Никакой женщины нет... Это была моя выдумка, чтоб вас провести... Не удалось — не надо. Я готов умереть.

Это так нас всех удивило, что мы были ошеломлены. И мы тогда поняли, что поражение белых под Черниговом нельзя рассматривать слишком просто. Враги, несмотря на

свою дряблость, имели сильных и весьма мужественных людей. И было бы политической ошибкой думать, что там были только сор и мусор.

И вот, когда меня офицеры вели в штаб дивизии, я подумала об этом случае. И мне показалось, что было бы хорошо рассказать в штабе о какой-нибудь подобной любовной истории. И если мы поверили, то, может быть, и тут поверят.

И, когда я пришла к решению рассказать в штабе что-нибудь из любовных приключений, мне сразу стало на душе легко, и я уже не сомневалась в успехе.

В это время один из офицеров грубо схватил меня за плечо и велел остановиться. Мы стояли теперь у какого-то домика. Вероятно, тут был штаб дивизии.

Было еще темно, но небо начинало немного проясняться. Вероятно, было около пяти часов утра.

22. ПЕРВЫЙ ДОПРОС

Меня почему-то не стали тут допрашивать. Меня только тут обыскали в высшей степени грубо и нечутко. Но ничего не нашли.

А после обыска я полчаса сидела на ступеньках, а против меня стоял офицер с наганом и в упор меня разглядывал. А другой офицер куда-то ушел.

Наконец он явился и сказал:

— Генерал велел отвезти ее в Джанкой. Один из нас должен ехать. Если хотите, поручик, поезжайте.

Мы прошли с этим поручиком несколько километров пешком и наконец сели в товарный состав, который и доставил нас в Джанкой.

Откровенно говоря, я была так утомлена ночной передрыгой, что сразу, как камень, заснула на полу теплушки. И когда проснулась, мы стояли уже в Джанкое.

В общем, минут через десять я была уже на допросе. Меня допрашивал некто полковник Пирамидов, перед которым навытяжку стоял приехавший со мной офицер.

По-видимому, этот полковник был начальником контрразведки или что-нибудь вроде этого.

Узнав от офицера подробности, он отпустил его и, оставшись со мной в комнате, любезно начал беседовать. Но его любезность меня не успокоила. Я увидела, что он даже не посмотрел на меня сколько-нибудь внимательно. И это меня отчасти устрасило. Это была игра без козырей. Наверно, после ночной передрыги я выглядела ужасно. Я чувствовала, какая я была грязная и растрепанная, как ведьма.

Полковник расспрашивал меня о том о сем, и я ему на все отвечала как находила нужным.

Я ему собиралась сказать что-нибудь правдивое, соответствующее моменту. Я хотела сказать, что я ищу офицера, которого люблю больше жизни, и благодаря этому перешла сюда. Но в последний момент, несколько растерявшись, не совсем так сказала. Я сказала, что я жена офицера, который тут, в Крыму.

Он спросил: «А как его фамилия?» И я отвечала: «Он носит фамилию Бунаков, Юрий Анатольевич».

— А какой он воинской части? — спросил меня полковник. — Что-то мне знакомая фамилия.

Я сказала:

— Он поручик лейб-гвардии конной артиллерии.

Полковник Пирамидов, засмеявшись, сказал:

— Вы это хорошо изучили. Только извините меня — быть того не может, чтоб вы были его жена.

И он посмотрел на мои мужицкие руки.

Я сказала:

— Вернее, я его любовница. Он меня бросил. Но я его так люблю, что я решила его обязательно найти. Я с ним два года жила. И теперь так по нем тоскую, что места себе не нахожу.

Тут я увидела, что полковник Пирамидов мне не особенно верит. Он начал со мной шутить, задавать забавные вопросы и выспрашивать мое прошлое.

Потом он грубо сказал:

— Я тебя посажу в подвал. И ты подумай хорошенько, что именно тебе следует рассказать. А если ты, скотина, ответишь мне по-прежнему враньем, то это факт, что я тебя pošлю путешествовать на небо. Мне наконец надоела твоя наглая ложь. Уж за одно, что ты назвалась женой гвардейского офицера, тебе следует хорошенько всыпать.

Он позвал вестового. И тот отвел меня в соседний дом и там меня бросил в подвал.

А когда меня вели к подвалу, один какой-то белобрысый офицер с огромным любопытством посмотрел на меня. И я видела, что он хотел даже подойти ко мне, но конвойный

не разрешил ему это сделать. Мне было тогда не до того, и я не обратила на это особого внимания.

Подвал, куда меня сунули, был с крошечным оконцем, в которое едва могла пройти кошка.

Я была ошеломлена и растеряна. Я понимала, что дело со мной исключительно плохо и все, вероятно, кончится расстрелом. Я себя ругала за нетвердые и дурацкие ответы. И за то, что не могла сочинить поскладнее любовную историю.

Однако надо было выпутываться. Я решила ни в коем случае не признаваться, так как тогда моя гибель была бы неизбежна. Я решила настаивать на любовной версии.

Я сидела в подвале на куче мусора и камней и обдумывала, как мне вести себя и что говорить при следующем допросе.

Вдруг я услышала музыку. Кто-то играл на баяне.

Я подошла к окну и увидела, что по двору гуляет сам полковник Пирамидов.

Он сентиментально гулял, заложив свои барские руки за спину. Он был очень такой, что ли, задумчивый и грустный.

Позади него шел солдат, который на ходу играл ему на баяне.

Солдат играл исключительно хорошо. Он играл народные песни.

Потом он заиграл такую песню, от которой я неожиданно заплакала. Я не знаю, что это за песня. Я ее раньше никогда не слышала. Она начиналась со слов:

В голове моей мозг иссыхает,
Сердце кровью моей облилось...

И так далее, что-то в этом духе.

Это было совершенно не в моем характере — плакать. Но у меня после допроса нервы были до того расшатаны, что я разрыдалась от этой песни. Очень уж она была какая-то особенная. И солдат пел таким тонким голосом, что у меня сердце переворачивалось.

Но, поплавав, я снова взяла себя в руки. Эта моя минутная слабость сыграла даже хорошую роль. Я дала себе слово не падать духом ни при каких обстоятельствах. Что из того, что я буду плакать и убиваться. Лучше я сохраню силы на предстоящую борьбу. Лучше я буду бороться до самой последней возможности. И подороже и с пользой продам свою жизнь, которая принадлежит не мне, а революции.

Эти мысли меня успокоили. Мне снова стало легко и просто.

Поздно вечером за мной зашел какой-то молодой офицер. Он был со мной до неприятности вежлив. Он сказал:

— Сударыня, вас приглашает полковник Пирамидов. Идемте за мной.

23. ВТОРОЙ ДОПРОС

Полковник Пирамидов начал со мной говорить сначала весьма любезно. Он мне предложил сесть и велел подать чашку чаю.

И я начала пить чай и слушала, что полковник мне говорит. Он говорил мне о слишком ответственном моменте,

когда поставлена на карту судьба всей России, и сказал, что если им придется покинуть Крым, то страна будет растерзана на части другими государствами.

Я ему хотела возразить, но сдержалась. На этом он меня бы поймал.

Когда я кончила пить чай, полковник Пирамидов ударил кулаком по столу. Он вскричал:

— Ты обманщица и негодяйка! Теперь мне совершенно ясно, что ты подслана к нам. Я непременно тебя сегодня расстреляю.

Я сказала:

— Вы, полковник, опрометчиво решаете.

— Я тебе дал чай, — закричал полковник, — с тем, чтобы тебя испытать. Это вранье, что ты была два года любовницей гвардейского офицера. Ты пила чай как мужичка. Я велел тебе подать сахарный песок вместо рафинаду. И ты его брала ложкой, вместо того чтобы положить в чай. Ты никогда не сидела за одним столом с порядочным человеком. Я даже не могу допустить, чтоб штаб-ротмистр Бунаков два месяца с тобой жил. Давай прекрати это бесстыдное вранье и скажи так, как есть. Ты зачем перешла позицию?

Я была ошеломлена до последней степени, потому что выводы полковника были абсолютно неправильны. Я сахар не положила в чай не потому, что я не знала этих великосветских правил. На это я достаточно насмотрелась в бытность свою у баронессы. А я не положила сахарный песок в чай потому, что я привыкла его экономить. Тогда был голод, и у нас вообще ни у кого не было привычки пить внакладку.

Я ела сахар с ложечки и пила чай как бы вприкуску. И то, что полковник построил свои выводы на чепухе, это меня почему-то в особенности оскорбило. Я была до того этим ошеломлена, что буквально не нашлась что-либо сказать.

И мое молчание меня отчасти погубило.

Полковник Пирамидов закричал:

— Я тебя спрашиваю, нахалка, зачем ты перешла позицию?

И хотя я была ошеломлена, но сказала твердо:

— Я перешла позицию, чтобы встретиться с человеком, которого я люблю больше жизни.

Полковник закричал на меня страшным голосом:

— Ты врешь, негодяйка! Твои мужицкие руки выдают тебя с головой. Ты этими грязными руками подбираешься схватить нас за горло. Ты такая некрещеная тварь, какой свет не видел... А то, что ты мне позволяешь так с собой говорить, еще раз убеждает меня в моем подозрении. Ты большевичка. На тебе даже, я уверен, креста нет.

И он с такой силой рванул мое платье, что разорвал его до живота. И сам он был такой страшный, что я подумала — он меня убьет.

Но я сама почему-то была взбешена, когда он меня назвал некрещеною тварью, хотя мне это было, в сущности, решительно все равно и на это было в высшей степени смешно обижаться. Но мне надо было на чем-нибудь сорвать свою злобу. И поэтому я ему сказала:

— Меня крестили, а тебя, я вижу, в помойную яму опустили.

Он рванул меня за плечо и другой рукой со всей силы ударил по лицу. Кровь брызнула у меня из носа и изо рта. И я выплюнула два зуба.

— Боже мой! — закричал полковник.

Он упал в свое кресло и схватил свою голову руками.

Он сказал:

— Боже мой! Если бы пять лет назад кто-нибудь посмел сказать, что я ударю женщину, я бы застрелил такого негодяя... Слушай, ты... — сказал он мне. — Ты своим наглым упорством довела меня до сумасшествия... Я не должен был тебя бить таким образом, как бьют мужчину. Вот за это я тебе никогда не прощу.

Я молчала.

Он снял со своей руки кольцо и с дикой злобой бросил куда-то в угол.

Он сказал:

— Негодяйка! Я на этом кольце носил такой девиз, который воспрещал мне грубое физическое воздействие над женщиной. Я окончил Павловское военное училище, и этим все сказано. Ты меня толкнула поступить против девиза. И теперь я тебя во что бы то ни стало велю расстрелять.

В этот момент в дверь кто-то постучал.

— Нельзя! — диким голосом закричал полковник.

За дверью кто-то сказал:

— Слушай, Пирамидов. Одну минуту. Крайне важное сообщение.

Дверь открылась. В комнату вошел офицер. И тут я увидела, что этот офицер — ротмистр Глеб Цветаев.

Он был в таком же виде, как и всегда. Он был красивый и чудно одетый, и черные усики оттеняли его лицо. Он поморщился, когда меня увидел. Но он не узнал меня. Мое лицо было разбито и в крови, платье разодрано, и вся я была грязная и выпачканная, как черт.

Он сказал улыбаясь:

— Фи, полковник. Ну как можно так. Что за методы...

Он вытащил из кармана батистовый носовой платок и бросил мне, чтоб я вытерла лицо. Я не стала этого делать. Я боялась, что он меня узнает. И тогда мое вранье о Бунакове окончательно обнаружится. Я сидела на лавке, закрыв лицо руками.

Полковник сказал:

— Это красная. И я в этом совершенно уверен... Наше положение столь напряженно и тревожно, что я немного по-нервничал.

Ротмистр Цветаев сказал:

— Ты знаешь, меня назначили начальником контрразведки в Ялту. Сейчас еду... А что касается нашего положения, то оно хуже, чем ты думаешь... Я сейчас от Кутепова. Тот взбешен и в ужасном виде... Как страшно все это, Пирамидов! Какой жуткий исторический момент. Мы, крошечная кучка цивилизованных людей, отступаем под натиском мужицких войск... Мы пока держимся на маленьком полуострове... Но сколько это может продолжаться...

Полковник сказал:

— Я тоже думаю, что наша судьба решена. Да, мы — последние римляне. Мы последний оплот цивилизации.

Дальше — мрак и средневековье. Хорошенький момент, черт возьми.

— Кажется, пришло возмездие, — сказал ротмистр Цветаев.

И он снова повторил фразу, которую я слышала от него: «Деды ели виноград, а у нас оскомина».

У меня вертелось на языке возразить этим офицерам. Мне хотелось сказать о новой, прекрасной цивилизации, которую несет трудящийся мир. Мне хотелось сказать: да, господа, пришло возмездие, пришел час расплаты за все беды, за все несчастья, которые терпел народ от своих притеснителей, от своих бар и помещиков.

И хотя я сама тогда была не слишком-то подкована в этих вопросах, но мне захотелось им сказать, как они ошибаются в своих воззрениях.

Но я, конечно, не посмела ухудшить свое положение. Моя жизнь принадлежала не мне. И поэтому я молчала. Хотя меня раздирали слова и я еле сдерживалась, чтоб молчать.

Полковник Пирамидов крикнул вестового. Потом пришел какой-то офицер, которому Пирамидов шепотом отдавал длинные приказания.

Этот офицер сказал мне: «Идемте».

И мы вышли из помещения.

24. НЕОЖИДАННОЕ ИЗБАВЛЕНИЕ

Через полчаса они со мной разыграли весьма некрасивую комедию. Они разыграли сцену расстрела. Они хотели выпытать от меня то, что я от них скрывала. Они подумали,

что перед дулом винтовки я непременно упаду духом и тогда им во всем покаюсь.

Они отвели меня в какой-то сад и там поставили к дереву. И скомандовали: «Пли!»

А перед этим они сказали, что помилуют, если я им признаюсь. Причем они били меня плетью и шомполом, чтоб я им все сказала. Они меня били по плечам и по спине. И я молча сносила эти удары.

Я рассчитывала, что если я сейчас признаюсь, то тогда-то уж непременно мне будет крышка. И поэтому, когда они задавали вопросы, я снова настаивала на своем, хотя под конец я уже теряла силы и сознание. Я еле стояла от боли, негодования и страха смерти.

Они мне сказали, наведя на меня винтовки:

— А ну, произноси свое последнее слово. Уж теперь-то тебе все равно крышка.

Я им ответила:

— Свое последнее слово я вам уже сказала. Но если тем не менее вы меня теперь все же решили пристрелить, то вы есть подлые негодяи. И это есть самое наипоследнее мое слово, произнесенное в этом мире.

Они страшно поразились моему упорству. Я видела, как они пожимали плечами и недоумевали, и я уж не знаю, что они подумали. Они выстрелили в меня поверх головы. И я упала. Я думала, что я убита, или ранена. Но оказалось, что не то и не это. И они меня снова отвели в подвал и там бросили.

Первые два дня я, откровенно скажу, лежала почти без движения. Я не прикасалась даже к еде и только пила воду.

Но потом мне стало лучше. Я, сколько возможно, привела себя в порядок. И тогда почувствовала такой прилив энергии, что мне захотелось убежать.

Я попробовала раскатать камень у подвального окошечка. Он не поддавался моим усилиям. Но я не теряла надежды.

Вдруг я увидела, что кто-то на оконце положил ветку винограда.

Это меня удивило. И я подумала — неужели среди тигров нашлась мягкая душа?

Так или иначе, я скушала этот виноград. И снова стала готовиться к побегу.

Но вот кто-то из офицеров подошел к подвалу и мне сказал: — Выйдите наверх, мне надо с вами поговорить... А если вы так слабы, что не можете подняться, то я вам помогу.

Меня рассмешили эти слова. И я, забывши о своем надуманном положении, сказала:

— Мерси, я не нуждаюсь в посторонней помощи. Это ваши офицерские дамы не могут обходиться без поддержки, а я, говорю, еще чувствую себя довольно порядочно.

Однако я слишком понадеялась на свои силы. И когда я вышла из подвала и очутилась в саду, у меня так голова закружилась, что я чуть не упала. Но я не хотела перед своим врагом показать свою слабость. Это было не в моих привычках. И, чтобы скрыть свое головокружение, я нагнулась и сорвала два каких-то цветочка.

Офицер сказал:

— На вас приятно глядеть — какая вы здоровая, энергичная и сильная женщина. Другую совершенно бы подломила

вся история, подобная вашей. А вы вышли из подвала и стали цветы собирать как ни в чем не бывало. Эта живость меня восхищает до последней степени.

Я говорю:

— Если вы, господин офицер, решили мне тут делать комплименты, то я удивляюсь, что вы избрали такой момент. Лично, говорю, мне не до этого.

Офицер, засмеявшись, сказал:

— Мне и эти ваши резкие слова весьма нравятся, и они находят отклик в моем сердце. Они опять-таки показывают вашу большую моральную силу.

Тогда я с удивлением посмотрела на моего собеседника.

Я увидела перед собой офицера лет тридцати. Это был тот самый офицер, который хотел ко мне подойти, когда меня вели в подвал. Он был белобрысый и некрасивый. У него были маленькие свинячие глаза и физиономия одутловатая и нездоровая, со шрамом на щеке.

Он сказал:

— Если говорить откровенно, то я наблюдал за вами все эти дни. Я не скрою от вас, вы мне понравились с первого же момента. Вы мне напомнили мою жену, которая бросила меня в Киеве... Она была вроде вас, такая же сильная и непреклонная. И я единственно уважаю в жизни — это силу и здоровье. Все остальное меня не волнует... Я сам крестьянский сын, сын полей и природы... Но что вы видите в настоящий момент перед собой? Я дня не могу прожить, чтобы не заправиться кокаином. И без этого я весь развинченный и в таком виде, что вы бы удивились... Да, я где-то

потерял свою силу, но я продолжаю восхищаться, когда это вижу у других.

Я сначала подумала, что этот человек что-то вроде провокатора и что он, наверно, подослан меня испытать. Но с каждым его новым словом я видела, что это вроде как одержимый. Не то чтобы это был ненормальный, нет, он был просто во власти своих психических представлений, занюханный кокаином и ослепленный своей идеей.

Он сказал:

— Я прошу вас, мадмуазель, не удивляться моим словам. Мне полковник Пирамидов обещал освободить вас в том случае, если вы...

И он, замаявшись, добавил:

— Если вы... в общем, он освободит вас, если кто-нибудь из господ офицеров будет с вами жить... вместе... Он имеет к вам подозрение... Он хотел, чтобы вы были под присмотром... И если вы согласитесь, чтоб мы были вместе, то все закончится к общему благополучию.

Я была так поражена этим предложением, что даже не сразу поняла, о чем идет речь.

Он снова повторил свои слова и добавил, что никакого принуждения он не хочет. Он мог бы, конечно, поступить иначе, но он хочет настоящих чувств, а не насилия.

Вероятно, в моем положении надо было на это согласиться, но я не могла. Мое сердце женщины разрывалось от чувства возмущения и досады. И я отклонила это странное предложение быть его любовницей.

Он сказал:

— Я не знаю, кто вы такая, и не хочу об этом знать. А что касается меня, то я не боевой офицер. Я благодаря ранению заведу хозяйственной частью. Я прапорщик и вот уже четвертый год нахожусь в этом чине без малейшего желания стать генералом.

Я спросила его:

— Что же, вы сами, что ли, обратились к полковнику, или он вам предложил меня?

Прапорщик сказал:

— Я чувствую, что я упал в ваших глазах, но, если хотите знать правду, я просил его о вас. И он сказал: «Можете ее забирать, только чтоб она не наделала нам делов. Вы за нее ответите».

— И вы согласились?

— Да, я согласился...

Я сказала:

— А я все же несогласна. Я не продажная бабенка, которую вы, офицеры, привыкли покупать на улице. Передайте вашему полковнику, что он хам. И что пусть он поищет развлечений для своих подчиненных где-нибудь в другом месте.

Прапорщик был смущен до последней крайности. Он сказал:

— Хорошо. Я скажу полковнику, что я с вами договорился, а вы можете идти куда хотите.

Мне показалось это фальшью и показным благородством. Но я сказала:

— А если я этим воспользуюсь?

— Хорошо. Воспользуйтесь. Только я прошу вас запомнить, где вы меня можете найти, если вы в Симферополе не

найдете вашего любовника. Позвольте представиться — я прапорщик Василий Матвеевич Комаров, заведующий хозяйственной частью комендантского управления в Симферополе. Там вы меня можете очень легко найти... И, вероятно, вам придется это сделать. Вы без денег, без паспорта, без квартиры... Так что я вас отпускаю с полной уверенностью, что наши пути еще сойдутся... Я верю в судьбу и знаю, что вы мне посланы вместо моей первой жены, которая меня бросила ради какого-то негодяя... Она не понимала ни меня, ни моего сердца... Итак, вы свободны. Идите!

И прапорщик Комаров сделал рукой театральный жест.

Я не знала, что мне думать. Я снова стала предполагать, что нет ли тут провокации. Но, как бы то ни было, я была благодарна случаю, хотя и не могла верить в благополучный конец.

Я сказала:

— Значит, я могу вас так понять, что я свободна?

Он сказал:

— Да, вы свободны. Только если вас спросят, вы скажите, что вы договорились со мной.

От радости и счастья, что я свободна, я вскочила на ноги и почувствовала такой прилив сил, как в дни самого большого счастья.

25. В СИМФЕРОПОЛЕ

Вскоре я привела себя в порядок, вымылась и поправила разорванный туалет. Но, когда я взглянула на себя в зеркало, я пришла в большое огорчение. Лицо было избито и в синя-

ках. Только что мои голубые глаза по-прежнему сияли. Все остальное не было в порядке. И нужно было недели две, чтоб все пришло в свою норму.

Но все же я решила идти в Симферополь.

Я попрощалась с прапорщиком Комаровым. И с удивлением на него поглядела — зачем он меня отпускает неизвестно куда. Я ему сказала об этом. Он, засмеявшись, ответил, что он очень рад, если я оценила его благородство. Что не все женщины так чутки и не все женщины умеют разбираться в сердце мужчины.

— Кроме того, — добавил он, — я непременно вас найду. Я совершенно уверен, что далее Симферополя вам не уйти без моей помощи... Ну, а если уйдете — значит, не судьба, и, значит, не вы предназначены заменить мою потерянную жену.

Тут я увидела, что мои шансы возросли, если он заговорил чуть ли не о женитьбе. Но все же я поспешила в Симферополь. Меня там ждали дела. И мне не к лицу было выходить замуж за своего врага, за этого белобрысого прапорщика из белой армии, ищущего, как в бреду, возвышенных чувств в стенах контрразведки.

Я добралась до Симферополя на другой день.

Симферополь был как осажденный город. На вокзале на фонаре висел повешенный. Всюду проходили войска и везли пушки. Я поняла, что положение мое будет печальным, если я кого-нибудь не найду из указанных мне лиц. Но вместе с тем я чувствовала, что вряд ли тут кого-нибудь можно найти.

И когда я подошла к нужному мне дому, я там увидела кавалерийских лошадей. И в саду стояла военная палатка.

Поэтому я, конечно, сразу не рискнула туда зайти. Это был номер, если бы меня там захватили как явившуюся в подпольную организацию.

По всему видно было, что конспиративная квартира тут была разгромлена. Однако надо было проверить. Я стояла на улице, недалеко от этого дома, и вдруг увидела, что идет женщина — гонит корову. Я разговорилась с ней, и как-то так вышло, что женщина предложила мне пожить у ней — поработать.

Мое положение было ужасно. Без денег и без ничего — я могла просто пропасть. Вдобавок изуродованное лицо мне не позволяло идти на дальнейшее. Я согласилась. И пошла с ней.

Оказывается, она жила через дом от нужной мне квартиры.

И вот я стала у нее жить. Я прожила у нее больше десяти дней. И за это время мое лицо пришло в себя. Я снова стала такая же, как прежде. И я подумала, что прапорщик Комаров вряд ли так легко отпустил бы меня, если б снова встретил.

Кроме того, за эти десять дней я узнала все подробности. Я узнала, что генерал Кутепов своими действиями навел прямо ужас на весь Симферополь. Тут еще недавно десятки повешенных висели на уличных фонарях. А что касается нужной мне квартиры, то там была какая-то целая история со стрельбой. И что там многие были арестованы и расстреляны.

Короче говоря, создавалось такое положение, что мне в Симферополе делать было нечего. Мне надо было пробраться в Ялту. Но как это сделать — это был большой вопрос. Ту-

да попасть было нелегко, а в моем положении просто невозможно, так как я не имела никакого положения и никакого, хотя бы даже плохонького, удостоверения личности.

Вместе с тем я чувствовала, что мне надо действовать. Мне нужно было пробраться в Ялту и там завязать отношения. А между тем прошло уже три недели со дня моего перехода, и я ничего не сделала. Да еще вдобавок потеряла пояс с казенными деньгами. Все это меня приводило теперь в глубочайшую меланхолию. Я буквально не знала, с чего мне начать.

Был такой момент, что я даже хотела обратиться к прапорщику Комарову. Я хотела через него что-нибудь сделать. Но когда подумала о нем, то отложила эти мысли. Мне было бы очень нелегко сойтись с этим прапорщиком. Он меня раздражал своим показным, фальшивым благородством и пьяным бредом.

Я решила обойтись без его помощи.

26. РУКА И СЕРДЦЕ

В расхлябанном состоянии я шла однажды от вокзала к своему дому.

И вдруг неожиданно столкнулась с прапорщиком Комаровым.

Я вскрикнула от удивления. Хотела быстро уйти. Но он догнал меня и схватил за руку. Я увидела, что он был как в бреду и занюханный кокаином.

Он сказал:

— Я от одиночества опять стал сильно нюхать кокаин. А у меня порок сердца, и мне это абсолютно нельзя... И я знаю, что только вы, сильная и здоровая женщина, можете меня вполне спасти от ужасной гибели... И если я вас потеряю, то я пропаду, потому что тут у нас сейчас нету женщин, сколько-нибудь похожих на вас. У нас тут все сами нуждаются в поддержке... А вы такая, что когда я рядом с вами стою, и то мне делается легко и весело. Ничего подобного я не испытывал с тех пор, как мы расстались с женой... Не оставляйте меня, потому что я без вас пропаду.

У меня вертелось на языке ему сказать: «Ну и пропадай к дьяволу, мне-то что!»

Но я, конечно, этого не сказала. Я попросила у него отсрочки для решения.

Я сказала:

— Через два дня я зайду к вам и скажу, что я думаю. Но сейчас я ничего не могу сказать. У меня еще в моем сердце осталась любовь к тому человеку, которого я разыскиваю. Но если за эти два дня я его не найду, тогда я на что-нибудь соглашусь.

Он ни за что не хотел меня отпускать. Но я на своем настояла. Я только согласилась с ним немного посидеть в кафе. Там мы ели фрукты, и он болтал мне всякую чушь насчет своей любви, которая у него зародилась ко мне.

Но он мне был так неприятен, что я еле сдерживалась не наговорить ему обидных слов.

Наконец я встала и пошла и не позволила ему сопровождать себя.

Я сказала на прощанье, что я сама зайду к нему в комендантское управление.

Но между тем прошло два дня и еще два, и я не пошла. Я решила пробраться в Ялту без его помощи, под видом проститутки.

Я уже смастерила себе особое легкомысленное платье и достала у одной девушки красный карандаш для губ. Устроила себе эффектную прическу. И в таком наряде действительно стала похожа на уличную фею недурненькой наружности.

Своей хозяйке я сказала, что на несколько дней мне нужно съездить в Ялту. И та мне позволила. Она мной дорожила, потому что я все умела делать и даже стирала ей белье.

И вот я, приодевшись, верчусь перед маленьким зеркальцем и решаю проблему, как я буду вести себя в Ялте. В это время к нам в помещение входит прапорщик Комаров.

Он, оказывается, в прошлый раз пошел за мной и выследил, где я живу. И теперь, не дождавшись моего прихода, явился.

Он был в очень расстроенном и нервном состоянии. Но он был настолько занюханный, что не разобрался в моем туалете. Он даже, слезпу, нашел, что я в таком виде похожа отчасти на английскую леди.

Он вдруг упал передо мной на колени и стал умолять меня, чтоб я ответила на его чувство.

И тут в одно мгновение я оценила общее положение. Я подумала, что если он в таком размягченном состоянии, то я могу из него веревки вить, я могу очень много через него достигнуть.

Я только не знала — этично ли сойтись с ним для достижения нужной цели. Этот вопрос вообще меня мучил долгое время. И, главное, мне не у кого было спросить, допустим ли такой момент: сойтись со своим врагом и через него добиться нужной цели.

Вообще-то говоря, он не был в полной мере сознательным врагом. Он был недалекий субъект. Видимо, его просто захлестнули обстоятельства, и он механически очутился в рядах белой армии.

Так или иначе, у меня в одно мгновение созрел в голове план действий. И, главное, я подумала — почему же этично пойти под видом проститутки и неэтично сойтись с ним, тем более, что я могу с ним фактически не сойтись, а просто постараюсь надуть его. И мне эта перспектива стала больше улыбаться, чем положение проститутки, которую ожидают всякие неожиданности и пьяные происшествия.

И когда прапорщик Василий Комаров снова повторил свои слова о том, что без меня он чувствует большую пустоту и что без меня он занюхается кокаином, окончательно пропадет, я сказала:

— А что же вы хотите?

Он схватил меня за плечи и от неудержимого чувства обнял меня.

Он сказал:

— Я предлагаю вам руку и сердце. И если хотите, то мы поженимся хоть завтра.

Мы с ним опять прошли в кафе и там стали есть фрукты.

Он таял от моих взглядов и поминутно целовал мои руки. И я удивлялась, как он в своем ослеплении не видит, какие зарубелые, мужицкие руки он целует.

В общем, я сразу поняла, что поступила правильно. Я могла с ним что угодно сделать. У меня даже мелькнула мысль о том, что надо будет заняться розысками пояса. Но пока — Ялта.

Я ему сказала:

— Только я ставлю условие поехать в Ялту. А потом я хотела бы немножко освежиться и попутешествовать по Крыму.

И он сразу согласился. Он сказал, что в Ялту он может в два счета перевестись, у него столько связей и знакомств, что это просто не вопрос. После чего мы можем поехать по всему берегу Крыма, пока он в наших руках.

Он сказал, что мы непременно послезавтра переедем в Ялту.

У меня упало сердце, когда он назвал меня своей женой. Мне показалось ужасным, что я согласилась на его предложение. Мне теперь показалось, что я и двух дней с ним не смогу провести.

Но игра была сделана, и отступать, мне казалось, не следовало.

27. СВАДЕБНОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

По-моему, он был большой авантюрист, этот прапорщик Васька Комаров.

У него действительно кругом были большие связи и знакомства. Кроме того, он был сказочно богат. Наверное, он накрал денег со всех сторон. Для него деньги были не вопрос.

Он моментально справил мне три платья и шляпу. Подарил браслетку и часы. И объявил, что он сделает мне сказочную жизнь.

Он меня познакомил со своей обозной бражкой. Это были раненые офицеры-инвалиды. Очень большие пьяницы и, видать, себе на уме.

Двое из них были его близкие друзья.

Прапорщик Комаров торжественно меня им представил. Он сказал, что я та женщина, которая отныне заменит ему его бессердечную жену. Офицеры, соблюдая дворянские манеры, подходили к нам и, щелкая шпорами, от души нас поздравляли с новой жизнью.

Потом мы вчетвером отправились на квартиру, и там вскоре все, кроме меня, перепились. И пели песню, над которой они плакали. Там, в этой песне, были слова о том, что наступает последний момент, что близок враг со своей винтовкой и что их всех расстреляют. Там были удивительные слова:

Что-то солнышко не светит,
Над головушкой туман.

Либо пуля в сердце метит,
Либо близок коммунар...

И, напившись, эти офицеры пели эту песню не меньше десяти раз. И всякий раз навзрыд плакали. И говорили, что действительно близок конец крымской эпопеи. Что белые не удержат Крыма, хотя Перекопский перешеек сам по себе достаточно неприступен.

Я, конечно, не стала обсуждать с ними эти вопросы. Я уложила Комарова спать. И он как мертвый заснул от вина и кокаина, который он нюхал весь день, чтоб приободриться.

Он встал на другой день зеленый и больной. И ему снова надо было заправиться кокаином, чтобы прийти в норму.

Я с удивлением на него взирала. И я отчасти даже не понимала, как крестьянский сын, по природе своей здоровый и крепкий человек, мог за короткое время дойти до такого нервного, развинченного состояния. Но вскоре он мне признался, что он, «сын полей и природы», был вдобавок сыном сельского дьякона — ужасного алкоголика и не совсем нормального человека, повесившегося в церкви.

Со мной этот сын полей был исключительно вежлив и любезен. Но он чуть ли не силой заставил меня надеть шляпку, когда мы вышли на улицу. Он сказал, что иначе нельзя. Что этого требует этикет. Мне же в шляпке было нелегко ходить. Я не имела привычки к этому и теперь страшно стеснялась, что шла как барыня.

Но он сказал, что в этом моем наряде он готов со мной пойти хоть в Академию наук, что я выгляжу хорошо, грациозно и именно так, как это вообще требуется в высшем обществе.

А это верно, я в это время страшно загорела. Мои руки сровнялись, и в них не было обычной красноты. И лицо мое было как у арапки — настолько я чудесно загорела. Так что действительно в моем новом туалете меня можно было принять за какую-нибудь там, может быть, бежавшую фон-баронессу.

И многие оборачивались на меня, когда мы с Комаровым проходили по улицам Симферополя. На мне было, помню, какое-то светленькое клетчатое дворянское платьице исключительной красоты и плюшевая шляпа с эгреткой и с разной бузиной. И хотя был октябрь, но в тех местах было удивительно тепло. Все ходили без пальто.

И мой Комаров был от меня просто без ума. Он согласен был весь день водить меня по улице, так ему нравилось, что все смотрят на меня — какая я была нарядная и хорошенькая.

Но эта великосветская жизнь не заслонила моих интересов. Я не забывала о своей цели и только об этом и думала.

И я велела Комарову поскорей устроиться в Ялте.

Через два дня мы с ним поехали туда на машине.

И у нас было столько вещей, нагруженных на две подводы, что я рассмеялась, что он так много накрал.

У него были шубы, картины, фарфоровая посуда, мебель и так далее.

Сами же мы поехали впереди на машине. И вскоре были в Ялте.

28. В ЯЛТЕ

На меня Ялта произвела исключительно сильное впечатление. Мне там понравилось голубое море, славные домики и набережная.

В те дни на море было большое волнение, и волны разбивались так, что заливали всю улицу.

Мы остановились с Комаровым в ялтинской гостинице «Франция». Сначала он хотел, при своих средствах, остановиться в лучшей гостинице «Россия», но там стояла высшая знать, и там все было занято.

В первый же день приезда я немного подпоила моего благоверного, и он, свалившись, уснул. А я тотчас пошла по нужному адресу.

Я буквально горела, когда шла. Мне казалось, что если и тут я потерплю поражение, то мне грош цена, и, значит, я не оправдала возложенных на меня надежд.

Когда я шла по набережной, я поразилась, какая вокруг меня была толпа. Мне навстречу шли люди, о которых я позабыла и думать. Тут кипела жизнь иная, чем у нас.

Тут шли разного рода барыньки, которые раздражали меня своими кружевными зонтиками и невероятным кривлянием. Шли толстоватые потомственные помещики и генералы. Масса была офицеров, барышень и кокоток. Все гуляли по набережной, наслаждаясь чудным солнцем. И казалось, никто и не помышлял о войне и не думал, что тут у них на пороге Красная Армия.

Я миновала базар и прошла на старую часть города. И там я без труда нашла то, что мне было нужно.

Правда, мне там долго не доверяли и водили меня из ворот в ворота, но потом мы договорились. У некоторых товарищей слезы выступили на глазах, когда они узнали, что я к ним послана. Они меня горячо расспрашивали и всем интересовались. Я передала им на словах то, что было нужно, а что касается денег, то я рассказала, в чем тут запятая. Но я обещала этот пояс непременно найти.

Они не советовали мне рисковать головой ради этого, но я уже в душе решила, что так будет.

Они мне поведали о своем трудном положении и о Кутепове, который разгромил весь рабочий Симферополь. Но мы пришли к мысли, что осталось ждать недолго. Они мне сказали, что белая армия страшно нервничает и уже не надеется на успех.

Это меня поразило и обрадовало, и в своем душевном подъеме я решила сделать попытку поискать мой пояс с деньгами. Хотя эта задача казалась бесплодной и обреченной на неудачу.

С этими мыслями я вернулась к себе в гостиницу.

Мой Комаров уже проснулся и тревожно меня ожидал. Но когда меня увидел, то позабыл обо всех своих тревоблениях и так обрадовался, что снова начал одаривать меня всякими драгоценностями, которые он понемножку вытаскивал из своего саквояжа. И я, конечно, делала вид, что радуюсь этим подаркам.

Мы с ним пошли погулять по набережной. И я ему сказала, что, может быть, завтра с утра я съезжу в Симферополь к своей знакомой хозяйке. Он вызвался меня проводить, так как сам в эти дни был свободен, не получив еще назначения. Но я отказалась, и он с подозрением на меня посмотрел.

Но тут я ему пожала руку, и он, как дурак, растаял от этой моей незначительной ласки. Он начал при всех меня обнимать и даже хотел поцеловать, но я уклонилась.

Мы шли теперь по набережной. Был чудный день, уже близкий к вечеру. Мы с Комаровым шли под руку и тихо беседовали.

Вдруг я вздрогнула и побледнела. Комаров сказал: «Что с тобой? На тебе лица нет...»

Но я не могла ничего сказать. Нам навстречу шла Нина Викторовна, и с ней рядом, подпрыгивая ножками, шел Юрий Анатольевич Бунаков. Позади них плелся генерал Дубасов, и с ним какая-то перезрелая особа.

Я буквально не знала, куда деваться. Я заметалась и хотела свернуть в сторону, но Комаров меня удержал. В этот миг мы поравнялись, и они своей компанией проследовали мимо нас. Они не узнали меня. Мой прапорщик Комаров козырнул генералу, и мы пошли дальше.

Но я обернулась. В этот момент они тоже остановились у перил набережной и взглянули на море — там кувыркалися дельфин.

А я посмотрела на Бунакова, — меня заинтересовало, какой он сейчас. Но он был такой же, как всегда. Только он стал немного смутлее, находясь под южным солнцем.

Я подумала об его песенке «Все на свете». И тут вдруг мои мысли странным образом ему передались. Он вдруг сказал:

Все на свете, все на свете знают —
Счастья нет,
И который раз в руках сжимают
Пистолет...

И я так засмеялась, когда он произнес эти стихи, что вышло прямо как-то неудобно с точки зрения ихних правил поведения. На меня все посмотрели, но я отвернулась. И они опять не узнали меня.

А мой дурак Вася Комаров почувствовал вдруг сильную ревность к тому, на кого я смотрела. Он подумал, что я в одно мгновение увлеклась этим хорошеньким офицером, похожим на куклу.

Он грубо дернул меня за руку, и мы снова пошли. Но мне не гулялось больше, и мы тогда зашли в кафе-шантан «Одеон», который находился у них в полуподвальном помещении. И там мы слушали пение шансонеток. И смотрели, как они пляшут под лозунгом «Нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет».

29. НАХОДКА

На другой день, поздно вечером, по моей инициативе мы устроили у себя дома торжественный ужин на двоих. Мне хотелось, чтоб мой Комаров нахлестался так, чтоб завтра он подольше не встал.

Он был до крайности тщеславный, и мне ничего не стоило его раззадорить. Я попросила показать, как нужно заниматься кокаином, и он при мне вынюхал целый порошок. Потом мочью мы с ним выпили большое количество вина. Я пила мало, а он тянул, как лошадь. У него были какие-то сумасшедшие мысли. Он меня любил, но стоило ему немного выпить, как он терял себя, забывался и глядел на меня с изумлением.

В общем, мы с ним пили до утра. И под утро он свалился без чувств. А я взяла документы, оделась по-дорожному и, договорившись заранее с одним шофером, выехала в Джанкой.

По дороге ко мне несколько раз обращались патрули, но я показывала документ и говорила: «Еду к мужу». И меня беспрекословно пропускали, — потому что на документе мужа стояла подпись «Врангель».

Шофер довез меня до Симферополя. Там я пересела на паровоз и доехала до семьдесят шестой версты. Потом пошла пешком. И там отсчитала такое количество шагов, как мне было нужно, но пояса, как ни странно, не нашла. Я несколько раз производила счет, но безрезультатно. Это меня взбесило, потому что я была разведчица и такие вещи были непростительны.

А начинался уже вечер, и надо было поиски отложить, тем более что тут небезопасно было в смысле ареста.

Но когда я решила вернуться домой, я наткнулась в траве на мой пояс. Я задела его ногой. Я, кажется, даже закричала от радости.

Я вынула из пояса деньги (белогвардейского казначейства) и переложила их в карман. А пояс бросила.

Потом я с большим трудом добралась до Джанкоя. И там за очень крупную сумму я наняла себе подводу — арбу.

Только через день утром подвода привезла меня в Ялту.

Я с трепетом вошла в наш номер. Прапорщик Комаров спал. Вероятно, он, ожидая меня, все время пьянствовал. Всюду валялись бутылки и стоял полный кавардак. Я спрятала деньги и легла спать.

Через несколько часов, после бурного объяснения мы помирились.

У Комарова все же осталось подозрение, что я замешана в каких-то политических или любовных делах.

Но мое небольшое ласковое внимание снова обезоружило его.

Однако теперь он был осторожен и старался никуда меня больше не отпускать. Так что я с трудом ухитрилась сбежать в город и передать там деньги. И после этого я вздохнула с облегчением. Наконец-то моя миссия была исполнена. Наконец-то после таких передрыг я полностью выполнила задание.

В тот вечер я была так довольна, что мой Комаров удивился и снова стал меня подозревать в подпольных делах.

Меня же этот человек снова стал ужасно раздражать своей глупой пустотой и самомнением. И я снова еле могла терпеть с ним вместе находиться.

И чтоб уйти от него, надо было ждать подходящего момента.

30. ЭВАКУАЦИЯ

Между тем в Ялте становилось все более беспокойно.

Многие на улице открыто говорили, что белой армии не удержать Крыма.

Мой Комаров, пойдя однажды за назначением, вернулся бледный и расстроенный. Он сказал, что предстоит эвакуация, что некоторые учреждения должны незаметно покинуть Ялту уже сегодня.

Он не знал еще, в чем дело там, на фронте, но, кажется, там дело было близко к катастрофе.

И действительно, в Ялту вдруг прибыло несколько пароходов, и началась посадка.

Нельзя сказать, что произошла большая паника. Многие и без того были готовы к этому. Но все же в городе наступил какой-то острый, напряженный момент. Кругом были напуганные и тревожные лица. И все спешили туда и сюда.

В порту образовалась большая толпа за билетами на паром. Но еще никто в точности не знал, что именно произошло — пал ли Перекоп или еще белые войска держатся. Только доходили слухи, что была страшная атака красных и был прорыв. Но насколько это опасно, никто не знал.

На другой день в Ялту прибыло еще несколько пароходов.

И снова в порт заспешила буржуазия и офицерство с чемоданами и саквояжами.

Ехали подводы с вещами учреждений, и шли разного сорта барыни, тяжело дыша от страха и волнения.

На молу стояла невообразимая путаница. Рассыпанное сено и мусор довершали картину суматохи и бегства.

Я с большим волнением наблюдала этот отъезд.

Я ко всякому пароходу приходила в порт и смотрела, как дворянская и купеческая Россия спешно покидала берега своей бывшей родины.

Чувство оскорбленного народа кипело во мне. Я видела расстроенные и плачущие лица. Я видела страх и смятение. Но не жалость, а восторг был у меня на сердце. Потому что я своими глазами видела час расплаты и наблюдала, как уходила прежняя жизнь, унижавшая народ во всех его чувствах.

Это было неповторимое зрелище.

Это был исторический момент — бегство барской России, бегство притеснителей народа. Это был момент бегства — когда им дальше и бежать было некуда! И вот они садились на пароход и ехали в Турцию.

И от этого зрелища меня охватывал такой восторг, что я все время стояла с улыбкой, так что все обращали на меня внимание. Но я нарочно махала платочком и бормотала: «До свиданья, милые друзья, до свиданья!»

Между тем на берегу происходили разные трагикомические сценки. Некоторых не пропускали на пароход с большим багажом. Те хорохорились, кричали, называли всякие светлейшие имена, но все это стоило теперь три копейки. И разные генералы и фон-бароны смиренно подчинялись правилам и, очутившись на пароходе, облегченно вздыхали.

Некоторые из них плакали, а некоторые говорили: «Через две недели вернемся». А один генерал крикнул кому-то: — Они все равно нас позовут. Ведь у них, кроме мужичья, людей теперь не осталось.

Я очень хотела схватиться с этим типом, но, конечно, сдержалась. Между прочим, я непременно хотела увидеть, как отъезжала моя бывшая барыня, баронесса Нина Викторовна, но почему-то этот незабываемый момент пропустила. Я увидела их только тогда, когда пароход отчалил и они стояли на палубе. Баронесса слиняла и, бледная как покойница, стояла, опираясь на генерала. Бунаков задумчиво смотрел вдаль. Я шутивно помахала им платочком. И мне кажется, что они меня узнали. Юрочка показал на меня пальцем, и они стали разглядывать меня в бинокль.

Но пароход уже отъезжал. И я пошла в гостиницу.

Вдруг в Ялту пришли белые войска. Это был, как нам сказали, Изюмский полк, отступивший от перекопской позиции. Некоторые из солдат шли без винтовок. И все были в растерзанном виде. И тогда стало ясно, что там на фронте произошло.

Волнение достигло наивысшего напряжения. Магазины закрылись, и на набережной моментально исчезли все гуляющие.

В довершение всего прибывший Изюмский полк, не найдя в Ялте продовольствия, разбил в городе два магазина и разграбил их.

В порт прибыло еще несколько пароходов. Чувствовалось, что какая-то рука организует бегство.

31. СЕМЕЙНАЯ ДРАМА

Между тем мой прапорщик Комаров предупредил меня, что мы едем с пароходом «Феодосия». Что это, по-видимому, вообще последний пароход. И что больше откладывать отъезд нельзя.

Я спросила:

— Куда мы едем?

Он сказал:

— Мы едем в Константинополь. О будущем не беспокойся. Я подумал о нашей судьбе.

И он побренчал по своим карманам, набитым всякой всячиной.

Тут наступил момент распутать узел. Но я поняла, что не к чему устраивать «семейные сцены». И поэтому я не сказала ему, что я не еду.

Я ему сказала:

— Ты, Комаров, пройди в порт, а я сейчас приду — попрощаюсь кое с кем.

И он по дурости своей так и сделал.

А я побежала в другую сторону. Я вошла в какой-то открытый настежь и покинутый дом и села в комнате у окна. И стала глядеть на море.

Я была довольна, что я так сделала, потому что мне хотелось избежать объяснений. Это было ни к чему. Этот человек мне чужой. Он мой враг, которого я использовала как мне было нужно. И пусть он теперь уезжает, к черту, в Константинополь без всяких со мной объяснений.

Я сидела в комнате больше получаса. Наконец я услышала два паровозных гудка. Значит, все в порядке. Мой Комаров, пометавшись, наверно успокоился и со своими драгоценностями сейчас уедет.

Но вдруг я услышала крики. Я взглянула в окно и, к ужасу, заметила Комарова, бежавшего к моему домику, на который ему пальцем показывала какая-то женщина.

Скажу откровенно — я так растерялась от неожиданности, что минуту не могла двинуться.

Комаров вбежал в дом и остановился на пороге. Он был страшен в своем диком волнении. Он тяжело дышал.

Увидя меня, он с грубой бранью выхватил револьвер и выстрелил в меня. Но в одно мгновение я сообразила его намерение и присела на корточки, так что пуля ударила много выше моей головы.

Он хотел стрелять еще раз, но я ему сказала:

— Вася, зачем ты в меня стреляешь?

Он сказал:

— Я в тебя, негодяйка, стреляю не как в классового врага, которого я в тебе подозреваю, а как в женщину, которая предательски меня хочет бросить.

— Ты сам негодяй! — сказала я. И вдруг, в одно мгновение я рванулась к нему и отняла у него револьвер.

И он почти без сопротивления отдал мне его.

Теперь я стояла у стены с револьвером, а он блуждающим взглядом смотрел на меня.

Но я не могла в него стрелять, потому что он был жалкий и растерянный.

— Слышишь ли ты, негодяй, — закричала я, — понимаешь ли ты своей дырявой головой — кого ты видишь перед собой?

— Боже мой! — сказал он. — Я теперь вижу, кто ты такая... И вы там, наверно, все такие же сильные и здоровые. И вот почему наша армия проигрывает сражения.

И он вдруг опустился передо мной на колени и сказал:

— Нет, я не боюсь, что ты меня застрелишь. Я боюсь, что ты меня покинешь и что ты меня уже покинула и нет ни одного шанса вернуть тебя.

— Ты такой слабый и разложившийся, — сказала я, — что мне в тебя и стрелять досадно.

Я с сердцем бросила на пол револьвер. И он вдруг от падения выстрелил.

Комаров сказал:

— Нет, я не такой слабый, как ты думаешь, но я оступился, и ты мне должна помочь.

— Нет, мой друг, — сказала я, — моя жизнь не предназначена для спасения людей. Моя жизнь принадлежит народу. И я послана исполнить дела, слишком далекие от душевной деятельности. Ты можешь остаться тут, если хочешь, но я с тобой жить не буду, — это так же верно, как ты, собака, в меня стрелял сегодня.

Его вдруг рассердили эти мои слова и то, что я назвала его собакой, и он, как человек неуравновешенный, моментально перешел от тихого состояния к бешенству.

— Ты подлая большевичка! — закричал он. — Ты еще в моей власти. Я велю солдатам веревками скрутить тебя.

Я слишком с тобой миндальничаю. Я велю тебя выдрать плетьюми.

И он с бешеной злобой потянулся к лежащему на полу револьверу.

Но в одно мгновение я ударила его ногой по руке, как по футбольному мячу. И он с воплем повалился на пол.

И тогда я спокойно подняла револьвер и направила его на прапорщика. Я ему сказала:

— А ну, моментально ступай в порт и уезжай к чертовой матери в Константинополь. Или я тебя сейчас сама отправлю туда, но уже небесным маршрутом.

Комаров понял, что это далеко не шутка, мои слова. Он встал и как-то по-ребячески сказал:

— Пароход же, Аннушка, ушел. Куда же я пойду?..

Я сказала:

— Ты пойдти в порт и посмотри — может быть, там еще что-нибудь будет. И тогда ты поезжай с богом.

Он сказал:

— Хорошо, я пойду посмотрю. Но если ничего не будет, то я вернусь и останусь тут с тобой. А если будет, то я уеду. Пусть за меня решит судьба.

И он как ненормальный побежал в порт, а я осталась сидеть взволнованная происшествием.

Я не знаю в точности, что именно случилось в порту. Мне только потом сказали, что Комаров, идя по трапу на рыбацью шхуну, вдруг покачнулся и упал в воду. Причем, падая, ударился головой о камни. И его, сильно раненного, внесли на судно и увезли как будто бы в Феодосию.

Но что с ним было дальше, я так никогда и не узнала. Возможно, что его отправили в Константинополь, если он почему-либо не умер.

Мне не было жалко этого человека, потому что он и без меня был уже потерянный и погибший. И не мое дело было восстанавливать его на путь истины.

32. ЭПИЛОГ

Мы ожидали, что Красная Армия войдет в Ялту в тот же день. Но этого не случилось. Первые красноармейцы вошли в город только через три дня.

Это был радостный и торжественный момент. Это был день торжества народа, освободившегося от рабства.

Мне, правда, омрачили этот день тем, что на меня кто-то донес, будто я жена белогвардейца, шпионка и контрразведчица. Конечно, это почти сразу было рассеяно, и все выяснилось. Но мне было неприятно, что я была на целые два часа арестована.

Меня привели в дом эмира бухарского, где происходил допрос арестованных, и там один из товарищей сгоряча наорал на меня, и он хотел даже пристрелить меня как врага. И был момент, когда я ужаснулась, что погибну от своей же пули. Но потом пришел один наш ялтинский товарищ, и все сразу разъяснилось.

И тогда все, узнав обо мне, приходили меня поздравлять, жали мне руки и с нежностью меня целовали и поздравляли с великой победой.

Что же касается моей дальнейшей жизни, то вкратце я могу вот что сказать. В том же году я вышла замуж за моего однофамильца, товарища Касьянова, с которым я познакомилась в Екатеринославе. И мы с ним очень счастливо и задушевно жили вплоть до его смерти.

Мне было очень жаль потерять этого чудного человека — прекрасной души товарища. И я, кажется, так же сильно горевала, как и тогда, когда на фронте потеряла моего первого мужа.

Да, я действительно многих прекрасных людей потеряла в жизни за время революции. Но зато я нашла то, что каждый день составляет мое счастье и гордость.

Ах, как трудно и как оскорбительно представить себе иную жизнь, чем та, что у нас сейчас строится. Как ужасно представить иных людей и иные, буржуазные отношения — те, которые были у нас до революции. Как невыносимо было бы вдруг увидеть купцов, шикарных барынь, ситетельных князей, помещиков и бедный, нищий народ, угнетенный в своем достоинстве.

И меня нередко охватывает восторг, что мой народ сумел совершить великую народную революцию и сумел создать новую жизнь, которая с каждым годом будет все лучше и лучше.

И вот что я нашла вместо всех моих потерь.

А какой далекой и забытой страницей кажется сейчас прошлая жизнь. Вот, например, четыре года назад я случайно от одного знакомого, долго жившего за границей, узнала

некоторые подробности о бежавшей эмигрантке баронессе Нине Викторовне. Она, оказывается, в Париже открыла «Ателье мод», сильно разбогатела и стала там чем-то вроде модной портнихи. Со своим генералом она там разошлась. И он, несмотря на дряхлость, служит метрдотелем в одном заграничном кабачке.

Юрий же Анатольевич Бунаков застрелился, когда они еще были в Югославии. Он был действительно слабый и неприспособленный к жизни, как тепличный, искусственный цветочек, неизвестно для чего выращенный в садах буржуазной жизни.

Что же касается ротмистра Глеба Цветаева, то он в Париже долгое время служил шофером, но потом женился на одной богатой семидесятилетней американке.

Заканчивая этим свой рассказ, А. Л. Касьянова сказала:

— Канула в вечность эта барская и купеческая Россия. И я была свидетельницей этой страницы истории. Вот почему я позволила себе рассказать о своей жизни несколько, может быть, больше, чем вы предполагали.

Шестая повесть Белкина

ОТ АВТОРА

В дни моей литературной юности я испытывал нечто вроде зависти к тем писателям, которые имели счастье находить замечательные сюжеты для своих работ.

В классической литературе было несколько излюбленных сюжетов, на которые мне чрезвычайно хотелось бы написать. И я не переставал жалеть, что не я придумал их.

Да и сейчас имеется порядочное количество таких чужих сюжетов, к которым я неспокоен.

Мне бы, например, хотелось написать на тему Л. Толстого — «Сколько человеку земли нужно». Это удивительная тема, и она выполнена Толстым с колоссальной силой. Тем не менее мне хотелось бы еще раз, заново и по-своему подойти к ней.

Мне хотелось бы написать на некоторые сюжеты Мопассана, Мериме и т. д.

Но относительно Пушкина у меня всегда был особый счет. Не только некоторые сюжеты Пушкина, но и его манера, форма, стиль, композиция были всегда для меня показательны.

Иной раз мне даже казалось, что вместе с Пушкиным погибла та настоящая народная линия в русской литературе, которая была начата с таким удивительным блеском и которая

(во второй половине прошлого столетия) была заменена психологической прозой, чуждой, в сущности, духу нашего народа.

Мне казалось (и сейчас кажется), что проза Пушкина — драгоценный образчик, на котором следует учиться писателям нашего времени.

Занимательность, краткость и четкость изложения, предельная изящность формы, ирония — вот чем так привлекательна проза Пушкина.

Конечно, в наши дни не должно быть слепого подражания Пушкину. Ибо получится безжизненная копия, оторванная от нашего времени. Но иногда полезно сделать и копию, чтоб увидеть, каким секретом в своем мастерстве обладал великий поэт и какими красками он пользовался, чтоб достичь наибольшей силы. У живописцев в отношении копии дело обстоит проще. Там достаточно «списать» картину, чтобы многое понять. Но копия в литературе значительно сложнее. Простая переписка ровным счетом ничего не покажет. Необходимо взять сколько-нибудь равноценный сюжет и, воспользовавшись формой мастера, изложить тему в его манере.

Поэтому сделать сносную копию с отличного произведения не есть ученическое дело, а есть мастерство, и весьма нелегкое.

Во всяком случае, в моей литературной юности подобную копию мне никак не удавалось сделать. Я не понимал всей сложности мастерства и не умел владеть красками, как это следовало.

И вот теперь, после семнадцати лет моей литературной работы, я не без робости приступаю к копии с пушкинской прозы. И для данного случая я принял за образец «Повести Белкина». Я надумал написать шестую повесть в той манере и в той «маске», как это сделано Пушкиным.

Сложность такой копии тем более велика, что все пять повестей Пушкина написаны как бы от разных рассказчиков. Поэтому мне не пришлось подражать общей манере (что было бы легче), а пришлось ввести по-настоящему новый рассказ, такой рассказ, который бы мог существовать в ряду повестей Белкина.

Это усложнило мою работу. А еще более усложнило то, что мне не хотелось быть слишком слепым подражателем. И я взял тему совершенно самостоятельную, не такую, которая была у Пушкина, а такую, которая могла быть по моему разумению.

Наверно и даже конечно, я сделал в своей копии погрешности против стиля и главным образом против обрисовки характеров, но я не мог в своей копии кое-что оставить в вековой неподвижности.

Было бы правильнее каждую черточку прозы Пушкина передать в том виде, как она есть, но чувства писателя моего времени, вероятно, дали некоторый иной оттенок, хотя я и старался этого избежать.

Итак, я предлагаю вниманию читателя копию с прозы Пушкина — шестую повесть Белкина, названную мною «Талисман».

А. С. Пушкин был велик в своей работе и смеясь писал (Плетневу), что некоторые литераторы уже промышляют именем Белкина и что он этому рад, но вместе с тем хотел бы объявить, что настоящий Белкин умер и не принимает на свою долю чужих грехов...

Прошло сто лет, и вот я «промышляю» Белкиным с иной целью — из уважения к великому мастерству, на котором следует поучиться. И пусть теперь читатель судит, какие новые грехи возложены мной на Белкина.

В заключение мне хочется сказать, что в основу моей повести положен подлинный факт, благодаря чему взыскательный читатель может прочитать мою работу и без проекции на произведения Пушкина.

ТАЛИСМАН

Не титла славу вам сплетают,
Не предков наших имена.

Херасков

I

В бытность мою в *** армейском полку служил у нас переведенный из гвардии гусарский поручик Б.

Офицеры весьма недоверчиво отнеслись к нему, полагая, что на совести его лежат многие не слишком славные поступки, приведшие его в наше унылое местечко.

Простреленная и изуродованная его рука нас еще более убедила в том, что жизнь этого офицера была затемнена многими облаками.

Но гусарский этот поручик прехладнокровно отнесся к нашему афронту; он дружества ни с кем не искал и держался с нами сухо и независимо; надменность была отличительной чертой его характера.

Полковой командир на все наши вопросы отзывался незнанием; он отвечал, что поручик добрый малый, но буйн и весьма несдержан в своем злоречии; он не поладил со своим командиром и после одного несчастного случая был из гвардии переведен сюда; но каков именно был этот случай, полковник не знал и не почитал удобным узнавать стороною.

Итак, мы видели перед собою человека, закинутого случайными и несчастными обстоятельствами в наше глухое местечко и не пожелавшего в равной степени разделить с нами свою участь.

Мы сразу невзлюбили его и искали повода задеть его надменность или даже вызвать на столкновение.

Случай помог нам выполнить наше недоброе намерение.

Полагая, что простреленная и изуродованная его рука есть результат случайного происшествия или несчастный конец его поединка, один из офицеров спросил его:

— Не в рукопашной ли схватке с французами вы получили, поручик, сие ранение?

— Мне приходилось быть в походе противу французов, — сухо отвечал поручик, — но я на поле сражения в рукопашном бою не был.

Мы не унимались; его ответ показался нам смелым и забавным; один из офицеров, дерзко глядя ему в лицо, сказал:

— Где же, в таком случае, вы накололи свою руку, сударь?

Поручик, поняв наши намерения, страшно побледнел; была секунда, когда собеседники хотели схватиться за сабли; но потом, сдержавшись, поручик сказал:

— Извольте, ротмистр, выбирать более достойные слова для своих вопросов. Отдаленность от столицы, сколь вижу я, приводит вас к дикости.

И с этими словами он, повернувшись на каблуках, пошел к выходу.

Ротмистр хотел было броситься к нему, но мы его удержали.

Положение было крайне щекотливое. Нельзя сказать, что повод для дуэли был весьма обстоятельный, тем не менее ротмистр почел себя крайне обиженным и решил драться. И с каждым стаканом вина он все более приходил к мысли, что полученное оскорбление можно лишь смыть кровью.

Он упросил меня и двоих офицеров быть его секундантами. Мы согласились. И утром должны были передать поручику вызов. Однако несчастный случай прервал эти намерения.

Мы поздно разошлись из офицерского собрания, и ротмистр, вернувшись к себе домой, стал приводить в порядок свои дуэльные пистолеты. И, разряжая один из них, нечаянным образом выстрелил и убил себя наповал. Пуля ударила ему в подбородок и засела в мозгу; смерть была мгновенна и ужасна.

Смерть бедного ротмистра весьма нас смутила, но мы не могли не признать, что поручик был всего менее в этом повинен. И, погоревав о несчастном нашем ротмистре, мы стали забывать об этом глупом и жалком столкновении, закончившемся столь трагическим образом.

II

Прошло два месяца. Натянутые наши отношения с новым офицером постепенно перешли если и не в дружество, то в добрые и короткие отношения.

Он и в самом деле оказался на редкость славным малым. И, пожалуй, он из нас сильнее всех жалел о несчастной судьбе погибшего ротмистра. Он нам сказал, что не может себе простить ту мальчишескую вспльчивость, которая не отвратила столкновения.

Эта его сердечность послужила первой причиной нашего сближения. И, видя его истинное и трогательное огорчение, мы даже стали его однажды утешать, говоря, что нельзя в нем видеть причину несчастья, что он поступил так, как на его месте поступил бы всякий воспитанный человек; и, вероятно, такова уж печальная судьба у нашего бедного ротмистра, если даже его жизнь не была сбережена талисманом, носимым постоянно им на груди.

Поручик с благодарностью стал пожимать наши руки и с непонятным для нас волнением спросил: «Каков, однако, был талисман у него?»

Но мы не много знали об этом предмете. Ротмистр привез талисман из Персии и, будучи суеверным человеком,

никогда с ним не расставался, считая его средством противу дурного глаза и несчастного случая. Однако ж, как мы видим, жизнь судила иначе.

— В таком случае, господа, — сказал поручик, — я расскажу вам еще об одном талисмানে, и ваша воля думать об этом как угодно.

И тут мы с величайшим интересом услышали следующий рассказ:

«В начале 1812 года, в эпоху, как известно, столь бурную военными событиями, служил в нашем гвардейском полку сын отставного генерала и помещика К.

Прекрасно обеспеченный и избалованный с нежного возраста, молодой наш гусар, очутившись в блестящем гвардейском полку, предался кутежам и веселию. Буйства, картежная игра и шалости наполнили все дни молодого человека. Нередко он после ночного разгула являлся на ученье прямо во фраке и с цилиндром в руках, чем приводил славного полкового командира в ужасный гнев и раздражение.

Жалобы со всех сторон усиливали гнев командира, и он не раз обещал сообщить его родителям о всех невозможных проказах, кои вполне могли закончиться печально. Но молодой наш гусар, как говорится, и в ус не дул и со смехом выслушивал нотации своего полкового командира.

Скорее из шалости и озорства, чем из сердечных побуждений, он вступил в связь с женой своего полкового командира, еще в достаточной степени молодой и на редкость красивой женщиной, Варенькой Л., на которой полковник два года назад женился после осемилетнего вдовства.

Эта связь нашего гусара с Варенькой Л. была скандальной в высшей степени, и она вскоре стала известной решительно всем, кроме мужа. Влюбленная дама, забыв всякую осторожность, открыто стала всюду появляться в сопровождении нашего поручика. Громадные его проигрыши и скандальные происшествия служили неизменной темой во всех светских гостиных. Но это, казалось, еще более возвышало офицера в его собственных глазах.

Полковой командир наш, предвидя несчастья, снесся письмами с отцом шалопаю, но это отнюдь не послужило спасением; сей престарелый родитель, получив достойное письмо, возымел намерение почти всякий день писать полковому командиру наставительные письма, давая в них по пунктам и параграфам советы и указания, как ладить с молодыми современными людьми, вступившими в светский путь.

На всякое письмо бедный наш командир, памятуя славное имя родителя, считал своей обязанностью исправно ответить; но ежедневная бессмысленная переписка вызвала обратное действие, и вскоре получатель сей возвышенной словесности проклинал себя за неосторожное намерение и даже стал приходить в содрогание от звуков ненавистой ему фамилии.

Нечаянное происшествие изменило все.

Поручик по весьма ничтожному поводу послал вызов молодому семнадцатилетнему графу Р. и тяжело ранил его пулей в грудь навывлет.

Семья графа Р. подала жалобу государю, и впредь до высочайшего повеления поручик был посажен под арест.

Полученные от полка сведения были неблагоприятны для судьбы поручика; полковой командир не нашел причин сколько-нибудь порядочно аттестовать его и, полагая, что этот случай избавит его наконец от буяна, дал о нем самые убийственные сведения.

Но в ту пору начавшаяся война с Наполеоном задержала решение государя. Полчища французов быстро подходили к сердцу нашего любезного отечества.

Наше войско было двинуто противу французов, но оно не имело сил сдержать его натиска.

Гвардейские полки стали принимать боевую готовность, и нам вскоре было велено выступить в поход.

Энтузиазм в столице был в ту пору всеобщий. Престарелый родитель поручика К., благороднейшая и возвышенная душа которого пылала ненавистью к узурпатору, прислал полковому нашему командиру наставление, что сделать с Наполеоном, буде он попадет к нам в плен.

“Наполеонишку, — писал старый воин, — заставьте самого себя съесть. Посадите в отдельное надежное помещение и, отрезав от злодея одну ногу, кормите его этим в течение одного месяца, покуда он все не съест. Засим то же сделать с остальными членами, и тогда господь-бог приберет его в том виде, какого он вполне заслужил перед лицом всего мира”.

Освобожденный из-под ареста поручик отправился в поход вместе со своим полком. Но каково было всех удивление, когда в пути нас нагнал фельдъегерь с высочайшим приказом разжаловать поручика К. в нижние чины.

Мы все не ожидали подобного жестокого осуждения.

Между тем полковой командир, не скрывая своего удовольствия, запросил главнокомандующего, куда ему девать разжалованного в солдаты, но главнокомандующий не считал возможным до конца боевой обстановки сделать перевод в другую часть. И разжалованный поручик К. продолжал совершать поход вместе с нами. Полковой командир был открыто этим раздосадован и не скрывал своего раздражения противу К., который и теперь не терял расположения духа и насмешливостью отвечал на все сердитые взгляды командира.

Однако ж события наступали с решительной быстротой; наш полк дважды уже имел жаркое столкновение с французским войском и выходил из этого с честью.

Отведенный для пополнения в местечко С***, наш полк собирался вскоре снова выступить в поход, как вдруг произошли события, по своей важности исключительные.

Без меры влюбленная жена полковника, потеряв всякую осторожность, приехала сюда для свидания с мужем, но все отлично видели в этом желание встретиться с К., которого, по ее мнению, разжаловали стараниями мужа.

Скандал был страшный и необыкновенный по своим последствиям; Варенька дважды падала в обморок, объясняясь с мужем, и несчастный наш полковой командир, утрашившись дальнейшего, пообещал ей похлопотать перед государем о восстановлении разжалованного.

Свидание с К. было трогательным и печальным. Варенька, обливаясь слезами, надела на его шею металлическую

цепочку с головой дракона, сказав, что не раз этот талисман сохранял жизнь ее отцу и не раз из несчастья выводил его на путь радости; и что пусть этот талисман отвратит теперь от поручика все беды.

Несчастнейший наш командир и муж этой забывшей свой долг женщины прервал это свидание, явившись сообщить офицерам, что сюда ждут приезда великого князя Константина Павловича.

Командир, не имея сил разорвать свои отношения с неверной женой, был бледен и раздражен в высшей степени; была минута, когда мы ждали, что он ударит хлыстом своего соперника. Но он имел мужество подать руку своей жене и увел ее, плачущую и дрожащую, к подъехавшей коляске.

Тотчас полк стал готовиться к приезду царственной особы; и не прошло и часу, как полку было велено построиться в поле в пешем строю. Прибывший великий князь обратился к полку с благодарностью, лестно хваля офицеров и солдат за доблестное сражение.

— Государь, — сказал он, — по заслугам наградит господ офицеров, списки коих будут представлены; что же касается нижних чинов, то мы просим полкового командира назвать имена наиболее отличившихся на поле сражения.

Тотчас же к великому князю подошел адъютант, держа на шелковой подушке некоторое количество георгиевских крестов, недавно введенных для раздачи нижним чинам.

Тут трудно сказать что-нибудь вразумительное, но полковой наш командир в ответ на слова великого князя, быть мо-

жет разгоряченный недавним семейным скандалом и полагая, должно быть, что речь зашла как раз о тех обидчиках, кои отравляли ему жизнь, назвал ненавистную фамилию своего разжалованного в солдаты соперника.

Произнеся это имя, полковой командир сделался блее своего платка, который он судорожно поднес к своему рту.

Мы все в одно мгновение замерли, полагая, что он поправится в своей ошибке, хотя это было бы в высшей степени неприлично и чудовищно, но старый воин, воспитанный на традициях покойного государя, произнеся эту фамилию, не сосчитал возможным в присутствии царской особы признаться в совершенной ошибке и, назвав еще четыре фамилии, смолк, безумно глядя на всех нас.

Тотчас адъютант повторил эти пять фамилий, и из рядов вышли пять нижних чинов, коим великий князь лично к шинелям приколот высокие награды.

Положение было тем более неприлично и скандально, что бедный наш разжалованный офицер не был участником в сражении, находясь в ту пору в прикрытии к обозу.

Между тем великий князь, попрощавшись с войском, удалился под несмолкаемые крики ура; всем было велено разойтись, и офицеры, оживленно обсуждая событие, направились к палаткам.

Бедный разжалованный поручик с приколотым крестом смущенно стоял, не зная, что ему сделать и как поступить. Слезы выступили у него на глазах, и лицо пылало от стыда и досады. “Так вот оно немедленное действие талисмана”, — подумал поручик и хотел было сорвать с себя амулет, чтобы

счастье не было к нему столь сразу благосклонным и бурным в своем проявлении.

Подошел к офицерам, он сказал, что их улыбки и смех были бы для него тягостны, но как честный человек он признает, что невозможно оставить сей крест, так случайно и ошибочно им полученный. Между тем нету способа отказаться от него, не поставив себя и командира в ужасное и комическое положение.

— Но я нашел выход в моем отчаянном положении, — сказал он, — и в самое ближайшее время я непременно постараюсь сделать какой-либо поступок, который оправдает столь высокую награду, случайно полученную мной.

Офицерам чрезвычайно понравилась его смелая мысль заслужить таким путем полученное уже награждение.

И вот в течение нескольких дней весь полк с волнением видел, как несчастный поручик искал способа заслужить то, что он уже имел; он проявлял свою храбрость решительно всюду, где это было возможно, он выезжал в разведки и бешеным аллюром скакал на лошади под градом французских пуль, однако настоящего дела у него еще не было.

Но вот наконец получен был приказ из штаба нашей армии узнать расположение врага к югу от местечка Н.

Тотчас разжалованный поручик вызвался это сделать и, вскочив на лошадь, отправился на линию наших дозоров. Проехав версты три, он оставил лошадь в поле и, подойдя к одному селению, стал набрасывать на бумаге расположение французской пехоты, беря во внимание дым костров и далекое движение военных частей.

Выстрел один и другой прогремели над ним; он упал на землю и пополз, чтобы скрыться из виду заметивших его французов. Но едва он залег в ложине, как трое всадников, подскакав к нему, в одно мгновение схватили его и, как он ни сопротивлялся, обезоружили и связали ему руки. Положение было отчаянное.

Не признавшись в знании языка, пленник на все вопросы молчал, и тогда его повели в селение; но он и там перед французскими офицерами держался как человек, впервые слышавший французскую речь.

Сердце упало у поручика, и он стал мысленно прощаться с миром, когда французы, обыскав его, сняли с него талисман. Поручик протянул было свои связанные руки, чтобы взять талисман назад, но французы не разрешили ему это сделать и, сложивши вместе отобранные вещи, передали его одному из двух конвоиров, коим было повелено строжайшим образом следить за пленным, говоря, что это шпион и его следовало бы застрелить на месте, если бы штаб армии не приказал доставить сегодня нескольких русских для ознакомления с намерениями противника.

Два французского конвоира, подталкивая прикладами, повели связанного по рукам шпиона.

Было раннее утро. На полях лежал иней, и лужи были подернуты тонким льдом. Конвоиры в легких мундирах, дрожа от утреннего холода, торопили пленника, побуждая его идти быстрее.

Пройдя не более двух верст, они остановились около угасшего костра, кем-то оставленного. Потирая руки, они

присели на корточки, чтобы немного согреться; пленник сделал то же самое. Один из конвоиров, желая подложить хворосту в угасавший костер, пошел поискать у опушки леса сухих сучьев.

В одно мгновение в голове К. созрел план действия. Надо было тотчас бежать, убив оставшегося француза. Но связанные веревкой кисти рук делали его поистине беспомощным. Тогда, протянув связанные руки к костру, поручик захотел было огнем пережечь веревки. Ужасающая боль ожога заставила его оставить это намерение. Выбрав несколько пылающих углей, поручик незаметно положил на них свои руки, чтобы угли пережгли его путы. Еле сдерживаясь, чтоб не закричать от адской боли, К. бешеным усилием воли подавил неимоверную боль. Раскаленные угли постепенно пережгли веревку, опалив ему ладони и пальцы рук.

Засим, почувствовав, что веревка больше не сдерживает его рук, поручик, как тигр, одним прыжком бросился на сидящего на корточках француза и схватил его за горло. Несчастный француз захрипел, и ружье его выпало из рук.

В одно мгновение поручик, обшарив убитого, схватил его бумаги и, найдя среди них талисман, вздохнул с облегчением. Теперь, казалось ему, победа будет за ним. Мысль, что талисман у него, придала ему необычайное мужество и уверенность.

В этот момент другой француз, заметивши недоброе, бежал что есть силы к костру. Поручик схватил ружье, чтобы в него выстрелить, но обожженные и изуродованные борьбой руки не слушались его. Взяв все же с собой ружье, поручик

бросился бежать, но, увидев это, француз стал стрелять по нем. Еле преодолевая боль, поручик тоже выстрелил и первым же выстрелом ранил француза. Несчастный упал и пополз в сторону.

К. бросился бежать, боясь, что громкие выстрелы всполошат недалекие лагери. И действительно, пробежав несколько сот шагов, поручик заметил, что к костру спешили французы. Надо было торопиться. Еле переводя дух, К., не останавливаясь, бежал все быстрее. Сознание, что с ним талисман и снятый план расположения врага, придало ему неслыханную силу.

Но погоня была уже близка. Уже видны были всадники в красных эполетах, ехавшие по его следам. Положение снова создалось отчаянное. Но тут поручик увидел оставленную им в поле лошадь. Она смиренно стояла в том месте, где он ее оставил. Она тихо заржала, как бы приветствуя своего хозяина.

Поручик вскочил в седло и, как баба, обняв доброго коня за шею, вихрем понесся вперед. Раздались выстрелы.

Несколько пуль весьма близко прожужжало над его головой. Одна из пуль обожгла его плечо. И поручик почувствовал, что он ранен. Но добрый конь с лихостью рванулся вперед, и вскоре французы, увидя близкое расположение русских, оставили свое намерение.

Лошадь на бешеном скаку влетела в наше селение. И как вкопанная остановилась около наших палаток. Поручик, разжав руки, без чувств свалился с коня; и, упав плашмя на землю, остался недвижим.

Тотчас все его обступили. Кровь тихо струилась из его раны. И все подумали, что он умер. Побежали за врачом. Оказалось, что беглец был жив, но в глубоком обмороке».

Поручик Б. замолчал. Видно было, что волнение его душило. Офицеры, его окружавшие, не прерывали этого молчания.

Наконец один из нас сказал:

— Но что же было дальше?

— Раненого отнесли в лазарет, — сказал поручик. — Офицеры обступили его койку; пришел полковой командир; поручик, увидев его, сорвал с себя крест и бросил его к ногам полковника. Он сказал:

«Возьмите назад то, что я получил случайно».

Все ахнули, когда он так сделал. Это было большое преступление. Но в ту же минуту все увидели, что поручик решительно был без памяти; и действительно, нервная горячка держала его при смерти в течение двух недель.

III

Поручик Б. снова замолчал. Казалось, он не находил слов для дальнейшего. Я спросил его:

— Он получил новый орден?

— Нет, — сказал поручик, — военное командование признало случай исключительным, ему вернули чин, но ранее полученный орден заменен другим не был. Однако поручик, не желая носить случайный крест, снова возобновил свои ходатайства, но вот третий год, как нету результата.

— А где ж теперь этот храбрый офицер? — спросили мы.

— Он, сказывают, служит в армейской части.

— А его руки? Полностью ли они зажали или же он навсегда остался калекой?

Была лишь одна секунда, когда поручик взглянул на свои изуродованные руки, и они у него дрогнули; мы все в одно мгновение поняли, что славный поручик К. и есть наш рассказчик.

Мы стали пожимать его руки, и он, страшно смущаясь и краснея, как барышня, признался нам, что он и был действующим лицом во всей этой истории.

— А талисман?.. — спросил один из нас. И тут мы все в одно мгновение подумали, что наш бедный ротмистр, погибший столь нечаянным образом перед дуэлью, не есть ли жертва таинственной силы этого талисмана, который, как мы сейчас видели, многократно оберегал поручика от случайных бед. Не есть ли смерть несчастного ротмистра еще один случай одного и того же дела?

Мы стали просить, чтобы поручик нам показал этот талисман, столь ревностно оберегавший его судьбу.

Поручик, засмеявшись, сказал:

— Я потерял его, господа. В тот момент, когда я вскочил на лошадь, чтобы бежать от французов, он выпал у меня из кармана; я хотел было остановить коня, чтобы поднять его, но точно рассчитал, что потерянные при этом две минуты создадут мне более сильную опасность, нежели потерянный амулет. Соображение это было правильным, и я остался, как видите, жив. И вот уже третий год моя судьба, увы, никем не оберегается. И нету оснований признавать, что талисман,

быть может, явился причиной смерти бедного нашего ротмистра.

Мы разочарованно переглянулись, увидев, что это и в самом деле так. Мы ожидали услышать иной конец, который еще более показал бы могущество талисмана. Но этого, увы, не было.

Мне хотелось узнать, куда же подевалась Варенька Л., но я не смел спросить. Поручик как бы понял мои мысли; он сказал, вздохнувши:

— Варенька Л., видя мое к ней равнодушие, разлюбила меня. Она вскоре после смерти полковника вышла замуж за Н. И рассказывают, что она теперь безмерно счастлива.

Прошло полгода после этого рассказа. Поручик Б. был вызван к своему отцу, который находился при смерти. Он уехал и после этого к нам в полк не вернулся. Рассказывают, что он бросил военную службу и стал заниматься хозяйством. И еще рассказывают, что через год он все же получил заслуженный им георгиевский крест, с которым он никогда более не расставался, даже нося гражданское платье. И, женившись впоследствии на любимой им особе, всегда при случае называл ее кавалерственной дамой.

Бесславный конец

1. ГРОМКОЕ ИМЯ

В 1917 году, во время Февральской революции, А. Ф. Керенскому было тридцать шесть лет.

Это был возраст государственного мужа. Это был тот счастливый возраст, который соединяет в себе молодость и опыт, зрелость и энергию, радость жизни и практическую философию.

В эти годы человек нередко пробует свои силы на государственном поприще. Ранее этого возраста греческая мудрость запрещала занимать высокие общественные должности.

История, впрочем, знает примеры, когда человек и в более молодые годы прославлял свое имя блестящими государственными делами. Но это имя обычно принадлежало гению.

Головокружительная карьера А. Ф. Керенского заставляет с любопытством присмотреться к этому человеку, чье имя так или иначе неразрывно связано с Февральской революцией и с попыткой вооруженного сопротивления Октябрю.

Это громкое имя в памяти современников еще более неразрывно связано с бумажными деньгами, которые в то время выпускало Временное правительство. Эти деньги повсеместно назывались «керенки». И они, видимо, еще в

большей степени упрочили популярность главы правительства.

Многие поступки и государственные шаги премьера весьма давно позабыты, но деньги его до сего времени свежи еще в памяти.

Это были, в самом деле, до некоторой степени удивительные деньги. Это были громадные полотнища, на которых печатались крошечные дензнаки. Их надо было резать ножницами или отрывать пальцами, по усмотрению.

Уже один вид этих денег вызывал удивление и вселял недоверие к власти, выпустившей их. Видимо, крайняя спешка и миниатюрность дензнаков не позволяла разрезать их соответствующим образом.

Некоторый комический элемент присутствовал в этом немаловажном государственном акте.

Впрочем, помимо денег, память о Керенском в народе осталась крайне прискорбная для него. Фигляр, позер, истерик — вот какие наименования давались ему его же собственными современниками.

Скорее забавные, чем трагические сценки, в которых он участвовал, зарисованы в воспоминаниях и мемуарах.

Но нам думается, что зря ничего не бывает. И если человек выдвинулся на столь высокую ступень жизни, то, вероятно, были еще какие-то весьма серьезные причины, коих можно сразу не увидеть.

Давайте посмотрим через головы современников, что это был за человек, который из скромного, незаметного присяжного поверенного и судебного оратора стал верхов-

ным главнокомандующим и первым государственным деятелем страны.

Нам кажется, что события будут видны более отчетливо, если мы познакомимся с верховным вождем армии, пожелавшим вести ее в бой против пролетарской революции.

2. А. Ф. КЕРЕНСКИЙ

Александр Федорович Керенский — сын небогатого дворянина, учителя. Он окончил гимназию и получил высшее образование в университете. Он был адвокат, присяжный поверенный. Он вел, главным образом, политические процессы и считался весьма способным юристом и хорошим оратором.

Наружность он имел не совсем заурядную. Рыжеватые волосы он носил бобриком. Большая его голова при среднем росте казалась слишком несоразмерна туловищу. И лицо он имел бледное, с нездоровой и дряблой кожей.

В своем физическом облике он был сын своего времени — типичный представитель дореволюционной интеллигенции: слабогрудый, обремененный болезнями, дурными нервами и неуравновешенной психикой.

Он был сын и брат дореволюционной мелкобуржуазной интеллигенции, которая в искусстве создала декадентство, а в политику внесла нервозность, скептицизм и двусмысленность.

Он был слабый и безвольный человек.

Изучая по материалам и документам его характер, видишь, что ему, в сущности, ничего не удавалось сделать из

того, что он задумал. Его слабая воля не доводила до конца ни одно из начинаний.

Он хотел спасти Николая II и не спас его, хотя много старания приложил к этому. Он хотел вести войну до победного конца, но создал поражение. Хотел укрепить армию, но не мог это сделать и только разрушил ее. Хотел лично двинуть войска против большевиков, но не собрал даже и одного полка, хотя был верховным главнокомандующим. Он с горячими речами выступал против смертной казни, а сам ввел ее.

Все его шаги, все замыслы и начинания гибли, извращались им и не доводились до конца.

Несмотря на свой высокий пост, казалось, что он всего лишь бежал в хвосте событий. И это было именно так.

Он, в сущности, был крошечной пылинкой в круговороте революционных событий. Правда, за его спиной таились значительные силы контрреволюции. Но этими силами Керенский не располагал по своему усмотрению. Даже больше — эти силы, как мы увидим, сами стремились уничтожить его.

Его же личная воля ни в какой мере не могла противодействовать движению революции. Он ничего не сделал для того, чтобы остановить или задержать какое-нибудь событие. Он лишь ускорил собственную политическую гибель и гибель Временного правительства. И мы доподлинно увидим, как это произошло.

Просматривая материалы, иной раз удивляешься — каким же образом человек со столь слабой волей мог занять первое место в государстве.

Но надо знать среду, надо изучить характер этой среды.

Он был представитель мелкобуржуазной, весьма вялой интеллигентской прослойки, которая вообще не могла играть самостоятельной роли в революции. Она лишь могла служить буржуазии или пролетариату. Она выдвинула то, что было в ее ресурсах. Конечно, она могла иметь более сильного и более мужественного человека, но в пылу революции она выдвинула то, что в силу крикливости казалось наиболее энергичным и действенным. И это было заранее обречено на гибель.

Но если бы эта мелкобуржуазная прослойка и крупная буржуазия в целом выдвинули и более сильного человека, человека, предположим, с могучей волей, то результат был бы одинаковый, ибо и такому человеку не на что было бы опираться. Народ в огромном своем большинстве пошел за партией большевиков, которой руководил В. И. Ленин.

Каким же образом Керенский все же оказался во главе государства?

Керенский занял столь высокое место не по своим личным качествам. Представители крупной буржуазии — министры-капиталисты — сами «посторонились», чтоб дать ему первое место. Керенский, казалось, был выгодной фигурой, которая могла связать крупную и мелкую буржуазию. Он, казалось, мог повести за собой целый слой, представителем которого он был. Но этого как раз и не случилось.

Ставка на Керенского была сделана без учета всей сложности вопроса.

5. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЖ

Керенский был человек среднего ума. Про него нельзя сказать, что он вовсе неумен. Достаточная ясность мышления, подчас некоторая даже острота в суждениях говорили за то, что он неглупый человек.

Но, вместе с тем, удивительная недальновидность, поверхностность, неглубокость и, пожалуй, наивность зачеркивали положительные качества его ума.

Он был в достаточной мере умен для своей основной профессии, но он был решительно неумен на посту руководителя страны.

Он был то, что называется человеком негосударственного ума. Это был не государственный муж.

Если позволительно сравнивать государственную деятельность с игрой в шахматы, то он был игрок, который более одного хода вперед не обдумывал.

Целый ряд его поступков был в этом смысле чрезвычайно характерен.

Он, получив, например, пост министра-председателя, тотчас переехал на жительство в Зимний дворец. Он поселился в покоях Николая II.

Раздираемый честолюбием, он не увидел в этом ничего особенного.

Он, как неожиданно разбогатевший обыватель, переехал на другую, более шикарную квартиру. Он не видел в этом политического шага. Но это был именно политический поступок, который тотчас был использован его врагами.

По рукам населения стали ходить сатирические стихи под названием «Александр IV». Эти стихи, размноженные на гектографе, проникли и в армию и произвели там должное впечатление.

Отношение Керенского к людям, все его поведение с людьми также было далеко не государственным.

Вознесясь столь высоко, он счел нужным иметь величественный тон. Он стал почти декламировать, разговаривая с простыми смертными.

Он торжественно, как в театре, выпрененным тоном беседовал со своими подданными.

— Генерал, подойдите сюда. Доложите мне, как ваши дела! — величественно приказывал он кому-нибудь из своих военных специалистов.

Все отлично понимали, что тон неестественен и фальшив, что этому штатскому человеку более было бы прилично держаться обыкновенного тона, какой он имел, будучи адвокатом. Все видели в этом нечто комическое и неумное. Тем более, что он и сам не выдерживал долго своей роли и, срываясь, не раз заканчивал беседу обыкновенным, бытовым голосом.

Подобная фальшивая величественность была одной из причин, наложивших некоторую, что ли, опереточную тень на фигуру министра-председателя и верховного главнокомандующего.

Даже такая, в сущности, мелочь — его обычная поза — имела в своей основе также нечто юмористическое и непростительное для государственного человека.

Его правая рука обычно лежала за бортом френча, левая рука помещалась сзади. То есть это была классическая поза Наполеона, слишком всем знакомая.

Но у Наполеона это было весьма естественно — его левая рука помещалась иной раз в заднем кармане, или же этой рукой он держал свою треугольную шляпу. И это было, вероятно, до некоторой степени удобно. Наш же несчастный Керенский сзади своего френча кармана не имел, шляпы не носил, и рука его неестественным образом без всякого почти упора болталась в воздухе.

Тут были слишком очевидны рисовка и позирование под Наполеона, возможно, даже не в полной мере осознанные. «Несчастный», может быть, даже не понимал, что с ним и куда его влекут неведомые силы.

У него не было того основного, что делает человека вождем или хотя бы руководителем. У него не было умения видеть события, умения философски обобщать их, не было даже элементарного знания людской психологии. Он принимал за чистую монету все изъявления восторга при встрече с его особой. И вел государственные дела, как нервный и крикливый председатель жакта ведет дела своего дома.

История знала более недалеких правителей, но он выгодно отличался от них тем, что весьма недолго стоял у государственного руля.

Что касается недалёковидности Керенского, то возможно, что мы тут несколько преувеличиваем. После бегства Керенского за границу на его текущем счету в Международном

банке была обнаружена сумма в 350 тысяч золотом. Все-таки он предвидел свою дальнейшую судьбу. И, заняв первое место в государстве, не замедлил «кое-что» отложить на черный день. Надо полагать, что эту кругленькую сумму скопил он не из жалованья. А достиг он этих денег каким-нибудь иным путем.

4. ГОЛОВОКРУЖИТЕЛЬНАЯ КАРЬЕРА

Итак, слабый, нездоровый и безвольный человек, человек вовсе не государственного ума, становится во главе армии и правительства.

Начало его неслыханной карьеры нужно отнести к его адвокатской деятельности.

Ведя, главным образом, политические процессы, он судебными речами сумел создать себе некоторую популярность в общественных кругах. Он был выбран в 1912 году в члены Государственной думы. И там его красноречие было вполне замечено.

В 1917 году, после Февральской революции, он получил портфель министра юстиции.

Спустя два месяца он стал военным и морским министром. А в августе того же года он достиг высшей власти, сделавшись министром-председателем и верховным главнокомандующим.

Все это дало ему его судебное красноречие, его умение говорить речи.

Просматривая его речи, мы не можем сказать, что он тут был на недосягаемой высоте. Его речи далеко не были шедеврами красноречия. Стертые образы и шаблонное построение не делали его речи литературными произведениями.

Но некоторая смелость по тогдашнему времени выдвигала его на передовые позиции.

Впрочем, секрет его речей был не только в этом. Речи произносились, так сказать, «от всей души». Он вкладывал в них тот нервный подъем, который обычно зажигает слушателей. При этом он, как артист, прибегал к театральным приемам. То доводил речь до шепота, то, напротив, выкрикивал отрывистые фразы, эффектно жестикулируя.

Эта его театральность и, вместе с тем, некоторая, что ли, горячность создали ему успех и, несомненно, незаслуженно выдвинули в ряды первых ораторов.

Эти его речи и были главным и, пожалуй, единственным козырем, с которым он занял первое место в стране.

Любопытно и показательно отметить, что именно при помощи этого адвокатского умения, при помощи своей профессии присяжного поверенного он и пытался управлять страной.

Это был беспримерный случай в истории, когда человек управлял страной с помощью своего судебного красноречия. Это было таким же абсурдом, как если бы врач с помощью своих медицинских познаний, не зная нот, пытался бы играть на рояле.

Но это было именно так. Он всюду, где только можно было, выступал с речами, уговаривал, призывал, требовал и умолял.

Он буквально затопил страну своими речами. Буржуазная аудитория встречала его овациями. Дамы закидывали его цветами. Восторженные крики не смолкали, когда он появлялся на сцене или в зале заседания.

Совет республики и члены Временного правительства не раз, стоя, приветствовали его.

Он имел огромный успех, но этот успех до некоторой степени был успех артиста, а не государственного деятеля, это был успех человека, тем или иным путем занявшего первое место и овладевшего всеобщим вниманием.

Но он плохо разбирался в психологии и ничего не понял в своем успехе.

Он без стеснения говорил уже: «мой народ». И с горечью отмечал, кто именно во время овации не встал его приветствовать.

Даже спустя год он с досадой писал в своих записках («Гатчина»):

«В минуту этого национального взрыва (его, стоя, приветствовали) некоторые вожди не могли преодолеть в себе жгучей ненависти к правительству Мартовской революции: они продолжали сидеть, когда все собрание поднималось, как один человек. Эти непримиримые были — с.-д.-интернационалист Мартов, к.-д. Милюков и два-три корниловских казака».

Конечно, это, наверно, было крайне досадно, что два-три казака и Милюков не встали. Наверно, он свирепо на них глядел и рыскал глазами по задним рядам, отыскивая еще еретиков и нахалов.

Прохожие на улицах с любопытством глазели и приветствовали его, когда он проезжал в своем открытом автомобиле.

Он писал с чувством нескрываемого самодовольства о своей поездке по городу:

«Улица — прохожие и солдаты — тотчас узнали меня. Военные вытягивались... Я отдавал честь, как всегда, немного небрежно и слегка улыбаясь...»

Уже эти строчки до некоторой степени рисуют нам характер этого человека, внимание которого столь было приковано к внешнему успеху, к шуму, к славе и к почестям.

В этом уличном шуме он, не имея на то никаких оснований, видел трогательную любовь народа, преданность армии и восторженное поклонение уличной толпы. Но он жестоко заблуждался.

История знает противоположный пример скептического отношения к уличному успеху. Человек огромного ума, с судьбой трагической и великой — Кромвель сказал, улыбаясь, когда ему показали на восторженную толпу:

«Их было бы еще больше, если б меня вели вешать».

И это было отчасти верно, потому что ни народ, ни улица не считали Кромвеля своим вождем.

Керенский грелся в лучах славы и не слишком задумывался о своей судьбе.

Он был потрясен своей неожиданной карьерой. Несомненно, он ничего подобного не ожидал в своей жизни.

Получив портфель военного и морского министра, а потом пост верховного главнокомандующего, он и тут ринулся

управлять военным ведомством с помощью своего красноречия. Дальше ему некуда было идти. Дальше можно было лишь падать.

Но его недалекновидность и тут спасала его от мрачных предчувствий.

5. ВОЕННЫЙ И МОРСКОЙ МИНИСТР

Пребывание на посту министра юстиции не в полной мере удовлетворяло его честолюбие. Конечно, это была славная карьера для присяжного поверенного, но хотелось еще чего-нибудь более оригинального.

Настоящая жизнь началась лишь со дня получения портфеля главы армии и флота.

Но тут начались некоторые трудности.

Будучи министром юстиции, он не ощущал особых тягот в управлении страной. Это было ему нечто знакомое по судебным выступлениям. Но, став военным министром, а потом верховным главнокомандующим, он увидел, что его профессия присяжного поверенного не столь универсальна, как он предполагал.

Он стал выступать с речами в казармах и на фронте, призывая армию к повиновению, к дисциплине и к наступлению.

Но солдаты не хотели жертвовать жизнью ради чуждых им интересов. Пышное красноречие Керенского не затрагивало тех вопросов, которые волновали солдатские

массы. Цветистые фразы военного министра пропадали впустую.

Профессией присяжного поверенного тут ничего нельзя было сделать.

Он издавал приказы и потом отменял их. Он, расшатав дисциплину, стал яростно подтягивать всех и требовать еще более строгой дисциплины. Он кричал о мире, потом повел в наступление.

Своим красноречием и неуравновешенностью он еще больше способствовал разрушению армии.

Военная наука — одна из наиболее трудных наук. Она требует особых свойств характера — соединения воли, твердости духа, расчета и ума. Этого всего не было у Керенского.

Он с первых же шагов выказал себя в этом деле не только как профан, но как человек, просто неизвестно на что рассчитывающий.

То, что он, абсолютно штатский человек, никогда не видевший в глаза пулемета и винтовки, принял сразу два военных портфеля, показывает удивительную самоуверенность и, пожалуй, что ли, хлестаковщину.

Армия весьма скептически отнеслась к этому назначению.

Офицерство открыто иронизировало и подсмеивалось над ним. Высшее военное командование было оскорблено и унижено.

Пылкие речи военного министра не производили должного впечатления. Солдаты фронта хотели слышать простые слова о мире, о земле, о возвращении домой, о конце войны.

Интеллигентское красноречие их не устраивало. Пышные слова приводили в раздражение.

К тому же вид верховного главнокомандующего, несмотря на наполеоновские замашки, не внушал армии доверия.

Этот штатский, болезненного вида человек производил странное впечатление, когда во время его речей адъютант почтительно держал над ним черный дождевой зонтик, укрывая голову правительства от солнца и непогоды.

Это производило комическое впечатление. И войска с улыбкой смотрели на это глубоко штатское зрелище.

Но и тут, как всегда, Керенский не понял всей глубины дела, потому что аплодисменты и крики «ура» уводили его на более приятный путь размышлений.

В довершение всего речи, произнесенные много раз, потеряли свою привлекательность. Слова стерлись и опошлись. Пафос казался фальшивым и театральным. Выкрики— «нож в спину революции», «родина в опасности» и т. д. надоели и никого больше не удивляли.

Уже все чаще после его речей солдаты выступали с резкой критикой. Уже не раз его речь прерывали криками и возгласами недовольных.

Солдаты бежали с фронта, дезертировали и отказывались наступать.

Большевистские агитаторы открыто разъезжали по фронту, разъясняя смысл событий и показывая истинную роль буржуазного Временного правительства.

Успешная борьба большевиков за беспредельное влияние в массовых организациях и, наконец, апрельская демонстрация

рабочих под руководством большевистской партии нанесли сокрушительный удар по Временному правительству и создали кризис власти. Массы, и в том числе солдаты фронта, явно сочувствовали большевикам, а не правительству.

И, конечно, столь незначительный человек, как Керенский, тут решительно ничего не мог сделать.

Керенский настоял перед правительством о введении смертной казни за воинские преступления. Но и этим он не укрепил армию. Распад, в котором, впрочем, повинен был не только Керенский, оказался слишком глубоким. Влияние большевиков на массы было слишком значительно. И эта решительная мера не привела к желательным результатам.

Военный и морской министр, начиная понимать, что дело идет не гладко, хотел опереться на офицерство, но не сумел этого сделать. Он слишком повелительно и величественно беседовал с генералами и заносчиво, пренебрежительно относился к маленьким чинам. И, благодаря этой своей негативности, ему не удавалось привлечь к себе даже хотя бы небольшую группу верных ему людей. В ответственный момент он, не считая адъютанта, остался решительно один.

Это был поразительный случай в истории, как человек — верховный главнокомандующий и глава правительства — остался не только без армии, но остался без кучки верных ему людей, пожелавших защищать его до конца.

Еще в первый месяц своего назначения он получил солидный урок, но не сделал из него никаких выводов.

Он выступал в Мариинском театре перед военной аудиторией. Он вышел на сцену с двумя адъютантами, которые

замерли в неподвижных и почтительных позах, когда он начал свою речь.

Все шло, как и полагалось. Бурные аплодисменты улаждали сердце военного министра. Но вот на сцену была брошена записка, которую Керенский сгоряча огласил, думая, что там комплименты. Группа офицеров писала, что адъютанты Керенского «марают честь мундира» тем, что, как фокстерьеры, делают стойку перед штатским человеком.

Взрыв смеха потряс здание театра. Никто не пожелал возмутиться или защитить честь военного министра. Веселость была всеобщая.

Уверенность, что, несмотря на отдельные происки врагов, вся армия и народ идут за ним, не покидала его почти до последнего дня, до последних часов его пребывания в России. Эта счастливая уверенность придавала ему силу ездить по фронту, где он увещевал армию продолжать наступление на немцев.

6. СТО ДЕСЯТЬ ДНЕЙ

Уверенность Керенского в нерушимости своего положения была так велика, что он накануне июльских дней, в момент напряженной политической борьбы, выехал на фронт со своими речами.

Но июльские дни смутили все же душевный покой военного и морского министра. Он бросил все и срочно вернулся в Петроград. Уже на вокзале, только что сойдя с поезда, он

«распушил» командующего округом генерала Половцева и, накричав, тут же отстранил его за бездеятельность, хотя в сущности «бездеятельности» не было, так как демонстрация большевиков была расстреляна войсками, и генерал Половцев сделал все возможное для «восстановления порядка».

В первые же дни своего приезда Керенский настоял перед правительством о немедленном аресте всех большевистских вождей.

Об этом был отдан приказ с обещанием высокой денежной награды за арест В. И. Ленина.

Буржуазия в союзе с эсерами и меньшевиками повела теперь яростную борьбу против дальнейшего развития пролетарской революции.

Нервная решительность Керенского заставила членов правительства с надеждой обратиться к нему как к спасителю от большевиков. И тогда он имел смелость принять на себя пост министра-председателя и верховного главнокомандующего.

Он отказывался, правда, от высокого поста и приводил всякие резоны, но улыбка радости не сходила с его лица. И, приняв этот пост, он стал еще более надменен, еще более величественным тоном вел беседы и еще более высокомерно отдавал приказания, не желая слушать никаких советов и возражений.

Между тем, над головой премьера стали явственно сгущаться тучи.

Заручившись согласием ставки и самого Керенского, генерал Корнилов двинул на Петроград 3-й Конный корпус.

Он послал этот корпус для усмирения большевиков, но, вместе с тем, он хотел свергнуть и Временное правительство.

25 августа Конный казачий корпус во главе с Дикой дивизией стал подходить к Петрограду. Но большевики организовали оборону Петрограда, и их агитаторы, выехавшие навстречу корпусу, разъяснили казакам их роль. И казаки отказались идти дальше.

Керенский продолжал оставаться у власти. И он не без торжественности нес бремя этой власти вплоть до 25 октября. Он нес это бремя всего сто десять дней, перещеголяв в этом смысле на десять дней самого Наполеона, вернувшегося с Эльбы.

Вероятно, больше этого срока он и не сумел бы вынести тяжести власти.

Он чрезвычайно устал и задергался.

Он был всегда вспыльчивым, нервным и неуравновешенным; теперь же, находясь на вершине государства, он стал вовсе терять самообладание. Его дурные нервы не могли долго выдерживать большого напряжения. Еще будучи министром юстиции, он не раз по окончании речи падал без чувств и прибегал к разным лекарствам, чтобы поддержать себя. Он, не стесняясь зрителей, пил валериановые капли прямо из пузырька. Это было весьма жалкое и, собственно говоря, даже нелепое зрелище.

Но это слабенькое средство не помогло ему после двух месяцев пребывания на ответственном посту. Он наливал эфир на платок и жадно подносил к своему лицу. Это его

поддерживало и придавало ему силы для очередного выступления.

Конечно, так долго не могло продолжаться, и нет сомнения, что верховный правитель бесславно закончил бы свои дни, даже если бы дела сложились иначе.

Собственно, закат Керенского начался тогда же, когда начался восход.

Он как ракета, по законам пиротехники, взвился в небо, засверкал фантастическими, искусственными огнями и, ментально сгорев, стал стремительно падать. И все, находящиеся вблизи, разбежались, боясь, как бы он, падая, не придавил их своей высокой особой.

Уже в сентябре 1917 года все было запутано и разрушено. Армии не существовало. Большевистский фронт ширился.

Подготовка вооруженного восстания шла у большевиков весьма энергично и успешно, и об этом почти открыто говорили на улицах и в казармах.

21 октября Временное правительство поручило министру-председателю Керенскому принять меры к ликвидации ожидаемого восстания.

Керенский приказал своему командующему округом полковнику Полковникову разработать план ликвидации мятежа.

Полковников, не сделав ничего, доложил, что правительство может быть уверено — Петроградский гарнизон окажет сопротивление большевикам.

Керенский сообщил правительству, что меры приняты и восстание, если оно случится, будет подавлено.

Однако 23 октября Керенский стал терять некоторую свою уверенность относительно войск Петроградского гарнизона и отдал приказ главнокомандующему Северного фронта — подтянуть войска к Петрограду.

Но главнокомандующий генерал Черемисов не исполнил приказа.

В 11 часов утра 24 октября Керенский явился в Мариинский дворец и, ввиду чрезвычайного положения, потребовал в своем слове всей меры доверия и содействия. Совет республики устроил Керенскому овацию и, стоя, приветствовал его. Премьер, счастливый и взволнованный, не дождавшись резолюции, поспешил в штаб, чтобы заняться военными делами и оправдать высокое доверие.

Между тем, в Совете начались длинные дебаты о тексте резолюции.

Этот текст резолюции выработан был только к ночи. Целый день пропал на бесцельные споры и крики.

Большевики тем временем энергично вели подготовку восстания и в ночь на 25 октября стали занимать правительственные здания.

7. НОЧЬ НА 25 ОКТЯБРЯ

В двенадцатом часу ночи резолюция Совета республики еще не была готова.

Встревоженный Керенский направился из штаба в Зимний дворец на совещание совета министров.

Наконец, в Зимний прибыла делегация с долгожданной резолюцией. Причем резолюция была далеко не такая, какую ожидал Керенский. Левое большинство Совета республики отделяло себя от правительства и его борьбы. Другими словами, резолюция не выражала доверия правительству. После овации, устроенной Керенскому, это было неожиданно в высшей степени.

Совещание членов Временного правительства происходило в Малахитовом зале. Керенский, выйдя к делегатам и зачитав резолюцию, с возмущением заявил, что после такой оскорбительной для самолюбия резолюции кабинет министров завтра же подаст в отставку.

Делегаты стали разяснять, что резолюция в основном полезна, так как есть вероятность, что большевики посчитаются с ней и, может быть, даже откажутся от вооруженного восстания.

Делегаты стали настаивать, чтобы совет министров принял их и выслушал их мнение.

Керенский ответил, что ни он, ни правительство не нуждаются в советах и что революция будет спасена и без помощи посторонних.

Делегация отбыла, и в совете министров снова начались обсуждения, как реагировать на резолюцию и какие меры принять против действий большевиков.

Именно во время этого исторического словопрения большевики и начали занимать правительственные здания одно за другим.

Правительственное совещание закончилось около двух часов ночи, и утомленные министры стали расходиться по домам, поручив Керенскому «организовать надлежащее военное командование».

Один из членов правительства, министр исповеданий Карташев, по выходе на улицу был арестован вблизи Зимнего дворца и отведен в Смольный.

Следует сказать, что во время совещания к Керенскому явилась делегация от казаков и уверила его (как он сам пишет), что по его особому личному приказу казаки поддержат Временное правительство.

Однако Керенский не знал, что мнение делегации не выражало мнения большинства казаков. Напротив того, совет казачьих войск решил не вмешиваться в борьбу, которую вело правительство с большевиками. Керенский, как и всегда, совершил тут изрядную ошибку — он слишком доверчиво отнесся к словам преданности и к изъявлению восторга при встрече с его особой.

Он настолько был уверен, что казаки в его распоряжении, что восторженно сообщил министрам о своем замечательном разговоре с казаками.

Явившись в два часа ночи в штаб, Керенский потребовал, чтобы казаки срочно прибыли для защиты правительственных зданий. Однако казаки уклончиво ответили, что сейчас кончат обсуждение и в скором времени начнут седлать лошадей.

Но время шло, казаки не появлялись.

Поняв, наконец, что казаки не выступят в защиту Временного правительства, Керенский стал выяснять, какие войска, находящиеся вне Петрограда, можно использовать. Но точных сведений в штабе не имелось. Как будто бы к Гатчине двигался казачий корпус генерала Краснова. Но пока никакой связи наладить не представлялось возможным. Тогда Керенский стал по прямому проводу беседовать со ставкой главнокомандующего Северным фронтом. Керенский потребовал, чтоб войска с фронта были немедленно подтянуты к Петрограду.

Главнокомандующий уверил его, что он сделает все, что в его силах.

Между тем в штаб приходили тревожные сведения. Отряды восставших заняли Николаевский мост, и суда Балтийского флота входили теперь в Неву.

Керенский стал буквально метаться по штабу.

Перебегая от телефона к телефону, он в промежутках между двумя разговорами диктовал телеграммы, отдавал распоряжения и делал перемещения среди командного состава.

Весть о маневре Балтийского флота наполнила его гневом и бешенством. С криком: «Немедленно топить корабли!» — он стал лично писать радиограмму.

Эта его не совсем толковая радиограмма сохранилась для истории. Она весьма красочно говорит о душевном состоянии «главковерха»:

«Всем судам, идущим в Петроград без разрешения Временного правительства. Приказываю: командирам подводных лодок топить суда, не повинующиеся Временному правительству».

Но так как в радиограмме не было указано, какие именно суда не повинуются Временному правительству и какие суда самовольно вошли в Неву, то при всех обстоятельствах эта радиограмма была пустым звуком.

Между тем в штабе стало известно, что здание Главного почтамта и телеграфа уже в течение двух часов находится в руках большевиков.

Среди офицеров штаба началось замешательство.

Вторично отдав приказ об аресте всех большевистских вождей и облегчив этим свою душу, Керенский стал на карте высчитывать, каким образом окружить Смольный, чтобы изолировать его и пресечь действия восставших. Нужны были казаки.

Но казаки по-прежнему отсиживались в казармах и на все просьбы и мольбы снова неизменно отвечали: «Сейчас начнем седлать лошадей».

Верная часть Керенского — команда блиндированных автомобилей — стала волноваться. Офицеры штаба вели себя вызывающе.

Полковник Полковников продолжал вести двойную игру и, уверяя Керенского в верности, агитировал офицеров тотчас арестовать премьера.

Тогда Керенский, видя измену Полковникова, принял на себя все командование. Однако дело ни на йоту не изменилось, так как, в сущности говоря, не над чем было командовать.

В шесть часов утра Керенский вторично стал беседовать со ставкой главнокомандующего Северным фронтом, чтоб ускорить присылку войск в Петроград. Но толку не мог

добиться, так как главнокомандующий уверял, что его действия контролируются революционным комитетом и он сам войсками не распоряжается, но что он постарается сделать все, что от него зависит. В общем, дипломатические слова не принесли делу никакой пользы.

Положение создавалось критическое. Оставалась надежда, что генерал Краснов успеет подтянуть свой казачий корпус к столице.

В седьмом часу утра, так и не дождавшись известий о движении войск к Петрограду, Керенский, разбитый и потрясенный, с мыслями: «утро вечера мудреней» — направился в Зимний дворец, чтобы хоть немного вздремнуть.

8. 25 ОКТЯБРЯ

Юнкера, охранявшие Зимний дворец, заволновались при виде премьерера. Нарушая дисциплину, они группами подходили к Керенскому и, окружив его тесным кольцом, взволнованно расспрашивали о положении дел и о дальнейших возможностях.

Керенский, подтянувшись и приняв соответствующую позу, бодрым голосом успокаивал их, говоря, что он с минуты на минуту ожидает прибытия в Петроград свежих воинских частей, верных ему и Временному правительству.

Это несколько успокоило юнкеров, и они расступились перед премьером, который развинченной походкой проследовал в свои покои.

Он вошел в свой кабинет и, не раздеваясь, бросился на оттоманку. Но заснуть не мог.

Нервное возбуждение было столь велико, что он ни минуты не мог оставаться в спокойном положении. Он налил эфиру на носовой платок и жадно поднес его к своему лицу.

Он не заснул, но какое-то оцепенение охватило его.

В восемь часов утра в кабинет премьера почти вбежал фельдъегерь.

Керенский, бледный, без кровинки в лице, открыв глаза, продолжал лежать, ожидая слов фельдъегеря, как приговора.

— Центральная телефонная станция, господин верховный главнокомандующий, — сказал фельдъегерь, — в руках большевиков... Штаб потерял связь с городом... Что прикажете доложить командующему?

В одно мгновение, вскочив с оттоманки, Керенский побежал к окну.

У Дворцового моста он увидел пикеты матросов.

Невольно закрыв лицо рукой, Керенский сказал фельдъегерю:

— Ступайте... Доложите, что я сейчас буду... Велите разбудить моих адъютантов...

Фельдъегерь вышел из кабинета, и Керенский, подойдя к столу, стал судорожно рвать документы и бумаги. Потом, оставив это, бросился в покои, выходящие на Дворцовую площадь.

Он, не обращая внимания на солдат караула, спавших и лежавших на полу, подбежал к окну и взглянул на площадь.

Площадь была безлюдна. Большевистских отрядов нигде не было видно.

Керенский снова бросился в свой кабинет, куда через минуту явились два адъютанта и министр торговли и промышленности, ночевавший во дворце.

Они вчетвером, почти бегом, дошли до штаба. В штабе был развал и суматоха. Охраны не было. Какие-то офицеры, солдаты и штатские бегали по лестнице, не обращая внимания на верховного главнокомандующего.

Узнав от начальника штаба, что блиндированные машины неизвестно кем испорчены и что никаких сведений нет об эшелонах, идущих к Петрограду, Керенский растерянно взглянул на своих адъютантов и на двух министров, Кишкина и Коновалова, неподвижно стоявших у окна.

Но вдруг огонь решимости зажегся в глазах премьера.

— Я сам приведу войска! — закричал Керенский. — Это вздор и ересь... Большевистские агитаторы разложили мне войска Петроградского гарнизона. Но я знаю настроение фронта. И к тому я имею любые доказательства.

Керенский показал рукой на письменный стол, на котором в беспорядке лежали полученные вчера телеграммы с изъяснениями верноподданнических чувств.

Министр торговли и промышленности Коновалов, плотный, бритый человек, с внешностью русского купца, получившего образование за границей и одетого по-английски, сказал, пожав плечами:

— Эти бумажки, Александр Федорович, сейчас не имеют значения. Это, конечно, очень хорошо, если вы сами поедете за армией, но как это сделать? — почти весь город в руках большевиков.

Все посмотрели в окно, но ничего страшного не увидели. Прохожие спешили, как обычно, и к Невскому шли трамваи с висящими на подножках людьми.

— Прикажите тотчас подать мою дорожную машину! — закричал Керенский, обращаясь к адъютанту.

Первый адъютант Керенского, юный девятнадцатилетний прапорщик Миллер, бросился исполнять приказание.

— Это вздор и ересь! — снова вскричал Керенский. — Я допускаю, что генералы Духонин и Черемисов против меня, но за солдатскую массу я отвечаю... Я сам поведу войска к Петрограду... И это большевистское отребье как дым исчезнет при виде двух-трех свежих рот!

В коридоре, за дверью кабинета, раздался вдруг шум и топот солдатских ног. Керенский побледнел и вопросительно взглянул на адъютантов.

Группа юнкеров вошла в кабинет. Один из них, отдавая честь, сказал, обращаясь к Керенскому:

— Господин верховный главнокомандующий. Большевики только что прислали нам ультиматум — очистить здание Зимнего дворца. В противном случае они грозят расправиться с нами без пощады... Как прикажете поступить? Свой долг мы согласны выполнить до конца, но если...

Воинская речь юнкера осеклась, и он, мямля и подыскивая слова, тихо добавил:

— Но если у вас... если войска... если нет подкрепления, то юнкера считают... Может быть это и не нужно... Оборонять дворец...

— Юнкера, — торжественно сказал Керенский, — вы гордость моей армии. От вас ли я слышу эти слова? Ступайте и скажите всем, что положение далеко не безнадежное. И что мы каждую секунду ожидаем подкрепления. Ступайте, господа, и выполните ваш долг перед родиной, согласно вашей присяге.

Адъютант, прапорщик Миллер, явившись, доложил, что машина подана.

Юнкера понуро ушли выполнять свой долг перед Временным правительством.

Прапорщик Миллер, доложив о машине, сказал, что сейчас в ставку отправляется американская машина и было бы безопасней выехать вместе с ней под защитой американского флага.

Изъявив на это согласие, просветленный Керенский стал прощаться с министрами.

Оставив своим заместителем Коновалова, он сказал, обратившись к нему:

— Кроме того, Александр Иванович, я оставляю вас своим заместителем и по обороне Петрограда.

Министр торговли и промышленности, молча пожав плечами, отвернулся к окну.

9. ПУТЕШЕСТВИЕ НА КРАЙ НОЧИ

Верховный главнокомандующий, два его адъютанта и помощник командующего армией капитан Кузьмин поместились в открытой машине. Офицер для поручений Виннер и штаб-офицер сели в американскую машину.

Процессия благополучно тронулась в путь. Было около десяти часов утра 25 октября.

Никто не пытался их задержать. Прохожие, узнав Керенского, останавливались и приветствовали его.

Самодовольная улыбка снова появилась на измученном лице премьера.

Они проехали по Морской мимо патрулей красногвардейцев, стоявших у телефонной станции, и, развив скорость, вышли за черту города.

Выйдя на шоссе, к Гатчине, они столкнулись с большим отрядом красногвардейцев, которые, подняв винтовки, приказывали остановиться. Но, развив бешеную скорость, машина скрылась из виду.

Американский флаг, видимо, помог, — выстрелов не было.

Через полтора часа машины подъезжали к Гатчине.

От тряски, бессонной ночи и волнений Керенский, почти теряя сознание, сидел зеленый и почти бездыханный.

Капитан Кузьмин сказал, что в Гатчину не имеет смысла заезжать, — на путях не видно никаких эшелонов, и было бы правильно сразу направиться в ставку Северного фронта.

Адъютант, прапорщик Миллер, показав глазами на полумертвого Керенского, тихо сказал, что он не берется дальше везти его и что следует в Гатчине немного отдохнуть.

Керенский, приободрившись, сказал, что стакан горячего чая снова придал бы ему силы.

Машина остановилась у подъезда Гатчинского дворца.

Выбежавший комендант, неприятно пораженный неожиданным и небезопасным для него посещением, повел высоких гостей в свои комнаты.

Весть о прибытии премьера стала быстро распространяться по Гатчине. Ко дворцу спешили солдаты и жители.

Комендант вел себя подозрительно. И Керенскому вдруг показалось, что комендант, подойдя к окну, делал какие-то знаки.

Тотчас был забыт чай, и Керенский приказал занять места в машинах.

Это было своевременно. Около дворца стояла теперь возбужденная толпа солдат.

Толпа заволновалась, увидев Керенского. Но быстрота действий спасла и на этот раз премьера.

Машины моментально двинулись в путь. Солдаты, потрясая винтовками, бросились за ними.

Машина Керенского быстро ушла вперед. Но американская машина, колеся по улицам Гатчины, подверглась обстрелу. Был ранен шофер и пробита шина.

Автомобиль остановился, и сидящие в нем скрылись в парке.

Теперь Керенский поехал в Псков, в ставку главнокомандующего Северным фронтом.

Ничего хорошего Керенский не ожидал от этой поездки — он не верил генералу Черемисову и боялся его. Но он надеялся встретить в Пскове генерала Краснова с его донцами и неясно надеялся на генерала Духонина, своего заместителя, со ставкой которого он никак не мог связаться.

Ставка бездействовала. Она была парализована, или сам Духонин держался выжидательной политики.

Машина прибыла в Псков, и Керенский, не заезжая к Черемисову, решил остановиться в более надежном месте — у своего родственника генерал-квартирмейстера Барановского.

Керенский был самым неприятным образом поражен суматохой в доме: чемоданы и корзины нагружались вещами, — генерал Барановский, видимо, спешил покинуть Псков.

Вероятно, положение было действительно критическое, если его близкий родственник, брат его жены, спешно собирался бежать.

Сведения, сообщенные Барановским, были самые отчаянные. В Пскове действовал большевистский военно-революционный комитет. Всего час назад на имя комитета пришла телеграмма об аресте Керенского. Генерал Черемисов никаких эшелонов не посылал к Петрограду и даже отменил ранее данный приказ о посылке 3-го Конного корпуса.

Тогда Керенский сказал, что ему необходимо срочно лицом к лицу встретиться хотя бы с какой-нибудь воинской частью, и тогда он ручается за успех — он сам поведет солдат на Петроград.

Вызванный к Керенскому генерал Черемисов тотчас явился, но вид его ничего хорошего не сулил.

Небрежно разговаривая, зевая, усмехаясь и пожимая плечами, генерал стал советовать Керенскому оставить эту военную затею — идти на Петроград.

Керенский возмущенным тоном стал кричать «на забывшего свой долг генерала», но тот весьма откровенно сказал, что он, собственно говоря, не желает связывать свою судьбу с судьбой уже обреченного правительства. Пораженный такой откровенностью, Керенский вдруг осел, завял и стал бормотать:

— Ну, это уже слишком, генерал... Вы ответите мне...

— Я солдат, — сказал генерал Черемисов, — и привык говорить правду. Если вы хотите слышать слова человека, разбирающегося в обстановке, то я вам скажу: бегите. Если желаете, мои офицеры нынче же ночью помогут вам пройти через фронт...

Керенский, несвязно бормоча, спросил:

— А генерал Краснов? Неужели и генерал Краснов разделяет вашу точку зрения... Где он?

— Генерал Краснов в Острове, и с минуты на минуту я жду его здесь. Об его намерениях я не знаю, но, если желаете, я направлю его к вам.

Генерал ушел, и Керенский буквально рухнул на диван. Он лежал в каком-то оцепенении, почти в обмороке.

Адъютанты на цыпочках ходили вокруг него, боясь потревожить покой гибнущего верховного главнокомандующего.

Между тем генерал Черемисов, вернувшись в штаб, позвонил главнокомандующему Западным фронтом генералу Балуюеву и посоветовал ему ни в каком случае не оказывать помощи правительству, даже если он получит угрожающий приказ Керенского.

10. ПОЛОЖЕНИЕ МЕНЯЕТСЯ

В 12 часов ночи Керенский очнулся от своей дремоты. Перед ним стоял Краснов — красивый пятидесятилетний генерал, весьма еще бравый и франтоватый. Это был в свое время верный царский слуга, ярый монархист, человек жестокий, неглупый и крайне деятельный. Это был командир 3-го Конного казачьего корпуса, того знаменитого корпуса, который в августе во главе с Дикой дивизией был брошен Корниловым на Петроград. Теперь все части этого корпуса были разбросаны по всему Северному фронту.

Несмотря на уговоры Черемисова, Краснов явился к Керенскому, которого он заочно презирал и ненавидел, но в лице которого видел прежнюю помещичью Россию.

Он явился к Керенскому, преодолевая отвращение к этому штатскому «главковерху». Но его ненависть к большевикам, ненависть к рабочим была сильнее этого отвращения. И вот теперь он стоял перед своим верховным вождем, желая с ним столкнуться о совместном действии против пролетарского фронта.

Керенский вскочил с дивана. Тотчас лицо премьера стало надменным, суровым и повелительным.

Почти заносчивым тоном он произнес:

— Где ваш корпус, генерал? Я надеялся встретить его под Лугой. Почему вы так медлите? Вы же знаете, что нам каждая минута дорога.

Краснов сказал, что все части его 3-го корпуса самим Керенским были в свое время разбросаны по Северо-западному

фронту, что здесь, в Острове, имеются всего лишь два неполных полка и что он сам не знает, удастся ли в скором времени собрать все эти части воедино. Ему, например, известно, что части Уссурийской дивизии под влиянием революционного комитета отказались следовать дальше, хотя находились уже в походе.

— Пустяки. Не может быть, — сказал Керенский. — Я знаю, что в основном вся армия стоит за Временное правительство. Большевизм далек духу нашей армии. Я должен сам встретить эти части и их повести. И тогда я не сомневаюсь, что все пойдут за мной. Вы слышите, генерал, что я вам говорю?!

Краснов впервые «имел счастье» видеть верховного правителя. Он теперь с нескрываемым любопытством и удивлением взирал на него. Изможденное, больное, усталое лицо премьера горело огнем вдохновенья. Повелительность тона и жестов была слишком невероятна для обычного комнатного разговора. Приподнятый и театральный тон изумил генерала. Ему казалось, что он видит перед собой сумасшедшего.

Краснов впоследствии писал в своих записках, что ему казалось, что несвязная, повелительная речь Керенского каждую минуту может закончиться безумным смехом, истерикой и криками: «Всё васильки, васильки, красные, синие всюду».

— Необходимо собрать все наши части, — продолжал Керенский. — Уссурийскую дивизию я вам верну! Кроме того вы получите 37-ю пехотную дивизию и 17-й армейский корпус. Я уже отдал распоряжение. Ну как, вы довольны, генерал?

— Если все это соберется, — сказал Краснов, — тогда можно будет идти на Петроград.

— Отлично. Начинайте действовать. Я назначу вас командующим армией...

Генерал стал прощаться, Керенский, как бы очнувшись, спросил его простым, повседневным тоном:

— Куда же вы, генерал? Посидите еще немного...

— Я еду в Остров, — ответил Краснов, — я полагаю нужным завтра выступить с тем, что мы имеем, и идти к Гатчине.

— Я вполне одобряю ваш план, генерал! Именно идти к Гатчине. Эти негодяи, представьте себе, сегодня открыли там пальбу по нашему автомобилю. Но я уверен, что в основном гатчинские солдаты далеки от большевистской заразы.

Генерал направился к выходу.

— Пойдите, генерал, — остановил его Керенский, — я решил ехать с вами.

Он приказал подать свой автомобиль и в сопровождении своего штаба выехал в Остров.

В три часа ночи Краснов и верховный главнокомандующий были в Острове.

К 11 часам утра Керенский приказал разбудить его и к тому времени собрать полки, так как он хотел выступить перед ними.

Краснов считал это лишним, но, вспомнив о природном даре премьеры, согласился. Но он просил, чтоб Керенский выступил только перед комитетом, считая, что выступление перед всеми казаками не будет полезным. Керенский нехотя согласился.

Утром огромная толпа любопытных стояла около дома, где спал Керенский. Какие-то дамы с цветами и гимназисты с волнением ожидали премьеры.

Комитеты также готовились к встрече.

Краснов пошел за Керенским. Тот спал, сидя за столом в отведенной ему комнате.

Он вздрогнул и тотчас проснулся, когда генерал вошел в комнату.

Необычайно оживившись и просветлев, Керенский пошел за Красновым.

Как и ожидал Краснов, речь Керенского не произвела хорошего впечатления на казаков. Избитые фразы: «завоевания революции в опасности», «русский народ — самый свободный народ в мире», «безумцы большевики ведут страну к гибели» — не тронули станичников.

Раздались возгласы: «Довольно нам слушать эту болтовню! Товарищи, он врет, большевики не этого хотят. Перед нами новая корниловщина... Капиталисты и помещики снова желают схватить народ за горло...»

Керенский был ошеломлен приемом. Он неуверенно продолжал говорить. Краснов делал ему знаки окончить речь.

Профессиональное уменье премьеры не спасло его на этот раз, и он закончил речь при тягостном молчании собравшихся.

Два-три жидких хлопка только подчеркнули неприятность момента.

Краснов поправил положение. Он коротко, но жестко и повелительно сказал:

— Казаки, сегодня в час дня будет посадка на эшелоны. Приготовиться.

Керенский, смущенный и подавленный, в сопровождении Краснова и адъютантов собирался выйти из помещения комитета.

Подошедшие к Краснову офицеры доложили, что Керенского без охраны не следует отпускать, так как настроение казаков и местных солдат не в его пользу.

В самом деле, собравшаяся восторженная толпа поредела. Дамы с цветами неожиданно исчезли, и теперь перед домом стояли возбужденные группы казаков и солдат. Слышались крики, угрозы и гул недовольства.

В час дня 26 октября началась погрузка на эшелоны.

Керенский и Краснов прибыли на вокзал, как пишет сам премьер, «под гневный рев разнузданной солдатчины».

Краснов побоялся озлоблять массы и ограничился только тем, что по его приказанию казаки, размахивая нагайками, оттеснили собравшихся.

Через два часа эшелоны были готовы к отправке. Однако пришедший офицер доложил, что машинист исчез и состав некому вести.

Один из офицеров конвоя предложил свои услуги.

В четвертом часу дня эшелоны двинулись через Псков к Гатчине.

В этих эшелонах был весь наличный состав сил Краснова — несколько сотен 9-го Конного полка и четыре сотни 10-го полка. Причем сотни были неполного состава. И генерал Краснов

полагал, что в случае если придется спешиться, то он будет иметь не более пятисот человек боевых сил.

Но Керенский был доволен. После полного безлюдья это была значительная сила, к которой, он полагал, будут присоединяться все встреченные воинские части.

Итак, эшелон направлялся через Псков к Гатчине. Причем, зная настроение псковского гарнизона, решено было в Пскове не делать остановку.

Началось наступление на столицу.

Но, прежде чем подойти к столице, надо было захватить Гатчину и Царское Село.

Сидя в своем купе, верховный главнокомандующий внимательно изучал десятиверстную карту, полученную им от генерала Краснова.

11. СНОВА ГАТЧИНА

В пути Керенский назначил Краснова командующим армией, идущей на Петроград.

Краснов, пожав плечами, принял назначение.

Командующий армией, у которого всего две роты военного состава!

— Это игра в солдатики, — сказал сквозь зубы Краснов своим офицерам. — Этот господин Керенский противен мне в высшей степени. И будь не столь острое положение, я бы приказал эшелону вернуться. Но нам, господа, нужно помнить о родине, которая действительно в смертельной опас-

ности. И когда эта опасность минует, мы покажем место этому революционному господину.

На станции Чарская эшелон остановился. Из встречного поезда сошли несколько офицеров, бегущих из Петрограда. Они просили Краснова взять их с собой. И теперь они докладывали генералу о событиях в Петрограде. Зимний дворец пал. В Петрограде образовался Комитет спасения родины и революции.

Керенский подошел к купе, где сидели офицеры, и с любопытством стал слушать. Потом, обращаясь к сотнику Карташеву, просил рассказать о падении Зимнего дворца.

— Это очень интересно, то, что вы говорите, — сказал Керенский, протягивая офицеру руку. — Доложите мне, поручик, более подробно.

Сотник Карташев (по словам Краснова) вытянулся перед верховным правителем, но руки ему не подал.

— Поручик, я подаю вам свою руку! — с особенным ударением сказал Керенский.

— Виноват, господин верховный главнокомандующий, — ответил офицер, — я не могу подать вам руки. Я — корниловец.

Краска залила лицо Керенского. Он круто повернулся на каблуках и быстро пошел к себе, на ходу бросив Краснову фразу:

— Взыщите с этого офицера.

Между тем поезд, развивая большую скорость, шел к Гатчине.

Наступала ночь.

Решено было выгрузиться в пяти километрах от Гатчины и на рассвете захватить город врасплох.

Посланная разведка донесла, что воинских частей в Гатчине не видно, но что на Балтийском вокзале выгружается рота, только что прибывшая из Петрограда.

Краснов окружил станцию, и прибывшая рота, не ожидавшая нападения, сдалась. Это была рота лейб-гвардии Измайловского полка.

В плен брать Краснов не имел возможности и, разоружив солдат, отпустил их.

Между тем казаки донесли, что на Варшавской станции взяты в плен еще одна рота и пулеметная команда.

Местный гарнизон не проявлял признаков жизни. Гатчина была в руках Краснова. Все это заняло не более трех часов.

В 10 часов утра Краснов хватился Керенского, но его нигде не было, и никто не знал, где он. Казаки, впрочем, сказали, что он как будто пошел разыскивать какой-нибудь трактир, чтобы выпить стакан чаю.

Краснов направился к Гатчинскому дворцу и там нашел премьеры в одной из квартир запасной половины.

Керенский буквально ликовал. Он преобразился. Улыбка не сходила с его лица. Он встретил Краснова словами:

— Вот видите, генерал, я же вам говорил. Мы нигде не встретим сопротивления. Армия с нами, и в этом я так же уверен, как в самом себе.

Керенский пригласил Краснова к столу, за которым уже сидели адъютанты и две красивые нарядные дамы. Там шла оживленная беседа, слышались шутки и смех.

Краснов отказался от общества, говоря, что ему нужно сделать распоряжения, так как в Гатчину сейчас прибыл из Новгорода новый эшелон с частями 10-го Донского полка при двух орудиях.

Керенский, не скрывая своей радости, сказал:

— То, что у нас есть, уже достаточно, чтоб идти на Петроград. По пути мы буквально обрасчем войсками. Я приказываю вам, генерал, сегодня же выступить дальше. Как вы думаете — возможно ли это?

— Я полагаю, — сказал Краснов, — что мы здесь должны подождать хотя бы сутки. Я надеюсь, что подкрепление будет подходить. Тем временем я пошлю разведку к Царскому Селу.

— Я одобряю ваш план, генерал, — торжественно сказал Керенский. — И, поверьте, я не забуду ваше мужество и героизм в такие трудные часы для России.

Краснов, побагровев от злости, молча вышел из помещения.

12. НА ПЕТРОГРАД

Разведка донесла Краснову, что в Царском Селе спокойно, но что там имеется значительный гарнизон, насчитывающий до пятнадцати тысяч солдат.

И Краснов считал рискованным идти туда со своими силами.

Необходимо было ждать подкрепления. Но подкрепление не шло. Прибыла лишь одна сотня 13-го Донского полка и

несколько конных орудий. Подходили также небольшие группы юнкеров и офицеров, бежавших из Петрограда.

Кроме того, был случайно захвачен застрявший в грязи броневик «Непобедимый».

Краснов сообщил Керенскому о положении дел, и Керенский снова приуныл. Его приказы и категорические распоряжения странным образом не выполнялись.

Стало окончательно известно, что генерал Черемисов вмешивается в эти распоряжения. Им задержан был Нерчинский полк, идущий через Псков в Гатчину, а также задержаны были разрозненные части Донских полков.

Ставка Духонина не проявляла признаков жизни. Западный фронт бездействовал. И посланный приказ в Ревель о высылке войск не был выполнен. Начальник ревельского гарнизона весьма откровенно сообщил, что «впредь до выяснения политической обстановки» он не даст распоряжения о погрузке.

Десятка полтора телеграмм извещало Керенского о движении эшелонов. Но одни, вероятно, по примеру ревельцев, ожидали прояснения горизонта, других задерживали большевистские агитаторы, третьим мешали враждебные Керенскому генералы.

Так или иначе, надежды на подкрепление рушились.

Надо было брать Царское Село теми силами, которые имелись.

Несмотря на некоторый риск, Краснов считал это возможным. Стрелки царскосельского гарнизона были мало боеспособны. Весь день они гуляли по трактирам и кинематографам. Ложились поздно, караульную службу несли пло-

хо. И утром, на рассвете, имелась возможность захватить Царское врасплох.

Однако неожиданности все же могли быть. И поэтому Краснов медлил принять окончательное решение. Керенский, послав телеграмму Духонину с категорическим требованием помощи, снова впал в прострацию — он, вялый и безучастный, сидел в Гатчинском дворце, мало интересуясь окружающим.

Между тем из Петрограда поступали катастрофические сведения. Бежавшие офицеры рассказывали, что Петроградский гарнизон окончательно и почти полностью перешел на сторону большевиков. Вооруженные рабочие, матросы и красногвардейцы настроены чрезвычайно воинственно и отлично организованы. Их силы — не менее ста тысяч штыков. Большевистские вожди распоряжаются с огромной энергией и организуют все новые полки. Комитет спасения родины и революции бездействует. Полковник Полковников и высшее военное начальство находятся в полной растерянности и лавируют так, чтобы сохранить свое положение при всяком правительстве.

В два часа дня из Петрограда на имя главноверха неожиданно пришла телеграмма, весьма взволновавшая Керенского:

«Комитету спасения родины и революции крайне необходимо знать, когда Ваши войска будут в Петрограде. Положение крайне тяжелое. Отвечайте. Член совета Марьянов».

Снова признаки жизни появились на истомленном лице Керенского. Он вызвал к себе Краснова и стал говорить, что

он не может больше оставаться в бездействии, что он обещал лично повести войска на столицу и что нужно, наконец, что-то предпринять.

Краснов сказал, что, прежде чем идти на столицу, необходимо взять Царское Село. Но если ему с его силами не удастся это сделать, то все дело можно считать погибшим.

— Генерал, — сказал Керенский, — я приказываю вам идти с вашими силами на Царское Село. Можете быть уверены — гарнизон Царского Села перейдет на нашу сторону... Я прошу вас немедленно дать телеграмму Комитету спасения о том, что мы переходим в наступление. Это морально поддержит их и войска, верные присяге.

Краснов согласился с этим. Он послал телеграмму в Петроград за своей подписью:

«Комитету спасения родины и революции. Завтра в 11 часов выступаю в Петроград. Буду идти, сбивая и уничтожая мятежников. Буду занимать позиции по рубежам. Прибытие в Петроград зависит от активности верных присяге войск гарнизона».

Снова нервный подъем охватил Керенского. Он бегал из угла в угол, крича:

— Нужно, не медля ни часу, идти на столицу! Нужно доставить сюда хоть какие-нибудь эшелоны. Они в пути. Мы имеем сведения. Это не может быть, чтобы они все были задержаны большевиками.

В три часа дня 27 октября пришла, наконец, телеграмма из Могилева от заместителя верховного главнокомандующего генерала Духонина.

Дрожащими руками Керенский взял телеграмму и стал читать. Вдруг лицо его смертельно побледнело. Он зашатался, и, пробормотав: «все пропало», потерял сознание. Подхваченный под руки адъютантами, он упал в кресло и остался в нем без движения.

Тотчас адъютанты забегали и засуетились. Прапорщик Миллер бросился за водой. Лейтенант Кованько поднес к носу командующего пузырек с нашатырным спиртом.

Керенский тяжело вздохнул, но сознание к нему не возвращалось.

Рассказывающий об этом факте свидетель (офицер Керенского, заведующий гражданской частью Гатчины) сообщает, что Керенский, прочитав телеграмму Духонина, неправильно понял ее смысл. Духонин, напротив того, давал свое согласие на поддержку Временного правительства. Керенскому же почему-то показалось, что Духонин отказывается ему в поддержке.

Офицер Керенского, поручик Виннер, пробежав глазами телеграмму, огласил ее всему обществу, и тогда Керенского с новыми силами стали приводить в чувство.

Наконец он открыл глаза, мутным взором обвел окружающих и снова взялся за телеграмму. В самом деле, Духонин обещал свою помощь. Правда, дипломатично, но все же давал обещание сделать все, что в его силах.

Керенский вновь оживился. Он приказал приготовить на станции состав и сам со всем штабом перешел в вагон.

Несмотря на дождь, огромная толпа любопытных окружила вагон Керенского. Все желали взглянуть на «сказочно-

го» премьера. Однако Краснов распорядился разогнать собравшихся. И казаки, размахивая нагайками, лихо врезались в толпу. Станция стала пустынной.

Началась походная жизнь. Правда, состав без движения стоял на станции, но каждую минуту все были готовы к отправлению на Петроград.

Краснов энергично готовился к наступлению. Он решил захватить Царское таким же образом, как он захватил Гатчину. Он назначил наступление в ночь с 27 на 28 октября. На рассвете казаки должны были занять Царское Село врасплох.

Между тем в Гатчине появились большевистские агитаторы. Посланные из Петрограда со специальной целью разложить войска Керенского, они, под видом представителей военных комитетов, беседовали с казаками, разъясняя им положение дел.

15. НАСТУПЛЕНИЕ

В третьем часу ночи казачьи отряды Краснова двинулись к Царскому Селу.

Девятьсот казаков, шестнадцать конных пушек и восемь пулеметов — это было немного, но все же достаточно для неожиданного захвата спящего города.

В предутреннем тумане казаки наткнулись на стрелковые заставы. Разоружив их, двинулись дальше.

Показалось Царское Село. И дорогу неожиданно преградила стрелковая цепь.

Раздались выстрелы. Затрещал пулемет.

Краснов отдал приказание артиллерии — открыть огонь. Шрапнель бьет по стрелковой цепи, но стрелки не отходят.

Краснов посылает в обход сотню енисейцев.

Стрелки бегут назад.

Теперь у Царскосельского парка собрался почти весь гарнизон. Но никто из них не стреляет. Там происходит митинг и решается вопрос — что делать.

Казачи подъезжают ближе. У стрелков видна готовность сдаться без боя. Но часть стрелков неожиданно отдалается и, рассыпавшись в цепь, снова встречает казаков огнем. Посланная во фланг сотня топчет стрелков. Многие втыкают винтовки в землю.

Казачи начинают разоружать солдат.

К Краснову подходит элегантный, стройный человек, одетый как спортсмен.

Это — Савинков.

Он спрашивает, есть ли возможность у Краснова тотчас двигаться на Петроград.

Краснов говорит, что отступление назад равносильно гибели и что он решил продвинуться вперед, несмотря на свои незначительные силы.

Савинков считает это правильным. Он говорит:

— Было бы разумно, генерал, если бы вы немедленно устранили Керенского и все командование взяли в свои руки. Прикажите арестовать его. Дела он не поправит, но повредить может.

Краснов обещал обдумать этот шаг.

Между тем казаки отпускают по домам разоруженных стрелков. Часть стрелков все же колеблется и не отдает винтовки. Казаки начинают разоружать силой. Слышится свист нагаек, крики и стоны.

И тут неожиданно появляется автомобиль.

Это на фронт прибыл Керенский. Он три часа просидел на вышке метеорологической обсерватории, что на поддороге к Царскому. Ничего особенного там он не увидел. И теперь лично приехал посмотреть, что тут происходит.

В автомобиле — адъютанты Керенского и две шикарные дамы, с которыми премьер завтракал во дворце.

Появление с дамами вызывает возмущение и улыбки. Всем кажется страшно неуместным этот роскошный открытый автомобиль с пассажирами, выехавшими как на утреннюю прогулку.

Казаки негодуют. Здесь, на поле, еще лежат раненые. К чему этот эффектный выезд?

Кто-то из казаков кричит:

— Глядите, прибыла штатская куртка.

Краснов, соблюдая воинские правила, подходит к главнокомандующему.

Керенский крайне недоволен. Увидев Савинкова, он тихо, но веско говорит Краснову:

— Весьма странно, генерал. Все-таки я верховный главнокомандующий. Почему вы мне не донесли о взятии Царского

Села? Я сижу на этой дурацкой вышке и решительно ничего не знаю.

Краснов говорит, что Царское еще не взято, что стрелки оказывают сопротивление, и казакам приходится силой разоружать их.

— Пустяки, — говорит Керенский. — Где эти стрелки?

Машина Керенского врзается в толпу вооруженных стрелков, окруженных казаками.

Керенский встает на сиденье автомобиля и начинает говорить. Слышатся отрывистые, истерические фразы.

Стрелки ошеломлены и слушают его с диким любопытством, не понимая, что он собственно от них хочет. Дамы и адъютанты начинают аплодировать премьеру.

Тотчас по окончании речи казаки отбирают винтовки, которые стрелки теперь отдают безропотно, ошеломленные неожиданностью.

Краснов говорит своим офицерам:

— Вы знаете, господа, эта штафирка мне буквально на нервы действует. Савинков мне предложил его арестовать, и, кажется, в самом деле этим кончится.

Между тем Керенский объезжал теперь ряды казаков. Он здоровался с ними и поздравлял с победой русского оружия над большевиками.

Казаки сердито смотрят на верховного вождя. Кто-то из казаков снова громко кричит почти в лицо премьеру:

— Эй, штатская куртка!

Керенский останавливает свою машину у рядов казачьей артиллерии. Он это видит в первый раз. И теперь, поздоровавшись с казаками, намеревается произнести речь.

Но Краснов, побагровев, спрашивает его не делать этого. Видя, что уговоры бесплодны и Керенский снова порывается встать на сиденье автомобиля, Краснов почти грубо сказал ему:

— Никаких речей я не могу тут допустить, Александр Федорович... Вы — верховный главнокомандующий, но тут, на поле брани, я хозяин. Тут, знаете, война, а не судебная палата по бракоразводным делам.

Вдуг справа, со стороны Павловска, показываются цепи, которые открывают ружейный и пулеметный огонь.

Пленные стрелки разбегаются. Дамы взвизгивают. Машина Керенского исчезает.

Краснов приказывает своей артиллерии открыть огонь по наступающим.

Происходит перестрелка. Сотня казаков, рассыпавшись лавой, заходит в тыл.

Павловская цепь отходит, отстреливаясь.

К вечеру 28 октября Краснов полностью занял Царское Село, с огромной жестокостью расправился с большевиками и сочувствующими.

Уехав с фронта по настоянию Краснова, Керенский не пожелал бездействовать в Гатчине. Он снова после ружейного обстрела расположился на вышке метеорологической станции и оттуда до вечера наблюдал в бинокль за батальными сценами и вообще за тем, что вокруг делается.

Ночью Керенский отбыл в Гатчинский дворец, а утром 29 октября снова появился в Царском Селе.

В его руках теперь мощная сила — царскосельская радиостанция.

Всюду и во все концы страны Керенский стал рассылать радиотелеграммы с повелением бороться до конца.

Вот одна из радиограмм, пущенных в пространство:

«Идите спасти Петроград от анархии, насилия и голода и Россию от несмываемого позора, наброшенного темной кучкой невежественных людей, руководимых волей и деньгами императора Вильгельма».

К войскам Петроградского гарнизона он обратился со следующим повелительным, но отвлеченным воззванием:

«Всем частям Петроградского военного округа, по недоразумению и заблуждению примкнувшим к шайке, вернуться, не медля ни часу, к исполнению своего долга».

14. СРАЖЕНИЕ ПОД ПУЛКОВЫМ

Почти сутки Керенский провел на радиостанции. Реальных результатов, впрочем, от этого никаких не было.

За сутки силы Краснова несколько увеличились лишь за счет захваченного блиндированного поезда и нескольких орудий.

Итак, к вечеру 29 октября Краснов имел девять сотен казаков, восемнадцать конных орудий и блиндированный поезд.

Казаки стали отказываться идти в столицу без поддержки пехоты.

Но тут из Луги пришло сообщение, что 1-й Осадный полк погрузился на эшелоны и направился к Царскому Селу для поддержки Временного правительства.

Казаки, узнав об этом, решили продолжать наступление.

Однако в пути 1-й Осадный полк, обстрелянный небольшим отрядом матросов, разбежался. И к Краснову подошли лишь незначительные группы солдат.

Поздно вечером 29 октября Краснов все же двинул свои войска по направлению к Пулкову.

Всю ночь казачьи заставы перестреливались с матросами у станции Александровская.

Ранним утром 30 октября с точностью определилась боевая обстановка.

На окраине деревни Редкое Кузьмино залегли казаки. Матросы же и красногвардейцы окопались на склоне Пулковской горы, — красногвардейцы в центре, матросы по флангам. Справа от них — Красное Село.

Между позициями — глубокий овраг, по дну которого течет река Славянка. Эта река отделяет казаков от большевиков.

Краснов посылает сотню казаков на деревню Большое Кузьмино с целью обойти матросов. Другую сотню направляет на Красное Село, на деревню Сузи. Но силы казаков слишком малы, и посланные отряды возвращаются.

Краснов отдает приказ артиллерии открыть частый огонь по окопам большевиков.

Но большевики стойко держатся и не отступают. Особенно мужественно ведут себя кронштадтские матросы.

Керенский, узнав о начавшемся сражении, собрался уже выехать из Гатчины на позиции, чтобы своим личным присутствием вдохновлять войска, но к нему неожиданно явилась делегация во главе с Савинковым и просила его не появляться на фронте, так как это (как сам не без наивности пишет Керенский) «может нежелательно отразиться на психологии линейных казаков».

Другими словами, Керенского попросили ни во что не вмешиваться, так как даже один вид премьера раздражал казаков.

Керенский начинал сознавать свое положение.

Еще вчера неприятным образом его поразил резкий и даже грубый тон Краснова. Керенский не без горечи пишет: «Вчерашнее поведение Краснова и его штаба создали во мне убеждение, что я здесь совсем лишний».

Слова Савинкова и его делегации еще в большей степени убедили премьера, что ему тут делать нечего.

Но он, склонный к поверхностным суждениям, сосчитал это «корниловщиной», офицерскими происками и, может быть, даже завистью Краснова к его популярности.

Так или иначе, он остался в Гатчине, переходя из дворца в поезд и обратно.

Между тем бой на реке Славянке разгорался все сильнее.

Три броневика красногвардейцев вышли на шоссе и стали обстреливать деревню Редкое Кузьмино. Матросы перешли в наступление.

Штаб Краснова находился на передовой линии позиции, в деревне Редкое Кузьмино. Туда же прибыл Савинков и, как пишет Краснов, «рисовался своим нахождением в цепях».

Краснов понял, что одной артиллерией невозможно заставить большевиков отступить.

Он послал пулеметчиков в наступление на левый фланг и стал теснить большевиков к деревне Сузи.

Броневой поезд Краснова медленно продвигался по Варшавской ветке по направлению к Петрограду.

Сотня казаков Оренбургского полка, развернувшись лавой, ринулась на деревню Сузи, занятую матросами.

Матросы продолжали стойко держаться, осыпая конницу градом пуль.

Вдруг казаки, не достигнув деревни, неожиданно наткнулись на болото. Лошади стали вязнуть. Атака приостановилась. Сотня, спешившись, бросилась назад под пулеметным огнем матросов.

Поражение было очевидным.

Этот эпизод отразился на всем ходе сражения. Казаки пали духом. А матросы, установив на Пулковской горе дальноточное морское орудие, стали энергично бить по тылу.

Их снаряды ложились вдоль шоссе по коноводам, которые начали создавать в тылу панику.

Некоторые снаряды достигали Царского Села, и это еще более усилило панику.

Царскосельский гарнизон, державший до сего времени нейтралитет, снова пришел в волнение и вынес резолю-

цию — тотчас прекратить бой, иначе гарнизон выйдет казакам в тыл.

Между тем у Краснова снаряды подходили к концу, и он не смог даже заставить замолчать морское орудие.

Артиллерийский бой стал затихать. Наступал вечер.

Батарея Краснова, без приказа, стала отходить назад.

Матросы снова перешли в наступление. Они, как пишет сам Краснов, с большим искусством стали накапливаться на обоих флангах и стремительным натиском бросились к Царскому Селу, заходя в тыл Краснова.

Краснов спешно стал оттягивать своих казаков к полотну Варшавской дороги.

Матросы теснили отступающие казачьи цепи. Надвигалась ночь, стало темно, и большевики, заняв деревню Редкое Кузьмино и подойдя к станции Александровской, прекратили наступление.

Поражение Краснова было полным.

18. У РАЗБИТОГО КОРЫТА

Краснов, оставив цепь казаков охранять Гатчину, привел туда остатки своего отряда.

Штаб Краснова стал обсуждать, каким образом заключить перемирие с большевиками. Необходимо было выиграть время, так как новая кучка телеграмм извещала о движении эшелонов к Гатчине для поддержки правительства.

Но шли они медленно и, видимо, в пути задерживались. Керенский был взволнован и потрясен. Не скрывая своего огорчения, он спросил Краснова, что тот намерен делать.

Краснов сказал, что в случае наступления большевиков он будет с боем отступить на Дон.

Керенский стал умолять Краснова продержаться хотя бы два дня в Гатчине.

Он сказал:

— Генерал, если ожидаемые эшелоны не подойдут, я обращусь за помощью к полякам. Вчера командир польского корпуса Довбор-Мусницкий мне лично обещал поддержку.

Во время этого разговора к Краснову подошел взволнованный его адъютант и доложил, что казаки больше не охраняют Гатчину. Их цепь самовольно ушла в казармы. И посланные заставы отказались взять с собой патроны, говоря, что по своим они стрелять больше не будут.

Тогда Краснов послал на заставы только что прибывшую свежую казачью сотню, которая еще не ознакомилась с настроением здешнего отряда.

Эти казаки перекопали шоссе, чтобы броневые автомобили матросов не могли подойти, и выслали вперед заставы.

Савинков был назначен начальником обороны Гатчины. Наступало утро 31 октября.

Всюду в аллеях парка, на улицах и у ворот казарм шли митинги.

Казаки были взволнованы и возбуждены. Слышались крики и угрозы по адресу Керенского, который «заварил кашу».

Большевистские агитаторы почти открыто вели пропаганду, разъясняя обстановку и общее положение. Раздавались возгласы:

— Помещики снова хотят вернуть свою власть... Генералы превращают вас в жандармов...

Встав утром и подойдя к окну, Керенский был ошеломлен картинами развала красновского отряда. Дисциплина была забыта. С папахами, лихо сдвинутыми на затылок, с трубками в зубах казаки тут же, перед дворцом, оживленно беседовали, крича, бранясь и жестикулируя.

Бледный, в полном душевном смятении, Керенский вызвал к себе адъютантов и четырех офицеров своего штаба.

Подойдя к окну и показав рукой на казаков, он сказал, что большевики, кажется, и тут испортили ему дело, и если это так, то положение следует считать почти безнадежным. И если сегодня не придут свежие войска, то пусть каждый из офицеров сам позаботится о своей судьбе.

Офицеры ответили, что они разделяют его точку зрения и при первом удобном случае покинут дворец.

Керенский остался с одним адъютантом, который не пожелал его покинуть.

Вспомнив о поляках, Керенский велел адъютанту спешно пригласить к себе Краснова.

Явился Краснов, видимо, с большой неохотой. Он застал верховного главнокомандующего в мрачном и расслабленном состоянии.

— Генерал, — сказал Керенский, — как дела? Как поляки — согласны?

Краснов сквозь зубы доложил, что командир польского корпуса, действительно, подтвердил свое согласие прислать в помощь несколько полков. Но так как приход поляков может произойти только не ранее вечера завтрашнего дня, то он, Краснов, считает положение крайне тяжелым — казаки больше, чем он думал, поддаются большевистской пропаганде. И поэтому необходимо срочно заключить перемирие с большевиками, чтобы оттянуть время до прихода эшелонов.

— Ну, а если эти эшелоны придут, — добавил Краснов, — то мы, Александр Федорович, это перемирие побоку и, извините за грубое слово, — покажем им кузькину мать. В сущности, наше перемирие — маленькая военная хитрость.

Керенский выдавил на своем лице улыбку.

— Я бы не хотел, — сказал он, — заключать перемирие с большевиками. Нельзя ли, генерал, без этого хотя бы два дня как-нибудь продержаться?

Краснов неожиданно вспыхнул.

— Извините меня, — сказал он, еле сдерживаясь, — но вы рассуждаете, как профан в военном деле. Чем продержаться? Вашими молитвами?.. Вы главковерх. Дайте мне армию, и я продержусь хоть два года. А сейчас, когда у вас один дым, а не армия, — то слуга покорный... да и придут ли еще ваши эшелоны — большой вопрос. Что вы в них так уверены?

— Что значит уверен, — ответил Керенский. — А вы, генерал, уверены в своих казаках, которые на ваших глазах цацкаются с большевиками?

Генерал побагровел.

— При чем тут мои казаки, — сказал он. — Мои казаки, благодаря вашей революционной фантазии, были разбросаны по всему фронту. Ваша революция растлила их. И в этом менее всего я повинен, Александр Федорович.

— Это намек, генерал? — надменно спросил Керенский.

— Намек, если хотите, — ответил Краснов, — намек на то, что вы перед Россией в ответе за содеянное вами и вашими прочими анархистами.

Керенский встал, желая показать, что беседа кончена.

Краснов сказал:

— Прикажете созвать военный совет. В конце концов не время нам тут с вами пикироваться. Мне пятьдесят семь лет, и вы меня не переубедите, Александр Федорович, своим революционным красноречием.

Теперь два командарма стояли друг против друга, пылая ненавистью. Краснов был умней и значительней Керенского. Он вдруг понял свою мизерную роль во всем ходе событий. И теперь, не скрывая бешеной злобы, смотрел на этого штатского человека, на которого он имел глупость понадеяться.

Созвав военный совет, Керенский доложил собравшимся офицерам о критической обстановке.

Большинство высказалось за немедленное перемирие.

Керенский и Савинков остались с меньшинством.

Керенский, не глядя в сторону Краснова, заявил, что он против перемирия, что перемирие с большевиками создаст в дальнейшем новое правительство, в которое, несомнен-

но, войдут большевики. Но это равносильно краху, так как содружество с большевиками он считает немыслимым и ни под каким видом не стал бы с ними работать. Он считает более правильным поторопить командира польского корпуса, уже обещавшего поддержку.

Савинков настаивал на продолжении военных действий.

Однако пришлось подчиниться решению большинства.

Краснов составил текст мирного предложения, в котором говорилось, что большевики должны тотчас прекратить бой в Петрограде и дать полную амнистию всем офицерам и юнкерам. Лигово и Пулково должны быть нейтральными, и ни та, ни другая сторона не может перейти эту линию впредь до окончания соглашения между правительствами.

Керенский, не согласившись с этим текстом, выработал свой особый текст, оставшийся неизвестным истории.

Снова начались обсуждения.

Явившиеся казаки сообщили, что если перемирие не будет сегодня же заключено, то они сами, помимо господ офицеров, войдут в переговоры с большевиками.

Тотчас делегация казаков была послана к большевикам с текстом мирного предложения, выработанного Красновым.

Свой текст Керенский послал отдельно.

Независимо от этого, казаки, как стало в дальнейшем известно, послали к большевикам собственную делегацию. Тревожный день подходил к концу.

Об эшелонах ничего не было слышно. Поляки также молчали.

Неожиданно пришло сообщение, что эшелоны, отправленные через Лугу в Гатчину, задержаны в пути.

Вечером Савинков выехал на место происшествия с тем, чтобы лично привести эшелоны. При этом Савинков сказал, что если ему не удастся это сделать, то он тотчас отправится за помощью к командиру польского корпуса.

В 8 часов из ставки прибыл французский генерал Ниссель. После короткой «вдохновенной» речи Керенского и сообщения Краснова он, ничего не сказав, поспешно отбыл в ставку.

Вечер в комнатах Керенского прошел неожиданно спокойно и даже мирно.

Обстановка изменилась, и офицеры, кроме лейтенанта Кованько, остались во дворце.

Посланное большевикам мирное предложение как будто бы сулило отдых и передышку.

Четыре офицера, адъютант и сам Керенский собрались за чаем. И, по словам свидетелей, они, как сговорившись, за весь вечер не произнесли ни слова о создавшемся положении.

Весь вечер, как сообщает тот же свидетель, Керенский вспоминал о своем счастливом прошлом присяжного поверенного.

Он весьма оживился, шутил и передавал офицерам содержание своих речей, рассказывал о том сильном впечатлении, которое они производили на судей.

Офицеры никогда еще не видели премьеры в таком веселом и шутиливом настроении. И это свое душевное равновесие Керенский не потерял вплоть до другого дня.

16. В ПЛЕНУ

Между тем все обитатели Гатчинского дворца, кроме Керенского, были настроены в ту ночь весьма тревожно и даже панически. Никто не знал, как большевики отнесутся к мирному предложению, и никто не был уверен, что завтра придут свежие подкрепления, которые позволят говорить с большевиками иным тоном.

Спали не раздеваясь. Казаки, находясь в коридорах дворца, следили за офицерами. Офицеры не были уверены в казаках и каждую минуту ожидали какой-либо вспышки.

Всюду громко и открыто раздавались угрозы и брань по адресу Керенского.

Рано утром 1 ноября в Гатчину вернулись посланные к большевикам парламентареры с подписанным мирным договором. Вместе с парламентарерами прибыли два матроса — представители большевиков.

Узнав, что Керенский здесь, матросы приказали поставить у входа усиленный караул и никого из дворца не выпускать.

Дежурный офицер хотел было арестовать прибывших, но матросы сказали:

— Если вы послали вашу делегацию для того, чтобы захватить нас как заложников, то вы за это дорого заплатите и не достигнете своей цели.

Подошедшая группа казаков попросила господина офицера не препятствовать представителю большевиков.

Матросы обошли дворец и, приказав в еще большей степени усилить караул, пошли в казармы, чтобы разъяснить казакам истинную обстановку.

Офицер для поручений поручик Виннер, разбудив Керенского, доложил ему, что казаки никого из дворца не выпускают.

Действительно, у подъезда, вместо караула, стояла теперь толпа казаков, которые возбужденно обсуждали события. Некоторые из офицеров пробовали покинуть дворец, но казаки преградили им путь, сказав, что выпускать никого не велено.

Во дворце началось замешательство. Начали искать иных выходов. Но дворец, построенный в виде замкнутого прямоугольника, имел всего лишь один выход, занятый казаками.

Поручик Виннер, обежав дворец по круглому коридору, вернулся с грустным известием, что выхода нет.

Началась паника.

На счастье, шофер Керенского находился еще во дворце. И Керенский ему отдал распоряжение приготовить машину и ждать его за парком.

Однако никто не был уверен, что шоферу удастся это сделать. Но шофер благополучно миновал охрану и вывел свою машину со двора.

Керенский и офицеры стали снова обдумывать, каким образом им покинуть дворец. Но выхода, действительно, не было.

Один из служащих дворца сказал, что тут имеется потайной ход, построенный еще Павлом I.

Этот подземный коридор выходит в парк за стенами дворца-крепости. Но входную дверь этого тайника нельзя сейчас открыть, так как поблизости в коридорах находятся казаки. И это будет тотчас замечено. Служащий сказал, что раньше наступления темноты он не берется открыть тайник.

Обитатели Гатчинского дворца оказались в плену.

Керенский послал своего адъютанта к Краснову с просьбой заменить казачий караул юнкерами с тем, чтобы дать возможность офицерам Керенского и ему самому уйти.

Краснов резко ответил, что это теперь не в его власти, что казаки под давлением большевистских агитаторов крайне возбуждены, и в особенности возбуждены против самого Керенского, которого они считают виновником всех дел.

В казармах, между тем, шел митинг. Казаки весьма слабо разбирались в событиях. Напичканные всякими вздорными слухами и неверными сведениями, они теперь, в особенности после вчерашних агитаторов, слушали слова матросов с огромным вниманием. Один из матросов, взобравшись на нары, стал говорить о предательстве Временного правительства, которое согласно даже сдать страну немцам, лишь бы сам народ не оказался у власти. Временное правительство гонит на фронт тысячи молодых крестьян и рабочих ради интересов помещиков и фабрикантов. Советская же власть ставит перед собой задачу добиться справедливого мира, прекращения войны, передачи земли крестьянам, отмены смертной казни на фронте и полного уничтожения эксплоа-

тации. Керенский — враг народа, потому что он выражает интересы буржуазии. Казаков же он мечтает превратить в жандармов и тем самым возбудить против них всеобщую народную ненависть и преследование.

Митинг затягивается. Офицеры и юнкера, находящиеся в казарме, начинают выступать против, требуя, чтобы казаки выгнали большевистских агитаторов.

Наступает критический момент. Часть казаков поддерживает офицеров. Но большая часть казаков переходит на сторону большевиков.

Представитель большевиков предлагает прекратить войну и арестовать Керенского, после чего казаки могут свободно возвратиться к себе на Дон.

Казаки согласны арестовать Керенского, но просят согласовать арест Керенского с казачьим комитетом.

Матросы идут во дворец, где помещается казачий комитет, почти целиком состоящий из офицеров и юнкеров. Площадь дворца забита казаками. Матросы начинают с ними беседовать. Казачий комитет выходит на площадь, и тут происходит сцена весьма удивительная.

Матросы предлагают казакам переизбрать казачий комитет, так как, по их мнению, в комитет должны входить на равных основаниях и казаки.

Раздаются крики: «правильно»! Тут же казаки называют своих кандидатов. И вскоре комитет переизбран.

Пользуясь невниманием караула, несколько офицеров Керенского пытаются бежать из дворца, но задерживаются впредь до выяснения обстановки.

Вместе с комитетом матросы идут во дворец.

Офицеры с нескрываемым удивлением взирают на непрошенных гостей. Все ожидали сумрачных большевиков, глядящих исподлобья, — суровых и грубых представителей «черни». Но перед ними были веселые и смеющиеся люди, бесстрашно пришедшие в стан врагов.

Начинается, между тем, заседание вновь избранного казачьего комитета, на котором большевики снова ставят вопрос о выдаче и аресте Керенского.

Казачьи согласны выдать Керенского, но юнкера и часть офицеров — решительно возражают. Заседание затягивается.

17. ИСТОРИЧЕСКИЙ РАЗГОВОР

Тем временем казаки по собственной инициативе поставили многочисленный караул у дверей квартиры Керенского.

Керенский, бегающий из угла в угол комнаты, был поражен и взволнован этим «новым актом насилия».

Смертельно бледный и взволнованный, он попросил к себе генерала Краснова. Он гневно сказал ему:

— Генерал, вы предали меня. Тут ваши казаки определенно говорят, что они меня арестуют и выдадут большевикам.

— Да, — ответил генерал Краснов, — разговоры об этом идут. И я удивляюсь, что вы об этом только сейчас узнали.

— Но неужели и ваши офицеры — предатели? Неужели же небольшая кучка матросов (а их было всего два матроса) может им навязывать свои приказы?

— Мои офицеры, — ответил Краснов, — еще в большей степени, чем казаки, настроены против вас.

— Что же мне делать, генерал? Может быть, покончить с собой... Как вы думаете?

— Я думаю, — ответил Краснов, — что вы, как глава правительства, должны поехать в Петроград и там явиться в этот самый ваш Революционный комитет. Там в кругу своих революционеров и побеседуйте на ваши темы. Вы, сударь, вели большую игру — вот и извольте теперь отвечать.

Керенский был крайне смущен этим предложением и этими жесткими словами.

— Как же это сделать? — бормотал он. — Сами посудите... я не знаю... Но ведь на улице... может быть даже самосуд... Чернь не знает, что такое благородство... Как же я поеду?

— Я вам дам надежную охрану, — сказал Краснов. — Возьмите в крайнем случае белый флаг. Может быть, тогда они вас и не тронут.

— Ну да, разве что белый флаг... Тогда дайте мне понадежней охрану... Иначе я не поеду...

— Если хотите, — ответил Краснов, — я попрошу матросов поехать с вами.

— Нет, не надо, — воскликнул Керенский. — Я с матросами категорически не поеду...

Керенский задумался.

— Нет, — сказал он вдруг решительно, — я не могу сдать себя большевикам... Я предпочту что угодно... Я прошу вас, генерал, увести хотя бы казаков от моих дверей. Их разговоры и топот ног меня нервируют... Я должен обдумать...

Краснов открыл дверь и, выйдя в коридор, сказал казакам: — Казаки, пусть большевики сами как хотят поступают с этим Керенским. Не нам судить его и не нам его караулить. Я надеюсь, что он со временем даст ответ царю и России.

Керенский, полуоткрыв дверь, слушал слова Краснова.

— Станичники... — глухим и дрожащим голосом сказал он.

Казаки, увидев Керенского, заволновались. Краснов махнул рукой, чтоб тот удалился. И, когда Керенский ушел, Краснов снова обратился к казакам, говоря, что поставленный у самых дверей караул оскорбляет этого господина, что он еще не арестован, и самочинный арест во всех отношениях незаконен и неправилен.

Казаки нехотя удалились от дверей и, спустившись вниз, расположились у входа.

Керенский стоял теперь у окна. Вся площадь перед дворцом кишела казаками. Решительно не было никакой возможности отсюда уйти. Глава правительства и верховный главнокомандующий, «вождь революционной России», кумир толпы и вчерашний властелин, был обречен, и каждая секунда приближала его к последнему ответу.

Смерть или позорный плен — вот, кажется, неизбежный конец...

Вялость и безразличие сковали его, и он, почти безучастно, стоял теперь у окна.

Прапорщик Миллер со слезами смотрел на своего господина.

Офицер для поручений поручик Виннер спросил — пришло ли время застрелиться.

Вдруг глаза Керенского зажглись гневом и бешенством.

— Надо бежать, — сказал он глухо. — Машина ждет меня за парком... Надо найти выход... Ни о каком плене не может быть и речи. Ах, если бы можно было, господа, достать сейчас хоть какой-нибудь костюм.

Поручик Виннер подал Керенскому дорожные очки, взятые им на всякий случай у шофера.

Оставалось дело за небольшим — надо было найти какой-нибудь костюм.

— Если бы можно было достать костюм матроса, — сказал Керенский, бегая по комнате.

Но как это сделать? Нет сомнения, что тут матросского костюма не достать. Да и спасет ли он Керенского?

Напротив, все обратят внимание на вышедшего из дворца матроса. Очки вряд ли помогут делу.

Офицеры выбежали из комнаты, с тем, чтобы подыскать что-нибудь подходящее.

18. БЕГСТВО

Они вскоре вернулись с костюмом сестры милосердия.

Прапорщик Миллер, захлебываясь от волнения и бега, сказал, что этот костюм дала им сейчас проживающая тут во дворце старуха, великая княгиня. Сейчас у нее сидит неизвестная им молодая особа, которая сама вызвалась выйти с Керенским из дворца и проводить его до машины. Выйдя вдвоем, они, без сомнения, не вызовут подозрения у стражи.

Дрожащими руками Керенский стал натягивать на себя серое длинное платье, косынку и белый передник с красным крестом.

Он стал теперь походить на старую, рыхлую бабу с отвисшей челюстью.

Несмотря на трагизм момента, офицеры не могли удержаться от приступов истерического смеха — до того фигура сестры была страшна и неказиста.

Действительно, плохо выбритое, бледное, зеленоватое лицо с рыжеватой щетиной, маленькие сверкающие глаза и чересчур крупная, далеко не женская голова придавали сестре милосердия устрашающий вид.

Керенский, поглядевши в зеркало, со стоном отпрянул назад.

Он молча стал срывать с себя тряпки, с ожесточением бросая их в угол комнаты.

Раздевшись, он тяжело опустился в кресло. Голова его склонилась на грудь. Быть может, в эти минуты он думал о Наполеоне, который отказался бежать с острова св. Елены только потому, что его хотели перенести на корабль в бельевой корзине. Император не пожелал до этого унизиться.

Полураздетый и неподвижный сидел Керенский в кресле. Сознание почти покидало его.

Офицеры стали уговаривать Керенского надеть это платье, так как ничего другого не оставалось. И, кроме того, нельзя было медлить — незнакомка ожидала его в коридоре.

Снова дрожащими руками Керенский, с помощью офицеров, стал надевать на себя этот дамский убор и, побольше закрыв лицо косынкой, неуверенной, расхлябанной походкой вышел из комнаты, путаясь в длинных юбках.

В коридоре его ждала незнакомая ему молодая женщина в костюме сестры милосердия.

Взяв его под руку, она спустилась с ним по лестнице. И они вдвоем, беспрепятственно пройдя мимо охраны, вышли на двор, полный казаков. Казаки посторонились, давая дорогу взволнованной молоденькой сестрице, волочившей под руку свою, быть может, разбитую параличом мамашу, у которой заметно подгибались ноги*.

* В одном из воспоминаний (Вейгер-Редемейетер) говорится, что Керенский бежал в костюме матроса и что были свидетели этого. Но это не соответствует действительности. В точности установлено, что Керенский бежал в костюме сестры милосердия в сопровождении незнакомой ему молодой женщины. Но даже и без живых свидетелей можно установить, что в костюме матроса он бежать не мог хотя бы потому, что (по словам свидетелей) в момент бегства в Гатчине (кроме двух представителей матросов) матросов не было. Остальные матросы подошли, примерно, через час после бегства. Так что достать костюм и тем более выйти из дворца в матросском платье было невозможно. Что касается воспоминаний Керенского, в которых говорится, что рано утром перед дворцом он видел много матросов, то, видимо, это ему показалось. Кроме двух матросов, он видеть других матросов не мог. Отметим кстати, что сам Керенский, рассказывая о своем бегстве, не считал удобным для истории написать, как он исчез из дворца. Он только глухо пишет: «Нелепо переодетый, я прошел мимо караулов...» И это понятно: комический и нелепый наряд как-то неважно выглядит на страницах истории.

Инсценировка как нельзя лучше удалась, потому что игра была, видимо, близка к реальности и ничуть не затрудняла актеров. В самом деле, тут было от чего подгибаться ногам — игра была «ва-банк». И если бы в таком виде обнаружили Керенского — ему, несомненно, было бы не сдобровать.

Пройдя через парк и крепко пожав руку своей спутнице, Керенский, никем не замеченный, доплелся до своего автомобиля и плюхнулся в него.

Свидетелей не было, и мы не знаем, как шофер реагировал на появление Керенского в этом наряде. Возможно, что он его сразу не узнал, и очень возможно, что между ними произошел какой-нибудь исторический разговор.

Все это неизвестно. Известно только, что машина с бешеной скоростью помчалась к Пскову.

Когда выехали на шоссе, Керенский с полным отчаянием увидел вдруг подходившие к Гатчине эшелоны. Сердце его замерло, и он хотел вернуться. Но нелепый наряд не позволил ему это сделать.

Надо сказать, что Керенский не ошибся. Это, действительно, из Луги шел эшелон с ударниками, за которыми выехал Савинков.

Но еще до этого от Савинкова пришла телеграмма, которая и была оглашена на казачьем комитете. В телеграмме говорилось, что из Луги отправлено двенадцать эшелонов.

Телеграмма эта вызвала среди казаков некоторое замешательство. Казачий комитет, давший уже согласие на арест Керенского, снова стал обсуждать положение.

И Керенский, которого должны были арестовать, получил, благодаря этому, время и возможность бежать.

Эта телеграмма, помогшая Керенскому уйти, сыграла, впрочем, положительную роль в деле боевой подготовки. Подходившие отряды матросов успели подготовиться к встрече ударных батальонов.

Между тем казаки, пришедшие арестовать Керенского, не нашли его в комнатах. Слух о бегстве тотчас повсюду распространился. Стали обыскивать дворец, но премьера нигде не было.

Поручик Виннер и часть офицеров Керенского, воспользовавшись замешательством и суматохой, бежали, сорвав с себя погоны и кокарды.

Адъютант Керенского, прапорщик Миллер, замешкавшись во дворце, был арестован.

Вскоре в Гатчину вступили Финляндский полк и первый отряд матросов.

Через два часа все юнкера и казаки были обезоружены.

Когда пришли к Краснову, он спросил:

— Вы меня расстреляете?

— Нет. Мы вас отправим в Петроград*.

* Отправленный в Петроград, Краснов был арестован, но вскоре выпущен под честное слово (с тем, чтобы он никуда не убежал), но генерал, охотно дав слово, не выполнил его. И при первом удобном случае бежал на Дон. На Дону он был выбран атаманом «Всевеликого войска Донского» и вскоре повел казаков в наступление против советских войск. Он стал одним из опаснейших врагов Советского Союза.

Между тем отряд матросов выехал навстречу эшелонам ударников, которые выгружались теперь в пяти километрах от Гатчины. И энергичный Савинков лично собирался их вести.

Несколько матросов направились к отрядам Савинкова и предложили им сдаться.

Савинковцы (которых было около трех тысяч) стали обсуждать положение и после кратких переговоров перешли на сторону большевиков.

Группа офицеров, во главе с Савинковым, бросилась бежать, отстреливаясь.

Сами солдаты, установив свои пулеметы, стали расстреливать бежавших.

Керенский, который пришел в такое отчаяние, увидев свежие эшелоны, мог бы снова успокоиться. Его последняя попытка подавить оружием пролетарскую революцию снова бесславно рухнула.

19. ИЗДАЛЕКА

В костюме сестры милосердия Керенский, приехав в Псков, снова явился к своему родственнику, и тот сообщил ему о разосланной повсюду телеграмме от имени 3-го казачьего корпуса:

«Керенский позорно бежал, предательски бросив нас на произвол судьбы. Каждый, кто встретит его, где бы он ни появился, должен его арестовать как труса и предателя».

Переодевшись в гусарскую шинель, Керенский не без трепета явился к Черемисову.

В точности неизвестно, что там было и какие унижения вынес Керенский. Генерал Черемисов остался, видимо, верен своему слову и ночью с помощью офицеров перебросил Керенского через линию фронта. Так или иначе, поздно вечером из ставки генерал Духонин позвонил к Черемисову и попросил вызвать к телефону Керенского, если он тут. Черемисов ответил, что он тут, но не в его интересах сейчас подходить к аппарату.

Духонин согласился с этим, говоря, что Краснов прислал ему телеграмму с убедительной просьбой арестовать Керенского, если тот появится в ставке.

В общем, Керенский бежал за границу. Первые шаги его там истории неизвестны, но месяца через два он появляется в Праге и читает там лекции о судьбах России.

На одной из лекций, кажется, год спустя, к нему подошел один из русских эмигрантов и ударил его по лицу, сказав, что он бьет человека, который погубил Россию.

Керенский покинул Прагу и вскоре обосновался в Париже, где, помимо политических дел, занялся журналистикой и докладами.

Он стал ездить с разного сорта докладами и по другим странам. И несколько раз не без успеха посетил Америку и Англию.

В двадцать третьем году он выпустил в Париже книгу, названную им «Издаലെка».

В этой книге собраны его статьи, доклады и фельетоны.

Мы просматривали эту книгу. Весьма слабые, бесцветные фельетоны не создали бы ему даже и посредственное имя среди журналистов.

Совершенно слабенькие фельетоны полны крикливыми и шаблонными выражениями: «Свершилось»... «Горе маловерам»... «Руки прочь»... «Ужасы жизни»... «Геростраты наших дней»... и т. д.

Следует отметить, что желание принести благо человечеству с помощью своей особы не оставляет его и тут. И он оплакивает «несчастных, ни в чем не повинных братьев наших», брошенных им на произвол судьбы.

В общем, судя по его книге, он, действительно, ничего не понял, что с ним было и какую жалкую роль он сыграл двадцать лет назад.

В настоящее время Керенскому пятьдесят шесть лет. Он живет в Париже. И говорят, что он еще сравнительно ничего себя чувствует.

Тарас Шевченко

Тяжко с матерью прощаться
У бескрышной хаты,
Еще горше в мире видеть
Слезы да заплаты.

Т. Шевченко

1. НАРОДНЫЙ ПОЭТ

Современники назвали Шевченко «мужичьим поэтом».

И это было именно так.

Шевченко был доподлинно мужицкий поэт.

Любители изящной словесности, называя так поэта, конечно, не собирались делать ему комплимент. Напротив, в это слово «мужичий» вкладывались насмешка и брань.

Многие критики того времени считали, что поэзия должна воспитывать в народе изящные и нежные чувства, должна прививать эстетические взгляды на жизнь, поднимать народ до себя, очищать и облагораживать простонародную речь.

А у Шевченко встречались такие ужасные и несалонные слова: пузо, брюхо и так далее.

Это шокировало критику в высшей степени. Кроме того, поэзия Шевченко казалась слишком уж прямолинейной, —

поэт призывал закрепощенных крестьян к восстанию, к борьбе против помещиков, против царя и церкви.

Это тоже смущало критику. Казалось, что поэзия бралась не за свое дело. И в силу этого большинство критиков того времени не признало Шевченко истинным поэтом.

Даже Белинский — его брат по духу — едко и зло посмеялся над ним.

Но это была ошибка до некоторой степени понятная. Слишком уж нова и непривычна была такого рода мужицкая поэзия.

Шевченко не был сразу оценен критикой, но зато он был тотчас оценен народом.

Первая его книга «Кобзарь» произвела на читателей неслыханное впечатление. Его книга, попавшая на родину, была подобна разорвавшейся бомбе — так это было сильно, оглушительно, необычайно и действенно.

Мужицкий поэт сразу пришелся по вкусу народу, потому что он и был подлинный поэт народа, подлинный его представитель. Он не искажал народные думы и чувства своими субъективными добавлениями. Вернее — его чувства совпадали с чувствами народа.

Тут не было фальсификации ни на один грамм, как это невольно могло быть у поэта, вышедшего из другой среды.

Критик Добролюбов, один из немногих критиков, своим блестящим умом понял Шевченко. Он писал о нем:

«Тарас Шевченко — поэт совершенно народный, такой, какого мы не можем указать у себя».

Добролюбов был прав. До Шевченко не было у нас поэта более народного, более понятного массам.

Шевченко стал выразителем духовной жизни народа. Но его поэзия не была только украинской поэзией. И не потому, что темы Шевченко не ограничивались пределами Украины, а потому, что его тема была близкой и необходимой темой для многих народов. Безжалостная эксплуатация человека, бесправие, насилие и гнет не являлись печальным достоянием одного украинского народа.

Но Шевченко не был только выразителем народных дум и надежд. Он как бы сосредоточил в себе духовные качества украинского народа — его мощь, силу, светлый ум, его доброе сердце, мужество, энергию, волю и настойчивость.

Всей своей жизнью, всей своей поэзией Шевченко показал, как может быть силен и мужествен человек, как он может быть неподкупен, как велика его честность, как страшен его гнев и как непреклонна его воля к свободе и независимости.

Всей своей жизнью и работой он показал, какие чудовищные преграды может преодолеть человек для достижения своей цели.

Жизнь Шевченко — это повесть о том, что такое искусство, как оно велико, какие препятствия оно может преодолеть и какой страх оно может внушить врагам.

Казалось бы, что все было брошено на то, чтобы Шевченко не был поэтом и художником. Сначала нищета, рабство, воля помещика мешали достичь цели. Затем, когда

все это было преодолено, само государство преградило дорогу поэту.

Он был физически изломан тюрьмой и ссылкой, но свое искусство он пронес до конца своей жизни. Он до конца дней оставался все тем же, каким он был, — непримиримым и смелым.

И это так удивительно, что я затрудняюсь сказать, что выше можно оценить — его ли поэтический гений или его замечательное мужество.

2. ДЕТСКИЕ ГОДЫ

Бедная украинская хата с почерневшей соломенной крышей — вот дом, в котором провел детские годы Тарас Шевченко.

Отец Тараса, Григорий Иванович Шевченко, был крепостной крестьянин. Он жил в крайней бедности. У него была многочисленная семья — шесть душ детей.

Его жена целые дни работала в поле на барщине. Он также работал в поле, но кроме того возил в город барский хлеб на продажу и доставлял из Крыма соль и рыбу. Помимо этого он должен был заботиться о своем поле и о своем хозяйстве.

Его бедность, нищета не были чем-то исключительным. Это была обычная жизнь крепостного крестьянина, который с утра до ночи не покладая рук работал и за это едва был сыт и едва одет.

Немыслимо было подумать о более сносной жизни, потому что крепостной крестьянин был жестоко закабален.

Три дня в неделю крестьянин работал на барина. Но, кроме личного труда, он отдавал барину «пятину», то есть пятую часть всего того, что он получал от своего личного хозяйства. И помимо того он платил денежную подать за ту землю, которую он обрабатывал для себя.

И в силу этого крестьянин не выходил из долгов. Он всегда был должен своему помещику. И в счет долга он работал на барина уже не три дня, а иной раз четыре и пять дней с утра и до ночи.

При таких условиях крестьянин, конечно, не мог выйти из нищеты. И, работая на барина, он нередко голодал.

Как сказал Шевченко:

А вот там под тыном
С голоду ребенок пухнет — он умрет,
А на барском поле мать пшеницу жнет...

И это не было художественным преувеличением. Рядом с нищетой и голодом уживалась роскошь барских хором. Там, в панских палатах, происходили балы, зацветали тонкие чувства, зажигались беседы об искусстве и красоте.

Это была смрадная картина вопиющей несправедливости, картина жесточайшего насилия.

Барин имел неограниченные права на своих крестьян. Он мог продавать своих рабов оптом и в розницу. Отцов

отнимали от семьи и продавали на сторону, матерей продавали отдельно от детей и детей отдельно от родителей*.

Это было волчье время, лишенное какой бы то ни было гуманности. Это были наихудшие страницы истории, отчасти даже искажающие привычный человеческий облик.

Вот в какие годы жил Тарас Шевченко.

Он родился в 1814 году в Киевской губернии.

До восьми лет он был, так сказать, на попечении у самой природы. Оборванный и грязный, он бегал с утра до ночи где ему вздумается. Никто, конечно, не смотрел за ним. Отец и мать были задавлены барщиной. Старшая сестренка Катя, помимо Тараса, имела на руках еще крошечных братьев и сестер.

На девятом году отец решил обучить Тараса грамоте. Сам отец Тараса был грамотный и умный человек. Он понял, что Тарас мальчик смысленый и какой-то особенный. И из всех своих детей он выделил на учебу только его.

Он послал Тараса в церковно-приходскую школу, где учительствовал в то время некий Губский, священник, лишенный прихода, человек грубый и часто нетрезвый.

* Продажа крестьян «в розницу» существовала до 1841 года. Писатель Григорович приводит в своих воспоминаниях сценку, какой он был свидетель. Некий помещик Коротков говорит своему управляющему: «Жена собирается в Москву... Нужны деньги... Проезжая давеча по деревням, я видел, много там этой мелкоты и шушеры накопилось. Пойди распорядись...» Это означало (пишет Григорович), что управляющему поручалось забрать и продать лишних детей и девок.

За каждую провинность учитель нещадно бил учеников розгами и «тройчаткой» — плетью из подошвенного ремня.

Но Губского вскоре сместили и на его место прислали еще более удивительного учителя — дьячка Петра Богорского.

Этот дьячок был горький пьяница. Он учился в духовной семинарии, но, дойдя до класса риторики, как говорится, «убоялся бездны премудрости» и на двадцать девятом году жизни вышел в свет олухом и пьяницей.

Тем не менее он почему-то решил поделиться с людьми своими знаниями и стал учительствовать в школе.

Неудовлетворенность своей жизнью он скрашивал вином. И если первый учитель, Губский, выпивал, то этот вообще редко когда бывал трезвым.

«Березовую кашу» он считал основой науки и даже ее единственным двигателем. Он лупцевал учеников за каждую малейшую ошибку и провинность. Пучки розог красовались в классе как неотъемлемая принадлежность уроков.

Помимо того, каждую субботу дьячок Богорский порол уже всех учеников — правых и виноватых без разбору, говоря, что это для всех исключительно полезно и необходимо. Должно быть, учитель считал, что его самого мало порол в семинарии, и вот почему он пьяница и неудачник.

Этот учитель, по словам Шевченко, был жестокий, бессердечный и грубый человек. Но он порол учеников не только потому, что он был жестокий. Он порол потому, что так

полагалось. В то время порка процветала во всех учебных заведениях*.

Но дьякон Богорский внес в это дело нечто новое. Во время порки он заставлял учеников читать Заповеди блаженства. Причем сам он порол редко, а заставлял учеников пороть своих же товарищей.

Тарас весьма скоро выучился грамоте и на второй год уже свободно читал псалтырь.

Когда Тарасу исполнилось девять лет, умерла его мать. Она умерла на тридцать втором году жизни, как сказано в казенных бумагах, «от натуральной болезни».

Положение Григория Ивановича Шевченко стало ужасным — с пятью малышами он остался один. Старшая его дочка перед этим была выдана замуж в другую деревню.

В доме необходимо было иметь хозяйку, и Григорий Иванович женился на вдове, у которой было трое маленьких ребят.

Мачеха оказалась на редкость суровой и сварливой.

В доме начался ад. Сведенные дети непрестанно дрались и даже устраивали между собой целые бои.

Ребятам мачехи изрядно доставалось, потому что их было меньше. И в дело нередко вступалась мать. Она драла за уши своих пасынков. И особенно от нее доставалось Тарасу, которого она ненавидела, потому что Тарас нещадно лупцевал ее любимого худосочного сынишку Степку.

* Интересно отметить, что сам Николай I в своих «Записках» писал о своей учебе: «Граф Ламсдорф нередко меня наказывал тростником весьма больно среди самих уроков».

Отец постоянно ссорился со своей новой женой.

Крики, брань, слезы и огорчения — вот что было в доме после смерти матери.

Через два года, когда Тарасу исполнилось одиннадцать лет, неожиданно умер его отец.

Он простудился в пути, когда вез в Киев барские продукты, и, вернувшись домой, умер, проболев несколько дней.

Перед смертью отец разделил свой жалкий скорб между своими детьми, но Тарасу он ничего не выделил. Он сказал:

«Тарасу из моего хозяйства ничего не нужно. Он не будет человек какой-нибудь. Из него выйдет что-нибудь хорошее, или же это будет негодный человек. Для него мое хозяйство или ничего не составит, или это ему ничего не поможет».

Тарас остался круглым сиротой.

Он нанялся пастухом. И летом пас общественный скот кирилловских крестьян.

А к зиме мачеха велела Тарасу куда-нибудь наняться на работу, для того чтобы у нее оставалось поменьше голодных ртов.

Дьячок Богорский согласился держать Тараса в качестве ученика и домашнего работника.

Теперь все работы по дому дьячка выполнял Тарас. Он носил воду, рубил и возил дрова, топил печи и делал все то, что полагалось делать в крестьянском хозяйстве.

Но дьячок считал, что Тарас его даром объедает, и поэтому заставлял его еще читать Псалтырь над покойниками.

Кирилловским крестьянам нравилось, как читает Тарас. Он читал выразительно и с чувством. И по этой причине Тараса требовали всякий раз, когда кто-нибудь умирал.

Крестьяне платили за это Тарасу деньги, но Богорский эти деньги брал себе, считая, что он и без того благодетельствует Тарасу.

Тарас по-прежнему бегал в рваной свитке, без сапог и без шапки. И по-прежнему дьячок бил и порол его и нередко мори́л голодом. Жизнь маленького Тараса у Богорского стала еще более несчастной, чем раньше.

Впоследствии, вспомнив о своем детстве, Шевченко с большой горечью так сказал в одном из своих стихотворений:

...Как увижу
В деревне маленького мальчика —
Ну как будто оторвался он от ветки,
Один-одинешенек, в тряпье,
Сидит себе под забором,
Так кажется мне, что это я,
Что это и есть моя молодость.

3. ПОИСКИ ИСКУССТВА

С раннего детства Шевченко имел страсть к рисованию. Всюду, где придется, он чертил углем всякие завитушки и каракульки. На обрывках бумаги он рисовал коров и лошадей. Ножницами он вырезал из бумаги цветы, силуэты людей и животных и наклеивал на окна своего дома. Все это доставляло ему удивительную радость.

Впоследствии, в одном из своих стихотворений, написанном в ссылке, Шевченко вспоминает, какое необычайное чувство он испытывал от своего рисования:

...Еще в школе
У учителя-дьячка
Украду, бывало, пяточок,
Куплю бумаги, тетрадку сделаю,
Крестами и виньетками
Листочки обведу
И рисую «Сковороду»*
Или «трех царей с дарами»,
А потом в бурьяне,
Чтоб никто не увидел, не услышал,
Пою один и плачу...

Такое волнение, радость и слезы Шевченко не раз испытывал от своего искусства. Это было творческое волнение, радость художника. И вместе с тем страх, что за это могут его наказать, могут ему не позволить, потому что это было занятие для барчуков, а не для оборванного деревенского мальчишки.

Не менее радостное волнение Шевченко испытывал, когда слушал слепцов-кобзарей. Их песни и музыка не раз вызывали у Шевченко слезы. И он не раз ходил вслед за слепцами из деревни в деревню.

* Сковорода — украинский философ XVIII столетия.

Это было удивительно смотреть, когда на село приходил слепец-кобзарь. Он усаживался у ворот какой-нибудь хаты и пел народные думы, песни и сказания, аккомпанируя на бандуре, или на «рыле» (лире), или на старинной семнадцатиструнной кобзе*. На свои пальцы слепец надевал железные наперстки с деревянными косточками, и от этого струны звучали оглушительно и вместе с тем жалобно.

Такие слепцы-бандуристы, кобзари и «рыльники» нередко проходили по украинским деревням.

Но их искусство для мальчика казалось слишком уж непонятным и сложным. Рисовать было более доступно его воображению.

Но он не знал и не понимал, как этому искусству надо учиться и что для этого надо сделать.

Иной раз в гости к дьячку Богорскому приходили попить и повеселиться дьячки из соседних сел. Среди них были дьячки-маляры, иконописцы и рисовальщики.

И Шевченко, которому шел тогда тринадцатый год, решил уйти от Богорского и поступить на работу к какому-нибудь из этих дьячков, с тем чтобы тот научил его малярному мастерству.

И вот весной 1826 года Тарас собрал свое барахлишко, захватил у дьякона книжку с картинками и сбежал от него.

В своих автобиографических заметках Шевченко писал, что перед тем как уйти от своего дьячка, он жестоко отомстил ему. Он нашел своего дьячка в саду бесчувственно

* Четыре струны и тринадцать подструнок.

пьяным, связал его ноги и руки и, задрав рясу, «всыпал ему великую дозу березовой каши».

Расправившись со своим наставником и благодетелем, Тарас ушел и несколько дней скрывался в чужом саду. Сестры приносили ему еду и сообщали о всех новостях. Тарас ожидал, что дьячок поднимет тревогу и постарается его найти, чтобы пружестоко наказать. Но этого не случилось. Вероятно, Богорскому совестно было признаться, что его высекли, и поэтому он не поднял никакого дела.

И тогда Тарас бежал в село Лысянку, где, как он знал, проживал дьякон — малярный мастер.

Тарас явился к нему и попросил взять его в ученики.

Дьякон-маляр охотно согласился. Как раз в то время у него не было домашнего работника. И это предложение его устраивало.

Однако надежды Тараса не оправдались. Дьякон был простой маляр. Он красил крыши, полы и изгороди. Но и в это свое мастерство он не посвятил Тараса. Напротив, он тотчас приспособил мальчика к домашним работам. И ни о какой учебе помину не было.

Новый хозяин заставлял Тараса таскать воду, ходить за коровой и исполнять всякие мелкие поручения по хозяйству.

И эта работа показалась Тарасу еще более трудной, чем у кирилловского дьячка, так как новый хозяин жил на высокой горе и носить воду из реки Тикач было нелегко.

Кроме домашних работ, Тарас растирал краску-медянку на железном листе. Последнее дело было уже более близко

к искусству, но все же это не доставило мальчику никакой радости.

К тому же новый дьякон из Лысянки оказался такой же рукосуй, как и Богорский. Он — чуть что — рвал за уши и обещал в дальнейшем нещадно пороть за каждое упущение. Тарас пробыл у него несколько дней и, так сказать, не попрощавшись ушел от своего неприветливого хозяина.

Тарас сначала ушел в город Стеблов, где он надеялся найти более выдающегося мастера.

Там он не сумел устроиться, но там ему сказали, что в селе Тарасовке проживает дьякон-живописец, в некотором роде знаменитый художник, работы которого — «Аника-воин» и «Великомученик Николай» — красуются в сельском храме.

Не без трепета явился к нему Тарас.

Дьякон-живописец в принципе согласился принять Тараса в ученики. Однако он сказал ему:

«Каждый начнет учиться живописи — это что и будет. Живописи может учиться только тот, у кого имеется божественная одаренность. А если у тебя этого нету, то я тебя в ученики не возьму, хотя бы ты мне обещал золотые горы».

И дьякон велел Тарасу показать левую руку. Внимательно осмотрев его левую ладонь, дьякон сказал:

«Согласно науке хиромантии дарование к живописи отмечается на левой руке жирной чертой, идущей от безымянного пальца вдоль всей ладони. У тебя же этой черты вовсе нету, и по твоей руке я могу судить, что у тебя полностью отсутствует дарование к живописи, к сапожному делу и даже к

бондарству. И даже я удивляюсь, что ты осмелился ко мне прийти. Я не намерен с тобой больше беседовать. Иди себе с богом и больше сюда не приходи».

Слова дьякона-хиромантика ошеломили Тараса. Огорченный, он ушел от предсказателя*.

Он вернулся в родное село, в родной дом к своей мачехе. Он сказал мачехе, что решил сделаться пастухом, что вот работа, которая ему нравится.

И Тарас нанялся в пастухи и до осени пас коров и овец.

Но он не был способным пастухом. Он часто задумывался, мечтал и невнимательно относился к стаду, которое разбредалось по сторонам. Коровы и овцы нередко пропадали. И крестьяне были недовольны своим пастушком.

Брат Тараса, Никита, советовал ему заняться земледелием. Но эта работа меньше всего прельщала Тараса.

И тогда он снова бросил отцовский дом.

Он поступил в батраки к священнику Григорию Кошицу.

Это был толстый и до некоторой степени добродушный поп. Он не бил Тараса и даже позволял ему читать книги. Но Тарас все же недолго оставался у него. Горячее желание быть маляром или живописцем не остыло в нем. Предсказание

* Этот, казалось бы, анекдотический случай из жизни Тараса Шевченко был чрезвычайно характерен для того времени. Хиромантия с давних пор считалась весьма серьезной наукой. Достаточно сказать, что во многих странах (например, в Германии) вплоть до XIX столетия в университетах читались лекции по хиромантии.

дьякона-хиромантика казалось теперь не таким страшным. Снова Тарас решил испытать свое счастье.

Он ушел в село Хлебновку, где, как он разузнал, имелись выдающиеся мастера-живописцы.

Один из хлебновских маляров взял Тараса в ученики. Но он взял его на пробу. Он хотел проверить его способности, но не таким дурацким способом, как это сделал дьякон-хиромантик.

Хлебновский маляр оказался дельным и понимающим человеком. Он давал Тарасу задания, заставлял его чертить и рисовать с натуры. И, проверив его способности, сказал:

«Я дал тебе срисовать купол церкви, и ты это сделал так, как сделал бы я. Из чего я могу заключить, что ты будешь славный маляр и у тебя есть исключительное дарование. Оставайся у меня, если хочешь».

Вероятно, это была первая, наиболее сильная радость в жизни Тараса. Слезы хлынули у него из глаз, и он поцеловал руку маляру.

Маляр сказал:

«Но если ты сын крепостного отца, то принеси мне записку от твоего барина. И пусть в этой записке будет сказано, что он позволяет тебе заниматься малярным делом. В противном случае я не могу принять тебя в ученики, поскольку закон не позволяет мне держать у себя крепачков».

Тарас сказал, что он сделает это и принесет от помещика записку.

Взволнованный и обрадованный, Тарас вернулся в Кирилловку.

4. НЕУДАЧА

Отец Тараса был крепостной помещика Энгельгардта.

Сам старик Энгельгардт, Василий Васильевич, был богатейший человек — у него имелись обширные земли на Украине.

Это был сановитый барин, племянник прославленного князя Потемкина.

Он был уже весьма стар. И жил на покое, вспоминая прошлые дни своей блистательной жизни.

Это и был теперешний хозяин и властелин Тараса.

Вернувшись из села Хлебновки в свою родную Кирилловку, Тарас стал расспрашивать своих односельчан, как он должен поступить для того, чтобы ему дали разрешение на учебу у маляра-живописца.

Что-то новое входило в жизнь четырнадцатилетнего мальчика. Он видел много — видел горе, слезы, лишения и побои. Но ему не приходилось еще выступать в жизни в качестве взрослого человека, который должен был обращаться к помещику с личной своей просьбой.

Впрочем, речь о помещике и не шла. По словам кирилловских крестьян, мальчику следовало обратиться всего лишь к управляющему имением, так как старый барин в такие дела не входит, и это слишком мелкое дело для того, чтобы тревожить покой самого Василия Васильевича.

Однако для Тараса и это дело казалось не таким уж простым и повседневным.

Не без робости отправился он в имение Ольшаны, где находилась контора.

Робость и застенчивость исчезли, когда Тарас заговорил о своем желании учиться малярному делу.

Теперь перед управляющим стоял смышленный и толковый подросток, который весьма деловито и обстоятельно излагал то, что ему нужно.

Эта деловитость и бойкость неожиданно понравились управляющему. Но в этом и таилась беда для Тараса.

Управляющий, еще раз внимательно оглядев Тараса, сказал, что вот как раз такой подросток, как Тарас, ему и нужен. Малярное искусство — это блажь и прихоть, а есть дела поважнее этого. Вот только что из Вильно пришел приказ от молодого барина, Павла Васильевича Энгельгардта, — набрать способных и толковых подростков, подучить их и прислать к нему для комнатных услуг, для кухни и для конюшни.

И теперь, глядя на Тараса, управляющий решил в своем уме — в числе прочих набранных подростков послать и Тараса.

Никакие просьбы Тараса делу не помогли.

Управляющий с неудовольствием смотрел на мальчишку, который, кажется, осмеливается высказывать свое мнение и даже, кажется, весьма резко, если не сказать грубо. Еще недоставало, чтоб крепостной паренек выражал свои претензии и изменял намерения управляющего. В таком случае надо будет его хорошенько обтесать, прежде чем послать молодому барину.

Управляющий сказал, что он пока что зачисляет Тараса на барскую кухню. Пусть там мальчишка подучится, как на-

до жить в господском доме. И пусть главный повар решит, есть ли у подростка способности к кухонному делу.

Тарас стоял перед управляющим, с трудом понимая, что происходит.

Он пришел за бумагой, за разрешением поступить в ученики к маляру, и вот теперь вместо этого его берут в число господской дворни и посылают на кухню.

Это был ужасный удар, даже катастрофа.

Первая мысль Тараса была бежать. Но он знал, что за это бывает. Он знал, что бежавших порют и посылают в тюрьму и в солдаты.

Кажется, впервые Тарас почувствовал свою неволю, свое рабство, свою беспомощность.

Управляющий не нашел нужным слишком долго беседовать с подростком. Он позвал главного повара и велел ему принять Тараса в качестве ученика, с тем чтобы хорошенько обтесать мальчишку и сделать из него человека, полезного для господского дома.

Тараса придели, подстригли его волосы и приказали ему ходить бесшумной и приличной походкой без подскакивания и без размахивания руками. Громкие возгласы, крик, стук посудой или смех — все это было недозволено и считалось неприличным в господском доме.

Главный повар Павел, толстый и староватый человек, энергично приступил к воспитанию подростка.

Целые дни теперь Тарас проводил на кухне. Он мыл посуду, выносил помой, выгребал золу, чистил картошку и выполнял всякие мелкие поручения повара.

Все это было до крайности скучным и однообразным. Все валилось из рук Тараса. Его охватывала невыносимая тоска, когда он думал, что это будет и впредь так продолжаться.

Повар был сердитый и раздражительный. Шекспир говорил, что не надо бояться толстых людей. Но этот повар составлял, видимо, исключение. Он драл Тараса за уши и награждал его затрещинами. Его раздражал нерадивый ученик, который то и дело давал стрекача, убегая то в сад, то в поле.

Была весна. Зеленели поля. Позвякивая колокольчиками, шли коровы. Пастушок хлопал длинным бичом.

Как много дал бы теперь Тарас, чтобы снова быть таким пастухом, чтобы снова шляться по полям, чтоб не слышать рассудительных речей на кухне и сердитых окриков повара.

Правда, жизнь Тараса немного скрашивалась тем, что он сумел тут набрать всякого рода картинок и карточек. У него собралась теперь целая коллекция лубочных рисунков. И это доставляло ему радость и удовольствие.

Воспользовавшись свободной минутой, он убежал в глухой уголок господского сада и там, на сучках деревьев, устраивал выставку, вывешивая свои рисунки и карточки.

Повар пожаловался на Тараса. Он сказал управляющему, что присланный на кухню мальчишка есть в высшей степени лодырь и бездельник, что вряд ли вообще имеется какое-либо дело, к которому подросток будет способным, и что на кухне он не только не нужен, но даже он там является помехой и главной причиной ухудшения здоровья повара.

Неизвестно, как сложилось бы дело, если б молодой барин не запросил в срочном порядке прислать нужных ему подростков.

Молодой барин проживал в Вильно. Для дворянской его жизни ему требовалась вышколенная дворня — расторопные лакеи, казачки для комнатных услуг, красивые горничные и лихие кучера. Вышколить такую дворню можно лишь в городе. И вот почему подростков надлежало отправить в Вильно.

Управляющий Дмитренко спешным порядком собрал молодую гвардию и со списком отправил ее в Вильно.

В этом списке числился и Тарас, против фамилии которого стояло примечание: «Способен к малярству».

Подействовали слова повара на Дмитренко, или сам Тарас просил управляющего и этим смягчил его сердце — остается неизвестным. Известно только то, что Тарас отправлен был в Вильно не в качестве поваренка, а в качестве будущего маляра или живописца.

5. СНОВА НЕУДАЧИ

Молодой барин Павел Васильевич был (незаконный) сын престарелого помещика Энгельгардта.

Он состоял адъютантом у фельдмаршала Римского-Корсакова, который был в то время виленским губернатором.

В свои тридцать лет он был уже полковником лейб-гвардии Уланского полка.

Его блистательная карьера была создана меньше всего его способностями. Он преуспевал в жизни благодаря своему родству, фамилии и богатству. Весьма энергичный и властный человек, карьерист и коммерсант, он уверенно шагал по дороге жизни.

Это и был новый неограниченный властитель, к которому направлялся подросток Тарас Шевченко, «способный к малярству».

Многочисленная дворня молодого полковника ютилась во дворе, в хибарках, позади роскошного дворянского особняка.

Всей дворней командовал управляющий делами — домоправитель полковника, — человек весьма энергичный, распорядительный, рабски преданный своему господину.

Приняв список и осмотрев прибывших, он тотчас распределил обязанности каждого. Тараса он назначил комнатным казачком. На отметку в списке управляющий просто не обратил внимания. Ни о каком, конечно, возражении не могло быть и речи.

Несколько дней Тараса приводили в «христианский вид». Его одели в синюю поддевку с красным поясом. И обучили несложным его обязанностям. Тарас должен был сидеть в передней на диване. По первому зову барина ему следовало бесшумно войти в комнату и ждать приказаний.

Приказания были немногочисленные — главным образом подать халат, туфли или трубку. Остальные обязанности также были несложны — доложить о пришедших, принять сброшенную с плеч барина офицерскую шинель и так далее.

Впрочем, главнейшая обязанность была самая нелегкая, это — безмолвно сидеть на диване.

На вопросы Тарасу надлежало отвечать отрывисто и кратко: так точно-с, никак нет-с и не могу знать. Все остальные слова запрещались или не рекомендовались.

Итак, у Тараса началась новая жизнь — комнатного казачка.

Для подвижного характера Тараса такая должность была мучительной. Но барин, к счастью, редко сидел дома. Балы, вечера и банкеты бывали чуть не ежедневно. И Тарас, оставаясь один, мог заниматься чем ему вздумается.

Новый казачок не то чтобы понравился молодому полковнику, скорее — он даже и не замечал его, для него это был, в сущности, не человек, не живая душа, а попросту — предмет комнатного обихода, к которому можно привыкнуть или, наоборот, выкинуть его, если он непригоден.

Так вот, к этой вещи, к этому предмету комнатных услуг полковник привык. И был к нему до некоторой степени милостив: он позволял крепостному казачку прикасаться губами к своей выхоленной руке благодетеля, как это требовалось по неписаным законам крепостного права.

Натура полковника была весьма деятельной. Он нередко уезжал в Варшаву или в Петербург или на дворянские выборы в Киев. В свои путешествия он стал брать Тараса. И это вносило разнообразие в жизнь казачка.

Но Тарасу наиболее всего нравилось, когда он оставался один, когда барин уезжал на балы или в гости. Тогда Тарас со спокойной душой шлялся по барским комнатам, свистел, пел

украинские песни и занимался рисованием, к чему он не остыл, а, напротив того, с каждым днем чувствовал все большую склонность.

«Коллекция картин» Тараса возросла. Теперь в его коллекции появились всякого рода лубочные рисунки, которые Тарас не стеснясь брал на постоянных дворах и где придется.

В отсутствие барина Тарас располагался за его столом и срисовывал в свой альбом картины и рисунки, висящие на стенах комнаты.

Однажды барин, вернувшись в полночь из гостей, застал Тараса на месте преступления. Тарас, увлекшись рисованием, не услышал, как подкатила коляска к дому, как барин хлопнул дверью, как он поднялся по лестнице во второй этаж и как он вошел в комнату.

Тарас, расположившись в кресле, растушевывал свою копию с картины «Атаман Платов».

Скрип половицы вернул художника к действительности. Тарас вскочил с кресла. Перед ним, в двух шагах, стоял полковник, разгневанный и взбешенный.

Огарок сальной свечки освещал эту сцену.

От гнева и раздражения полковник сначала остолбенел. Мало того, что этот скот не встретил его в передней, он еще посмел сидеть за его столом, он посмел жечь свечку, от которой мог сгореть его дом.

Полковник несколько раз ударил Тараса по лицу и, схватив за ухо, выкинул казачка в переднюю.

Утром полковник не остыл от своего гнева. Он отдал управляющему распоряжение — выдрать Тараса на конюш-

не, чтоб этому пареньку хорошенько запомнилось, кто он такой и каковы его прямые обязанности.

Тотчас Тараса отвели на конюшню. Три кучера совершали экзекуцию. Один сидел на ногах Тараса, другой — на плечах, третий кучер стегал розгами.

Тарас выдержал наказание без слез и без стонов, хотя кровь текла по его обнаженному телу.

Это считалось — поучить человека, чтоб он не увлекался несбыточными фантазиями.

Тарас ожидал перемены судьбы. Он ожидал, что барин отошлет его в деревню или переведет на другую должность. Но этого не случилось. Через несколько дней Тарас снова занял место в передней. И барин как ни в чем не бывало звал Тараса для услуг.

6. ИСКУССТВО И КОММЕРЦИЯ

Однако управляющему полковник сказал, показав на рисунки Тараса, что мальчишку, пожалуй, надо было бы отдать в науку к живописцу, что, судя по рисункам, он выказывает большие способности и что не следовало бы забывать, что цена крепостного совершенно иная, если он в чем-либо достиг какого-нибудь совершенства. Сейчас Тарас стоит от силы, ну, рублей триста, а если его обучить, то он будет стоить не менее тысячи, а то и больше. Надо уметь поднимать цену на каждую крепостную душу тем хозяйственным способом, который в их распоряжении. В наш коммерческий век это

совершенно необходимо. Это своего рода биржа. Этим надо пользоваться. И этим можно умножить состояние.

Управляющий почтительно кланялся, слушая эти слова барина.

Полковник сказал, что он, пожалуй, сам поговорит с одним художником, и если тот найдет у Тараса способности, то судьба Тараса решена — он будет учиться живописи.

Коммерческий зуд заставил полковника поспешить с этим делом. Он побывал у профессора живописи, который преподавал в Виленском университете. И показал ему рисунки крепостного казачка.

Профессор живописи одобрительно отнесся к рисункам Тараса и посоветовал отдать мальчика в учение.

Полковник велел своему управляющему подыскать для Тараса учителя.

Однако фантазия управляющего дальше малярного дела не пошла, и он, договорившись с одним маляром, отдал Тараса в учебу.

Но спустя месяц маляр явился к самому полковнику и доложил, что с таким отличным учеником он, простой маляр, не считает возможным заниматься, что этот ученик может быть его учителем, а не наоборот. И пусть он, маляр, теряет на этом деньги за уроки, но он считает своей обязанностью доложить барину о великих способностях Тараса.

Слова честного маляра нашли живейший отклик в коммерческой душе полковника. В самом деле — надо будет отдать Тараса к какому-нибудь хорошему живописцу. И если

Тарас будет художником, то плата за учебу будет с лихвой оправдана.

Полковник вызвал к себе одного знакомого портретиста. И тот согласился давать уроки.

Но, едва начатые, уроки вскоре были прекращены. Польское восстание (1830 год) заставило полковника убраться из Вильно.

Отъезд полковника был так стремителен, что он не захватил с собой дворни. Даже Тарас, с которым он не расставался в путешествиях, был оставлен в Вильно.

Полковник прибыл в Петербург и уже оттуда отдал распоряжение выслать ему его челядь этапным порядком.

В начале 1831 года Тарас вместе со всей дворней был доставлен в Петербург.

Барин, понюхавший пороху в Польше, был не совсем в себе. Надо было снова налаживать связи. Надо было искать достойную должность для его высокой особы. Такую должность он нашел — он стал адъютантом у принца Виртенбергского.

Тарас же снова остался у него казачком.

Но теперь, всякий раз, когда барин, довольный своими делами, милостиво заговаривал с казачком, Тарас неизменно сводил речь на учебу. Больше ждать было нельзя. Ему семнадцать лет. И дальше откладывать — будет поздно.

Барин снова согласился отдать Тараса к живописцу. Но снова управляющий отдал Тараса не к художнику, а к простому маляру.

Правда, этот маляр считался опытным мастером, однако для Тараса, который брал уроки у портретиста, это была не наука. Но маляр брал за учебу немного, художник же заломил бы цену значительную, — видимо, это обстоятельство сыграло решающую роль. Тем более, что Тарас и без того прилично писал портреты, так зачем же еще переплачивать деньги за какое-то совершенствование, которого может и не быть.

В общем, Тараса отдали в учебу к «разных живописных дел цеховому мастеру Ширяеву».

Причем с этим цеховым мастером был заключен договор на четыре года учебы.

Маляр Ширяев был человек крайне скупой, свирепый, грубый и неотесанный. Он в «страхе божьем» держал своих учеников, которых у него было до десяти человек. Он посылал их на работы в качестве обыкновенных маляров. Его ученики занимались главным образом тем, что красили крыши, заборы и полы.

В общем, Ширяев ни в какой степени не был желанным или даже каким-нибудь учителем для Тараса. Это был попросту кулак, предприниматель, эксплуатирующий «подручных молодцов».

Он заставлял их работать по двенадцать и по шестнадцать часов в сутки. Держал их впроголодь и, при случае, дрался, давая пинки, зуботычины и оплеухи.

Снова Тарас стал ходить грязный и оборванный. Он бегал на работу босой, в халате, без шапки. Снова жизнь была полна лишений, огорчений и невзгод.

Но Шевченко не упал духом. И он не оставил своей мысли стать художником. Пользуясь свободной минутой, он рисовал. Но для этого занятия ему надо было теперь выкраивать время. Занятый с утра до вечера, он мог рисовать только лишь на рассвете или поздно вечером.

В светлые петербургские ночи он, возвращаясь с работы, не раз заходил в Летний сад и там делал рисунки и наброски в своей тетради.

Никто не мешал ему здесь. Летний сад открыт был круглые сутки. Ночной публики было мало. Гуляки шли в трактиры и рестораны. Любовные парочки сами избегали встреч. И Тарас, оставаясь в одиночестве, делал зарисовки мраморных богинь и купидонов.

Тарас достиг в своем искусстве больших успехов. Его рисунки уже не были дилетантскими и ученическими. Это уже были смелые произведения, самостоятельные и оригинальные.

Эти часы, проведенные в Летнем саду, были для Тараса всегда вдохновенными. Тарас стал даже писать там стихи. Но он еще не знал, как это делается. И он без всякого уменья записывал на бумагу свои чувства и свои мысли и ту музыку, какая у него была на душе.

7. ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕПЯТСТВИЕ

Более трех лет Шевченко провел в «учениках» у маляра Ширяева.

Это были тягостные годы. О каком-нибудь серьезном учении не могло быть и речи. Шевченко попросту попал к

предприимчивому мастеру, который за кусок хлеба заставлял учеников работать на себя.

Но Шевченко не падал духом. С удивительным упорством и настойчивостью он продолжал заниматься своим рисованием.

Однажды, поздно вечером возвращаясь с работы, двадцатидвухлетний Шевченко зашел, по обыкновению, в Летний сад.

Шевченко был босой, без шапки, в коричневом халате. В руках у него были малярная кисть и ведро от краски.

Шевченко прошел по аллеям сада, разглядывая мраморные статуи.

Перед одной из статуй Шевченко задержался. Он сел на свое перевернутое ведро и стал срисовывать в свою тетрадь контуры мраморной богини.

Был поздний майский вечер. Белая петербургская ночь не мешала работать.

Один из прохожих остановился позади Шевченко и с любопытством стал смотреть на его работу.

Рисунок выходил отлично. Это было удивительно — смотреть на оборванного паренька, который так искусно и так уверенно рисовал.

Прохожий разговорился с Шевченко. Он оказался земляком Тараса. Это был молодой художник Сошенко. Он недавно приехал в Петербург для занятий в Академии художеств.

Сошенко с любопытством стал расспрашивать Тараса об его жизни. Он похвалил его рисунки. И сказал, что ему надо

учиться и что, сколько он понимает, из него выйдет большой толк.

Сошенко дал Тарасу свой адрес и просил его зайти в воскресенье.

Шевченко был взволнован встречей. Он бормотал слова благодарности. Он так мало видел внимания к себе. Он не привык к участию или даже к какому-нибудь человеческому отношению.

И теперь он с чувством признательности смотрел на незнакомого художника, который обещал сделать для него все, что будет возможно.

В воскресенье Шевченко пришел к художнику на Четвертую линию Васильевского острова.

Тарас принес с собой связку своих рисунков.

Художник Сошенко стал внимательно рассматривать рисунки, хваля их и удивляясь необыкновенному мастерству маляра.

Сошенко не мог оказать Тарасу немедленную помощь. Он и сам ничего не имел. Он без копейки денег приехал в Петербург и только что устроился. Но ему чрезвычайно хотелось сделать для Тараса что-нибудь полезное.

Он решил показать рисунки в Академии и познакомить Тараса с теми людьми, которые могли бы оказать влияние на судьбу бедного маляра.

Через некоторое время Сошенко познакомил Тараса с известным писателем Гребенкой.

Гребенка с большим вниманием и добротой отнесся к своему земляку. Он помог ему приодеться и познакомил его

с видными людьми. В частности, он познакомил его с секретарем Академии В. И. Григоровичем.

Этот секретарь был весьма влиятельный господин, преподававший в Академии «теорию изящного». Он был в приятельских отношениях с художником К. Брюлловым, слава которого в то время была велика и даже ослепительна. Об его картинах писались статьи. Общественное мнение и критика превозносили его до небес. Его последняя картина «Гибель Помпеи» прошумела на выставках Европы.

Брюллов с участием отнесся к Шевченко. Он похвалил его рисунки и познакомил его с придворным живописцем Венециановым.

И Венецианов, в свою очередь, рассказал поэту Жуковскому о несчастной судьбе талантливого маляра.

И вот бедным, доселе неведомым маляром заинтересовались столь влиятельные люди, что, казалось, перемена судьбы для Шевченко уже близка.

Брюллов хотел было зачислить Шевченко в ученики Академии, но, узнав, что он крепостной, пришел в уныние. По закону крепостной не мог состоять в учениках Академии даже при согласии помещика.

Надо было выкупить Тараса, либо уговорить помещика дать ему вольную. Но для этого необходимо было время и деньги. Дело явно затягивалось.

Художник Сошенко ходил к Ширяеву и упросил последнего дать Тарасу временный отпуск для того, чтобы тот мог посещать занятия в зале Общества поощрения художеств.

Ширяев неожиданно согласился, хотя сказал, что это блажь и напрасная затея.

Шевченко стал ходить на временные занятия по живописи.

Между тем Жуковский, близкий ко двору, в разговоре с государыней обрисовал ужасное положение талантливого юноши, который закрепощен и в силу этого не может стать художником.

Но что могла сделать супруга императора? Помещик — полновластный хозяин своих крепостных. Было бы неприлично вмешиваться государыне в то, что освящено царем и законом.

Оставались два пути: купить Тараса у помещика или склонить помещика к филантропическому шагу — дать Тарасу освобождение.

Жуковский просил Брюллова заняться этим делом.

И вот Брюллов отправился к полковнику Энгельгардту для переговоров.

Неизвестно, каков был разговор помещика с Брюловым. Известно только то, что Брюллов вернулся от Энгельгардта взбешенный до последней степени.

«Это самая большая свинья из всех свиней, каких только мне приходилось видеть», — сказал Брюллов в ответ на распросы о результатах переговоров.

Шевченко, узнав о неудаче, пришел в такое отчаяние, что хотел покончить с собой.

Брюллов утешал его. Жуковский, узнав об отчаянии молодого человека, написал ему успокоительную записку.

Решено было снова обратиться к Энгельгардту с просьбой назначить цену на крепостную душу Тараса.

Сошенко вызвался было пойти к помещику для переговоров. Но появление бедного художника у блестящего офицера могло бы сорвать дело. И по этой причине для переговоров попросили пойти придворного живописца Венецианова. Быть может, он, близкий ко двору человек, имеющий генеральский чин, сумеет задеть чувствительные струны сердца помещика, и тот пойдет на филантропию или же назначит «божескую» цену за крепостную душу.

Полковник Энгельгардт был раздражен назойливостью художников.

Он целый час выдержал придворного живописца в своей передней. И когда принял его — разразился упреками. Он сказал:

«Что вы, собственно говоря, хотите от меня вместе с вашим Брюлловым? О какой филантропии вы изволите говорить? В этого крепостного я вложил изрядные деньги, для того чтобы он был тем, каким вы его видите. Я решительно прошу вас не говорить мне о какой-либо благотворительности или филантропии. В наш коммерческий век это, сударь, просто смешно слышать. Моя крайняя и решительная цена за крепостного Тараса — две с половиной тысячи рублей ассигнациями. Если вам будет угодно теперь об этом предмете говорить — давайте будем говорить».

Сконфуженный и растерянный придворный живописец вернулся от помещика.

Жуковскому пришла мысль собрать деньги для того, чтобы выкупить Шевченко. Это он берется сделать в кругу придворных людей.

Но Брюллов сказал, что будет, пожалуй, лучше, если он напишет, скажем, портрет Жуковского, и этот портрет они за две с половиною тысячи разыграют в лотерею.

Так и было сделано.

Брюллов написал портрет Жуковского. И вскоре деньги были собраны.

Придворный живописец Венецианов снова отправился к Энгельгардту.

Помещик, несколько поломавшись и поговорив о том, что Шевченко стоит значительно дороже, чем он за него спросил, дал отпускную.

Это был знаменательный день для Шевченко — 22 апреля 1838 года.

8. НОВАЯ ЖИЗНЬ

Тарас Григорьевич Шевченко не сразу узнал об этом своем счастье.

Он был болен. Он лежал в больнице с брюшным тифом.

Он поправлялся, но медленно. Художник Сошенко зашел его проведать, но не сообщил ему об этом радостном событии, потому что врач не посоветовал волновать больного.

Хозяин же Тараса, «разных малярных дел» мастер Ширяев, узнав от Энгельгардта об освобождении своего ученика, пришел к нему в больницу и рассказал все, что он знал.

Радость Шевченко была необычайна.

Он вышел из больницы иным человеком. Рабство кончилось. Кончилась та унижительная жизнь, которая так удручала художника. Он был теперь свободен. Радость его была так велика, что он всех целовал и при этом плакал, говоря, что только теперь он понял, что такое крепостное право, что такое быть крепостным.

Шевченко то и дело вынимал из кармана свою отпускную и целовал ее, заливаясь слезами.

Тарас Григорьевич поселился на квартире у художника Сошенко. Теперь его приняли в ученики Академии. И он стал посещать классы, стал систематически обучаться живописи.

Он лихорадочно принялся за свое самообразование. К. Брюллов разрешил ему пользоваться его библиотекой. И молодой Шевченко многие вечера провел за книгами.

Он в короткое время прочитал всех классиков. Он стал разбираться в политике. С ужасом и с содроганием он понял, что такое социальное неравенство, которое было в России в такой неумеренной степени. Он понял, что нужна борьба, нужен переворот, который уничтожил бы царский строй в России. Еще мальчишкой в Вильно и в Варшаве он прислушивался к разговорам об этом. Теперь ему все стало ясным окончательно.

Шевченко стал читать поэтов. И сам начал писать стихи, стараясь изложить в них волновавшие его мысли и чувства.

Художники по-товарищески относились к нему. Он сблизился с ними. И нередко проводил вечера в разговорах о жизни и об искусстве.

Шевченко был умен и гениален, — он в короткое время сумел впитать в себя ту культуру, к которой он теперь прикоснулся. Его товарищи с удивлением смотрели на него. Казалось, что произошла волшебная перемена. Вчерашний крепостной маляр ничем не отличался от своих товарищей, — он многое знал, верно судил об искусстве, и любая беседа была для него незатруднительна.

Больше того, его стали ценить и уважать и с ним считаться как с человеком, который имеет твердые убеждения и хороший вкус.

Брюллов полюбил Тараса Григорьевича. Он не раз вместе с ним ходил в Эрмитаж, где показывал ему картины великих мастеров. Он рассказывал о жизни и творчестве этих выдающихся художников.

Брюллов полюбил Шевченко за его светлый ум, за его удивительную скромность, за его любовь к искусству.

Брюллов — умный и тонкий человек, замечательный художник — сумел увидеть в Шевченко выдающегося человека.

Шевченко стал его любимейшим учеником. И Брюллов пророчил ему великое будущее.

И действительно, Шевченко достиг огромных успехов. Весной 1839 года Шевченко был награжден серебряной медалью за свой этюд «Бойцы». Это было событие в жизни Шевченко не менее важное, чем даже освобождение от неволи. Получить отпускную ему помогли люди, медаль же

была наградой за тяжкий и упорный труд, за непреклонную волю, за десятки преодоленных препятствий. Это была награда за то искусство, к которому Шевченко стремился с детских лет.

Переход от мрачного чердака маляра Ширяева к тому, что имел сейчас Шевченко, был необычен. Правда, Шевченко жил еще в бедности. Но у него уже были заработки — он рисовал портреты.

Через Брюллова Шевченко познакомился со многими светскими людьми. Его всюду стали приглашать. Им интересовались как новым явлением, как человеком, вышедшим из слоев неведомого народа и достигшим своим трудом теперешнего положения.

Шевченко стал по-модному одеваться. Он стал франтить. После нищеты и бедности, после зипуна и кафтана он теперь наряжался во фрак. Он стал изучать французский язык, для того чтобы в обществе быть равным всем этим воспитанным молодым дворянам.

Мы привыкли представлять себе Шевченко в том виде, в каком он изображен на своих портретах, — стареющим человеком в бараньей шапке, с чудовищными усами, с тяжким взглядом суровых глаз.

Но эти портреты относились к последнему периоду жизни Тараса Григорьевича. Таким он был после ссылки, после Азии. В те же годы, о которых идет речь, двадцатипятилетний Шевченко был совершенно иным человеком. Он был молод и даже юн. У него было лицо артиста. Нежная и милая

улыбка. И удивительно добрые глаза. Художники говорили о Шевченко, что «у него в лице было нечто такое, за что нельзя было его не полюбить».

Художник Сошенко с досадой и раздражением отнесся к светскому успеху своего друга. Он укорял Тараса за его страсти к пустому и праздному свету, за его перемену в образе жизни.

Но Сошенко не видел всей сложности натуры своего друга. Никакой органической перемены, в сущности, не было. Это была, так сказать, компенсация за тяжкие годы неволи, за всю нищету и лишения. И, кроме того, молодому Шевченко надо было до конца узнать другую жизнь, увидеть другой мир, чтобы понять, что такое жизнь и что такое люди.

В те годы его светских успехов Шевченко ни в какой степени не изменил самому себе. Он не забыл, что, кроме этого избранного общества, существует иное, бесправное, лишенное человеческого достоинства, из которого он вышел сам.

Тревога жила в душе Шевченко, и ничто не могло заглушить ее. В 1839 году, то есть в год его светских успехов, Шевченко в своем стихотворении «Думы» писал:

Ой вы, думы, мои думы,
Горе, думы, с вами.
Что вы встали на бумаге
Хмурыми рядами?
Что вас ветер не развеял,
Словно пыль степную,

Что вас горе не заспало,
Словно дочь родную...
Думы, мои дети,
Где же я найду, родные,
Вам приют на свете?
На Украину идите,
Нашу Украину,
На задворки к бедным людям,
Я же здесь загину.

Эти думы о бедных людях, о несправедливости, о закабаленных крестьянах никогда не покидали Шевченко, где бы он ни находился.

Посещения аристократических домов ничего не изменили в Шевченко. Он по-прежнему много читал, изучал поэзию и прилежно учился в Академии.

Осенью 1840 года Шевченко был снова премирован серебряной медалью второго достоинства за опыт в живописи «Мальчик с собакой».

Но живопись полностью не удовлетворяла Шевченко. Все больше и сильнее его занимали стихи. В стихах было больше простора для его мыслей и чувств.

У Шевченко уже накопилось много стихов, но он почти никому не показывал их. Писатель Гребенка однажды забрал у него эти рукописи и прочитал их.

Гребенка был поражен — стихи оказались превосходными. Гребенка восторженно похвалил их и сказал, что неиз-

вестно еще, в чем сильнее Шевченко — в поэзии или в живописи. Возможно, что в поэзии он сильнее.

Тарас Григорьевич скептически отнесся к отзыву, говоря, что эти стихи — проба пера, баловство и то непрофессиональное искусство, на которое не следовало бы обращать внимание.

Но Гребенка настаивал на своем. Он показал стихи целому ряду людей, и все приходило к мысли, что это истинная поэзия, замечательная по силе и оригинальности.

Один состоятельный человек вызвался издать книгу стихов Шевченко.

Тарас Григорьевич стал собирать книгу. Он назвал ее «Кобзарь». И в том же году книга была выпущена в свет.

Столичная критика, как мы говорили, иронически отнеслась к книге, но на Украине стихи Шевченко произвели потрясающее впечатление.

Один из писателей (Квитко) написал Шевченко о своих чувствах после прочтения книги: «Волосы на голове поднялись, в глазах зеленело, а сердце как-то болит. Я прижал вашу книгу к сердцу. Хорошо, очень хорошо».

Шевченко понял, что его поэзия может дать людям больше, чем его живопись. Слова с большей силой, чем краски, проникают в человеческое сердце. Словами можно скорее договориться с людьми. Можно скорее сообщить о том, что занимало и тревожило поэта.

Шевченко стал все больше и больше уделять времени стихам.

Он стал поэтом.

9. НА РОДИНЕ

Весной 1843 года Шевченко поехал на Украину. Он давно хотел побывать на родине, чтобы увидеть ее новыми глазами.

Пятнадцать лет назад он подростком покинул свое родное село. Теперь он был взрослым человеком, много переудавшим и многое понявшим. Теперь ему было тридцать лет.

Огромные перемены произошли в его жизни. Он был на родине крепостным, кухонным мальчиком, пастухом, — теперь он был известный художник, получивший награды за свои работы, теперь он был популярный автор «Кобзаря», книги, которая так прихлась по душе здесь, на Украине.

Вспоминая наше детство, мы обычно с трудом можем увидеть себя в том маленьком человечке, который пятнадцать или двадцать лет назад жил, чувствовал, плакал и огорчался. Я не помню, кто-то сказал, что «крыса, прошедшая через Малую Азию, не помнит — та ли она крыса, которая вышла из дому».

И действительно, дальний путь, много препятствий, беда и огорчения на жизненном пути притупляют наши воспоминания. Но воспоминания детства у Шевченко были слишком тягостны и слишком остры, и он ничего не забыл из того, что было.

И теперь он с чувством огромного волнения ехал на родину.

Но он не сразу посетил свою родную Кирилловку. Казалось, что его что-то удерживает. Казалось, что он не хочет сразу столкнуться с тем тяжелым и печальным, с чем он ожидал столкнуться.

Он лето прожил в Киеве и в имениях своих новых друзей. Он там писал портреты и, так сказать, в новом своем качестве знакомился с помещичьим бытом.

Он посещал дворянские балы, ездил в гости к помещикам, заводил с ними знакомство, но всюду, как и в Петербурге, где бы он ни бывал, он чувствовал тяжесть в своем сердце и ту тревогу, которая не покидала его, когда он думал о несправедливости, о насилии, нищете и богатстве.

Здесь, на родине, в богатых имениях своих новых знакомых, он на каждом шагу видел крепостной гнет. Его удручали и ужасали картины бедности закрепощенных людей, картины рабского труда и бесправия.

Приехав однажды к одному из помещиков в гости, он увидел, что хозяин «поучил» слугу — ударил по лицу, как тогда говорилось, «побил из собственных ручек». Это была обычная, повседневная сценка в помещичьем доме. Шевченко, увидев эту расправу, страшно смутился и покраснел. Он надел шапку и ушел, хотя его удерживали и даже умоляли остаться.

Он видел и еще более тягостные сцены из помещичьей жизни. Все это жгло сердце Шевченко. Ему казалось, что он должен во все это вмешаться, как-то помочь народу, что-то сделать, чтобы облегчить его участь.

Осенью он побывал в родном селе.

Теперь, когда он был свободным человеком, все показалось там ему еще более ужасным, чем раньше.

Он пробыл в своем селе меньше месяца и уехал оттуда с чувством тяжелой тоски.

Зимой он вернулся с Украины в Петербург. В своей поэме «Сон» он написал прощание:

Я с тобой прощаюсь, край мой,
Что богат тоскою.
Наши муки, злые муки,
В тучи я укрою...

О своей поездке на родину он написал одному из своих друзей: «Был на Украине... Был везде и все плакал: разорили нашу Украину...»

Вернувшись в Петербург, Шевченко все меньше и меньше уделял внимания живописи. Он теперь усиленно работал над стихами. Но его новые стихи не совсем были похожи на его первые опыты. Лирика стала уступать место политике, вернее — наряду с глубоким и нежным чувством к людям уживалась непримиримая ненависть к врагу, к поработителям, к строю, который был так беспощаден к трудящимся. Шевченко стал призывать к борьбе, к мести, к уничтожению царского строя.

В своей поэме «Сон», которую он написал после возвращения с Украины, Шевченко мечтает об освобождении родины из-под гнета царской власти, он мечтает о раскрепощении крестьян, жизнь которых непереносима:

Латаную свитку с бедняка снимают,
С кожу снимают — нечем ведь обуть
Недорослей барских...

В этой поэме Шевченко с большой иронией и злостью пишет о царе и об его царедворцах:

Что ж, пойти бы посмотреть бы
На царя в палате —
Что там делают. Вхожу я,
Знать стоит пузата.
Все рядком, все с сапом, с храпом,
Все понадувались, как индюшки...

В том же году Шевченко написал еще несколько замечательных стихотворений. Но и стихи, и Петербург, и Академия не успокоили Шевченко. Он решил снова поехать на Украину. Ему казалось, что там он принесет больше пользы для своей родины. Здесь он был неспокоен. Его все волновало. Он буквально не находил себе места. Он писал в стихотворении, посвященном актеру М. Щепкину:

Научи меня, кудесник,
Друг мой седоусый,
Как быть в мире равнодушным...

Но он сам знал, что для этого надо было сделать. Для этого надо было быть безучастным ко всему, для этого надо было «схоронить живое сердце». Но он этого не хотел:

Схоронить живое сердце
Жалко мне до боли.

Может быть — придет надежда,
Приплывет с водою...
С нею легче заживется
Мне на белом свете...

Он не мог и не хотел «схоронить свое живое сердце», потому что он был сын своего народа, страдания которого были велики. Он не желал равнодушия, потому что он хотел «хоть сквозь сон увидеть правду над родной землей».

А для того чтобы «увидеть правду над родной землей», нужна была борьба, нужны были ненависть и гнев.

Получив звание свободного художника, Шевченко распродался с Академией и снова, весной 1845 года, уехал на родину.

Он объездил Украину. И много писал. И это были лучшие его стихи. Они были направлены против насилия, против церкви, против царя и помещиков.

В этих своих стихах Шевченко выступал уже не только от имени угнетенного украинского народа. Он говорил и о других народах, поработанных царской властью.

Гнев и ненависть, тоска и надежда — вот чувства, которые волновали поэта.

Помимо стихов, Шевченко стал работать и в качестве художника. Он выехал в командировку «для разыскания и срисовывания исторических памятников».

Он также приступил к изданию «Живописной Украины» и привлек к этой работе художников и писателей.

Он знакомился с известными деятелями того времени. В частности, он познакомился и сблизился с Костомаровым,

который в то время был вождем украинского славянофильства.

Костомаров и его друзья, члены так называемого Кирилло-Мефодиевского братства, стали приглашать Шевченко на свои собрания.

Шевченко по своим воззрениям не подходил к обществу украинских либералов. Устав братства требовал искоренения рабства и всякого унижения низших классов. Шевченко же шел дальше, — он отрицал не только торговлю людьми, но и торговлю землею. Шевченко был сторонником более решительных действий — он призывал к восстанию. Салонные же разговоры об ужасах рабства его не устраивали.

Но к братству Шевченко относился с уважением, и с Костомаровым он весьма сблизился и полюбил его.

Весною 1847 года киевский студент Петров, случайно вошедший в Кирилло-Мефодиевское братство, подал губернатору донос о существовании тайного общества.

В своем доносе студент сообщил, что «члены общества закупают народный бунт и произносят дерзкие слова против государя...»

10. АРЕСТ И ССЫЛКА

И вот заработало знаменитое III Отделение.

Начальник III Отделения генерал Дубельт отдал распоряжение об аресте всех членов крамольной организации.

В Киеве начались аресты. Среди бумаг одного из членов братства были обнаружены стихи Шевченко. По словам полиции, стихи были «исполнены ненависти к правительству». В них говорилось о страданиях, о пролитой крови, цепях, кнуте, о Сибири и прочее.

Шевченко в это время был в Черниговской губернии. Он собирался в Киев, куда был приглашен на свадьбу к Костомарову.

Полиция стала следить за ним. И Шевченко был арестован по приезду в Киев.

Тотчас он был под конвоем отправлен в Петербург. Шеф корпуса жандармов граф Орлов лично следил за ходом следствия.

Но донос явно преувеличивал значение заговора. Казалось бы, что ничего угрожающего для государства не было в программе братства. «Уничтожение религиозной розни между славянскими племенами», «насаждение грамотности», «союз славянских государств под скипетром царя...» По мысли графа Орлова, это был «бред молодых людей».

Конечно, братство еще требовало уничтожения крепостного права, но не путем восстания.

Граф Орлов весьма милостиво отнесся к членам тайного общества.

В докладах Николаю I граф писал, что в мыслях братства не было «ни народных потрясений, ни переобразования законной власти в России».

Для пользы же дела и чтоб и другим неповадно было устраивать тайные общества, двух руководителей братства приговорили к четырем годам крепости.

Но дело о Шевченко выделено было в особое дело, тем более, что он фактически не состоял в членах братства.

Полиция тотчас поняла, кто является наиболее опасным для правительства.

Помимо стихов «возмутительного характера», в бумагах Шевченко найдены были карикатуры на царских особ.

Началось следствие над Шевченко, но не как над членом общества, а как над поэтом, призывающим народ к революции.

Если другие члены братства склонили свои головы перед Николаем I, то этого не случилось с Шевченко.

Его спросили:

«Какими случаями доведены вы были до такой наглости, что писали самые дерзкие стихи против государя императора, столь нежно поступившего при выкупе вас из крепостного состояния?»

Шевченко ответил:

«Будучи еще в Петербурге, я слышал везде дерзости и порицания на государя и правительство. Возвратясь в Малороссию, я услышал еще более... Я увидел нищету и ужасное угнетение крестьян помещиками... Все это делалось и делается именем государя и правительства...»

Это уже был не верноподданнический ответ члена братства, это был ответ революционера и «опасного государственного преступника».

Во время всего следствия Шевченко вел себя удивительно спокойно, мужественно и с чувством большого достоинства, что еще больше озлобило III Отделение.

Некоторые ответы, сказанные на следствии, показывают, что Шевченко несколько даже иронизировал над своими судьями.

Шевченко спросили:

«Почему ваши стихи нравятся вашим друзьям, когда они лишены истинного ума и всякой изящности? Не за дерзости ли и возмутительные мысли?»

Шевченко ответил с явной насмешкой:

«Стихи мои нравятся, может быть, потому только, что они написаны по-малороссийски».

Два месяца тянулось это следствие. И наконец было признано, что Шевченко «действовал отдельно, увлекаясь собственной испорченностью».

Он был приговорен к ссылке без срока. Он был отдан в распоряжение военного ведомства, с тем чтобы его определили в солдаты в какое-либо отдаленное место.

На приговоре Николай I собственноручно «изволил начертать»: «Под строжайший надзор с запрещением писать и рисовать».

Одним росчерком царского пера Николай I заканчивал литературную деятельность поэта.

Тотчас Шевченко под присмотром фельдъегеря был отправлен в Оренбург и оттуда в Орскую крепость.

И вот потянулась скорбная жизнь ссылке поэта. Смердная казарма, бессмысленная шагистика, свист розог и всякого рода унижения — вот из чего состояла жизнь николаевского солдата.

Казармы закрывались в девять часов вечера, и Шевченко, обессиленный от военных упражнений, без мыслей и чувств, ложился на нары. Даже если бы он имел право писать и рисовать, — он здесь этого не мог бы делать. Особенно тяжелы были первые месяцы, когда начальство проявляло усиленное рвение сделать из Шевченко бравого солдата.

«Все прежние мои страдания, — писал Шевченко из ссылки, — в сравнении с настоящим были детские слезы».

Тут, в крепости, были грубые и пьяные солдаты, пьяные, потерявшие всякую честь офицеры, ссыльные дворяне и всякого рода проходимцы.

Впоследствии в своем дневнике Шевченко писал:

«Я и не воображал о существовании таких гнусных исчадий нашего общества».

Первые месяцы ссылки были тем более ужасны, что поэт был отрезан от всего мира. И в столице и на Украине запрещалось произносить его имя. Никто не смел и думать о переписке с Шевченко.

Связь с «государственным злодеем» почиталась немаловажным преступлением. За это можно было легко пострадать. Это было небезопасно.

Шевченко не знал об этом. Он думал, что все друзья отвернулись от него. И от этого он страдал еще больше.

Но вот стали приходиться первые письма с Украины и из Петербурга. И с каждым письмом в Шевченко как бы вливалась

жизнь. Все показалось не так уж безнадежно, не так омерзительно.

Снова у Шевченко возникло непреодолимое желание писать или рисовать. Но жестокое запрещение царя было слишком категорическим.

Тем не менее Шевченко послал прошение шефу жандармов о дозволении ему рисовать пейзажи. Но дозволения не последовало.

Тогда Шевченко стал писать тайком. Он сшил себе маленькую тетрадь и носил ее за голенищем.

Шевченко писал:

И вот опять пришлось таиться
Под старость с музою своей.
В бурьяне спрятаться и плакать,
Скрывая думы от людей.

Проходили томительные дни. Непривычный климат действовал на Шевченко удручающе. Он с тоской вспоминал о своей милой Украине. Он писал, глядя на унылые оренбургские степи:

И там степи, и тут степи,
Да тут не такие —
Ржавы, ржавы, даже красны,
А там голубые...

Шевченко стал болеть. Он сначала заболел цингой. Потом ревматизмом. Ему позволили жить на частной квартире. Но он слишком уж рьяно воспользовался своей свободой, — он стал не таясь писать и рисовать пейзажи. И поэтому его снова водворили в казарму.

Между тем друзья, несмотря на всякие строгости, старались облегчить участь Шевченко. Ему стали посылать книги и посылки.

Весной следующего (1848) года Шевченко, стараниями друзей, был назначен в экспедицию, которая отправлялась в Аральское море. Он зачислен был в эту экспедицию в качестве художника для зарисовки берегов.

Это было исключительно трудное путешествие — сначала по знойной, безводной пустыне, потом на шкуне по малоисследованному Аральскому морю. Но все же это была значительная перемена в жизни Шевченко. Тут уже не было смрадной казармы, тягостной муштры, пьяного ротного командира и того томительного однообразия жизни, которое так страшило поэта в Орской крепости.

Больше того, тут, в экспедиции, Шевченко был художником. И с чувством огромной радости он принялся за свое любимое дело.

За этот период жизни Шевченко сделал замечательные работы акварелью и карандашом. Кроме того, он написал значительное количество стихов, в которых остался верен самому себе, — они полны ненависти к царской власти и к угнетателям народа.

11. РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА

Осенью 1849 года экспедиция по обследованию Аральского моря закончилась, и Шевченко был отправлен в Оренбург для отделки «живописных видов», что было невозможно сделать в море.

В Оренбурге Шевченко прожил полгода. И это был до некоторой степени светлый период его жизни в ссылке.

Начальник края генерал Обручев терпимо отнесся к ссыльному солдату. Он даже пообещал походатайствовать о представлении его в унтер-офицеры. Ему понравились художественные работы Шевченко. Конечно, это было нарушение приговора, но он снисходительно отнесся даже к тому, что Шевченко писал портрет с его жены.

После тюрьмы и казармы Шевченко мог теперь отдохнуть. Он жил в отличном доме у адъютанта генерала Обручева. С этим адъютантом Шевченко весьма сблизился и даже подружился. Шевченко подружился также с группой польских изгнанников.

Друзья и работа скрашивали жизнь поэта. Но тоска его была велика. Будущее было темно. Молодость проходила. Шевченко писал в Оренбурге:

Три года грустно протекли...
Украдкой схоронило море
Мои — не злато-серебро —

Мои лета, мое добро,
Мою тоску, мои печали —
Все, что в незримые скрижали
Внесло незримое перо...

Но с ним оставалась его поэзия, его творчество. И это придавало ему силу жить. Шевченко писал:

И пусть же будет то, что будет.
Не перестану я писать,
Хотя б за это присудили
Меня распятию предать!

В своих стихах Шевченко был по-прежнему мужественным и бесстрашным борцом за те идеи, которые привели его сюда.

Шевченко писал:

Может, сам на небеси
Смеешься, батюшка, над нами
И держишь свой совет с панами,
Как править миром...
Сдается мне, тебя, владыку,
Давно уж люди прокляли...

Однако сносная жизнь поэта была вскоре нарушена. Прапорщик оренбургского гарнизона Исаев, повздорив с Шевченко, написал донос на имя генерала Обручева.

В доносе прапорщик указал, что Шевченко, вопреки царскому приказу, пишет и рисует и ходит по улицам в штатском платье.

Генерал Обручев, получив донос, струсил. Он подумал, что прапорщик, чего доброго, пошлет или уже послал такой же донос в III Отделение.

Виновником же поблажек ссыльному отчасти был сам Обручев. И, стало быть, своей головой он должен был отвечать за все.

Надо было действовать, чтобы спасти свою шкуру.

Генерал отдал распоряжение арестовать Шевченко и произвести у него обыск. Генерал надеялся найти у Шевченко что-либо предосудительное.

Однако приказ об аресте дан был адъютанту, который находился в приятельских отношениях с Шевченко. И адъютант успел предупредить поэта об обыске.

Шевченко вместе с друзьями успел уничтожить то, что его могло скомпрометировать. Однако поэт не захотел уничтожить все. Письма друзей и некоторые рисунки Шевченко оставил. Он сказал своим друзьям, что надо кое-что оставить для инквизиторов, а то они подумают, что добрые люди и знать его не хотят.

В общем, в руки полиции попались два альбома с рисунками, несколько стихотворений и пачка писем.

Приложив вещественные доказательства к своему заявлению, генерал Обручев тотчас направил дело о ссыльном поэте в III Отделение. Тем самым он застраховался на случай доноса прапорщика.

Шевченко же посадили на гауптвахту и оттуда отправили в Орскую крепость и там заключили в тюрьму.

И вот началось следствие над ссыльным солдатом, посмевшим писать и рисовать вопреки царскому распоряжению.

Снова заработало III Отделение. Снова граф Орлов доложил государю о случившемся. Снова началось следствие.

Несколько месяцев поэт сидел в Орской тюрьме в ужасных условиях, без всякой надежды на то, что к нему отнесутся снисходительно.

Но вот следствие закончилось. Последовала высочайшая резолюция: «Отправить Шевченко в места еще более отдаленные, в Новопетровское укрепление, и там держать его под строжайшим надзором, без права переписки и тем более без права писать и рисовать».

Ближайшее начальство Шевченко получило строгий выговор. Что касается генерала Обручева, то он вышел сухим из воды.

И вот Шевченко выпущен из тюрьмы. На лодке из города Гурьева его везут по Каспийскому морю в Новопетровское укрепление (Александровский форт).

Это место пустынное и дикое. За укреплением — безграничные выжженные солнцем степи. Полное отсутствие растительности. Восточные азиатские ветры. И неприветливое Каспийское море.

Само укрепление было только недавно основано. Там было всего две роты солдат, несколько офицеров, врач и священник.

И вот здесь провел Шевченко более семи лет. Первый год ссылки был особенно ужасен. Ротный командир, в лапы которого попал Шевченко, был грубый, бессердечный, некультурный и придиричивый человек. Он, казалось, задался целью истребить поэта всеми законными средствами.

Он делал неожиданные обыски, когда Шевченко выходил из казармы. Он стаскивал с него сапоги и шарил по карманам, надеясь найти клочок бумаги или карандаш. Он кричал и подтягивал Шевченко, обещая его пороть в случае малейшего нарушения службы.

Он заставлял Шевченко целыми днями маршировать и делать ружейные приемы. Посылал его на тяжелые фортовые работы. И ни на шаг не выпускал из казармы без надзора.

Шевченко казалось, что жизнь его закончена. Друзья, которые писали ему раньше, перестали писать. Шевченко не знал, что полиция запретила им переписку.

Шевченко наиболее тяготило полнейшее одиночество. Ему не с кем было сказать слово. Солдаты чуждались его, вернее — им не очень-то позволяли «поддерживать связь» с рядовым из политических преступников.

Мы не можем себе представить всей той тяжести, которую нес ссыльный поэт в первые годы своей жизни в Ново-петровском форте.

С каждым месяцем ротный командир все более зверел и все более «цукал» поэта.

Но вот неожиданно произошла перемена.

В 1853 году умер комендант форта, и на его место прислан был новый комендант, некто И. Усков.

Это был, как писал Шевченко в своем дневнике, «человек порядочный и семейный».

Этот комендант и его жена постарались улучшить тяжелую жизнь Шевченко.

Уже через несколько месяцев после назначения Ускова поэт мог приняться за литературную работу. Он стал писать прозу.

У него снова началась переписка с друзьями. Он снова просветлел. И снова появились у него надежды.

Семья Ускова полюбила Шевченко. Он стал у них бывать как знакомый. Он с нежностью нянчил их детей. Сам комендант Усков подал рапорт начальнику края с просьбой разрешить Шевченко написать красками запрестольный образ «для благолепия местного храма».

Однако разрешение получено не было.

Но вот в 1855 году умер Николай I.

Поэт ждал каких-нибудь перемен в своей участи. Но перемен не последовало.

12. ВОЗВРАЩЕНИЕ

Снова проходили долгие месяцы и годы, — Шевченко оставался в ссылке.

Петербургские друзья старались сделать все возможное для освобождения его от солдатчины. И наконец, спустя два года после смерти Николая I, Шевченко был амнистирован.

Осенью 1857 года Шевченко покинул место ссылки.

Его радость была велика. Но чувство тоски не покидало его.

Семь лет назад его доставили на лодке в Новопетровский форт. И тогда он был молод и бодр. Сейчас та же лодка увозила на вольный берег седого, угрюмого старика. Он не был стар, ему было всего сорок четыре года, но он казался стариком, разбитым, с потухшим взглядом.

Однако его сердце вновь ожило, и он вновь почувствовал прилив огромной энергии и радости жизни, когда наконец он приехал в Астрахань.

Здесь друзья и земляки встретили его с таким участием и с такой теплотой, что все недавние беды были почти позабыты. Он снова встретил людей, искренно его любящих, почитающих его ум, его поэтический талант, его замечательное сердце, его волю революционера и борца за освобождение трудящегося народа.

Из Астрахани Шевченко отправился на пароходе в Саратов и в Казань. И наконец приехал в Нижний.

Неожиданно возникли препятствия к дальнейшему пути Шевченко, — полиция запретила ему въезд в Москву и в Петербург.

И здесь, в Нижнем, Шевченко пришлось задержаться на полгода.

Здесь, как и в Астрахани, Шевченко встретили необычайно тепло и взволнованно. Читатели и друзья постарались окружить его вниманием и заботой. Всюду его встречали так сердечно и с таким высоким почитанием, что Шевченко был потрясен.

Теперь ему казалось, что недаром прошла его молодость. То искусство и те мысли, за которые он так тяжело расплатился, были нужны и полезны народу. За это можно не пожалеть своей жизни.

Снова у Шевченко появилось непреодолимое желание заниматься искусством, писать стихи.

Он вновь принялся за стихи, за которые почти не брался в Новопетровском укреплении.

Шевченко только что вернулся из ссылки. Он только что почувствовал радость свободы. Казалось бы естественным, если б он теперь писал более осторожно и более сдержанно. Но поэт по-прежнему оставался в своих стихах тем непреклонным человеком, тем политическим борцом, каким он был всегда.

В своих стихах, написанных в Нижнем Новгороде, он прославляет декабристов и с прежней ненавистью пишет о Николае:

Безбожный царь, зачинщик зла,
Гонитель правды презестокий,
Что натворил ты на земле!

Стало быть, ни тюрьма, ни ссылка, ни унижения ничего не смогли сделать с поэтом. Он оставался таким же, как был, сыном своего народа — мощным, неподкупным и мужественным. Идея его была выше его жизни, выше его личного счастья и спокойствия.

Между тем физическое его здоровье было совершенно неудовлетворительно. Он перенес в ссылке жестокий ревматизм, который в значительной степени испортил его сердце.

Физически Шевченко был изломан тюрьмой и лишениями. Тем более удивительно было видеть в нем его прежнюю нравственную силу.

Теперь, вернувшись из ссылки, Шевченко более всего страшился одиночества. Из всех лишений в ссылке — одиночество было для него наиболее тягостным.

Он пришел к мысли, что ему следует жениться, что это избавит его от тоски, от дурных нервов и от страха одиночества.

Ему понравилась одна актриса. Это была совсем еще молоденькая девушка. Ей было всего лишь шестнадцать лет*. Она почтительно и робко смотрела на знаменитого поэта.

Разница в годах была слишком значительная. Тем не менее Шевченко сделал ей предложение.

Шевченко не был женат. Женщины играли роль в его жизни, но эта роль не была сколько-нибудь значительна. Вернее, женщины ни в какой степени не изменили его жизни поэта и общественного деятеля. Вот почему мы говорим о незначительности роли женщины в его судьбе.

Мы даже не сочли возможным, говоря о жизни Шевченко, всякий раз останавливаться на каком-либо его личном отношении к той или иной женщине.

* В прошлом столетии этот возраст считался достаточно зрелым.

Между тем Шевченко не раз увлекался и не раз был влюблен. Как сказал про себя поэт Блок: «И был я в розовых цепях у женщин много раз».

Шевченко много раз был «в розовых цепях». И, нет сомнения, это благотворно влияло на его поэзию.

В своем дневнике, написанном в последние годы его жизни, Шевченко вспоминает об одной девушке. Он ее любил, когда ему было семнадцать лет. Он тогда был в Вильно казачком у помещика Энгельгардта. Он хотел на ней жениться, но брак не состоялся, потому что он был крепостной раб. А она была свободная девушка. Шевченко на склоне своей жизни увидел ее во сне и записал об этом в дневнике. Это показывает, как сильно было его чувство.

Биографы приводят несколько случаев, когда Шевченко был увлечен и собирался жениться. Известен случай, когда Шевченко полюбил подругу своего приятеля, художника Сошенко. И та ушла к нему. Это послужило причиной ссоры между друзьями. Между тем любовь к этой девушке была не продолжительной.

Но нам кажется наиболее характерным первое чувство Шевченко. Первые впечатления всегда бывают наиболее ярки и наиболее показательны.

В одном из своих стихотворений Шевченко пишет о том, как он пас коров и как ему однажды сделалось невероятно тоскливо, и о том, как его маленькая подруга, увидев его горе, поцеловала его.

Шевченко пишет, какое нежное и глубокое чувство тогда возникло у него, двенадцатилетнего мальчика:

Как будто солнце засияло,
Как будто все на свете —
Поля, леса, сады — стали моими...

Это показывает, какое удивительно сильное чувство он мог испытывать, каким глубоким могло быть влияние женщины на Шевченко.

Но этого не случилось. Нет сомнения, что внешние причины (рабство, тюрьма, лишения) были велики, но помимо этого тут, вероятно, были и внутренние причины, нам неизвестные, какой-то, может быть, душевный конфликт или предубеждение.

Итак, сорокачетырехлетний Шевченко сделал предложение молоденькой актрисе, которую он полюбил.

Но девушка была слишком молода. Она дрожала от страха, когда поэт заговаривал с ней о своем чувстве. Родители были против. И брак не состоялся.

Это дурно повлияло на Шевченко. Он был мрачен, и к нему все чаще приходили мысли об ушедшей молодости.

Он уехал в Петербург, куда наконец полиция разрешила ему въезд.

В Петербурге Шевченко позабыл о своем сердечном горе.

Снова близкие друзья, снова пламенные почитатели, снова прекрасный город, в котором Шевченко провел свои молодые годы, — все это отвлекло его от мрачных мыслей.

Но шум и почести не доставляли Шевченко удовлетворения. Он уже старался избегать новых знакомств, стал бояться, что сделается «модной фигурой» в Петербурге.

Но он не мог избежать славословий. Он теперь был очень популярен, и слава его была велика.

13. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ

Шевченко приехал в Петербург весной 1858 года. И тут суждено было прожить ему всего лишь три года. В марте 1861 года он умер.

Он приехал в Петербург с разрушенным здоровьем. Тюрьма, тяжкие годы ссылки, болезни, перенесенные там, сделали свое черное дело, — богатырская натура Шевченко начинала сдавать. Но дух его был необычайно бодр. Он чувствовал себя сильным и даже, по временам, счастливым. Тут у него были друзья, искренне и сердечно его любящие.

С радостью он снова приступил к работе.

Уже через месяц после приезда в Петербург он начал хлопотать в цензурном комитете о разрешении выпустить новое издание «Кобзаря». Но это разрешение получить было не так просто. Имя Шевченко звучало слишком грозно для правительственных учреждений.

Шевченко озаглавил свою книгу «Поэзия Т. Ш.». Но и эта предосторожность не ускорила издания.

Более чем через полгода Шевченко получил наконец разрешение печатать свои стихи. И то цензор наложил на них

свою руку и, как пишет Шевченко, «так покрестил их, что я едва узнал своих детей».

Шевченко не позабыл и о своем другом деле — он стал работать в живописи и в гравюре.

Все, казалось бы, складывалось хорошо, но, если так можно сказать, в душе Шевченко было что-то сломано. У него уже не было того душевного равновесия, которое необходимо для искусства.

И. С. Тургенев в своих воспоминаниях пишет о Шевченко, что «он вернулся в Петербург с запасом горечи на дне души». И это было так.

Но эта горечь в меньшей степени относилась к его личной жизни. Эта горечь была велика, потому что его братья и сестры оставались крепостными, потому что оставались закабаленными «мужики», потому что в России был ненавистный ему царский строй и потому что нельзя было тотчас это изменить и поправить.

Эта горечь убийственно действовала на здоровье Шевченко. Он снова не находил себе покоя, снова метался от дела к делу.

Он поехал на Украину, где не был более двенадцати лет. И там, на родине, снова увидел то, что всегда приводило его в содрогание. Он снова увидел адский труд, бедность, слезы, снова увидел почерневшие соломенные крыши нищих крестьян.

Вот что наиболее всего было причиной его сердечной тоски.

В общем, поездка на родину не успокоила Шевченко. Поездка еще более взволновала его. Раны снова раскрылись. С чувством болезненной тоски Шевченко писал:

Где скрыться мне?
Кругом Пилаты распинают,
Морозят, жарят, припекают
Людей на медленном огне.

Между тем полиция зорко следила за каждым шагом Шевченко на Украине. Полиции стало известно, что на одном из диспутов Шевченко «богохульствовал и говорил, что не нужно ни царя, ни панов, ни попов».

Шевченко был арестован. Начались следствие и допросы.

Но обвинение было недостаточно основательным для создания крупного дела. Шевченко был освобожден, так как гуманному губернатору Васильчикову показалось, что полиция арестовала его «из желания выслужиться за счет ближнего».

В данном случае губернатор ошибся. Но все же он был хороший психолог и отлично, видимо, знал нравы полиции. «Из желания выслужиться за счет ближнего» — не такое уж было редкое явление в полицейском ведомстве.

С чувством еще большей горечи Шевченко вернулся в Петербург. Теперь Шевченко казалось, что он слишком мало сделал для народа, что он не помог народу, что его жизнь проходит бесцельно.

С огромным чувством ненависти он писал, обращаясь к богу, в которого не верил:

Царей, кровавых шинкарей,
В оковы крепкие закуй,
В глубоком склепе замуруй.

Рабочим людям, всеблагий,
На их обкраденной земле
Свою ты силу ниспошли.

В Петербурге Шевченко стал знакомиться с русскими революционерами, стал налаживать связи с представителями русской демократии. В частности, он познакомился с Чернышевским, Добролюбовым, Курочкиным.

Шевченко полностью разделял взгляды Чернышевского, который считал, что никакие царские реформы не избавят народ от гнета помещиков, — нужна борьба, нужен топор, который разрубит узел.

Иной раз Шевченко казалось, что его борьба за раскрепощение народа ничего не сделала и никому не помогла. Но это было совершенно не так. Тайный кружок Петрашевского распространял стихи Шевченко с агитационной целью. Стихи Шевченко с огромной силой действовали на читателя. Поэт и революционер вел за собой народные полки и выигрывал сражения, казалось бы, в неравной борьбе с царским правительством. Но эти победы не были еще ощутимы. И чувство горечи у поэта возрастало.

Ему теперь казалось, что его жизнь закончена, молодость прошла. Может быть, следовало бы уехать куда-нибудь на берег Днепра и там, в тишине, скоротать свою жизнь.

Шевченко просил своего «названного» брата Варфоломея Шевченко купить ему клочок земли на берегу Днепра, с тем чтобы построить там хату. Шевченко просил брата посватать ему одну крепостную девушку Харитину, которая ему приглянулась, когда он был в последний раз на Украине.

Варфоломей уговаривал Шевченко жениться на панночке, а не на крепостной. Но Шевченко ему ответил:

«Я по плоти и по духу сын и родной брат нашего народа, — так как же я могу соединиться с панами кровью».

Брат Варфоломей не смог сосватать ему Харитину. Почти год тянулось его сватовство, и девушка наконец ответила Варфоломею, что она «еще не думает выходить замуж, и тем более за лысого и седоусого».

Между тем клочок земли был найден. Но покупка откладывалась — продавец не очень-то желал иметь Шевченко своим соседом.

И вот выходило, что сватовство и покупка земли не могли состояться.

Тогда в Петербурге Шевченко сделал предложение другой девушке, тоже крепостной, горничной из одного дворянского дома. Эта девушка Лукерья согласилась пойти за Шевченко. Но Шевченко поссорился с ней, узнав, что она хотела пойти за него по расчету.

В общем, и эта женитьба расстроилась. Но и тут мужественное сердце поэта не было разбито. Он лихорадочно

принялся за работу. Он задумал издать все свои сочинения. И, кроме того, он взялся за новую работу — он стал составлять учебники и буквари для народа.

Он пришел к мысли, что народу прежде всего надо быть грамотным и культурным, для того чтобы сбросить с себя иго помещиков и царя.

Шевченко составил букварь на украинском языке и принялся за составление учебника арифметики.

Букварь вышел. И Шевченко стал рассылать его по сельским школам. Но тут встретились препятствия. Власти без удовольствия смотрели на эту новую затею поэта. И его буквари не всюду проникли в сельские школы.

14. СМЕРТЬ ТАРАСА ШЕВЧЕНКО

К осени 1860 года здоровье Шевченко крайне ухудшилось. Перенесенный в ссылке ревматизм испортил его сердце. Начиналась водянка.

Врачи уложили больного в постель. И потребовали, чтобы он был спокоен. Но этого спокойствия у Шевченко не было.

Со дня на день Шевченко ожидал манифеста о раскрепощении крестьян. Но манифест все еще не появлялся.

Два месяца Шевченко безвыходно сидел дома. Но он продолжал работать до последних дней.

Болезнь между тем приняла угрожающие формы. Один из врачей сказал: «Вода бросилась в легкие и затопила все надежды».

В шесть часов утра 9 марта (26 февраля) 1861 года Шевченко, спустившись в свою мастерскую, упал на пороге и, не приходя в сознание, умер.

Умер замечательный народный поэт.

В своем завещании (1846 год) он написал:

Как умру — похороните
На Украине милой...
Схороните и восстаньте,
Цепи разорвите,
Злою вражескою кровью
Волю окропите.
И меня в семье великой,
В братстве вольном, новом
Помянуть не позабудьте
Добрым, тихим словом...

Тело Тараса Шевченко перевезли на Украину. И похоронили на правом берегу Днепра, возле Канева.

На смерть Шевченко поэт Некрасов писал:

Не предавайтесь особой унылости:
Случай предвиденный, даже желательный, —
Так погибает, по божьей по милости,
Русской земли человек замечательный,

Слова Некрасова — «случай желательный» — следует понимать в том смысле, что для такого человека, как Шевчен-

ко, в России готовились более страшные вещи, чем смерть, — тюрьма и каторга.

Так и оказалось. После смерти Шевченко возникло дело о заговоре против помещиков. Будущий сосед Шевченко (у которого покупалась земля) послал донос в полицию на поэта и на его последователей.

Несколько месяцев шло следствие, и, если б Шевченко не умер, он снова был бы в тюрьме и в ссылке. Вот почему так звучат горькие слова Некрасова: «Случай предвиденный, даже желательный».

**Рассказы для детей
(1937–1945)**

УМНЫЕ ЖИВОТНЫЕ

Говорят, что слоны и обезьяны очень умные животные. Но и другие животные тоже не дураки. Вот, посмотрите, каких умных животных я видел.

1. Умный гусь

Один гусь гулял во дворе и нашел сухую корку хлеба.

Вот гусь стал клювом долбить эту корку, чтоб ее разломать и съесть. Но корка была очень сухая. И гусь никак не мог ее разломать. А сразу проглотить всю корку гусь не решился, потому что это, наверно, бесполезно было для гусиного здоровья.

Тогда я хотел разломать эту корку, чтоб гусю легче было кушать. Но гусь не позволил мне дотронуться до своей корки. Наверно, он подумал, что я сам хочу ее съесть.

Тогда я отошел в сторонку и смотрю, что будет дальше.

Вдруг гусь берет клювом эту корку и идет к луже.

Он кладет эту корку в лужу. Корка делается в воде мягкая. И тогда гусь с удовольствием ее кушает.

Это был умный гусь. Но то, что он не дал мне разломать корку, показывает, что он был не такой уж особенно умный. Не то чтобы дурак, но немножко он все-таки отставал в своем умственном развитии.

2. Умная кура

Одна кура гуляла во дворе с цыплятами. У нее девять маленьких цыплят.

Вдруг откуда-то прибежала лохматая собака.

Эта собака подкралась к цыплятам и схватила одного.

Тут все другие цыплята испугались и бросились врассыпную.

Кура тоже сначала очень сильно испугалась и побежала. Но потом смотрит — какой скандал: собака держит в зубах ее маленького цыпленка. И наверно, мечтает его съесть.

Тогда кура смело подбежала к собаке. Она немножко подскочила и больно клюнула собаку в самый глаз. Собака от удивления даже рот раскрыла. И цыпленка выпустила. И тот сразу поскорей убежал. А собака посмотрела, кто ее клюнул в глаз. И, увидя куру, рассердилась и бросилась на нее. Но тут подбежал хозяин, схватил собаку за ошейник и увел ее с собой.

А кура как ни в чем не бывало собрала всех своих цыплят, пересчитала их и снова стала прогуливаться по двору.

Это была очень умная кура.

3. Глупый вор и умный поросенок

На даче у нашего хозяина был поросенок. И хозяин на ночь закрывал этого поросенка в сарай, чтоб его никто не украл.

Но один вор захотел все-таки украсть эту свинку.

Он ночью сломал замок и пробрался в сарай.

А поросята всегда очень сильно визжат, когда их берут в руки. Поэтому вор захватил с собой одеяло.

И как только поросенок хотел завизжать, вор быстро завернул его в одеяло и тихонько вышел с ним из сарая.

Вот поросенок визжит и барахтается в одеяле. Но его крики хозяева не слышат, потому что это было толстое одеяло. И вор очень крепко завернул поросенка.

Вдруг вор чувствует, что поросенок не двигается больше в одеяле. И он кричать перестал. И лежит без всякого движения.

Вор думает:

«Может быть, я очень сильно закрутил его одеялом. И, может быть, бедненький поросенок там задохся».

Вор развернул поскорей одеяло, чтоб посмотреть, что с поросенком, а поросенок как выпрыгнет у него из рук, как завизжит, как бросится в сторону.

Тут хозяева прибежали. Схватили вора.

Вор говорит:

— Ах, какая свинья этот хитрый поросенок. Наверное, он нарочно притворился мертвым, чтоб я его выпустил. Или, может быть, он от страха упал в обморок.

Хозяин говорит вору:

— Нет, мой поросенок в обморок не падал, а это он нарочно притворился мертвым, чтобы вы развязали одеяло. Это очень умный поросенок, благодаря которому мы поймали вора.

4. *Очень умная лошадь*

Кроме гуся, куры и поросенка, я видел еще очень много умных животных. И об этом я потом вам расскажу.

А пока надо сказать несколько слов об умных лошадях.

Собаки едят вареное мясо. Кошки пьют молоко и едят птичек. Коровы кушают траву. Быки тоже жрут траву и бодают людей. Тигры, эти нахальные животные, питаются сырым мясом. Обезьяны кушают орешки и яблоки. Куры клюют крошки и разный мусор.

А скажите, пожалуйста, что кушает лошадь?

Лошадь кушает такую полезную еду, которую дети кушают.

Лошади кушают овес. А овес — это и есть овсянка и геркулес. А овсянку и геркулес дети кушают и благодаря этому бывают сильные, здоровые и смелые.

Нет, лошади не дураки, что они кушают овес.

Лошади очень умные животные, потому что они едят такое полезное детское блюдо. Вдобавок лошади любят сахар, это тоже показывает, что они не дураки.

5. *Умная птичка*

Один мальчик гулял в лесу и нашел гнездышко. А в гнездышке сидели малюсенькие голенькие птенчики. И они пищали. Они, наверно, ждали, когда их мамаша прилетит и покормит их червячками и мушками.

Вот мальчик обрадовался, что нашел таких славных птенчиков, и хотел взять одного, чтоб принести его домой.

Только он протянул к птенчикам свою руку, как вдруг с дерева как камень упала к его ногам какая-то пернатая птичка.

Она упала и лежит в траве.

Мальчик хотел схватить эту птичку, но она немножко попрыгала, попрыгала по земле и отбежала в сторону.

Тогда мальчик побежал за ней. «Наверно, — думает, — эта птичка ушибла себе крыло, и поэтому она летать не может».

Только мальчик подошел к этой птичке, а она снова прыг, прыг по земле и снова немножко отбежала.

Мальчик опять за ней. Птичка немножко подлетела и снова села в траву.

Тогда мальчик снял свою шапку и хотел этой шапкой накрыть птичку.

Только он подбежал к ней, а она вдруг вспорхнула и улетела.

Мальчик прямо рассердился на эту птичку. И пошел скорей назад, чтобы взять себе хоть одного птенчика.

И вдруг мальчик видит, что он потерял то место, где было гнездышко, и никак не может его найти.

Тогда мальчик понял, что эта птичка нарочно упала с дерева и нарочно бегала по земле, чтоб подальше увести мальчика от своего гнездышка.

Так мальчик и не нашел птенчиков.

Он собрал немножко лесной земляники, покушал ее и пошел домой.

6. Умная собака

У меня была большая собака. Ее звали Джим.

Это была очень дорогая собака. Она стоила триста рублей.

А летом, когда я жил на даче, какие-то воры украли у меня эту собаку. Они приманили ее мясом и увели ее с собой.

Вот я искал, искал эту собаку и нигде ее не нашел.

И вот я однажды приехал в город на свою городскую квартиру. И сижу там, горюю, что у меня пропала такая дивная собака.

Вдруг слышу, кто-то на лестнице позвонил.

Я открываю дверь. И можете себе представить — передо мной на площадке сидит моя собака.

И какой-то верхний жилец мне говорит:

— Ах, какая у вас умная собака — она сама сейчас позвонила. Она мордой ткнулась в электрический звонок и позвонила, чтоб вы ей открыли дверь.

Это очень жаль, что собаки не умеют говорить. А то бы она рассказала, кто ее украл и как она попала в город. Наверно воры привезли ее на поезде в Ленинград и там хотели ее продать. А она от них убежала и, наверно, долго бегала по улицам, пока не нашла свой знакомый дом, где она жила зимой.

Тут она поднялась по лестнице в четвертый этаж. Полежала у наших дверей. Потом видит, что ей никто не открывает, взяла и позвонила.

Ах, я очень обрадовался, что нашлась моя собака, поцеловал ее и купил ей большой кусок мяса.

7. Сравнительно умная кошка

Одна хозяйка уехала по делам и забыла, что у нее на кухне осталась кошка.

А у кошки были три котенка, которых надо было все время кормить.

Вот наша кошка проголодалась и стала искать, что бы ей такое покушать.

А на кухне никакой еды не было.

Тогда кошка вышла в коридор. Но и в коридоре она тоже ничего хорошего не нашла.

Тогда кошка подошла к одной комнате и чувствует через дверь, что там чем-то приятным пахнет. И вот кошка лапкой стала открывать эту дверь.

А в этой комнате жила одна тетка, которая ужасно боялась воров.

И вот сидит эта тетка у окна, кушает пирожки и дрожит от страха. И вдруг видит, что дверь в ее комнату тихонько открывается.

Тетка, испугавшись, говорит:

— Ой, кто там?

Но никто не отвечает.

Тетка подумала, что это воры, открыла окно и выпрыгнула во двор. И хорошо, что она, дура, жила в первом этаже, а то бы небось она сломала себе ногу или что-нибудь. А тут она только немножко ушиблась и расквасила себе нос.

Вот тетка побежала звать дворника, а наша кошка тем временем открыла лапкой дверь, нашла на окне четыре

пирожка, слопала их и снова пошла на кухню к своим котяткам.

Вот приходит дворник с теткой. И видит — никого в квартире нет.

Дворник рассердился на тетку, — зачем она его зря звала, выругал ее и ушел.

А тетка села у окна и снова хотела заняться пирожками. И вдруг видит: никаких пирожков нет.

Тетка подумала, что это она сама их съела и от страха позабыла. И тогда она голодная легла спать.

А утром приехала хозяйка и стала аккуратно кормить кошку.

8. *Очень умные обезьянки*

Очень интересный случай был в зоологическом саду.

Один человек стал дразнить обезьянок, которые сидели в клетке.

Он нарочно вытащил из кармана конфетку и протянул ее одной обезьянке. Та хотела взять, а человек ей не дал и снова спрятал конфетку.

Потом он опять протянул конфетку и опять не дал. Да еще вдобавок довольно сильно ударил обезьянку по лапке.

Вот обезьянка рассердилась — зачем ее ударили. Она высунула лапку из клетки и в один момент схватила шапку с головы этого человека.

И начала эту шапку мять, топтать и зубами рвать.

Вот человек стал кричать и звать сторожа. А в этот момент другая обезьянка схватила человека сзади за пиджак и не выпускает.

Тут человек поднял ужасный крик. Во-первых, он испугался, во-вторых, ему жалко шапку, а в-третьих, он боялся, что обезьяна разорвет его пиджак. А в-четвертых, ему надо было идти обедать, а тут его не пускают.

Вот он стал кричать, а третья обезьянка протянула свою мохнатую лапку из клетки и стала хватать его за волосы и за нос.

Тут человек до того испугался, что прямо завизжал от страха.

Прибежал сторож.

Сторож говорит:

— Скорей снимите с себя пиджак и отбегите в сторону, а то обезьянки поцарапают вам лицо или нос оторвут.

Вот человек расстегнул пиджак и моментально выскочил из него.

А обезьянка, которая держала его сзади, втянула пиджак в клетку и стала его рвать зубами. Сторож хочет от нее отобрать этот пиджак, а она не отдает. Но потом она нашла конфеты в кармане и стала их кушать.

Тут другие обезьянки, увидав конфеты, бросились к ним и тоже стали кушать.

Наконец сторож палкой вытащил из клетки ужасно рваную шапку и порванный пиджак и подал их человеку.

Сторож сказал ему:

— Вы сами виноваты, зачем дразнили обезьян. Еще скажите спасибо, что они вам нос не оторвали. А то так без носа и пошли бы обедать!

Вот человек надел на себя рваный пиджак и рваную и грязную шапку и в таком смешном виде под общий хохот людей пошел домой обедать.

ХИТРЫЕ И УМНЫЕ

Вот какие бывают мышки

Погналась кошка за маленькой мышкой. А маленькая мышка, не будь дура, решила спрятаться в бутылку.

Кошка хотела тоже как-нибудь в бутылку войти, чтобы догнать мышку. Но не могла туда пролезть. Потому что мышка маленькая. А кошка — вон какая!

Кошка говорит мышке:

— А ну-ка, мышка, вылезай из бутылки — я тебя сейчас съем.

Мышка говорит:

— Нет, не вылезу, мне и тут хорошо.

Кошка говорит:

— А вот я тебя сейчас лапкой достану.

Просунула кошка свою лапку в бутылку, но достать мышку не могла.

Тогда кошка думает:

«Пойду принесу какой-нибудь крючок и достану мышку».

Мышка говорит кошке:

— Уходи, уходи скорей, а то я тебя сейчас сама съем.

Вот кошка ушла. Вдруг приходят другие, большие мышки, ее родные старшие сестрички.

Мышки-сестрички говорят:

— Ну как, не съела тебя кошка?

Мышка говорит:

— Нет, я сама ее чуть не съела.

Вот одна старшая мышка села на бутылку и просунула туда свой длинный хвостик. А маленькая мышка, не будь дура, и ухватилась за этот хвостик. И мышки стали ее тащить.

Вот мышки-сестрички вытащили маленькую мышку из бутылки и побежали в свою норку. Мышка говорит:

— Мышки-сестрички, бежимте скорей, а то кошка опять идет.

Вдруг приходит кошка. И приносит с собой палку. На палке — веревка. На веревке — крючок. Хотела кошка достать мышку этим крючочком. Подошла к бутылке. А мышки уж нет. Кошка удивилась и думает:

«Вот какие бывают хитрые мышки!»

Попалась, которая кусалась

Одна полевая мышка пошла прогуляться со своими ребятками. У нее трое детишек. Самую маленькую она держит за лапку. Другая мышка, побольше, цветы собирает. А третья, средняя, мышка обруч катит.

Вот гуляют эти мышки, дышат хорошим воздухом, поправляются. И вдруг видят: на дереве висит огромная змея. И такая страшная змея, что ужас. Глаза у нее горят и пасть раскрыта. Ах, сейчас она, наверно, кого-нибудь проглотит.

Маленьких мышек змея не захотела проглотить. Потому что это мелочь, а змея большая, и ей надо что-нибудь побольше скушать. И вот она на маму нацелилась. Она маму захотела слопать. Ах, милая мама, торопись! Беги поскорей от змеи!

Но мама не очень испугалась. Детишки ее действительно трусили и удрали. А мама очень уж не любила змею и хотела ей подстроить какую-нибудь гадость. И стала бегать вокруг дерева. Змея за мамой, а мама убегает. И тут змея со слепу просунула голову не туда, куда надо.

Вот змея просунула свою голову не в то отверстие и завязалась узлом. А тут мама нарочно ближе подбежала. Змея дернулась, чтобы маму поймать, и, конечно, узел завязался еще крепче. И до того змея завязалась и запуталась, что прямо ничего поделать не может.

Тут мама увидела, что змея теперь не опасна, и крикнула детишек. Прибежали дети. И вот они все вчетвером без особого страха прошли мимо змеи, около самого ее носа. И маленькая мышка имела смелость крикнуть змее:

— Попалась, которая кусалась!

Ученая обезьянка

У одного клоуна была очень умная обезьянка. Она была очень развитая и хорошо соображала. И клоун научил ее

считать. И мало того, что она считала, — она еще своим хвостиком умела изображать нужную цифру.

Клоун говорит обезьяне:

— А ну-ка, маленький Жако, скажи мне, сколько тут видишь слонов.

И наша маленькая обезьянка, поглядев на одного слона, сгибает свой хвост так, что он делается похожим на единицу.

Потом клоун говорит:

— Теперь ты видишь перед собой четырех маленьких цыплят, петуха и страуса. Подсчитай в своем уме, сколько тут их всего.

И каждый ребенок, взглянув на хвостик, может сразу понять, сколько тут птиц.

Потом клоун говорит:

— Ну-ка, Жако, сосчитай, сколько тут видишь птиц и зверей.

И наша умненькая обезьянка показывает своим хвостиком то, что надо.

— А сколько тут мышей? — спрашивает клоун.

А мышей тут было так много, что наша обезьянка даже призадумалась. Потом сосчитала и видит, что ее хвостик что-то не сгибается для такой большой цифры. И тогда она зовет другую обезьянку.

Ах, кажется, они не соврали! Подсчитайте-ка ребята.

Наконец клоун говорит:

— Сосчитай, сколько в этой корзине яблок. Если правильно сосчитаешь, получишь в подарок все яблоки.

А в корзине было двадцать яблок. И наша обезьянка хотела позвать другую обезьянку, для того чтобы им вдвоем

изобразить цифру двадцать. Но потом она, чтоб не делиться яблоками с другой обезьянкой, сама ухитрилась изобразить то, что нужно. И за это получила все яблоки. И если она теперь не объелась, то это прямо удивительно.

Умная белка

Одна белка захотела летать по воздуху.

«Целый день, — думает, — прыгаю с ветки на ветку, как ненормальная, а летать не могу. Что за безобразие!»

Сидит белка на дереве и горюет.

Летит птичка и спрашивает белку:

— Что ты сегодня какая странная — сидишь и не прыгаешь?

Белка говорит:

— Какой интерес мне прыгать? Птицы летают, люди летают, жуки летают, разные мошки, мушки и комарики тоже летают. Летучие муравьи, рыбы, мыши и те летают. И только я летать не могу. А мне охота немножко полетать. А то живу, как в лесу, и ничего интересного не вижу.

Птичка говорит:

— Я бы тебя взяла с собой полетать, но ты тяжелая. Тебя только двенадцать птичек могут на воздух поднять.

Белка говорит:

— Тогда позови мне двенадцать птичек, пусть они меня по воздуху покатают, а то я от скуки с ума сойду.

Птичка почирикала — чирик-чирик, и тотчас прилетели еще одиннадцать птичек.

Белка нашла двенадцать веревочек и каждую птичку привязала за ножку. Потом взяла в одну лапку шесть веревочек с птичками и в другую лапку тоже шесть веревочек с птичками.

Птички взмахнули крылышками и полетели.

Вот летят птички, а под ними белка летит — держится за веревки и дрожит от страха. Кричит птичкам:

— Птички-сестрички, хватит! Спускайте меня вниз. У меня головокружение.

Птички говорят:

— Ну нет. Раз ты летать захотела, так мы тебя под самые облака поднимем и там целый день крутить будем, пока ты не захвораешь. Тем более что ты из наших гнездышек яички воруюешь. Вот будешь знать, как воровать.

Птички взмахнули крылышками и поднялись еще выше.

А белка под ними висит и от страха «мама» сказать не может.

И от страха наша белка выпустила из одной лапки шесть веревочек с птичками. И эти птички улетели в сторону.

А остальные шесть птичек, которых белка держала за веревки, почувствовали, что им тяжело, и стали понемножку спускаться вниз.

И тогда наша догадливая белка выпустила из лапки еще две веревки. И тогда еще две птички улетели.

И на четырех птичках наша белка довольно плавно спустилась на землю.

И там она тотчас взобралась на дерево.

И стала на дереве прыгать и веселиться.

Еще одна умная белка

А другая белка, по имени Белочка-тарелочка, прыгая с ветки на ветку, увидела под деревом гриб.

«Не понимаю, — подумала Белочка, — почему наши лесные зверьки не хотят использовать этот гриб так, как надо».

— Во-первых, — сказала Белочка, — гриб может служить хорошим столом. Лучше я буду за этим столом кушать, чем на ветке. С ветки я и упасть могу, и кушанье могу уронить. А тут вон как удобно.

— Во-вторых, — сказала белка, — очень неудобно, когда дождь идет, — я мокну и простужаюсь. Я постоянно кашляю и чихаю. А если я возьму большой гриб на тонкой ножке, то он вполне заменит зонтик. Вон как приятно во время дождя.

— В-третьих, — сказала Белочка, — гриб поможет мне еще в одном деле. Когда солнце очень сильно греет — я это не люблю, потому что я в шубе. Я хочу сидеть в прохладе. И пусть мне гриб будет вместо тенистой беседки.

— Наконец, — сказала белка, — я могу прыгать с дерева с этим грибом. Он будет мой парашют.

И белка, взобравшись на высокое дерево, прыгнула вниз, держа в своей лапке гриб. И была очень рада и довольна, что так здорово придумала.

Интересно придумала

Одна собака, по имени Лёшка, увидела на комоде колбасу. А дома никого не было.

Наша собачища расхрабрилась и решила эту колбасу стянуть.

И до того она захотела полакомиться этой колбаской, что даже глазки у нее загорелись и слюнки потекли.

Вот видит собака колбасу, а достать ее не может, потому что комод высокий, а она сама маленькая, чуть побольше кошки.

Маленькая-то она маленькая, но довольно хитрая. Она немножко подумала, как профессор, и вот что придумала.

Сначала зубами выдвинула нижний ящик комода.

Затем взобралась на этот ящик и немного выдвинула второй ящик.

Взобравшись на второй ящик, она совсем немного выдвинула и третий ящик.

И тогда получилось что-то вроде лестницы.

И наша собачонка спокойно и без тревог поднялась по этой лестнице, достала колбасу и слопала ее без остатка.

Потом пришли хозяева. Они рассердились, что исчезла колбаса, и хотели побить собаку. Но когда узнали, каким образом собака достала колбасу, они не стали ее бить. Только засмеялись и сказали:

— Ох, до чего умная у нас собака! Даже нам не жалко, что она колбасу съела.

Пора вставать!

Один мальчик, по имени Павлик, поступил в этом году в школу. И он очень боялся опоздать на уроки.

А в доме у них будильника не было.

Только были стенные часы «ходики».

Тогда мальчик решил сделать себе будильник.

Он заметил, что, когда он встает утром, гиря от часов доходит почти до табуретки.

Тогда он поставил на табуретку чайник с водой. Утром гиря опустилась в воду и, по закону физики, вытеснила воду из чайника.

Но из чайника вода потекла не на пол, а она потекла по резиновой трубочке, которую мальчик приделал к чайнику.

И вот течет вода из чайника по трубочке и капает на мальчика. И мальчик уже знает, что восемь часов — пора вставать.

Но потом родители мальчика не разрешили ему пользоваться этим будильником, потому что вода текла прямо на кровать и это было неудобно.

И папаша принес откуда-то настоящий будильник. И с тех пор мальчик сам заводил этот будильник и каждое утро вставал в указанное время.

В гостях у клоуна

Один клоун жил за городом. У него была там дача с большим забором.

И все люди проходили мимо и ничего особенного не видели.

Однажды клоун позвал меня к себе в гости.

Он сказал:

— Зайдите ко мне в гости, и вы увидите много интересного. У меня имеются дрессированные животные. Все они

исполняют по дому какую-нибудь работу и без дела не сидят.

И вот я пошел в гости к этому клоуну.

Открываю калитку, вхожу в сад и вижу поразительную картину.

Слон цветы поливает. Медведь с подносом идет и несет хозяину лимонад. Пила-рыба пилит дрова. Обезьянка на крыше трубу чистит. Дятел носом приколачивает доску, которая отвалилась. А у крыльца на лестнице лежат два огромных льва и хвостами машут.

Хозяин говорит:

— Идите смело. Не бойтесь. Все звери у меня дрессированные — они вас не тронут.

И я сел с хозяином за столик, и медведь принес на подносе какао.

Хозяин спросил:

— Ну как, нравится у меня?

Я говорю:

— Очень нравится. Особенно красиво, что у вас в пруде фонтан устроен.

Клоун говорит:

— Нет, это у меня там кит плавает и шалит с водой.

Я выпил какао и стал прощаться с хозяином.

Хозяин говорит:

— Как-нибудь в другой раз еще зайдите, я покажу вам, что у меня внутри дома делается. Там у меня зайцы посуду моют. Белки сапоги чистят. Крабы орехи колют. Кошки двери открывают. Собаки в креслах сидят. Лисицы в кроватях

спят. Так что мне и деваться некуда — сижу целый день в саду и лимонад пью.

Я попрощался с клоуном и пошел к выходу.

Было уже темно. Жираф с фонарем освещал мне дорогу. Гусь клонул меня в ногу, когда я нечаянно на грядку наступил. Медведь открыл калитку.

И я вышел на улицу и пошел домой.

ЗАГАДОЧНАЯ ИСТОРИЯ

В начале революции я служил младшим следователем уголовного розыска.

Конечно, тогда не было крупных специалистов в этом деле. А каждый гражданин, умеющий читать и писать, мог поступить на эту интересную службу.

И действительно — много интересных и забавных дел проходило через наши руки.

Но из всех дел мне наиболее всего запомнилось одно загадочное происшествие в Лигове.

Сижу я, представьте себе, на службе и чай пью.

Вдруг прибегает ко мне запыхавшийся человек и говорит:

— Я стрелочник Фролов. Служу в Лигове. Ночью воры у меня украли козу. Это такая для меня беда, что я весь дрожу от огорчения... Умоляю вас — раскройте это преступление и верните мне украденную козу.

Я ему говорю:

— Ты не волнуйся. Сядь и расскажи подробней. А я с твоих слов составлю протокол, после чего мы сразу поедem на место происшествия, найдем вора и отберем от него твою козу.

Стрелочник говорит:

— Два дня назад я купил себе козу, чтобы пить молоко и поправляться. Я за эту козу дал мешок муки. Это была дивная породистая коза. Я вчера ее на ночь закрыл в сарай на замок, но воры пробрались ко мне во двор, сломали этот замок и украли козу. Что я теперь буду делать без козы и без муки — я и сам не представляю.

Вот я составляю убийственный для вора протокол, вызываю старшего следователя и советую ему сразу поехать, чтобы по горячим следам раскрыть эту кражу.

А старший следователь у нас был довольно опытный работник. И только у него единственный недостаток, — он если сильно поволнуеться, то в обморок падает. Потому что в него однажды один вор стрелял из револьвера. И вот он с тех пор стал немного пугливый. Если какой-нибудь стук раздастся, или там доска упадет, или кто-нибудь громко крикнет, то он моментально падает без сознания. Так что его одного никогда у нас не пускали, а всегда его кто-нибудь сопровождал.

А так-то он был хороший агент и очень часто раскрывал кражи. Его все у нас звали «дядя Володя».

Вот дядя Володя и говорит мне:

— Давай быстрее собирайся, поедem в Лигово, чтобы выяснить, кто у стрелочника украл козу.

Через десять минут мы вместе с пострадавшим стрелочником садимся в поезд и едем в Лигово.

И вот стрелочник приводит нас к себе на двор. И мы видим небольшой одноэтажный домик. Двор, огороженный высоким забором. И небольшой сарай, в котором была заперта коза.

Теперь этот сарай настежь раскрыт. Замок на нем сломан и еле висит на железном кружке. И в сарае пусто. Никакой козы нету. Только немного сена лежит.

Дядя Володя, моментально осмотрев сарай, говорит:

— Перед нами, товарищи, типичная картина ночной кражи со взломом. Вор перелез через забор, железным предметом сломал замок и, проникнув в сарай, увел с собой козу. Сейчас обследую почву, найду следы и доложу вам, какую вор имел наружность.

И с этими словами дядя Володя ложится на землю и разглядывает след.

— Перед нами, — говорит он, — типичная воровская походка. Вор, судя по следам, высокий, худощавый гражданин средних лет. И сапоги у него подбиты железной подковкой.

Стрелочник говорит:

— Поскольку у меня сапоги подбиты железной подковкой, то вы там не спутайте меня с вором, умоляю вас. А то, чего доброго, я через вас попаду в тюрьму. Тем более — я тоже худощавый и средних лет. Вы наденьте на нос очки и глядите получше — нет ли там еще каких-нибудь других следов.

Дядя Володя говорит:

— Кроме этих следов, имеются еще одни обыкновенные следы. И рядом с этими следами видны отпечатки ног маленького мальчика или девочки. Так что перед нами типичная картина ночной кражи. Два вора и их маленький помощник, пробравшись во двор, взламывают сарай и втроем угоняют козу.

Стрелочник, чуть не плача, говорит:

— Откуда же два вора! Ведь одни следы с подковкой мои. Что же, значит, я сам у себя козу украл? Что вы наводите тень на плетень? Нет, я, кажется, зря вас пригласил.

Тут во двор собирается громадная толпа. Все с интересом смотрят, что будет дальше.

Дядя Володя говорит:

— В таком случае я допускаю, что вор был один со своим маленьким помощником. Причем этот маленький помощник обут в дырявые сандалии на босу ногу и сам он лет шести или семи.

Только он так сказал, вдруг в толпе детский плач раздается.

И вдруг все видят, что это плачет маленький подросток Минька, племянник своего дяди, этого стрелочника, живущий тут же.

Все на него смотрят и видят, что он обут в дырявые сандалии.

Его спрашивают:

— Что ты, Минька, плачешь?

Минька говорит:

— Я встал утром и зашел в сарай. Я козе дал капустный листочек. Я козу только два раза погладил и пошел по своим

делаю ловить в пруде рыбок. Но замок я не трогал. И дверь была раскрыта.

Тут все удивились. И дядя Володя тоже очень удивился.

Стрелочник говорит:

— Как же он, шельмец, мог гладить утром мою козу, если она уже была украдена? Вот так номер.

Дядя Володя, потерев свой лоб рукой, говорит:

— Это очень загадочная кража. Или нам с вами вор попался какой-то ненормальный. Ночью он замок сломал, а днем козу украл.

Жена стрелочника говорит:

— Может быть он ждал, чтобы Минька ее покормил. После чего он, наверное, ее увел.

Дядя Володя говорит:

— Одно из трех — либо мальчику приснился сон насчет козы, как он кормил ее капустой, — бывают такие сны в детском возрасте, — либо вор свихнулся во время кражи, либо тут хозяева ненормальные.

Я говорю:

— Есть еще четвертое предположение: вор сломал замок и украл что-нибудь другое. А утром коза решила прогуляться и, выйдя на улицу, заблудилась.

Стрелочник говорит:

— Нет, коза не могла сама уйти. У меня весь двор обнесен высоким забором, и все было заперто. И калитка у меня на пружине — сама захлопывается. А что касается сарая, то, кроме козы, там ничего не было. Там у меня лежал мешок

муки, на которую я променял козу. И эту козу я закрыл в сарае. Это была породистая коза, и мне ее чересчур жалко.

Сказав это, стрелочник от волнения ударил палкой по дверям сарая. И дядя Володя, подумавши, что началась стрельба, моментально упал в обморок.

Я велел принести воды, мы попрыскали водой дядю Володю, потом дали ему понюхать толченого перца, и он снова приступил к исполнению своих обязанностей.

Он сказал:

— Теперь мне все совершенно ясно. Вор, взломав замок и найдя там вместо ценностей козу, расстроился и не захотел ее взять, испугавшись, что она заблеет и разбудит хозяина. Но потом, вернувшись домой, вор стал жалеть, зачем он не украл козу. И тогда он взял веревку или мешок, чтоб замотать козе морду, и снова под утро явился сюда за козой. А мальчик Минька в аккурат перед этим заскочил в сарай и покормил ее.

Тут все заплодировали следователю. А Минька еще больше заплакал.

Какая-то тетка сказала:

— Совершенно верно. Я рано утром проходила по улице и видела, как какой-то мужчина нес в руках большой мешок и там в мешке у него что-то хрюкало.

Дядя Володя говорит стрелочнику:

— Вы вспомните хорошенько, — может быть, это у вас была свинья, а не коза. Вот, может быть, она и хрюкала, когда ее вор в мешке нес. Может быть, вчера, во время обмена,

вам подсунули поросенка вместо козы. И вы, не разглядевши как следует быть, заперли его в сарай.

Стрелочник, чуть не плача, говорит:

— Нет, я чувствую, что я вас зря пригласил. У меня была в сарае коза, а то, что несли в мешке, это не у меня украдено.

Дядя Володя говорит:

— Я там не знаю, у кого украдено. Но я устанавливаю факт, что вор украл поросенка и унес его в мешке... Пусть мальчик Минька скажет, что за животное было в сарае. Отвечай, Минька, какое животное было в сарае, какого оно цвета и сколько ног? За дачу ложных показаний ответишь по закону.

Минька, отчаянно заревев, говорит:

— Оно было белого цвета. И оно имело три ноги.

Услышав это, следовательно чуть было опять в обморок не упал.

Он сказал:

— Без сомнения, это был белый поросенок, от которого вор отрезал одну ногу для производства ветчины.

Стрелочник, охнув, сел на корточки и закричал:

— Ой, тошнехонько! Что они со мной делают! Я теперь вижу, что я зря пригласил сюда этих агентов. У меня была коза, а они мне поросенка без одной ноги вкручивают.

Дядя Володя говорит Миньке:

— Отвечай своему дяде, что было в сарае — коза или поросенок... Блеяло оно или хрюкало?

Стрелочник добавляет:

— А если ты у меня соврешь, то я тебе, шельмецу, голову оторву.

Минька сквозь слезы говорит:

— Не знаю, что там было. Я рыбок пошел ловить. И до вашей дурацкой козы я не дотрагивался. Только я дал ей капустки покушать и сразу ушел.

Дядя Володя говорит:

— Ясно — это был поросенок.

Только он так сказал, и вдруг откуда-то сверху раздается:

— Бя-а-а.

Вся толпа ахнула, когда услышала эти звуки. Стрелочник, закачавшись на своих ногах, закричал:

— Братцы, где-то здесь моя коза. Это ее голос сверху раздается.

Тут все в одно мгновение посмотрели вверх. И все вдруг увидели, что коза стоит около трубы на крыше. И хотя дом был низенький, но все-таки было странно, что коза стоит на крыше.

Стрелочник закричал:

— Братцы! Вон моя коза. Да кто же это ее, братцы, загнал на такую вышину?

Дядя Володя говорит:

— Действительно, это коза, а не поросенок. Черт меня дернул сюда приехать. Я тут последние мозги теряю.

Стрелочник говорит:

— Братцы, может быть, это мне все снится, что моя коза на крыше стоит.

Жена стрелочника говорит:

— Поди prospись, если тебе это снится. А наша коза, действительно, стоит на крыше и на тебя, дурака, сверху вниз смотрит.

Дядя Володя говорит стрелочнику:

— Может быть, ты вчера, променяв козу, от радости выпил и вместо сарая подкинул ее на крышу и теперь сам удивляешься, что она там. Иначе нельзя понять, почему твоя коза на крыше очутилась.

Стрелочник говорит:

— Знаете, я скорее вас на крышу подкину, чем буду свою породистую козу уродовать. А там за домом у меня привезены доски для строительства. И я их прислонил к дому, чтоб они на земле не валялись. Но доски лежат довольно круто. И это удивительно, если коза по ним на крышу зашла.

Вдруг из толпы выходит вперед человек.

Он говорит:

— Я доктор медицины. Я, говорит, могу это подтвердить. Многие козы живут и пасутся на горах и ходят по самым крутым и отвесным скалам. Есть персидские козероги, и есть швейцарские породистые козы, которые не только бегают по крутым скалам, но и прыгают до трех метров в длину. И, может быть, ваша коза имеет среди своих родителей такую породу. Тогда ничуть не удивляйтесь, что она забралась по доскам на эту крышу. Тем более, на крыше у этого хозяина растет не только трава, но даже мелкие кустики и бузина.

Стрелочник Фролов с гордостью говорит:

— Когда я менял свою муку на эту козу, мне так и сказали: это породистая коза. Но я им не поверил. А теперь верю, и я так счастлив, что свои чувства я даже и передать вам не могу. Я гляжу на свою, стоящую на крыше, горную козу, и у меня от радости слезы капаят.

Дядя Володя говорит:

— Теперь мне эта история совершенно ясна. Вор сломал замок, чтобы украсть какую-нибудь ценную вещь. Но, найдя в сарае только козу, плюнул и ушел красть в другое место. И вот его следы... Впрочем, нет — это мой след. А его, наверно, вот эти... Минька, вставши поутру, зашел в раскрытый сарай и покормил козу капустой. Вот и Минькины следы. Коза, желая прогуляться, вышла из сарая и, обойдя двор, увидела на крыше зелень. И, будучи горной козой, без труда забралась на крышу по этим доскам. Вот и ее маленькие, как точки, следы... Хозяин, проснувшись, увидел раскрытый сарай и сломанный замок. Прибежал к нам и сообщил о краже. И вот его следы... Теперь каждому ясно, что тут произошло... Доставайте вашу козу с крыши, и мы со спокойной совестью поедem в Ленинград раскрывать еще более сложные кражи. Наша задача выполнена тут с превышением.

И, сказавши так, он снял свою кепочку, чтоб со всеми попрощаться.

И коза со своей крыши снова произнесла:

— Бя-а-а.

Вдруг стрелочник закричал:

— Братцы следователи! Моя породистая коза забралась на крышу. Но хотел бы я знать, как я ее теперь оттуда достану. Тем более, крыша довольно крутая, и если я полезу наверх, то или коза у меня упадет, или я сам к черту вниз свалюсь... Товарищи следователи, я вам дам хорошую премию: стакан молока и два фунта хлеба, если вы мне доставите козу без повреждения.

Вдруг один из толпы выходит вперед и говорит:

— Хотя я инвалид и хромаю, но за эту премию я могу вашу козу вниз доставить. Только мне нужна веревка, чтобы я мог привязать себя к трубе, поскольку я из-за вашей дурацкой козы не очень-то интересуюсь вниз падать.

Тут ему дали веревку, и он, приставив лестницу к крыше, полез под аплодисменты всех собравшихся.

Он привязал веревку к трубе и другим концом обвязал себя. И в таком виде стал тянуться к козе, которая доверчиво поджидала, что будет. Но когда он слишком потянулся, то старенькая труба покачнулась и рухнула.

Нет, привязанный не упал, он успел удержаться, но рассыпающиеся кирпичи рухнули во двор, и один из них слегка зашиб дядю Володю, который тут же без лишних слов и восклицаний грохнулся в обморок.

Полезший на крышу успел схватить козу. И он вместе с ней, как по горке, съехал по доскам вниз к радости всех собравшихся.

Хозяин ему сказал:

— Что ты снял козу — это хорошо, но то, что ты мне, хромая обезьяна, трубу испортил, — вот за это я тебе премии не дам.

Инвалид говорит:

— Тогда я твою козу обратно сейчас наверх закину.

Стрелочник говорит:

— Ну, ладно, дам. Только не трогай мою козу грязными руками.

И тут он нежно поцеловал свою козу и торжественно увел в сарай.

Ушибленный дядя Володя хотел уехать, но стрелочник не отпустил его. Он сказал:

— В благодарность за вашу четкую работу я хочу вас, товарищи агенты, угостить козьим молоком и свежим хлебом.

Мы сели на лавочку и стали ждать угощения.

Дядя Володя, подозвав к себе Миньку, сказал ему строго:

— Что же ты, дурной мальчишка, запутал органы следствия? Зачем же ты сказал, что у животного было три ноги?

Минька, потупившись, говорит:

— А я только до трех считать умею.

Тут все собравшиеся весело засмеялись и не хотели уходить, хотя стрелочник открыл ворота и кричал, чтоб все посторонние моментально ушли, а то, чего доброго, коза еще раз пропадет.

Потом стрелочник, выгнав посторонних, взял горшок и побежал в сарай подоить козу.

Вдруг он оттуда возвращается бледный как глина и говорит:

— Знаете, у козы нету молока. Ее кто-то выдоил. Вот так номер!

Дядя Володя говорит:

— Я так и думал. Картина преступления мне совершенно ясна. Вор, не найдя в сарае ничего ценного, подоил козу и, подкрепив этим свои силы, ушел.

Вдруг приходит жена стрелочника с горшком в руках. Она говорит:

— Нет, это я козу подоила, когда муж выгонял со двора людей.

Тут все рассмеялись и начали кушать хлеб и пить молоко.

Потом мы попрощались с любезным хозяином и пошли к поезду.

Но только мы вышли из калитки, как раздался крик хозяина. Он нам кричал:

— В сарае у меня были рваные валенки, и теперь их нету. Дядя Володя ему ответил:

— Картина кражи мне ясна. Вор не хотел путаться с козой, а вместо этого украл, что было в сарае.

После этого мы еще раз попрощались и уехали.

А через полгода, когда наступила зима, это дело окончательно выяснилось.

Проходя в Лигове по улице, стрелочник увидел на одном гражданине свои валенки, которые он узнал по зеленому клейму.

Он задержал этого гражданина. И тот в милиции сознался, что это он осенью сломал замок, надеясь украсть из сарая мешок муки, о котором он слышал от одного гражданина. Но он не знал, что мешок муки стрелочник уже обменял на козу. Через это и произошла неувязка. И вор, не найдя муки, схватил валенки и с ними удрал.

Вора на полгода посадили в тюрьму. И дядя Володя, узнав об этом, сказал:

— Картина кражи теперь окончательно выясняется. Вор хотел украсть муку, но украл валенки. И теперь за это он попал в тюрьму.

Пока вор сидел в тюрьме, породистая коза принесла своему хозяину двух чудных козлят. И стрелочник Фролов был очень этим доволен.

Между прочим, эта коза очень долго у него жила и всех удивляла своими прыжками и тем, что могла ходить по самым отвесным доскам. Но на крышу она почему-то больше никогда не лазила. Наверно у нее от этой крыши остались все-таки неважные воспоминания.

А Минька теперь вырос. Он сейчас — студент Горного института, Михаил Степанович Фролов.

Между прочим, случайно узнав, что я пишу рассказ об этом происшествии, он недавно пришел ко мне и просил всем читателям кланяться. И велел сказать, что он теперь не только до трех считать умеет, но до триллиона и даже больше.

Пламенный привет читателям от меня, от Миньки и от дяди Володи.

ГЛУПАЯ ИСТОРИЯ

Петя был не такой уж маленький мальчик. Ему было четыре года.

Но мама считала его совсем крошечным ребенком. Она кормила его с ложечки, гулять водила за ручку и по утрам сама одевала его.

Вот однажды Петя проснулся в своей постельке. И мама стала его одевать.

Вот она одела его и поставила на ножки около кровати. Но Петя вдруг упал.

Мама думала, что он шалит, и снова поставила его на ножки. Но он опять упал.

Мама удивилась и в третий раз поставила его около кровати. Но ребенок снова упал.

Мама испугалась и по телефону позвонила папе на службу.

Она сказала папе:

— Приезжай скорей домой. Что-то с нашим мальчиком случилось, — он на ножках стоять не может.

Вот папа приезжает и говорит:

— Это глупости. Наш мальчик хорошо ходит и бегает, и не может быть, чтоб он у нас падал.

И он моментально ставит мальчика на ковер. Мальчик хочет пойти к своим игрушкам, но снова, в четвертый раз, падает.

Папа говорит:

— Надо скорей позвать доктора. Наверно, наш мальчик захворал. Наверно, он вчера конфетами объелся.

Позвали доктора.

Приходит доктор в очках и с трубкой.

Доктор говорит Пете:

— Это что за новости! Почему ты падаешь?

Петя говорит:

— Не знаю почему, но немножко падаю.

Доктор говорит маме:

— А ну-ка, разденьте этого ребенка, я его сейчас осмотрю.

Вот мама раздела Петю, и доктор стал его слушать. Вот доктор послушал его через трубку и говорит:

— Ребенок совершенно здоровый. И это удивительно, почему он у вас падает. А ну-ка, оденьте его снова и поставьте на ножки.

Вот мама быстро одевает мальчика и ставит его на пол.
И доктор надевает очки на нос, чтоб получше видеть, как мальчик падает.

Только мальчика поставили на ножки, и вдруг он опять упал.

Доктор удивился и говорит:

— Позовите профессора. Может быть, профессор догадается, почему этот ребенок падает.

Вот папа пошел звонить профессору, а в этот момент к Пете в гости приходит маленький мальчик Коля.

Коля посмотрел на Петю, засмеялся и говорит:

— А я знаю, почему у вас Петя падает.

Доктор говорит:

— Смотрите, какой нашелся ученый карапуз, — он лучше меня знает, почему дети падают.

Коля говорит:

— Поглядите, как Петя у вас одет. У него одна штанишка болтается, а в другой засунуты обе ножки. Вот почему он и падает.

Тут все заахали и заохали.

Петя говорит:

— Это меня мама одевала.

Доктор говорит:

— Не нужно звать профессора. Теперь нам понятно, почему ребенок падает.

Мама говорит:

— Утром я очень торопилась, чтоб ему кашу варить, а сейчас я очень волновалась, и поэтому я так неправильно ему штанишки надела.

Коля говорит:

— А я всегда сам одеваюсь, и у меня таких глупостей с ногами не бывает. Взрослые вечно что-нибудь напутают.

Петя говорит:

— Теперь я тоже буду сам одеваться.

Тут все засмеялись. И доктор засмеялся. Он со всеми попрощался и с Колей тоже попрощался. И ушел по своим делам.

Папа пошел на службу. Мама пошла на кухню.

А Коля с Петей остались в комнате. И стали играть в игрушки.

А на другой день Петя сам надел свои штанишки, и никаких глупых историй с ним больше не произошло.

ПОКАЗАТЕЛЬНЫЙ РЕБЕНОК

Жил-был в Ленинграде маленький мальчик Павлик.

У него была мама. И был папа. И была бабушка.

И, вдобавок, в их квартире жила кошка под названием Бубенчик.

Вот утром папа пошел на работу. Мама тоже ушла. А Павлик остался с бабушкой.

А бабушка была ужасно старенькая. И она любила в кресле спать.

Вот папа ушел. И мама ушла. Бабушка села в кресло. А Павлик на полу стал играть со своей кошкой. Он хотел, чтоб она ходила на задних лапках. А она не хотела. И мяукала.

Вдруг на лестнице раздался звонок.

Бабушка и Павлик пошли открывать двери.

Это пришел почтальон. Он принес письмо.

Павлик взял письмо и сказал:

— Я сам передам папе.

Вот почтальон ушел. Павлик снова хотел играть со своей кошкой. И вдруг видит — кошки нигде нет.

Павлик говорит бабушке:

— Бабушка, вот так номер — наш Бубенчик пропал.

Бабушка говорит:

— Наверно, Бубенчик убежал на лестницу, когда мы открыли дверь почтальону.

Павлик говорит:

— Нет, это, наверно, почтальон взял моего Бубенчика. Наверно, он нарочно нам дал письмо, а мою дрессированную кошечку взял себе. Это был хитрый почтальон.

Бабушка засмеялась и говорит:

— Завтра почтальон придет, мы отдадим ему письмо, а нашу кошечку возьмем у него назад.

Вот бабушка села в кресло и заснула.

А Павлик надел свое пальто и шапочку, взял письмо и тихонько вышел на лестницу.

«Лучше, — думает, — я сейчас отдам письмо почтальону. И лучше я сейчас возьму от него мою кошечку».

Вот Павлик вышел во двор. И видит — во дворе нету почтальона.

Павлик вышел на улицу. И пошел по улице. И видит — на улице тоже нигде нету почтальона.

Вдруг какая-то одна рыжая тетка говорит:

— Ах, поглядите все — какой маленький малыш идет один по улице! Наверно, он потерял свою маму и заблудился. Ах, позовите скорей милиционера!

Вот приходит милиционер со свистком. Тетка ему говорит:

— Поглядите, какой мальчик лет пяти заблудился.

Милиционер говорит:

— Этот мальчик держит в ручке письмо. Наверно, на этом письме написан адрес, где он живет. Мы прочтем этот адрес и доставим ребенка домой. Это хорошо, что он взял с собой письмо.

Тетка говорит:

— В Америке многие родители нарочно кладут письма в карман своим детям, чтоб они не терялись.

И с этими словами тетка хочет взять письмо от Павлика.

Павлик ей говорит:

— Что вы волнуетесь? Я знаю, где я живу.

Тетка удивилась, что мальчик так смело ей сказал. И от волнения чуть в лужу не упала.

Потом говорит:

— Поглядите, какой бойкий мальчик. Пусть он нам тогда скажет, где он живет.

Павлик отвечает:

— Улица Фонтанка, восемь.

Милиционер поглядел на письмо и говорит:

— Ого, это боевой ребенок — он знает, где он живет.

Тетка говорит Павлику:

— А как тебя зовут, и кто твой папа?

Павлик говорит:

— Мой папа шофер. Мама ушла в магазин. Бабушка спит в кресле. А меня зовут Павлик.

Милиционер засмеялся и сказал:

— Это боевой, показательный ребенок — он все знает. Наверно, он будет начальником милиции, когда подрастет.

Тетка говорит милиционеру:

— Проводите этого мальчика домой.

Милиционер говорит Павлику:

— Ну, маленький товарищ, пойдём домой.

Павлик говорит милиционеру:

— Дайте вашу руку — я вас доведу до своего дома. Вот мой красный дом.

Тут милиционер засмеялся. И рыжая тетка тоже засмеялась.

Милиционер сказал:

— Это исключительно боевой, показательный ребенок. Мало того, что он все знает — он еще меня хочет до дому довести. Этот ребенок непременно будет начальником милиции.

Вот милиционер дал свою руку Павлику, и они пошли домой.

Только дошли они до своего дома — вдруг мама идет.

Мама удивилась, что Павлик идет по улице, взяла его на руки и принесла домой.

Дома она его немножко побранила. Она сказала:

— Ах ты, противный мальчишка, зачем ты убежал на улицу?

Павлик сказал:

— Я хотел у почтальона взять моего Бубенчика. А то мой Бубенчик пропал, и, наверно, его взял почтальон.

Мама сказала:

— Что за глупости. Почтальоны никогда не берут кошек.
Вон твой Бубенчик сидит на шкафу.

Павлик говорит:

— Вот так номер. Смотрите, куда прыгнула моя дрессированная кошечка.

Мама говорит:

— Наверно, ты, противный мальчишка, ее мучил, вот она и забралась на шкаф.

Вдруг проснулась бабушка.

Бабушка, не зная, что случилось, говорит маме:

— Сегодня Павлик очень тихо и хорошо себя вел. И даже меня не разбудил. Надо за это дать ему конфетку.

Мама говорит:

— Ему не конфетку надо дать, а в угол носом поставить.
Он сегодня убежал на улицу.

Бабушка говорит:

— Вот так номер.

Вдруг приходит папа. Папа хотел рассердиться, зачем мальчик убежал на улицу. Но Павлик подал папе письмо.

Папа говорит:

— Это письмо не мне, а бабушке.

Вот бабушка надела очки на нос и стала читать письмо.
Потом она говорит:

— В городе Москве у моей младшей дочери родился еще один ребенок.

Павлик говорит:

— Наверно, родился боевой ребенок. И, наверно, он будет начальник милиции.

Тут все засмеялись и сели обедать.

На первое был суп с рисом. На второе — котлеты. На третье был кисель.

Кошка Бубенчик долго глядела со своего шкафа, как Павлик кушает. Потом не вытерпела и тоже решила немножко покушать.

Она прыгнула со шкафа на комод, с комода на стул, со стула на пол.

И тогда Павлик дал ей немножко супу и немножко киселя.

И кошка была очень довольна.

УМНАЯ ТАМАРА

Живет в нашей квартире один инженер.

Бывают такие ученые инженеры с усами и в очках.

И вот однажды этот инженер чем-то захворал и уехал на юг лечиться.

Вот он уехал на юг и закрыл свою комнату на замок.

Проходит три дня, и вдруг все жильцы слышат, что в комнате этого инженера жалобно мяукает кошка.

Одна жиличка говорит:

— Этот инженер какой нахал. Он уехал на юг, а в комнате оставил свою кошку. И теперь это бедное животное, наверное, погибнет без еды и без питья.

Тут все жильцы рассердились на инженера.

Один жилец говорит:

— У этого инженера дырявая голова. Как это можно оставлять кошек без еды целый месяц. Кошки от этого умирают.

Другой жилец говорит:

— Давайте ломаем дверь.

Тут приходит управдом. Он говорит:

— Нет, дверь нельзя ломать без разрешения инженера.

Один маленький мальчик Николаша говорит:

— Тогда давайте вызовем пожарную часть. Пожарные приедут, живо подставят лестницу к окну и спасут кошку.

Управдом говорит:

— Раз нет пожара, то пожарных нельзя вызывать. За это надо штраф платить.

Одна маленькая девочка Тамара говорит:

— Знаете что: давайте кормить эту кошку через дверь. Я сейчас принесу молоко и это молоко подолью под дверь. Кошечка это увидит и покушает.

Тут все жильцы засмеялись и сказали:

— Bravo! Она хорошо придумала.

И все жильцы начали с этого дня кормить кошку через дверь. Кто суп под дверь подливал, кто молоко, кто воду.

Мальчик Николаша даже целую рыбу под дверь подсунул. А потом он нашел на лестнице дохлую мышку, и эту дохлую мышку он тоже ухитрился под дверь просунуть.

И кошка едой была очень довольна, и она радостно за дверь мурлыкала.

И вот проходит целый месяц, и наконец приезжает инженер.

Одна старенькая жиличка так ему говорит:

— Инженер, вас надо на полгода посадить в тюрьму, потому что нельзя так мучить животных. Надо к людям и к животным хорошо относиться. А вы свою кошечку оставили в комнате без еды и без питья. И она могла умереть, если бы мы не догадались под дверь молоко подливать. Ах, открывайте скорее двери и поглядите, как ваша кошечка чувствует себя. Может быть она больна и лежит с температурой на вашей кровати.

Инженер говорит:

— Про какую кошку вы говорите? Вы же знаете, что я кошек у себя не держал. И никаких кошек у меня никогда не было. И никого я не мог закрыть в своей комнате.

Жильцы говорят:

— Мы ничего не знаем. Только знаем, что в вашей комнате целый месяц живет кошка.

Вот инженер поскорей открывает дверь, и все жильцы и он сам входят в комнату.

И все видят — на диване лежит хорошенькая рыженькая кошка. Очень на вид здоровенькая и веселенькая и ничуть она, видать, не похудела.

Инженер говорит:

— Ничего не понимаю. Откуда у меня на диване эта рыженькая кошка? Когда я уезжал, ее не было.

Мальчик Николаша говорит, поглядывая на окно:

— Там форточка открыта. Наверно, кошка гуляла по карнизу, увидела эту открытую форточку и прыгнула в комнату.

Инженер говорит:

— Но почему же она тогда обратно не ушла?

Девочка Тамара говорит:

— А мы ее очень хорошо кормили, вот она и не захотела уйти. Ей тут понравилось.

Инженер говорит:

— Ах, какая хорошенькая умная кошечка! Я тогда ее здесь оставлю.

Девочка Тамара говорит:

— Нет, эту кошку я решила взять себе.

Тут все жильцы засмеялись и сказали:

— Да, эта кошка принадлежит Тамаре, поскольку Тамара придумала, как ее кормить, и этим спасла ее от гибели.

Инженер сказал:

— Правильно. И я, со своей стороны, вдобавок подарю Тамаре десять мандаринов, которые я привез с юга.

И он подарил ей десять мандаринов.

ТРУСИШКА ВАСЯ

Васин отец был кузнец.

Он работал в кузнице. Он там делал подковы, молотки и топоры.

И он каждый день ездил в кузницу на своей лошади.

У него была, ничего себе, хорошая черная лошадка.

Он запрягал ее в телегу и ехал.

А вечером он возвращался.

А сын его, шестилетний парнишка Вася, был любитель немного покататься.

Отец, например, приезжает домой, слезает с телеги, а Васютка туда моментально влезает и едет до самого леса.

А отец, конечно, ему не позволял это делать.

И лошадь тоже не очень позволяла. И когда Васютка влезал в телегу, лошадь косо на него глядела. И хвостом махала, — дескать, сойди, мальчишка, с моей телеги. Но Вася стегал лошадь прутом, и тогда ей было немного больно, и она тихонько бежала.

Вот однажды вечером отец вернулся домой. Вася влез в телегу, стегнул лошадку прутом и выехал со двора покататься.

А у него было сегодня боевое настроение — ему хотелось подальше прокатиться.

И вот он едет через лесок и хлещет своего черного конька, чтоб он пошибче бежал.

Вдруг, знаете, кто-то как огреет Васю по спине!

Васютка так и подскочил от удивления. Он подумал, что это отец его догнал и хлестнул прутом — зачем без спросу уехал.

Вася оглянулся. Видит — никого нету.

Тогда он снова стегнул лошадь. Но тут, во второй раз, кто-то опять как ахнет его по спине!

Вася снова оглянулся. Нет, смотрит, никого нету. Что за чудеса в решете?

Вася думает:

«Ой, кто же меня по шее бьет, если никого кругом нет!»

А надо вам сказать, что когда Вася ехал через лес, в колесо попала большая ветка от дерева. Она крепко зацепилась за колесо. И как только колесо обернется, ветка, конечно, хлопает Васю по спине.

А Вася это не видит. Потому что уже темно. И, вдобавок, он немножко испугался. И не захотел по сторонам глядеть.

Вот ветка ударила Васю в третий раз и он еще больше испугался.

Он думает:

«Ой, может быть, меня лошадь бьет. Может быть, она как-нибудь мордой схватила прут и тоже меня в свою очередь стегает».

Тут он немного даже отодвинулся от лошади.

Только он отодвинулся, а ветка хлесь Васю уже не по спине, а по затылку.

Вася бросил вожжи и как закричит от страха.

А лошадь, не будь дура, повернула назад и как пустится со всех ног к дому.

А колесо как завертится еще сильнее. А ветка как начнет хлестать Васю еще чаще.

Тут, знаете, не только маленький, но и большой может испугаться.

Вот лошадь скачет. А Вася лежит в телеге и орет со всей силы. А ветка его лупит — то по спине, то по ногам, то по затылку.

Вася кричит:

— Ой, папа! Ой, мама! Меня лошадь бьет!

Но тут вдруг лошадь подъехала к дому и остановилась во дворе.

А Васютка лежит в телеге и сходить боится. Лежит, знаете, и кушать не хочет.

Вот пришел отец распрягать лошадь. И тогда Васютка сполз с телеги. И тут он вдруг увидел в колесе ветку, которая его била.

Вася отцепил ветку от колеса и хотел этой веткой ударить лошадь. Но отец сказал:

— Оставь свою глупую привычку бить лошадь. Она умней тебя и сама хорошо понимает, что ей надо делать.

Тогда Вася, почесывая спину, пошел домой и лег спать.

А ночью ему приснился сон, будто приходит к нему лошадь и говорит:

— Ну что, трусишка, покатался?

Утром Вася проснулся и пошел на речку ловить рыбок.

САМОЕ ГЛАВНОЕ

Жил на свете мальчик Андрюша Рьженький. Это был трусливый мальчик. Он всего боялся. Он боялся собак, коров, гусей, мышей, пауков и даже петухов.

Но наиболее всего он боялся чужих мальчишек.

И мама этого мальчика очень и очень грустила, что у нее такой трусливый сынок.

В одно прекрасное утро мама этого мальчика сказала ему:

— Ах как плохо, что ты всего боишься. Только храбрые люди хорошо живут на свете. Только они побеждают врагов, тушат пожары и отважно летают на самолетах. И за это все любят храбрых людей. И все их уважают. Дарят им подарки

и дают ордена и медали. А трусливых никто не любит. Над ними смеются и потешаются. И от этого у них жизнь бывает плохая, скучная и неинтересная.

Мальчик Андрюша так ответил своей маме:

— С этих пор, мама, я решил быть храбрым человеком.

И с этими словами Андрюша пошел во двор погулять.

А во дворе мальчишки играли в футбол.

Мальчишки эти обыкновенно задевали Андрюшу. И он их боялся как огня. И всегда от них убегал. Но сегодня он не убежал. Он крикнул им:

— Эй вы, мальчишки! Сегодня я не боюсь вас!

Мальчики удивились, что Андрюша так смело им крикнул. И даже они немножко испугались. И даже один из них, Санька Палочкин, сказал:

— Сегодня Андрюшка Рыженький что-то задумал против нас. Давайте лучше уйдем, а то нам, пожалуй, попадет от него.

Но мальчики не ушли. Наоборот. Они подбежали к Андрюше и стали его задевать. Один дернул Андрюшу за нос. Другой сбил ему кепку с головы. Третий мальчик ткнул Андрюшу кулаком. Короче говоря, они немножко побили Андрюшу. И тот с ревом вернулся домой.

И дома, утирая слезы, Андрюша сказал маме:

— Мама, я сегодня был храбрый, но из этого ничего хорошего не получилось.

Мама сказала:

— Глупый мальчик. Недостаточно быть только храбрым, надо быть еще сильным. Одной храбростью ничего нельзя сделать.

И тогда Андрюша незаметно от мамы взял бабушкину палку и с этой палкой пошел на двор. Подумал: «Вот теперь я буду сильнее, чем обычно. Теперь я разгоню мальчишек в разные стороны, если они на меня нападут».

Андрюша вышел с палкой на двор. А во дворе мальчишек уже не было. Там гуляла черная собака, которую Андрюша всегда боялся.

Размахивая палкой, Андрюша сказал этой собаке:

— Попробуй только залай на меня — получишь по заслугам. Узнаешь, что такое палка, когда она прогуляется по твоей голове.

Собака начала лаять и бросаться на Андрюшу.

Размахивая своей палкой, Андрюша раза два ударил собаку по голове, но та забежала сзади и немного порвала Андрюшины штаны.

И Андрюша с ревом побежал домой. А дома, утирая слезы, он сказал своей маме:

— Мама, как же это так? Я сегодня был сильный и храбрый, но из этого ничего хорошего не получилось. Собака разорвала мои штаны и чуть не укусила меня.

Мама сказала:

— Глупый мальчик. Я забыла тебе сказать. Недостаточно быть храбрым и сильным. Надо еще быть умным. Ты же поступил глупо. Ты размахивал палкой. И этим рассердил собаку. Ты сам виноват. Надо немножко думать и соображать. Надо иметь смекалку.

Тогда Андрюша Рыженький в третий раз вышел погулять. Но во дворе уже не было собаки. И мальчишек тоже не было.

И тогда Андрюша вышел на улицу, чтобы посмотреть, где мальчики.

А мальчики купались в реке. И Андрюша стал смотреть, как они купаются.

И в этот момент один мальчик, Саня Палочкин, захлебнулся в воде и стал кричать, чтоб его спасли.

Мальчики испугались, что он тонет, и побежали звать взрослых.

Андрюша хотел броситься в воду, чтобы спасти Саню Палочкина. И уже подбежал к берегу. Но тут он подумал: «Нет, я плохо плаваю, и у меня не хватит сил спасти Саньку. Я поступлю умней: я сяду в лодку и на лодке подплыву к нему».

А у самого берега стояла рыбацкая лодка. Андрюша оттолкнул эту тяжелую лодку от берега и сам вскочил в нее.

А в воде лежали весла. Андрюша стал бить этими веслами по воде. Но у него ничего не вышло — он не умел грести. И течение отнесло рыбацкую лодку на середину реки.

И Андрюша от страха стал кричать.

А в этот момент по реке плыла другая лодка. И в ней сидели рыбаки.

Эти рыбаки спасли Саню Палочкина. И кроме того, они догнали Андрюшину лодку, взяли ее на буксир и доставили к берегу.

Андрюша пошел домой и дома, утирая слезы, сказал своей маме:

— Мама, я сегодня был храбрый — я хотел спасти мальчика. Я сегодня был умный, потому что не бросился в воду, а поплыл в лодке. Я сегодня был сильный, потому что от-

толкнул тяжелую лодку от берега и тяжелыми веслами колотил по воде. Но снова ничего хорошего у меня не получилось.

Мама сказала:

— Глупый мальчик. Я забыла сказать тебе самое главное. Недостаточно быть храбрым, умным и сильным. Это слишком мало. Надо еще иметь знания. Надо уметь грести, уметь плавать, ездить верхом на лошади, летать на самолете. Надо многое знать. Надо знать арифметику и алгебру, химию и геометрию. А для того, чтобы это все знать, надо учиться. Кто учится, тот бывает умный. А кто умный, тот должен быть храбрым. А храбрых и умных все любят, потому что они побеждают врагов, тушат пожары, спасают людей и летают на самолетах.

Андрюша сказал:

— С этих пор я буду всему учиться.

И мама сказала:

— Вот и хорошо.

ЛЮБИМОЕ ЗАНЯТИЕ

Одна учительница сказала ученикам:

— Дети, расскажите мне, какое у вас любимое занятие дома.

И все ученики по очереди стали рассказывать. Одни говорили, что их любимое занятие — фотография. Другие говорили о марках. Третьи — о шахматах и шашках. А когда очередь

дошла до Павлика Н., он замялся и ничего не ответил. А потом пробормотал:

— Мне неудобно ответить на ваш вопрос. В классе будут смеяться.

Учительница сказала:

— Тогда подойди ко мне и скажи тихо.

Павлик подошел к учительнице и тихо сказал:

— Я люблю шить.

Учительница громко сказала:

— Ребята, Павлик любит шить. Это очень хорошо и похвально. И я не думаю, что в классе кто-нибудь засмеется.

Один из учеников, засмеявшись, сказал:

— Но это девчоночье дело — шить.

Учительница сказала:

— Вовсе нет. Вы забыли, что есть портные. И среди них есть знаменитые и прославленные мастера. Это великолепная профессия. И все мужчины должны хотя бы немного уметь шить. В военных походах и путешествиях это может пригодиться.

Тогда встал один ученик и, вздохнув, сказал:

— Я сказал неправду, что мое любимое занятие — шашки. Я их ненавижу. Я тоже шить люблю.

Тут встал еще один ученик, Федя С., и тихо прошептал:

— Я тоже сказал неправду про марки. Я люблю убирать комнату. Люблю подметать и вытирать пыль.

В классе все засмеялись. И кто-то крикнул:

— Он будет дворником!

Учительница сказала:

— Ничего смешного в работе дворника нет. Мы любим и уважаем всякий труд, и труд дворника мы высоко оцениваем. Это исключительно полезный труд. А то, что Федя любит чистоту и порядок, не означает, что он будет дворником. Он аккуратен и любит чистоту, — значит, он любит культуру. И значит, он, скорее всего, будет ученым. А вот кто любит какое-нибудь занятие, но занимается в грязи, тот не добьется хороших результатов.

КТО ВАШИ РОДИТЕЛИ?

Недавно ко мне в гости пришли две маленькие девочки.

Я спросил одну из них, Катю:

— Кто твой папа?

Катя ответила:

— Мой папа инженер.

Тогда я спросил другую девочку, ее подружку Олю:

— А твой папа кто?

Маленькая Оля, смущенно опустив глазки, ответила:

— Мой папа... мой папа... тоже инженер, нет, он техник...

Маленькая Катя, засмеявшись, сказала:

— Она вам говорит неправду. Ее папа не техник. Ее папа парикмахер. Он стрижет и бреет людей.

Я сказал:

— Это очень полезное и важное дело — стричь людей. Если бы не было парикмахеров, люди ходили бы как дикобразы. Это не менее важная профессия, чем профессия инженера.

Маленькая Катя ответила:

— Да, но парикмахеры стригут инженеров — они их обслуживают.

Я сказал:

— А инженеры обслуживают парикмахеров — они им строят дома, дороги, изобретают машинки для стрижки волос и делают бритвы.

Маленькая Оля сказала Кате:

— Ага! И кроме того, мой папа очень хороший парикмахер. А твой папа — еще неизвестно какой инженер.

Катя сказала:

— Мой папа тоже очень хороший инженер.

Я сказал:

— Вот и хорошо. На этом вы и примиритесь. Плохих профессий не бывает. А бывают плохие и хорошие работники. А раз ваши папы очень хорошие работники, значит, все обстоит прекрасно.

Две подружки попрощались со мной и, обнявшись, ушли.

СМЕЛЫЙ, ДА НЕ ОЧЕНЬ

Один мой знакомый мальчик, Коля Ф., отличный ученик и прекрасный, смелый физкультурник, однажды ехал в трамвае.

Он сидел недалеко от выхода и не видел меня.

На остановке в вагон вошел седенький старичок с узелком в руках.

Коля сделал движение, чтобы уступить ему место. Он даже немного привстал. Но потом покраснел, оглянулся по сторонам и остался сидеть на своем месте.

Когда я выходил из вагона, я спросил Колю:

— Почему ты покраснел и почему не уступил место, как хотел это сделать?

Коля покраснел еще больше и чуть слышно ответил:

— Мне было неудобно. Я подумал, что кто-нибудь засмеется. И что кто-нибудь скажет: «Какой благовоспитанный мальчик».

Я сказал:

— Значит, у тебя не хватило смелости. Смелые люди не считаются с тем, что смеется какой-нибудь дурак. Значит, ты смелый, да не очень.

ЛЕЛЯ И МИНЬКА

I. Не надо врать

Я учился очень давно. Тогда еще были гимназии. И учителя тогда ставили в дневнике отметки за каждый спрошенный урок. Они ставили какой-нибудь балл — от пятерки до единицы включительно.

А я был очень маленький, когда поступил в гимназию, в подготовительный класс. Мне было всего семь лет.

И я ничего еще не знал, что бывает в гимназиях. И первые три месяца ходил буквально как в тумане.

И вот однажды учитель велел нам выучить наизусть стихотворение:

Весело сияет месяц над селом,
Белый снег сверкает синим огоньком...

А я этого стихотворения не выучил. Я не слышал, что сказал учитель. Я не слышал потому, что мальчики, которые сидели позади, то шлепали меня книгой по затылку, то мазали мне ухо чернилами, то дергали меня за волосы, и когда я от неожиданности вскакивал — подкладывали под меня карандаш или вставочку. И по этой причине я сидел в классе перепуганный и даже обалдевший и все время прислушивался, что еще замыслили против меня сидевшие позади мальчики.

А на другой день учитель, как назло, вызвал меня и велел прочитать наизусть заданное стихотворение.

А я не только не знал его, но даже и не подозревал, что на свете есть такие стихотворения. Но от робости я не посмел сказать учителю, что не знаю этих стихов. И совершенно ошеломленный стоял за своей партой, не произнося ни слова.

Но тут мальчишки стали подсказывать мне эти стихи. И благодаря этому я стал лепетать то, что они мне шептали.

А в то время у меня был хронический насморк, и я плохо слышал одним ухом и поэтому с трудом разбирал то, что они мне подсказывали.

Еще первые строчки я кое-как произнес. Но когда дело дошло до фразы: «Крест под облаками как свеча горит», я сказал: «Треск под сапогами как свеча болит».

Тут раздался хохот среди учеников. И учитель тоже засмеялся. Он сказал:

— А ну-ка, дай сюда свой дневник! Я тебе туда единицу поставлю.

И я заплакал, потому что это была моя первая единица и я еще не знал, что за это бывает.

После уроков моя сестренка Леля зашла за мной, чтобы вместе идти домой.

По дороге я достал из ранца дневник, развернул его на той странице, где была поставлена единица, и сказал Леле:

— Леля, погляди, что это такое? Это мне учитель поставил за стихотворение «Весело сияет месяц над селом».

Леля поглядела и засмеялась. Она сказала:

— Минька, это плохо! Это тебе учитель влепил единицу по русскому языку. Это до того плохо, что я сомневаюсь, что папа тебе подарит фотографический аппаратик к твоим именинам, которые будут через две недели.

Я сказал:

— А что же делать?

Леля сказала:

— Одна наша ученица взяла и заклеила две страницы в своем дневнике, там, где у нее была единица. Ее папа поклонил пальцы, но отклеить не мог и так и не увидел, что там было.

Я сказал:

— Леля, это нехорошо — обманывать родителей!

Леля засмеялась и пошла домой. А я в грустном настроении зашел в городской сад, сел там на скамейку и, развернув дневник, с ужасом глядел на единицу.

Я долго сидел в саду. Потом пошел домой. Но когда подходил к дому, вдруг вспомнил, что оставил свой дневник на скамейке в саду. Я побежал назад. Но в саду на скамейке уже не было моего дневника. Я сначала испугался, а потом обрадовался, что теперь нет со мной дневника с этой ужасной единицей.

Я пришел домой и сказал отцу, что потерял свой дневник. И Леля засмеялась и подмигнула мне, когда услышала эти мои слова.

На другой день учитель, узнав, что я потерял дневник, выдал мне новый.

Я развернул этот новый дневник с надеждой, что на этот раз там ничего плохого нету, но там против русского языка снова стояла единица, еще более жирная, чем раньше.

И тогда я почувствовал такую досаду и так рассердился, что бросил этот дневник за книжный шкаф, который стоял у нас в классе.

Через два дня учитель, узнав, что у меня нету и этого дневника, заполнил новый. И, кроме единицы по русскому языку, он там вывел мне двойку по поведению. И сказал, чтоб мой отец непременно посмотрел мой дневник.

Когда я встретился с Лелей после урока, она мне сказала: — Это не будет вранье, если мы временно заклеим страницу. И через неделю после твоих именин, когда ты получишь фотоаппарат, мы отклеим ее и покажем папе, что там было.

Мне очень хотелось получить фотографический аппарат, и я с Лелей заклеил уголки злополучной страницы дневника.

Вечером папа сказал:

— Ну-ка, покажи свой дневник! Интересно знать, не хватал ли ты единиц?

Папа стал смотреть дневник, но ничего плохого там не увидел, потому что страница была заклеена.

И когда папа рассматривал мой дневник, на лестнице вдруг кто-то позвонил.

Пришла какая-то женщина и сказала:

— На днях я гуляла в городском саду и там на скамейке нашла дневник. По фамилии я узнала адрес и вот принесла его вам, чтобы вы сказали, не потерял ли этот дневник ваш сын.

Папа посмотрел дневник и, увидев там единицу, все понял.

Он не стал на меня кричать. Он только тихо сказал:

— Люди, которые идут на вранье и обман, смешны и комичны, потому что рано или поздно их вранье всегда обнаружится. И не было на свете случая, чтоб что-нибудь из вранья осталось неизвестным.

Я, красный как рак, стоял перед папой, и мне было совестно от его тихих слов. Я сказал:

— Вот что: еще один мой, третий, дневник с единицей я бросил в школе за книжный шкаф.

Вместо того чтоб на меня рассердиться еще больше, папа улыбнулся и просиял. Он схватил меня на руки и стал меня целовать.

Он сказал:

— То, что ты в этом сознался, меня исключительно обрадовало. Ты сознался в том, что могло долгое время остаться

неизвестным. И это мне дает надежду, что ты больше не будешь врать. И вот за это я тебе подарю фотоаппаратик.

Когда Леля услышала эти слова, она подумала, что папа свихнулся в своем уме и теперь всем дарит подарки не за пятерки, а за единицы.

И тогда Леля подошла к папе и сказала:

— Папочка, я тоже сегодня получила двойку по физике, потому что не выучила урока.

Но ожидания Лели не оправдались. Папа рассердился на нее, выгнал ее из своей комнаты и велел ей немедленно сесть за книги.

И вот вечером, когда мы ложились спать, неожиданно раздался звонок.

Это к папе пришел мой учитель. И сказал ему:

— Сегодня у нас в классе была уборка, и за книжным шкафом мы нашли дневник вашего сына. Как вам нравится этот маленький врун и обманщик, бросивший свой дневник, с тем чтобы вы его не увидели?

Папа сказал:

— Об этом дневнике я уже лично слышал от моего сына. Он сам признался мне в этом поступке. Так что нет причин думать, что мой сын неисправимый врун и обманщик.

Учитель сказал папе:

— Ах, вот как. Вы уже знаете об этом. В таком случае — это недоразумение. Извините. Покойной ночи.

И я, лежа в своей постели, услышав эти слова, горько заплакал. И дал себе слово говорить всегда правду.

И я действительно так всегда и теперь поступаю. Ах, это иногда бывает очень трудно, но зато у меня на сердце весело и спокойно.

II. Галоши и мороженое

Когда я был маленький, я очень любил мороженое.

Конечно, я его и сейчас люблю. Но тогда это было что-то особенное — так я любил мороженое.

И когда, например, ехал по улице мороженщик со своей тележкой, у меня прямо начиналось головокружение: до того мне хотелось покушать то, что продавал мороженщик.

И моя сестренка Леля тоже исключительно любила мороженое.

И мы с ней мечтали, что вот, когда вырастем большие, будем кушать мороженое не менее как три, а то и четыре раза в день.

Но в то время мы очень редко ели мороженое. Наша мама не позволяла нам его есть. Она боялась, что мы простудимся и захвораем. И по этой причине она не давала нам на мороженое денег.

И вот однажды летом мы с Лелей гуляли в нашем саду. И Леля нашла в кустах галошу. Обыкновенную резиновую галошу. Причем очень ношеную и рваную. Наверное, кто-нибудь бросил ее, поскольку она разорвалась.

Вот Леля нашла эту галошу и для потехи надела ее на палку. И ходит по саду, машет этой палкой над головой.

Вдруг по улице идет тряпичник. И кричит: «Покупаю бутылки, банки, тряпки».

Увидев, что Леля держит на палке галошу, тряпичник сказал Леле:

— Эй, девочка, продаешь галошу?

Леля подумала, что это такая игра, и ответила тряпичнику:

— Да, продаю. Сто рублей стоит эта галоша.

Тряпичник засмеялся и говорит:

— Нет, сто рублей — это чересчур дорого за эту галошу. А вот если хочешь, девочка, я тебе дам за нее две копейки, и мы с тобой расстанемся друзьями.

И с этими словами тряпичник вытащил из кармана кошелек, дал Леле две копейки, сунул нашу рваную галошу в свой мешок и ушел.

Мы с Лелей поняли, что это не игра, а на самом деле. И очень удивились.

Тряпичник уже давно ушел, а мы стоим и глядим на нашу монету.

Вдруг по улице едет мороженщик и кричит:

— Земляничное мороженое!

Мы с Лелей подбежали к мороженщику, купили у него два шарика по копейке, моментально их съели и стали жалеть, что так задешево продали галошу.

На другой день Леля мне говорит:

— Минька, сегодня я решила продать тряпичнику еще одну какую-нибудь галошу.

Я обрадовался и говорю:

— Леля, разве ты опять нашла в кустах галошу?

Леля говорит:

— В кустах больше ничего нет. Но у нас в прихожей стоит, наверно, я так думаю, не меньше пятнадцати галош. Если мы одну продадим, то нам от этого худо не будет.

И с этими словами Леля побежала на дачу и вскоре появилась в саду с одной, довольно хорошей и почти новенькой галошей.

Леля сказала:

— Если тряпичник купил у нас за две копейки такую рвань, какую мы ему продали в прошлый раз, то за эту почти что новенькую галошу он, наверно, даст не менее рубля. Воображаю, сколько мороженого можно будет купить на эти деньги.

Мы целый час ждали появления тряпичника, и, когда мы наконец его увидели, Леля мне сказала:

— Минька, на этот раз ты продавай галошу. Ты мужчина, и ты с тряпичником разговаривай. А то он мне опять две копейки даст. А это нам с тобой чересчур мало.

Я надел на палку галошу и стал махать палкой над головой.

Тряпичник подошел к саду и спросил:

— Что, опять продается галоша?

Я прошептал чуть слышно:

— Продается.

Тряпичник, осмотрев галошу, сказал:

— Какая жалость, дети, что вы мне все по одной галошине продаете. За эту одну галошу я вам дам пятак. А если бы вы продали мне сразу две галоши, то получили бы двад-

цать, а то и тридцать копеек. Поскольку две галоши сразу более нужны людям. И от этого они подсакивают в цене.

Леля мне сказала:

— Минька, побеги на дачу и принеси из прихожей еще одну галошу.

Я побежал домой и вскоре принес какую-то галошу очень больших размеров.

Тряпичник поставил на траву эти две галоши рядом и, грустно вздохнув, сказал:

— Нет, дети, вы меня окончательно расстраиваете своей торговлей. Одна галоша дамская, другая — с мужской ноги, рассудите сами: на что мне такие галоши? Я вам хотел за одну галошу дать пятак, но, сложив вместе две галоши, вижу, что этого не будет, поскольку дело ухудшилось от сложения. Получите за две галоши четыре копейки, и мы расстанемся друзьями.

Леля хотела побежать домой, чтоб принести еще что-нибудь из галош, но в этот момент раздался мамин голос. Это мама нас звала домой, так как с нами хотели попрощаться мамины гости.

Тряпичник, видя нашу растерянность, сказал:

— Итак, друзья, за эти две галоши вы могли бы получить четыре копейки, но вместо этого получите три копейки, поскольку одну копейку я вычитаю за то, что понапрасну трачу время на пустой разговор с детьми.

Тряпичник дал Леле три монетки по копейке и, спрятав галоши в мешок, ушел.

Мы с Лелей моментально побежали домой и стали прощаться с маминными гостями: с тетей Олей и дядей Колей, которые уже одевались в прихожей.

Вдруг тетя Оля сказала:

— Что за странность! Одна моя галоша тут, под вешалкой, а второй почему-то нету.

Мы с Лелей побледнели. И стояли не двигаясь.

Тетя Оля сказала:

— Я великолепно помню, что пришла в двух галошах. А тут сейчас только одна, а где вторая, неизвестно.

Дядя Коля, который тоже искал свои галоши, сказал:

— Что за чепуха в решетке! Я тоже отлично помню, что пришел в двух галошах, тем не менее второй моей галоши тоже нету.

Услышав эти слова, Леля от волнения разжала кулак, в котором у нее находились деньги, и три монетки по копейке со звоном упали на пол.

Папа, который тоже провожал гостей, спросил:

— Леля, откуда у тебя эти деньги?

Леля начала что-то врать, но папа сказал:

— Что может быть хуже вранья!

Тогда Леля заплакала. И я тоже заплакал. И мы сказали:

— Мы продали тряпичнику две галоши, чтобы купить мороженое.

Папа сказал:

— Хуже вранья — это то, что вы сделали.

Услышав, что галоши проданы тряпичнику, тетя Оля побледнела и зашаталась. И дядя Коля тоже зашатался и схватился рукой за сердце. Но папа им сказал:

— Не волнуйтесь, тетя Оля и дядя Коля, я знаю, как нам надо поступить, чтобы вы не остались без галош. Я возьму все Лелины и Минькины игрушки, продам их тряпичнику, и на вырученные деньги мы приобретем вам новые галоши.

Мы с Лелей заревели, услышав этот приговор. Но папа сказал:

— Это — еще не все. В течение двух лет я запрещаю Леле и Миньке кушать мороженое. А спустя два года они могут его кушать, но всякий раз, кушая мороженое, пусть они вспоминают эту печальную историю, и всякий раз пусть они думают, заслужили ли они это сладкое.

В тот же день папа собрал все наши игрушки, позвал тряпичника и продал ему все, что мы имели. И на полученные деньги наш отец купил галоши тете Оле и дяде Коле.

И вот, дети, с тех пор прошло много лет.

Первые два года мы с Лелей действительно ни разу не ели мороженого. А потом стали его есть и всякий раз, кушая, невольно вспоминали о том, что было с нами.

И даже теперь, дети, когда я стал совсем взрослый и даже немножко старый, даже и теперь иной раз, кушая мороженое, я ощущаю в горле какое-то сжатие и какую-то неловкость. И при этом всякий раз, по детской своей привычке, думаю: «Заслужил ли я это сладкое, не соврал ли и не надул ли кого-нибудь?»

Сейчас, дети, очень многие люди кушают мороженое, потому что у нас имеются целые огромные фабрики, в которых изготавливают это приятное блюдо.

Тысячи людей и даже миллионы кушают мороженое, и я бы, дети, очень хотел, чтобы все люди, кушая мороженое, думали бы о том, о чем я думаю, когда ем это сладкое.

III. *Бабушкин подарок*

У меня была бабушка. И она меня очень горячо любила.

Она каждый месяц приезжала к нам в гости и дарила нам игрушки. И вдобавок приносила с собой целую корзинку пирожных.

И из всех пирожных она позволяла мне выбрать то, которое мне нравится.

А мою старшую сестренку Лелю бабушка не очень любила. И не позволяла ей выбирать пирожные. Она сама давала ей какое придется. И от этого моя сестренка Леля всякий раз хныкала и сердилась больше на меня, чем на бабушку.

В один прекрасный летний день бабушка приехала к нам на дачу.

Она приехала на дачу и идет по саду. В одной руке у нее корзинка с пирожными, в другой — сумочка.

И мы с Лелей подбежали к бабушке и с ней поздоровались. И с грустью увидели, что на этот раз, кроме пирожных, бабушка нам ничего не принесла.

И тогда моя сестренка Леля сказала бабушке:

— Бабушка, а кроме пирожных ты разве нам сегодня ничего не принесла?

И моя бабушка рассердилась на Лелю и так ей ответила:

— Принесла. Но только не дам невоспитанной особе, которая так откровенно об этом спрашивает. Подарок получит благовоспитанный мальчик Миня, который лучше всех на свете благодаря своему тактичному молчанию.

И с этими словами бабушка велела мне протянуть руку. И на мою ладонь она положила десять новеньких монеток по десять копеек.

И вот я стою как дурачок и с восторгом смотрю на новенькие монеты, которые лежат у меня на ладони. И Леля тоже смотрит на эти монеты. И ничего не говорит. Только у нее глазенки сверкают недобрым огоньком.

Бабушка полюбовалась на меня и пошла пить чай.

И тогда Леля с силой ударила меня по руке снизу вверх, так, что все мои монетки подпрыгнули на ладони и попадали в траву и в канаву.

И я так громко зарыдал, что сбежались все взрослые — папа, мама и бабушка. И все они моментально нагнулись и стали разыскивать упавшие мои монетки.

И когда были собраны все монетки, кроме одной, бабушка сказала:

— Видите, как правильно я поступила, что не дала Лельке ни одной монеты! Вот она какая завистливая особа:

«Если, думает, не мне, так и не ему!» Где, кстати, эта злодейка в настоящий момент?

Чтобы избежать трепки, Леля, оказывается, влезла на дерево и, сидя на дереве, дразнила меня и бабушку языком.

Соседский мальчик Павлик хотел стрельнуть в Лелю из рогатки, чтоб снять ее с дерева. Но бабушка не позволила ему это сделать, потому что Леля могла упасть и сломать себе ногу. Бабушка не пошла на эту крайность и даже хотела отобрать у мальчика его рогатку.

И тогда мальчик рассердился на нас всех, и на бабушку в том числе, и издали стрельнул в нее из рогатки.

Бабушка, ахнув, сказала:

— Как это вам нравится? Из-за этой злодейки меня из рогатки подбили. Нет, я не буду к вам больше приезжать, чтоб не иметь подобных историй. Лучше вы привозите ко мне моего славного мальчика Миню. И я всякий раз, в пику Лельке, буду дарить ему подарки.

Папа сказал:

— Хорошо. Я так и сделаю. Но только вы, мамаша, напрасно хвалите Миньку! Конечно, Леля поступила нехорошо. Но и Минька тоже не из лучших мальчиков на свете. Лучший мальчик на свете тот, который отдал бы своей сестренке несколько монеток, видя, что у нее ничего нет. И этим он не довел бы свою сестренку до злобы и зависти.

Сидя на своем дереве, Лелька сказала:

— А лучшая бабушка на свете та, которая всем детям что-нибудь дарит, а не только Миньке, который по своей глупости

или хитрости молчит и поэтому получает подарки и пирожные!

Бабушка не пожелала больше оставаться в саду. И все взрослые ушли пить чай на балкон.

Тогда я сказал Леле:

— Леля, слезь с дерева! Я подарю тебе две монетки.

Леля слезла с дерева, и я подарил ей две монетки. И в хорошем настроении пошел на балкон и сказал взрослым:

— Все-таки бабушка оказалась права. Я лучший мальчик на свете — я сейчас подарил Леле две монетки.

Бабушка ахнула от восторга. И мама тоже ахнула. Но папа, нахмурившись, сказал:

— Нет, лучший мальчик на свете тот, который сделает что-нибудь хорошее и после этим не будет хвастаться.

И тогда я побежал в сад, нашел свою сестренку и дал ей еще монетку. И ничего об этом не сказал взрослым.

Итого у Лельки стало три монеты и четвертую монетку она нашла в траве, там, где она меня ударила по руке.

И на все эти четыре монеты Лелька купила мороженое. И она два часа его ела, наелась и еще у нее осталось.

А к вечеру у нее заболел живот, и Лелька целую неделю пролежала в кровати.

И вот, ребята, прошло с тех пор много лет. И до сих пор я отлично помню папины слова.

Нет, мне, может быть, не удалось стать очень хорошим. Это очень трудно. Но к этому, дети, я всегда стремился.

И то хорошо.

IV. Тридцать лет спустя

Мои родители очень горячо меня любили, когда я был маленький. И они дарили мне много подарков.

Но когда я чем-нибудь заболел, родители буквально тогда засыпали меня подарками.

А я почему-то очень часто хворал. Главным образом свинкой или ангиной.

А моя сестренка Леля почти никогда не хворала. И она завидовала, что я так часто болею.

Она говорила:

— Вот погоди, Минька, я тоже как-нибудь захвораю, так наши родители тоже, небось, начнут мне закупать всего.

Но, как назло, Леля не хворала. И только раз, подставив стул к камину, она упала и разбила себе лоб. Она охала и стонала, но вместо ожидаемых подарков она от нашей мамы получила несколько шлепков, потому что она подставила стул к камину и хотела достать мамины часики, а это было запрещено.

И вот однажды наши родители ушли в театр, и мы с Лелей остались в комнате. Мы с ней стали играть на маленьком настольном бильярде.

Во время игры Леля, охнув, сказала:

— Минька, я сейчас нечаянно проглотила бильярдный шарик. Я держала его во рту, и он у меня через горло провалился вовнутрь.

А у нас для бильярда были хотя и маленькие, но удивительно тяжелые металлические шарики. И я испугался, что

Леля проглотила такой тяжелый шарик. И заплакал, потому что подумал, что у нее в животе будет взрыв.

Но Леля сказала:

— От этого взрыва не бывает. Но болезнь может продолжаться целую вечность. Это не то, что твои свинка и ангина, которые проходят в три дня.

Леля легла на диван и стала охать.

Вскоре пришли наши родители, и я им рассказал, что случилось.

Мои родители испугались до того, что побледнели. Они бросились к дивану, на котором лежала Лелька, и стали ее целовать и плакать.

И сквозь слезы мама спросила Лельку, что она чувствует в животе. И Леля сказала:

— Я чувствую, что шарик катается там у меня внутри. И мне от этого щекотно и хочется какао и апельсинов.

Папа надел пальто и сказал:

— Со всей осторожностью разденьте Лелю и положите ее в постель. А я тем временем сбегаю за врачом.

Мама стала раздевать Лелю, но когда она сняла платье и передник, из кармана передника вдруг выпал бильярдный шарик и покатился под кровать.

Папа, который еще не ушел, чрезвычайно нахмурился. Он подошел к бильярдному столику и пересчитал оставшиеся шары. И их оказалось пятнадцать, а шестнадцатый шарик лежал под кроватью.

Папа сказал:

— Леля нас обманула. В ее животе нет ни одного шарика: они все здесь.

Мама сказала:

— Это ненормальная или даже сумасшедшая девочка. Иначе я не могу ничем объяснить ее нелепый поступок!

Папа никогда нас не бил, но тут он дернул Лелю за косичку и сказал:

— Объясни, что это значит?

Леля захныкала и не нашлась, что ответить.

Папа сказал:

— Она хотела над нами пошутить. Но с нами шутки плохи! Целый год она от меня ничего не получит. И целый год она будет ходить в старых башмаках и в старом синеньком платье, которое она так не любит!

И наши родители, хлопнув дверью, ушли из комнаты.

И я, глядя на Лелю, не мог удержаться от смеха. Я ей сказал:

— Леля, лучше бы ты подождала, когда захворает свинкой, чем идти на такое вранье для получения подарков от наших родителей.

И вот, представьте себе, дети, прошло тридцать лет!

Тридцать лет прошло с тех пор, как произошел этот маленький несчастный случай с бильярдным шариком.

И за все эти годы я ни разу не вспомнил об этом случае.

И только недавно, когда я стал писать эти рассказы, я припомнил все, что было. И стал об этом думать. И мне показалось, что Леля обманула родителей совсем не для того,

чтобы получать подарки, которые она и без того имела. Она обманула их, видимо, для чего-то другого.

И когда мне пришла в голову эта мысль, я сел в поезд и поехал в Симферополь, где жила Леля.

А Леля была уже, представьте себе, взрослая и даже уже немножко старая женщина. И у ней было трое детей и муж — санитарный доктор.

И вот я приехал в Симферополь и спросил Лелю:

— Леля, помнишь ли ты этот случай с бильярдным шариком? Зачем ты это сделала?

И Леля, у которой было трое детей, покраснела и сказала:

— Когда ты был маленький, ты был славненький, как кукла. И тебя все любили. А я уже тогда выросла и была нескладная девочка. И вот почему я тогда соврала, что проглотила бильярдный шарик, — я хотела, чтобы и меня так же, как тебя, все любили и жалели, хотя бы как больную.

И я ей сказал:

— Леля, я для этого приехал в Симферополь.

И я поцеловал ее и крепко обнял. И дал ей тысячу рублей.

И она заплакала от счастья, потому что она поняла мои чувства и оценила мою любовь.

И тогда я подарил ее детям каждому по сто рублей на игрушки. И мужу ее — санитарному врачу — отдал свой портсигар, на котором золотыми буквами было написано: «Будь счастливым».

Потом я дал на кино и конфеты еще по тридцать рублей ее детям и сказал им:

— Глупые, маленькие сычи! Я дал вам это для того, чтобы вы лучше запомнили переживаемый момент, и для того, чтобы вы знали, как вам надо в дальнейшем поступать.

На другой день я уехал из Симферополя и дорогой думал о том, что надо любить и жалеть людей, хотя бы тех, которые хорошие. И надо дарить им иногда какие-нибудь подарки. И тогда у тех, кто дарит, и у тех, кто получает, становится прекрасно на душе.

А которые ничего не дарят людям, а вместо этого преподносят им неприятные сюрпризы, — у тех бывает мрачно и противно на душе. Такие люди чахнут, сохнут и хворают нервной экземой. Память у них ослабевает и ум затемняется. И они умирают раньше времени.

А добрые, наоборот, живут крайне долго и отличаются хорошим здоровьем.

V. Находка

Однажды мы с Лелей взяли коробку от конфет и положили туда лягушку и паука.

Потом мы завернули эту коробку в чистую бумагу, перевязали ее шикарной голубой ленточкой и положили этот пакет на панель против нашего сада. Как будто бы кто-то шел и потерял свою попку.

Положив этот пакет возле тумбы, мы с Лелей спрятались в кустах нашего сада и, давась от смеха, стали ждать, что будет.

И вот идет прохожий.

Увидев наш пакет, он, конечно, останавливается, радуется и даже от удовольствия потирает себе руки. Еще бы: он нашел коробку конфет — это не так-то часто бывает в этом мире.

Затаив дыхание, мы с Лелей смотрим, что будет дальше.

Прохожий нагнулся, взял пакет, быстро развязал его и, увидев красивую коробку, еще того более обрадовался.

И вот крышка открыта. И наша лягушка, соскучившись сидеть в темноте, выскакивает из коробки прямо на руку прохожего.

Тот ахает от удивления и швыряет коробку подальше от себя.

Тут мы с Лелей стали так смеяться, что повалились на траву.

И мы смеялись до того громко, что прохожий обернулся в нашу сторону и, увидев нас за забором, тотчас все понял.

В одно мгновение он ринулся к забору, одним махом перепрыгнул его и бросился к нам, чтобы нас проучить.

Мы с Лелей задали стрекача.

Мы с визгом бросились через сад к дому.

Но я запнулся о грядку и растянулся на траве.

И тут прохожий довольно сильно отодрал меня за ухо.

Я громко закричал. Но прохожий, дав мне еще два шлепка, спокойно удалился из сада.

На крики и шум прибежали наши родители.

Держась за покрасневшее ухо и всхлипывая, я подошел к родителям и пожаловался им на то, что было.

Моя мама хотела позвать дворника, чтобы с дворником догнать прохожего и арестовать его.

И Леля уже было кинулась за дворником. Но папа остановил ее. И сказал ей и маме:

— Не зовите дворника. И не надо арестовывать прохожего. Конечно, это не дело, что он отодрал Миньку за уши, но на месте прохожего я, пожалуй, сделал бы то же самое.

Услышав эти слова, мама рассердилась на папу и сказала ему:

— Ты ужасный эгоист!

И мы с Лелей тоже рассердились на папу и ничего ему не сказали. Только я потерял свое ухо и заплакал. И Лелька тоже захныкала. И тогда моя мама, взяв меня на руки, сказала папе:

— Вместо того чтобы заступаться за прохожего и этим доводить детей до слез, ты бы лучше объяснил им, что есть плохого в том, что они сделали. Лично я этого не вижу. И все расцениваю как невинную детскую забаву.

И папа не нашелся, что ответить. Он только сказал:

— Вот дети вырастут большими и когда-нибудь сами узнают, почему это плохо.

И вот проходили годы. Прошло пять лет. Потом десять лет прошло. И наконец прошло двенадцать лет.

Прошло двенадцать лет, и из маленького мальчика я превратился в молодого студентика, лет так восемнадцати.

Конечно, я забыл и думать об этом случае. Более интересные мысли посещали тогда мою голову. Но однажды вот что произошло.

Весной, по окончании экзаменов, я поехал на Кавказ. В то время многие студенты брали на лето какую-нибудь работу и уезжали кто куда. И я тоже взял себе должность — контролера поездов.

Я был бедный студентик и денег не имел. А тут давали бесплатный билет на Кавказ и вдобавок платили жалованье. И вот я взял эту работу. И поехал.

Приезжаю сначала в город Ростов, для того чтобы зайти в управление и получить там деньги, документы и щипчики для пробивания билетов.

А наш поезд опоздал. И вместо утра пришел в пять часов вечера.

Я сдал мой чемодан на хранение. И на трамвае поехал в канцелярию.

Прихожу туда. Швейцар мне говорит:

— К великому сожалению, опоздали, молодой человек. Канцелярия уже закрыта.

— Как так, — говорю, — закрыта. Мне же надо сегодня получить деньги и удостоверение.

Швейцар говорит:

— Все уже ушли. Приходите послезавтра.

— Как так, — говорю, — послезавтра. Тогда лучше уж я завтра зайду.

Швейцар говорит:

— Завтра праздник, канцелярия не работает. А послезавтра приходите и все, что надо, получите.

Я вышел на улицу. И стою. Не знаю, что мне делать.

Впереди два дня. Денег в кармане нет — всего осталось три копейки. Город чужой — никто меня тут не знает. И где мне остановиться — неизвестно. И что кушать — непонятно.

Я побежал на вокзал, чтобы взять из моего чемодана какую-нибудь рубашку или полотенце для того, чтобы продать на рынке. Но на вокзале мне сказали:

— Прежде чем брать чемодан, заплатите за хранение, а потом уж его берите и делайте с ним что хотите.

Кроме трех копеек, у меня ничего не было, и я не мог заплатить за хранение. И вышел на улицу еще того более расстроенный.

Нет, сейчас бы я так не растерялся. А тогда я ужасно растерялся. Иду, бреду по улице неизвестно куда и горюю.

И вот иду по улице и вдруг на панели вижу: что такое? Маленький красный плюшевый кошелек. И, видать, не пустой, а туго набитый деньгами.

На одно мгновение я остановился. Мысли, одна другой радостнее, мелькнули у меня в голове. Я мысленно увидел себя в булочной за стаканом кофе. А потом в гостинице на кровати, с плиткой шоколада в руках.

Я сделал шаг к кошельку. И протянул за ним руку. Но в этот момент кошелек (или мне это показалось) немного отодвинулся от моей руки.

Я снова протянул руку и уже хотел схватить кошелек. Но он снова отодвинулся от меня, и довольно далеко.

Ничего не соображая, я снова бросился к кошельку.

И вдруг в саду, за забором, раздался детский хохот. И кошелек, привязанный за нитку, стремительно исчез с панели.

Я подошел к забору. Какие-то ребята от хохота буквально катались по земле.

Я хотел броситься за ними. И уже схватился рукой за забор, чтоб перепрыгнуть. Но тут в одно мгновение мне припомнилась давно забытая сценка из моей детской жизни.

И тогда я ужасно покраснел. Отошел от забора. И, медленно шагая, побрел дальше.

Ребята! Все проходит в жизни. Прошли и эти два дня.

Вечером, когда стемнело, я пошел за город и там, в поле, на траве, заснул.

Утром встал, когда взошло солнышко. Купил фунт хлеба на три копейки, съел и запил водичкой. И целый день, до вечера, без толку бродил по городу.

А вечером снова пришел в поле, и снова там переночевал. Только на этот раз плохо, потому что пошел дождь, и я промок, как собака.

Рано утром на другой день я уже стоял у подъезда и ожидал, когда откроется канцелярия.

И вот она открыта. Я, грязный, взлохмаченный и мокрый, вошел в канцелярию.

Чиновники недоверчиво на меня посмотрели. И сначала не захотели мне выдать деньги и документы. Но потом выдали.

И вскоре я, счастливый и сияющий, поехал на Кавказ.

VI. Елка

В этом году мне исполнилось, ребята, сорок лет. Значит, выходит, что я сорок раз видел новогоднюю елку. Это много!

Ну, первые три года жизни я, наверно, не понимал, что такое елка. Наверно, мама выносила меня на ручках. И, наверно, я своими черными глазенками без интереса смотрел на разукрашенное дерево.

А когда мне, дети, ударило пять лет, то я уже отлично понимал, что такое елка.

И я с нетерпением ожидал этого веселого праздника. И даже в щелочку двери подглядывал, как моя мама украшает елку.

А моей сестренке Леле было в то время семь лет. И она была исключительно бойкая девочка.

Она мне однажды сказала:

— Минька, мама ушла на кухню. Давай пойдем в комнату, где стоит елка, и поглядим, что там делается.

Вот мы с сестренкой Лелей пошли в комнату. И видим: очень красивая елка. А под елкой лежат подарки. А на елке разноцветные бусы, флаги, фонарики, золотые орехи, пастилки и крымские яблочки.

Моя сестренка Леля говорит:

— Не будем глядеть подарки. А вместо того давай лучше съедем по одной пастилке.

И вот она подходит к елке и моментально съедает одну пастилку, висящую на ниточке.

Я говорю:

— Леля, если ты съела пастилку, то я тоже сейчас что-нибудь съем.

И я подхожу к елке и откусываю маленький кусочек яблока.

Леля говорит:

— Минька, если ты яблоко откусил, то я сейчас другую пастилку съем и вдобавок возьму себе еще эту конфетку.

А Леля была очень такая высокая, длинновязая девочка. И она могла высоко достать.

Она встала на цыпочки и своим большим ртом стала поедать вторую пастилку.

А я был удивительно маленького роста. И мне почти что ничего нельзя было достать, кроме одного яблока, которое висело низко.

Я говорю:

— Если ты, Лелища, съела вторую пастилку, то я еще раз откушу это яблоко.

И я снова беру руками это яблочко и снова его немножко откусываю.

Леля говорит:

— Если ты второй раз откусил яблоко, то я не буду больше церемониться и сейчас съем третью пастилку и вдобавок возьму себе на память хлопушку и орех.

Тогда я чуть не заревел. Потому что она могла до всего дотянуться, а я нет.

Я ей говорю:

— А я, Лелища, как подставлю к елке стул и как достану себе тоже что-нибудь, кроме яблока.

И вот я стал своими худенькими ручонками тянуть к елке стул. Но стул упал на меня. Я хотел поднять стул. Но он снова упал. И прямо на подарки.

Леля говорит:

— Минька, ты, кажется, разбил куклу. Так и есть. Ты отбил у куклы фарфоровую ручку.

Тут раздалась мамины шаги, и мы с Лелей убежали в другую комнату.

Леля говорит:

— Вот теперь, Минька, я не ручаюсь, что мама тебя не выдерет.

Я хотел зареветь, но в этот момент пришли гости. Много детей с их родителями.

И тогда наша мама зажгла все свечи на елке, открыла дверь и сказала:

— Все входите.

И все дети вошли в комнату, где стояла елка.

А наша мама говорит:

— Теперь пусть каждый ребенок подходит ко мне, и я каждому буду давать игрушку и угощенье.

И вот дети стали подходить к нашей маме. И она каждому дарила игрушку. Потом снимала с елки яблоко, пастилку и конфету и тоже дарила ребенку.

И все дети были очень рады.

Потом мама взяла в руки то яблоко, которое я откусил, и сказала:

— Леля и Минька, подойдите сюда. Кто из вас откусил это яблоко?

Леля сказала:

— Это Минькина работа.

Я дернул Лелю за косичку и сказал:

— Это меня Лелька научила.

Мама говорит:

— Лелю я поставлю в угол носом, а тебе я хотела подарить заводной паровозик. Но теперь этот заводной паровозик я подарю тому мальчику, которому я хотела дать откусанное яблоко.

И она взяла паровозик и подарила его одному четырехлетнему мальчику. И тот моментально стал с ним играть.

И я рассердился на этого мальчика и ударил его по руке игрушкой. И он так отчаянно заревел, что его собственная мама взяла его на ручки и сказала:

— С этих пор я не буду приходить к вам в гости с моим мальчиком.

И я сказал:

— Можете уходить, и тогда паровозик мне останется.

И та мама удивилась моим словам и сказала:

— Наверное, ваш мальчик будет разбойник.

И тогда моя мама взяла меня на ручки и сказала той маме:

— Не смейте так говорить про моего мальчика. Лучше уходите со своим золотушным ребенком и никогда к нам больше не приходите.

И та мама сказала:

— Я так и сделаю. С вами водиться, что в крапиву садиться.

И тогда еще одна, третья, мама сказала:

— И я тоже уйду. Моя девочка не заслужила того, чтобы ей дарили куклу с обломанной рукой.

И моя сестренка Леля закричала:

— Можете тоже уходить со своим золотушным ребенком.

И тогда кукла со сломанной ручкой мне останется.

И тогда я, сидя на маминых руках, закричал:

— Вообще можете все уходить, и тогда все игрушки нам останутся.

И тогда все гости стали уходить.

И наша мама удивилась, что мы остались одни.

Но вдруг в комнату вошел наш папа.

Он сказал:

— Такое воспитание губит моих детей. Я не хочу, чтоб мои дети были жадные и злые. И я не хочу, чтобы они дрались, ссорились и выгоняли гостей. Им будет трудно жить на свете, и они умрут в одиночестве.

И папа подошел к елке и потушил все свечи. И сказал:

— Моментально ложитесь спать. А завтра все игрушки я отдам гостям.

И вот, ребята, прошло с тех пор тридцать пять лет, и я до сих пор хорошо помню эту елку.

И за все эти тридцать пять лет я, дети, ни разу больше не съел чужого яблока и ни разу не ударил того, кто слабее меня. И теперь доктора говорят, что я поэтому такой сравнительно веселый и добродушный.

VII. Великие путешественники

Когда мне было шесть лет, я не знал, что Земля имеет форму шара.

Но Степка, хозяйский сын, у родителей которого мы жили на даче, объяснил мне, что такое земля. Он сказал:

— Земля есть круг. И если пойти все прямо, то можно обогнуть всю Землю и все равно придешь в то самое место, откуда вышел.

И когда я не поверил, Степка ударил меня по затылку и сказал:

— Скорей я пойду в кругосветное путешествие с твоей сестренкой Лелей, чем я возьму тебя. Мне не доставляет интереса с дураками путешествовать.

Но мне хотелось путешествовать, и я подарил Степке перочинный ножик. Степке понравился мой ножик, и он согласился взять меня в кругосветное путешествие.

На огороде Степка устроил общее собрание путешественников. И там он сказал мне и Леле:

— Завтра, когда ваши родители уедут в город, а моя мамаша пойдет на речку стирать, мы сделаем что задумали. Мы пойдем всё прямо и прямо, пересекая горы и пустыни. И будем идти напрямик до тех пор, пока не вернемся сюда обратно, хотя бы на это у нас ушел целый год.

Леля сказала:

— А если, Степочка, мы встретим индейцев?

— Что касается индейцев, — ответил Степа, — то индейские племена мы будем брать в плен.

— А которые не захотят идти в плен? — робко спросил я.

— Которые не захотят, — ответил Степа, — тех мы и не будем брать в плен.

Леся сказала:

— Из моей копилки я возьму три рубля. Я думаю, что нам хватит этих денег.

Степка сказал:

— Три рубля нам безусловно хватит, потому что нам деньги нужны только лишь на покупку семечек и конфет. Что касается еды, то мы по дороге будем убивать мелких животных, и их нежное мясо мы будем жарить на костре.

Степка сбежал в сарай и принес оттуда большой мешок изпод муки. И в этот мешок мы стали собирать вещи, нужные для далеких путешествий. Мы положили в мешок хлеб и сахар и кусочек сала, потом положили разную посуду — тарелки, стаканы, вилки и ножи. Потом, подумавши, положили цветные карандаши, волшебный фонарик, глиняный рукомойник и увеличительное стеклышко для зажигания костров. И, кроме того, запихали в мешок два одеяла и подушку от тахты.

Помимо этого, я приготовил три рогатки, удочку и сачок для ловли тропических бабочек.

И на другой день, когда наши родители уехали в город, а Степкина мать ушла на речку полоскать белье, мы покинули нашу деревню Пески.

Мы пошли по дороге через лес.

Впереди бежала Степкина собачка Тузик. За ней шел Степка с громадным мешком на голове. За Степкой шла Леся со скакалкой. И за Лелей с тремя рогатками, сачком и удочкой шел я.

Мы шли около часа.

Наконец Степа сказал:

— Мешок дьявольски тяжелый. И я один его не понесу.
Пусть каждый по очереди несет этот мешок.

Тогда Леля взяла этот мешок и понесла его.

Но она недолго несла, потому что выбилась из сил.

Она бросила мешок на землю и сказала:

— Теперь пусть Минька понесет.

Когда на меня взвалили этот мешок, я ахнул от удивления, до того этот мешок оказался тяжелым.

Но я еще больше удивился, когда зашагал с этим мешком по дороге. Меня пригибало к земле, и я, как маятник, качался из стороны в сторону, пока наконец, пройдя шагов десять, не свалился с этим мешком в канаву.

Причем я свалился в канаву странным образом. Сначала упал в канаву мешок, а вслед за мешком, прямо на все эти вещи, нырнул и я. И хотя я был легкий, тем не менее я ухитрился разбить все стаканы, почти все тарелки и глиняный рукомойник.

Леля и Степка умирали от смеха, глядя, как я барахтаюсь в канаве. И поэтому они не рассердились на меня, узнав, какие убытки я причинил своим падением.

Степка свистнул собаку и хотел ее приспособить для ношения тяжестей. Но из этого ничего не вышло, потому что Тузик не понимал, чего мы от него хотим. Да и мы плохо соображали, как нам под это приспособить Тузика.

Воспользовавшись нашим раздумьем, Тузик прогрыз мешок и в одно мгновение скушал все сало.

Тогда Степка велел нам всем вместе нести этот мешок.

Ухватившись за углы, мы понесли мешок. Но нести было неудобно и тяжело. Тем не менее мы шли еще два часа. И наконец вышли из леса на лужайку.

Тут Степка решил сделать привал. Он сказал:

— Всякий раз, когда мы будем отдыхать или когда будем ложиться спать, я буду протягивать ноги в том направлении, в каком нам надо идти. Все великие путешественники так поступали и благодаря этому не сбивались со своего прямого пути.

И Степка сел у дороги, протянув вперед ноги.

Мы развязали мешок и начали закусывать.

Мы ели хлеб, посыпанный сахарным песком.

Вдруг над нами стали кружиться осы. И одна из них, желая, видимо, попробовать мой сахар, ужалила меня в щеку. Вскоре моя щека вздулась, как пирог. И я, по совету Степки, стал прикладывать к ней мох, сырую землю и листья.

Перед тем как пойти дальше, Степка выкинул из мешка почти все, что там было, и мы пошли налегке.

Я шел позади всех, скуля и хныча. Щека моя горела и ныла.

Лея тоже была не рада путешествию. Она вздыхала и мечтала о возвращении домой, говоря, что дома тоже бывает хорошо.

Но Степка запретил нам об этом и думать. Он сказал:

— Каждого, кто захочет вернуться домой, я привяжу к дереву и оставлю на съедение муравьям.

Мы продолжали идти в плохом настроении.

И только у Тузика настроение было ничего себе.

Здрав хвост, он носился за птицами и своим лаем вносил излишний шум в наше путешествие.

Наконец стало темнеть.

Степка бросил мешок на землю. И мы решили тут заночевать.

Мы собрали хворосту для костра. И Степка извлек из мешка увеличительное стеклышко, чтоб разжечь костер.

Но не найдя на небе солнца, Степка приуныл. И мы тоже огорчились.

И, покушав хлеба, легли в темноте.

Степка торжественно лег ногами вперед, говоря, что утром нам будет ясно, в какую сторону идти.

Степка тотчас захрапел. И Тузик тоже засопел носом. Но мы с Лелей долго не могли заснуть. Нас пугал темный лес и шум деревьев.

Сухую ветку под головой Леля вдруг приняла за змею и от ужаса завизжала.

А упавшая шишка с дерева напугала меня до того, что я подскочил на земле, как мячик.

Наконец мы задремали.

Я проснулся от того, что Леля теребила меня за плечи. Было раннее утро. И солнце еще не взошло.

Леля шепотом сказала мне:

— Минька, пока Степка спит, давай повернем его ноги в обратную сторону. А то он заведет нас, куда Макар телят не гонял.

Мы посмотрели на Степку. Он спал с блаженной улыбкой.

Мы с Лелей ухватились за его ноги и в одно мгновение повернули их в обратную сторону, так что Степкина голова описала полукруг.

Но от этого Степка не проснулся.

Он только застонал во сне и замахал руками, бормоча: «Эй, сюда, ко мне...»

Наверное, ему снилось, что на него напали индейцы и он зовет нас на помощь.

Мы стали ждать, когда Степка проснется.

Он проснулся с первыми лучами солнца и, посмотрев на свои ноги, сказал:

— Хороши бы мы были, если б я лег ногами куда попало. Вот мы бы и не знали, в какую сторону нам идти. А теперь благодаря моим ногам всем нам ясно, что надо идти туда.

И Степка махнул рукой по направлению дороги, по которой мы шли вчера.

Мы покушали хлеба и двинулись в путь.

Дорога была знакома. И Степка то и дело раскрывал рот от удивления. Тем не менее он сказал:

— Кругосветное путешествие тем и отличается от других путешествий, что все повторяется, так как Земля есть круг.

Позади раздался скрип колес. Это какой-то дяденька ехал в пустой телеге.

Степка сказал:

— Для быстроты путешествия и чтоб скорей обогнуть Землю, не худо бы нам сесть в эту телегу.

Мы стали проситься, чтоб нас подвезли. Добродушный дяденька остановил телегу и позволил нам в нее сесть.

Мы быстро покатали. И ехали не больше часа. Вдруг впереди показалась наша деревня Пески. Степка, раскрыв рот от изумления, сказал:

— Вот деревня, в аккурат похожая на нашу деревню Пески. Это бывает во время кругосветных путешествий.

Но Степка еще больше изумился, когда мы подъехали к пристани.

Мы вылезли из телеги.

Сомнения не оставалось — это была наша пристань, и к ней только что подошел пароход.

Степка прошептал:

— Неужели же мы обогнули землю?

Лея фыркнула, и я тоже засмеялся.

Но тут мы увидели на пристани наших родителей и нашу бабушку — они только что сошли с парохода.

И рядом с ними мы увидели нашу няньку, которая с плачем что-то говорила.

Мы подбежали к родителям.

И родители засмеялись от радости, что увидели нас.

Нянька сказала:

— Ах, дети, а я думала, что вы вчера потонули.

Лея сказала:

— Если бы мы вчера потонули, то мы бы не могли отправиться в кругосветное путешествие.

Мама воскликнула:

— Что я слышу! Их надо наказать.

Папа сказал:

— Все хорошо, что хорошо кончается.

Бабушка, сорвав ветку, сказала:

— Я предлагаю выпороть детей. Миньку пусть выпорет мама. А Лелю я беру на себя.

Папа сказал:

— Порка — это старый метод воспитания детей. И это не приносит пользы. Дети, небось, и без порки поняли, какую глупость они совершили.

Мама, вздохнув, сказала:

— У меня дурацкие дети. Идти в кругосветное путешествие, не зная таблицы умножения и географии, — ну что это такое!

Папа сказал:

— Мало знать географию и таблицу умножения. Чтоб идти в кругосветное путешествие, надо иметь высшее образование в размере пяти курсов. Надо знать все, что там преподают, включая космографию. А те, которые пускаются в дальний путь без этих знаний, приходят к печальным результатам, достойным сожаления.

С этими словами мы пришли домой. И сели обедать. И наши родители смеялись и ахали, слушая наши рассказы о вчерашнем приключении.

Что касается Степки, то его мамаша заперла в бане, и там наш великий путешественник просидел целый день.

А на другой день мамаша его выпустила. И мы с ним стали играть как ни в чем не бывало.

Остается еще сказать несколько слов о Тузике.

Тузик бежал за телегой целый час и очень переутомился. Прибежав домой, он забрался в сарай и там спал до вечера. А вечером, покушав, снова заснул, и что он видел во сне — остается покрытым мраком неизвестности.

VIII. Золотые слова

Когда я был маленький, я очень любил ужинать со взрослыми. И моя сестренка Леля тоже любила такие ужины не меньше, чем я.

Во-первых, на стол ставилась разнообразная еда. И эта сторона дела нас с Лелей в особенности прельщала.

Во-вторых, взрослые всякий раз рассказывали интересные факты из своей жизни. И это нас с Лелей тоже забавляло.

Конечно, первые разы мы вели себя за столом тихо. Но потом осмелели. Леля стала вмешиваться в разговоры. Тараторила без конца. И я тоже иной раз вставлял свои замечания.

Наши замечания сместили гостей. И мама с папой сначала были даже довольны, что гости видят такой наш ум и такое наше развитие.

Но потом вот что произошло на одном ужине.

Папин начальник начал рассказывать какую-то невероятную историю о том, как он спас пожарного. Этот пожарный будто бы угорел на пожаре. И папин начальник вытаскивал его из огня.

Возможно, что был такой факт, но только нам с Лелей этот рассказ не понравился.

И Леля сидела как на иголках. Она вдобавок вспомнила одну историю вроде этой, но только еще более интересную. И ей поскорей хотелось рассказать эту историю, чтоб ее не забыть.

Но папин начальник, как назло, рассказывал крайне медленно. И Леля не могла более терпеть.

Махнув рукой в его сторону, она сказала:

— Это что! Вот у нас во дворе одна девочка...

Леля не закончила свою мысль, потому что мама на нее шикнула. И папа на нее строго посмотрел.

Папин начальник покраснел от гнева. Ему неприятно стало, что про его рассказ Леля сказала: «это что».

Обратившись к нашим родителям, он сказал:

— Я не понимаю, зачем вы сажаете детей со взрослыми. Они меня перебивают. И вот я теперь потерял нить моего рассказа. На чем я остановился?

Леля, желая загладить происшествие, сказала:

— Вы остановились на том, как угоревший пожарный сказал вам «мерси». Но только странно, что он вообще что-нибудь мог сказать, раз он был угоревший и лежал без сознания... Вот у нас одна девочка во дворе...

Леля снова не закончила свои воспоминания, потому что получила от мамы шлепок.

Гости заулыбались. И папин начальник еще более покраснел от гнева.

Видя, что дело плохо, я решил поправить положение. Я сказал Леле:

— Ничего странного нету в том, что сказал папин начальник. Смотря какие угоревшие, Леля. Другие угоревшие

пожарные хотя и лежат в обмороке, но все-таки они говорить могут. Они бредят. И говорят сами не зная что... Вот он и сказал — мерси. А сам, может, хотел сказать — караул.

Гости засмеялись. А папин начальник, затрясшись от гнева, сказал моим родителям:

— Вы плохо воспитываете ваших детей. Они мне буквально пикнуть не дают — все время перебивают глупыми замечаниями.

Бабушка, которая сидела в конце стола у самовара, сердито сказала, поглядывая на Лелю:

— Смотрите, вместо того чтобы раскаяться в своем поведении, — эта особа снова принялась за еду. Смотрите, она даже аппетита не потеряла — кушает за двоих...

Леля не посмела громко возразить бабушке. Но тихо она прошептала:

— На сердитых воду возят.

Бабушка не расслышала этих слов. Но папин начальник, который сидел рядом с Лелей, принял эти слова на свой счет.

Он прямо ахнул от удивления, когда это услышал.

Обратившись к нашим родителям, он так сказал:

— Всякий раз, когда я собираюсь к вам в гости и вспоминаю про ваших детей, мне прямо неохота к вам идти.

Папа сказал:

— Ввиду того что дети действительно вели себя крайне развязно и тем самым они не оправдали наших надежд, я запрещаю им с этого дня ужинать со взрослыми. Пусть они допьют свой чай и уходят в свою комнату.

Доев сардинки, мы с Лелей удалились под веселый смех и шутки гостей.

И с тех пор мы два месяца не садились вместе со взрослыми.

А спустя два месяца мы с Лелей стали упрашивать нашего отца, чтоб он нам снова разрешил ужинать со взрослыми. И наш отец, который был в тот день в прекрасном настроении, сказал:

— Хорошо, я вам это разрешу, но только я категорически запрещаю вам что-либо говорить за столом. Одно ваше слово, сказанное вслух, — и более вы за стол не сядете.

И вот, в один прекрасный день, мы снова за столом — ужинаем со взрослыми.

На этот раз мы сидим тихо и молчаливо. Мы знаем папин характер. Мы знаем, что если мы скажем хоть полслова, наш отец никогда более не разрешит нам есть со взрослыми.

Но от этого запрещения говорить мы с Лелей пока не очень страдаем. Мы с Лелей едим за четверых и между собой пересмеиваемся. Мы считаем, что взрослые даже прогадали, не позволив нам говорить. Наши рты, свободные от разговоров, целиком заняты едой.

Мы с Лелей съели все, что возможно, и перешли на сладкое.

Съев сладкое и выпив чай, мы с Лелей решили пройтись по второму кругу — решили повторить еду с самого начала, тем более что наша мать, увидев, что на столе почти что чисто, принесла новую еду.

Я взял булку и отрезал кусок масла. А масло было совершенно замерзшее — его только что вынули из-за окна.

Это замерзшее масло я хотел намазать на булку. Но мне это не удавалось сделать. Оно было как каменное.

И тогда я положил масло на кончик ножа и стал его греть над чаем.

А так как свой чай я давно выпил, то я стал греть это масло над стаканом папиного начальника, с которым я сидел рядом.

Папин начальник что-то рассказывал и не обращал на меня внимания.

Между тем нож согрелся над чаем. Масло немножко подтаяло. Я хотел его намазать на булку и уже стал отводить руку от стакана. Но тут мое масло неожиданно соскользнуло с ножа и упало прямо в чай.

Я обмер от страха.

Я вытаращенными глазами смотрел на масло, которое плюхнулось в горячий чай.

Потом я оглянулся по сторонам. Но никто из гостей не заметил происшествия.

Только одна Леля увидела, что случилось.

Она стала смеяться, поглядывая то на меня, то на стакан с чаем.

Но она еще больше засмеялась, когда папин начальник, что-то рассказывая, стал ложечкой помешивать свой чай.

Он мешал его долго, так что все масло растаяло без остатка. И теперь чай был похож на куриный бульон.

Папин начальник взял стакан в руку и стал подносить его к своему рту.

И хотя Леля была чрезвычайно заинтересована, что произойдет дальше и что будет делать папин начальник, когда

он глотнет эту бурду, но все-таки она немножко испугалась. И даже уже раскрыла рот, чтобы крикнуть папиному начальнику: «Не пейте!»

Но, посмотрев на папу и вспомнив, что нельзя говорить, смолчала.

И я тоже ничего не сказал. Я только взмахнул руками и не отрываясь стал смотреть в рот папиному начальнику.

Между тем папин начальник поднес стакан к своему рту и сделал большой глоток.

Но тут глаза его стали круглые от удивления. Он охнул, подпрыгнул на своем стуле, открыл рот и, схватив салфетку, стал кашлять и плевать.

Наши родители спросили его:

— Что с вами произошло?

Папин начальник от испуга не мог ничего произнести.

Он показывал пальцами на свой рот, мычал и не без страха поглядывал на свой стакан.

Тут все присутствующие стали с интересом рассматривать чай, оставшийся в стакане.

Мама, попробовав этот чай, сказала:

— Не бойтесь, тут плавает обыкновенное сливочное масло, которое растопилось в горячем чае.

Папа сказал:

— Да, но интересно знать, как оно попало в чай. Ну-ка, дети, поделитесь с нами вашими наблюдениями.

Получив разрешение говорить, Леля сказала:

— Минька грел масло над стаканом, и оно упало.

Тут Леля, не выдержав, громко засмеялась.

Некоторые из гостей тоже засмеялись. А некоторые с серьезным и озабоченным видом стали рассматривать свои стаканы.

Папин начальник сказал:

— Еще спасибо, что они мне в чай масло положили. Они могли бы дегтю влить. Интересно, как бы я себя чувствовал, если бы это был деготь. Ну, эти дети доведут меня до сумасшествия.

Один из гостей сказал:

— Меня другое интересует. Дети видели, что масло упало в чай. Тем не менее они никому не сказали об этом. И допустили выпить такой чай. И вот в чем их главное преступление.

Услышав эти слова, папин начальник воскликнул:

— Ах, в самом деле, гадкие дети, — почему вы мне ничего не сказали. Я бы тогда не стал пить этот чай...

Леля, перестав смеяться, сказала:

— Нам папа не велел за столом говорить. Вот поэтому мы ничего и не сказали.

Я, вытерев слезы, пробормотал:

— Ни одного слова нам папа не велел произносить. А то бы мы что-нибудь сказали.

Папа, улыбнувшись, сказал:

— Это не гадкие дети, а глупые. Конечно, с одной стороны хорошо, что они беспрекословно исполняют приказания. Надо и впредь так же поступать — исполнять приказания и придерживаться правил, которые существуют. Но все это надо делать с умом. Если б ничего не случилось — у вас была

священная обязанность молчать. Масло попало в чай или бабушка забыла закрыть кран у самовара — вам надо крикнуть. И вместо наказания вы получили бы благодарность. Все надо делать с учетом изменившейся обстановки. И эти слова вам надо золотыми буквами записать в своем сердце. Иначе получится абсурд.

Мама сказала:

— Или, например, я не велю вам выходить из квартиры. Вдруг пожар. Что же вы, дурацкие дети, так и будете торчать в квартире, пока не сгорите? Наоборот, вам надо выскочить из квартиры и поднять переполох.

Бабушка сказала:

— Или, например, я всем налила по второму стакану чаю. А Леле я не налила. Значит, я поступила правильно.

Тут все, кроме Лели, засмеялись. А папа сказал бабушке:

— Вы не совсем правильно поступили, потому что обстановка снова изменилась. Выяснилось, что дети не виноваты. А если и виноваты, то в глупости... Попросим вас, бабушка, налить Леле чаю.

Все гости засмеялись. А мы с Лелей заплодировали.

Но папины слова я, пожалуй, не сразу понял.

Зато впоследствии я понял и оценил эти золотые слова.

И этих слов, уважаемые дети, я всегда придерживался во всех случаях жизни. И в личных своих делах. И на войне. И даже, представьте себе, в моей работе.

В моей работе я, например, учился у старых великолепных мастеров. И у меня был большой соблазн писать по тем правилам, по которым они писали.

Но я увидел, что обстановка изменилась. Жизнь и публика уже не те, что были при них. И поэтому я не стал подражать их правилам.

И, может быть, поэтому я людям принес не так уж много огорчений. И был до некоторой степени счастливым.

Впрочем, еще в древние времена один мудрый человек (которого вели на казнь) сказал: «Никого нельзя назвать счастливым раньше его смерти».

Это были тоже золотые слова.

РАССКАЗЫ О ЛЕНИНЕ

1. *Графин*

Когда Ленину было восемь лет, с ним случилась одна маленькая история, о которой впоследствии, много лет спустя, рассказала его старшая сестра Анна Ильинична.

Анна Ильинична говорила про своего брата, что он был большой шалун. Но вместе с тем он был очень правдивый мальчик. Он никогда не врал и всегда признавался в своих шалостях.

Но однажды с ним случилось такое происшествие.

Вместе с отцом и со своими сестрами маленький Володя поехал в Казань.

Там, в Казани, проживала их родственница, тетя Аня.

И вот они к ней поехали.

А у тети Ани тоже были дети — двоюродные братья и двоюродные сестры Ленина.

Встреча была интересная.

Дети много шалили, бегали, играли в разные игры.

И однажды до того расшалились, что опрокинули на пол графин, который стоял на столике.

Это у них была какая-то веселая игра. Они друг от друга бегали. И Володя, бегая по комнате, наткнулся на этот столик. Столик покачнулся, красивый хрустальный графин упал на пол и разбился вдребезги.

Дети даже не заметили, кто именно разбил графин.

Все бегали и все носились по комнате.

И только когда разбился графин, дети присмирели.

Вдруг открывается дверь, и в комнату входит тетя Аня.

Тетя Аня услышала звон и шум и вот пришла посмотреть, что случилось.

И, увидев на полу разбитый графин, тетя Аня спросила:

— Дети, кто из вас разбил этот графин?

И все дети стали говорить: это не я.

И маленький Володя тоже сказал: это не я.

И сказал он это так тихо, что еле можно было услышать его.

Он сказал неправду, потому что он в первый момент испугался. Все-таки чужой дом, чужая квартира, мало знакомая тетя Аня. И, кроме того, он из всех был самый маленький. И тут у него не повернулся язычок сказать: это я.

Тогда тетя Аня говорит:

— В таком случае выходит, что графин сам разбился. Наверно, ему скучно стало на столе стоять — вот он и упал.

Дети засмеялись и говорят:

— Наверно, он хотел с нами побегать. И вот поэтому он прыгнул со столика на пол. Но он, бедненький, забыл, что он стеклянный, и разбился.

И дети опять засмеялись.

Только один маленький Володя не засмеялся. Он ушел в другую комнату и сел у окна. И долго там сидел и о чем-то думал. И только к вечеру он снова стал шалить с ребятами.

Но вот прошло два месяца.

Уже из Казани они давно уехали. И снова жили в своем городе Симбирске.

И вот как-то вечером, когда дети ложились спать, мать подошла к Володиной кровати и видит, что мальчик о чем-то горько плачет.

Мать спросила:

— О чем ты плачешь?

И мальчик, всхлипывая, сказал:

— Мама, когда мы были в Казани, я сказал тете Ане неправду. Я сказал, что это не я разбил графин, а это я разбил графин.

Мама стала утешать мальчика.

Она сказала:

— Ну, это ничего. Не плачь. Я напишу тете Ане письмо. И она, наверно, тебя простит.

Володя, всхлипывая, сказал:

— Ты непременно напиши письмо тете Ане. Напиши, что это я разбил.

Мама снова стала утешать его. И тогда Володя успокоился и заснул.

Целуя и закрывая одеялом своего маленького сына, мать подумала:

«Какой удивительный ребенок: он два месяца помнил об этой истории и два месяца огорчался, что он случайно сказал неправду. Но теперь, когда он признался, ему стало легко, и вот он даже с улыбкой заснул».

На другой день мама написала тете Ане письмо. И вскоре тетя Аня ответила, что она вовсе не сердится на милого племянника и снова ждет его к себе в гости.

2. Серенький козлик

Когда Ленин был маленький, он почти ничего не боялся. Он смело входил в темную комнату. Не плакал, когда рассказывали страшные сказки. И вообще он почти никогда не плакал.

А его младший брат Митя тоже был очень хороший и добрый мальчик. Но только он был очень уж жалостливый.

Кто-нибудь запоет грустную песню, и Митя в три ручья плачет.

Особенно он горько плакал, когда дети пели «Козлика».

Многие дети знают эту песенку. Про одного серенького козлика, который пошел в лес погулять, а там на него напали волки, растерзали его и оставили бабушке рожки да ножки.

Несомненно, песенка грустная. Но плакать, конечно, не надо было. Ведь это — песня. Это нарочно, а не на самом деле.

Безусловно, козлика жалко. Но только он отчасти сам виноват, зачем без спросу пошел в лес гулять.

В общем, у Мити всегда дрожал голосок и дергались губенки, когда он вместе с детьми пел эту песню.

А когда Митя доходил до грустных слов «напали на козлика серые волки» — он всякий раз заливался в три ручья.

И вот однажды дети собрались у рояля и запели эту песню.

Они благополучно спели две строчки. Но когда дошли до грустного места о том, как козлик пошел в лес, Митя начал всхлипывать.

Маленький Володя, увидев это, обернулся к Мите, сделал страшное лицо и нарочно ужасным и громким голосом запел: «На-па-али нн-а коз-ли-ка серые вол-ки...»

Тут Митя, конечно, не выдержал и зарыдал еще больше.

Старшая сестра сделала брату замечание — зачем он дразнит Митю.

И на это маленький Володя ответил:

— А зачем он боится? Я не хочу, чтоб он плакал и боялся. Дети должны быть храбрыми.

Митя сказал:

— Тогда я не буду больше бояться.

Дети снова запели эту песенку. И Митя храбро спел ее до конца. И только одна слезинка потекла у него по щеке, ког-

да дети заканчивали песенку: «оставили бабушке рожки да ножки».

Маленький Володя поцеловал своего младшего братишку и сказал ему:

— Вот теперь молодец.

3. Рассказ о том, как Ленин учился

Ленин учился очень хорошо, даже замечательно. Он получил золотую медаль за окончание гимназии.

Вероятно, и в высшем учебном заведении он учился бы тоже отлично. Но, к сожалению, начальники исключили его из университета, потому что он был революционер. А этого начальство не терпело. И царь тоже не позволял революционерам учиться.

В общем, Ленину не позволили учиться в университете.

Другой человек на месте Ленина так бы и остался без высшего образования. Но Ленин этого не захотел. Он сказал своей матери:

— Я хорошенько подготовлюсь и сдам экзамены за все четыре курса университета.

А уже проходило время. И прошло два года после исключения.

Наконец Ленин подал заявление министру. Он попросил разрешения сдать экзамены за всю высшую школу сразу.

Неизвестно, что подумал министр. Вероятно, он подумал, что такое труднейшее испытание вряд ли закончится успешно

для Ленина. Так или иначе, министр разрешил Ленину сдать экзамены сразу за весь университет.

И тогда Ленин стал усиленно заниматься.

Он целые дни сидел за книгами, читал, писал, изучал языки, переводил и так далее.

Он летом устроил в саду кабинет, в густой липовой аллее. Он там вкопал в землю стол и скамейку. Каждое утро уходил туда. И там в полном одиночестве занимался до обеда.

После отдыха и купанья он снова туда шел. И снова работал три или четыре часа.

А вечером, после прогулки и купанья, родные снова видели его за книгами.

Родные поразились, как он так много может заниматься. И даже стали бояться за его здоровье.

Но Ленин им сказал:

— Человек может удивительно много учиться и работать, если он правильно отдыхает.

И действительно, Ленин правильно отдыхал. Он час работал. Потом делал гимнастику. Потом снова час или два писал и после этого бежал к реке купаться.

Потом, отдохнув или погуляв в лесу, возвращался к книгам и опять учился.

В своем летнем кабинете он устроил турник недалеко от столика. И время от времени делал на нем упражнения.

В хорошую погоду он купался два или три раза в день. Он чудно плавал. Он так плавал, что всех приводил в удивление.

Один его знакомый, вспоминая о прошлом, говорил, что в Швейцарии было очень страшное озеро, где постоянно топились люди. Это озеро было очень глубокое. Там были холодные течения, омуты и водовороты. Но Ленин бесстрашно плавал в этом озере.

Этот знакомый ему однажды сказал, что надо быть осторожным, — тут тонут люди.

— Тонут, говорите? — спросил Ленин. — Ничего, мы-то не потонем.

И тут же заплыл так далеко, что еле можно было видеть его.

И вот благодаря купанью и физкультуре, благодаря правильному отдыху Ленин сумел много работать и сумел подготовиться за всю высшую школу сразу.

Он почти два года так усиленно учился. И за это время успел пройти весь курс университета, то, что другие изучали четыре года.

Он сдал все экзамены и получил диплом первой степени.

И все профессора ему сказали:

— Это поразительно. Вы же не учились в университете и не слушали наших лекций. Как же вы могли так великолепно подготовиться? Наверно, вам кто-нибудь помогал.

Ленин сказал:

— Нет, я один занимался.

И тогда профессора удивились еще больше. И министр от удивления развел руками.

Но профессора и министр не знали, что, кроме огромного ума и замечательных способностей, Ленин имел еще

огромную работоспособность. А эта его работоспособность зависела от физкультуры и правильного отдыха.

И вот почему с таким прекрасным успехом Ленин закончил свою учебу.

4. *О том, как Ленин бросил курить*

Когда Ленину было семнадцать лет, он начал курить.

Он был тогда уже студентом. И в этом не было ничего удивительного, что он стал курить.

Это когда курит какой-нибудь маленький парнишка лет двенадцати — вот это ужасно. А студенты многие курят. И пусть их курят — они уже взрослые.

А к Ленину то и дело приходили его товарищи студенты. И почти все курили. Бывало, закроются в комнате, говорят, спорят, беседуют, а сами дымят, как паровозы.

Ну и благодаря этому Ленин тоже стал привыкать к курению.

Конечно, для здоровья курить очень бесполезно. От этого люди кашляют, мало кушают, худеют и хворают. Но которые уже начали курить, тем не так-то легко это бросить.

А мать Ленина, Мария Александровна, была дочь врача. И она понимала, что курить очень вредно. И она очень огорчалась, что ее любимый сын привык к курению.

И она не раз просила сына бросить эту привычку. Но Владимир Ильич на это только улыбался и говорил:

— Ничего. Я здоровый. Мне это не очень вредно.

Но Мария Александровна очень любила своего сына, и поэтому она решила сделать как-нибудь так, чтобы он все-таки бросил курить.

Долгое время она не знала, как ей сделать и как поступить.

Но вот однажды она нарочно ему сказала:

— Мы живем на пенсию, которую я получаю после смерти твоего отца Ильи Николаевича. Пенсия у нас маленькая. Каждая лишняя трата отражается на хозяйстве. И хотя твои папиросы недорого стоят, но все-таки было бы лучше для хозяйства, если бы ты не курил.

Она нарочно так сказала. Папиросы стоили дешево. И на хозяйстве это не отражалось. Но матери очень уж хотелось, чтоб ее сын не курил. И вот почему она так сказала.

Выслушав эти слова матери, Владимир Ильич сказал:

— Прости, мама. Вот об этом я не подумал. Хорошо, я сегодня же брошу курить.

И с этими словами Владимир Ильич вытащил из кармана папиросы и положил их на стол. И уж больше до них не дотрагивался.

А которые курят, те знают, какую огромную волю надо иметь, чтоб сразу бросить эту привычку. Некоторые слабовольные люди обращаются даже к докторам, чтоб те помогли им бросить курить. И доктора смазывают им рот каким-то лекарством, чтоб противно было курить.

А еще более слабовольных доктора усыпляют и внушают им разные ужасные мысли о вреде курения. И только тогда эти люди бросают курить.

И то многие не бросают, а продолжают курить, имея в голове мысли о вредности курения.

Но у Ленина была огромная воля. Он без всяких докторов решил бросить курить.

И действительно бросил. И больше никогда не курил.

Это был сильный человек, с железной волей.

И всем людям надо быть такими же, как он.

5. *О том, как Ленин перехитрил жандармов*

Когда Ленину было двадцать шесть лет, он уже был всем известный революционер и царское правительство боялось его как огня.

Царь велел посадить Ленина в тюрьму.

И Владимир Ильич просидел в тюрьме четырнадцать месяцев.

А после этого жандармы выслали его в Сибирь. И там, в Сибири, Ленин прожил в деревне целых три года.

А это была глухая деревушка. Она стояла в тайге. И ничего хорошего там не было.

Но Владимир Ильич не огорчился, что его сослали в такую глушь. Он там много работал, писал революционные книги, беседовал с крестьянами и помогал им советами.

А в свободное время Ленин ходил на охоту со своей охотничьей собакой Женькой, купался, играл в шахматы. Причем шахматы он сам вырезал из коры дерева. И вырезал очень хорошо, даже великолепно.

И вот время проходило незаметно. Протекло почти три года. Приближался конец ссылки.

Уже Владимир Ильич начинал обдумывать, куда ему поехать, чтоб снова продолжать революционную работу.

Но незадолго до конца ссылки в избу, где жил Ленин, пришли царские жандармы.

Они сказали:

— Вот что. Сейчас мы сделаем у вас обыск. И если найдем что-нибудь запрещенное царским правительством, то берегитесь. Тогда вместо освобождения мы оставим вас в этой глухой деревне еще, по крайней мере, три года.

А у Ленина были запрещенные книжки и разные революционные документы. И все эти книги и документы лежали в книжном шкафу на нижней полке.

Вот один толстый усатый жандарм встает у двери, чтоб никто не пришел и не вышел. А другой жандарм, маленького роста, но тоже усатый и свирепый, ходит по комнате и во все нос сует.

Он осмотрел стол, комод, заглянул в печку и даже не поленился залезть под кровать, чтоб увидеть, что там такое.

Потом он подходит к книжному шкафу и говорит:

— А это что у вас там, в шкафу?

Ленин говорит:

— Это мои книги в шкафу.

Жандарм говорит:

— А вот я сейчас посмотрю эти ваши книги и увижу, что это такое.

И вот жандарм стоит около этого шкафа и думает, с чего ему начать осмотр: с верхней полки или с нижней?

Жена Ленина, Надежда Константиновна Крупская, смотрит на этого жандарма и думает:

«Только бы он начал обыск с верхней полки. Если он начнет с верхней полки, тогда хорошо, тогда под конец обыска он устанет и последнюю полку не будет внимательно осматривать. Но если он начнет обыск с нижней полки, тогда плохо: как раз на этой полке среди других книг имеются запрещенные».

Ленин тоже смотрит на жандарма и тоже об этом думает.

Вдруг Ленин, чуть улыбнувшись своим мыслям, берет стул и ставит этот стул к шкафу. И говорит жандарму:

— Чем при вашем маленьком росте тянуться, встаньте на этот стул и начинайте проверять мои книги.

Маленький усатый жандарм, увидев такую любезность со стороны революционера, поблагодарил и влез на стул. Но поскольку он влез на стул, то он, ясно, и начал осматривать с верхней полки. То есть то, что и надо было Ленину.

И, глядя на жандарма, Владимир Ильич улыбался.

И Крупская тоже улыбалась, видя, что Ленин заставил жандарма сделать так, как ему было надо.

Вот жандарм роется на верхних полках, читает заглавия и перетряхивает каждую книжку. А время идет. Книг много. И за три часа жандарм едва успел просмотреть четыре полки.

Пятую полку жандарм стал осматривать уже не так внимательно. Тем более что толстый жандарм, стоявший у двери, начал вздыхать и хандрить. И даже сказал своему приятелю:

— Ох, как долго идет обыск. Я устал и кушать хочу.

Маленький жандарм говорит:

— Скоро пойдем обедать. Вот осталась последняя полка. Ну, да, наверно, и на этой полке у них ничего нет, раз во всем шкафе ничего не обнаружено.

Толстый жандарм говорит:

— Ясно, у них ничего нет. Пойдемте кушать.

Почти не осматривая нижнюю полку, маленький жандарм сказал Ленину:

— Выходит, что ничего запрещенного мы у вас не нашли. Честь имею кланяться.

И с этими словами жандармы уходят.

И когда закрылась за ними дверь, Владимир Ильич и Крупская начали весело смеяться над тем, как были одурачены жандармы.

6. Иногда можно кушать чернильницы

Целых четырнадцать месяцев просидел Ленин в царской тюрьме.

Он сидел в маленькой, полутемной одиночной камере. Железная койка, стол и табуретка — вот все, что там было.

Другой человек на месте Ленина целые бы дни плакал и страдал в этой камере. Но не такой человек был Ленин.

Он и в этой камере целые дни работал.

Он утром делал гимнастику и потом начинал писать книгу. Он тут писал революционную и очень нужную книгу: «Развитие капитализма в России». Вернее, он собирал тут материалы для этой книги, делал заметки, выписки и так

далее. И, кроме того, писал письма с революционными поручениями, прокламации и программу партии.

Все это писать в тюрьме было не таким уж простым делом.

Родные имели право присылать арестованному книги. И вот тогда Ленин стал писать на этих книгах. А надо было так писать, чтобы никто в тюрьме не догадался, что тут в книге что-нибудь написано. Потому что в тюрьме проверяли все книги, перед тем как отдать родственникам. И если видели, что в книге хоть одно революционное слово написано, эту книгу сжигали.

А революционеры знали, что можно писать молоком.

Если на бумаге написать молоком, то решительно ничего не видно.

А для того чтобы прочесть написанное, надо погреть эту бумагу на лампе или на свечке, и тогда молоко начинает темнеть, на бумаге выступают коричневые буквы, и все можно прочесть, что написано.

Вот Ленин так и писал: на полях книги и между строчками. А родные его об этом знали. И когда получали обратно книгу, грели каждый листик на лампе, читали и переписывали.

Так работал Ленин в тюрьме.

Но и для такой работы приходилось быть очень осторожным. Если надзиратель тюрьмы увидел бы, что он так писал, тогда ему было бы плохо. Тогда и молоко перестали бы ему давать, как больному. И как-нибудь жестоко наказали.

А надзиратель очень часто заходил в камеру. Или же подглядывал в дверное окошечко, что делает арестованный.

Тогда Ленин придумал такую вещь. Он из хлеба делал маленькие чернильницы, наливал туда молоко и макал туда перышко. И так писал.

Вот однажды надзиратель тихонько поглядел в дверное окошечко и видит странную картину: Ленин пишет на полях книги.

Надзиратель быстро открыл двери, вошел в камеру и говорит:

— Вы попались. По-моему, вы сейчас что-то на полях книги писали.

Надзиратель смотрит в книгу — нет, видит: книга чистая. Надзиратель хочет взять чернильницу, но в этот момент Ленин сам берет свою чернильницу и спокойно кладет ее в рот. И жует ее.

Надзиратель говорит:

— Что вы делаете? Вы чернильницу кушаете!

Ленин говорит:

— Вы, кажется, ослепли. Это не чернильница, а хлеб. И вот я его кушаю.

Надзиратель посмотрел: действительно хлеб. Думает:

«Наверно, у меня испортилось зрение. Мне показалось, что он чернильницу кушает».

И с этими мыслями надзиратель ушел. А Ленин моментально сделал из хлеба другую чернильницу, налил туда молока и опять стал писать.

И всякий раз, когда приходил надзиратель, Ленин спокойно брал свою чернильницу и тут же съедал ее. И это было даже вкусно, потому что это был хлеб с молоком.

Когда Ленин вышел из тюрьмы, он, смеясь, сказал своим родным и знакомым:

— Знаете, однажды мне не повезло, и за два часа пришлось мне съесть шесть чернильниц.

И все засмеялись. А которые не знали, в чем дело, те очень удивились: как это можно есть чернильницы?

Но вот оказывается, что иногда можно кушать чернильницы.

7. О том, как Ленин подарил одному мальчику игрушку

Один русский революционер убежал из царской тюрьмы и скрылся от жандармов за границей.

Он стал жить в Швейцарии, в городе Цюрихе. Он там поступил на мебельную фабрику. И там работал.

А вскоре в Швейцарию приехал и Ленин.

И наш рабочий очень хотел посмотреть на Ленина, потому что он много слышал о нем хорошего и читал его книги.

И вот однажды этот рабочий услышал, что Ленин будет говорить речь на собрании в «Кружке русских рабочих».

И тогда наш рабочий решил пойти на это собрание, чтобы послушать Ленина.

А жена этого рабочего тоже работала на мебельной фабрике. Но только она работала в вечернюю смену. И нашему рабочему не с кем было оставить своего маленького сына Доната.

Тогда наш рабочий сказал своему сыну:

— Давай пойдем вместе на собрание, поглядим на Ленина.

И вот он взял за лапку своего сына, и они пошли в рабочий клуб.

Приходят они в клуб. Еще рано. Никого нет. Только сидит в зале один человек и газету читает.

Вот рабочий посадил своего мальчика у окна и сам нервно ходит по залу и думает:

«Наверно, Ленин не приедет».

В этот момент человек с газетой (а это был Ленин) говорит рабочему:

— Такая хорошая погода, а вы своего маленького сына держите в душной комнате. Вы бы пустили его погулять во двор.

Рабочий говорит:

— Нет, мой мальчик Донат еще очень маленький. На дворе ему будет скучно играть, и я боюсь, что он тогда выйдет на улицу и заблудится. Лучше мы тут с ним посидим, подождем, когда приедет Ленин.

Ленин говорит мальчику:

— Ну-ка, давай свою ручонку, мы с тобой пойдем немножко погуляем.

И берет Ленин мальчика за руку, и выходят они вместе на улицу. Подходят к игрушечному магазину. И заходят туда.

Там Ленин говорит мальчику:

— Хочешь, я тебе куплю эту лодочку?

А это была чудная маленькая лодочка. С парусом. И парус поднимался и опускался. И около паруса стоял маленький

матросик. И там были устроены скамеечки, маленький руль и флаг. Ну, удивительно интересная игрушка.

Мальчик ужасно обрадовался. И Ленин купил ему эту лодочку.

И они быстро пошли с этой лодочкой во двор. А там, во дворе, находился маленький фонтанчик.

И вот в этом фонтане мальчик стал пускать свою парусную лодочку.

Ветер надувал паруса, и эта лодочка великолепно шла, управляемая рулем.

И мальчик был так доволен, что смеялся, хлопал от радости в ладоши и кричал: «Не бойся, матросик! Плыви вперед!» И тут же, у колодца, стоял Ленин и тоже смеялся.

А в это время наш рабочий ходит по залу и нервничает.

«Вот, думает, какая неприятность, и Ленин еще не приехал, и вдобавок какой-то неизвестный взял моего мальчика и ушел с ним».

А в зале уже собралось много публики. И все друг друга спрашивают:

— А где же Ленин? Неужели он не приехал?

В этот момент кто-то из публики посмотрел в окно и говорит:

— Смотрите, вон Ленин во дворе с каким-то маленьким мальчиком.

Тут все стали глядеть в окно. И наш рабочий тоже посмотрел и увидел у фонтана своего сына вместе с Лениным.

Очень удивился рабочий. И думает:

«Ах, это и есть Ленин. А я считал, что это кто-нибудь другой: очень уж он простой и добрый. Он даже купил моему сыну игрушку».

Тут вскоре Ленин возвращается в зал и начинает беседовать с рабочими.

8. Ленин и часовой

Один молодой рабочий, некто товарищ Лобанов, охранял Смольный. То есть он стоял у дверей и проверял документы.

Он проверял у всех, кто входил в Смольный. Потому что если не проверять, мог бы войти какой-нибудь враг. Тем более, это было в самом начале революции, и нужна была особая бдительность.

И вот стоит этот Лобанов у дверей Смольного в качестве часового и просматривает документы.

А он был красногвардеец, этот Лобанов. Вдобавок он был путиловский рабочий, исключительно преданный делу революции. И поэтому его и поставили на такой ответственный пост.

Стоит он на этом посту. Винтовка в левой руке. Револьвер сбоку. За поясом ручная граната. Настроение великолепное.

И всем, кто подходит к Смольному, он говорит:

— Минуточку, товарищ! Прежде чем войти, покажите ваш пропуск, чтоб я мог узнать, кто вы такой. А то я дежурю в первый раз и мало кого знаю в лицо.

Ну, и, конечно, каждый, кто входил в Смольный, показывал Лобанову свой пропуск.

И Лобанов, беря под козырек, говорил:

— Вот теперь проходите! С моей стороны задержки не будет.

И вот, представьте себе, идет Ленин.

Идет пешком. Скромный такой. В своем черном осеннем пальто и в кепке.

Идет быстро, но вместе с тем задумчиво. Даже по сторонам не смотрит: до того, видать, углублен в свои мысли.

Подходит к дверям Смольного и хочет туда пройти.

А часовой Лобанов не знал в лицо товарища Ленина. Портретов в то время печатали мало. И сам Владимир Ильич только недавно приехал в Петроград. Ну, и, конечно, Лобанов мог не знать Ленина по внешнему виду.

В общем, Ленин подходит к дверям. И Лобанов ему говорит:

— Минуточку, товарищ! Покажите ваш пропуск!

Ленин не стал возражать. Он, как бы очнувшись от своей задумчивости, тихо сказал:

— Ах да, пропуск! Извините, товарищ, сейчас найду.

И стал искать свой пропуск в боковом кармане.

А в этот момент подошел к дверям Смольного один какой-то человек, должно быть из служащих.

И, видя, что часовой не пропускает Ленина, возмутился. И крикнул:

— Это же Ленин! Пропустите!

Лобанов тихо ответил этому человеку:

— Без пропуска я затрудняюсь пропустить. До этого раза я еще не имел счастья видеть товарища Ленина. И вдобавок я и вас не знаю и даже не посмотрел еще вашего документа.

Служащий возмутился еще больше и крикнул:

— Извольте немедленно пропустить Ленина!

Вдруг Ленин говорит:

— Не надо ему приказывать, и тем более не надо кричать. Часовой поступает совершенно правильно. Порядок для всех одинаков.

Тут Ленин достает из бокового кармана пропуск. И подает его часовому.

Лобанов с трепетом разворачивает этот пропуск. И видит: это действительно пропуск Владимира Ильича Ленина.

Лобанов берет под козырек и говорит Ленину:

— Я прошу извинить, Владимир Ильич, что потребовал ваш пропуск.

Ленин отвечает:

— Вы правильно поступили, товарищ. Благодарю вас за отличную службу.

9. В парикмахерской

Один рабочий, некто Григорий Иванов, приехал по делам службы в Кремль.

Он приехал из Питера сдавать в кремлевский склад оружие: винтовки, шашки, штыки, револьверы и разные огнестрельные припасы.

И вот он выполнил эту свою задачу с превышением и со спокойной душой гуляет по Кремлю: мечтает где-нибудь тут увидеть товарища Ленина, на которого он давно хотел посмотреть.

Но он нигде Ленина не встретил и в плохом настроении зашел в кремлевскую парикмахерскую. Думает: «В крайнем случае, постригусь и побреюсь, чтоб в аккуратном виде вернуться домой».

Вот он заходит в кремлевскую парикмахерскую и занимает свою очередь.

А народу в парикмахерской много. Два мастера стригут и бреют. А посетители ожидают.

Григорий Иванов в грустном настроении сидит в этой парикмахерской минут двадцать. И все время жалеет, что он нигде не встретил Ленина.

Вдруг открывается дверь и входит новый посетитель. И тут все видят: это пришел Владимир Ильич Ленин, председатель Совета Народных Комиссаров.

И тогда все, которые были в парикмахерской, встают и говорят:

— Здравствуйте, товарищ Ленин.

Наш рабочий Григорий Иванов тоже здоровается и, улыбаясь от счастья, смотрит на товарища Ленина, хочет получить его запомнить, чтобы потом рассказать другим об этой встрече.

Между тем товарищ Ленин тоже со всеми здоровается и говорит:

— Ну, кто последний ожидает?

Все удивились, что Ленин так спросил. И все подумали: «Это нехорошо, если Ленин будет ждать очереди. Он глава правительства, и ему каждая минута дорога».

И тогда все, которые были в парикмахерской, перебивая друг друга, говорят Ленину:

— Владимир Ильич, это неважно, кто последний. Сейчас освобождается кресло у мастера, и мы просим вас занять это место без очереди.

Ленин говорит:

— Благодарю вас, товарищи. Но только это не годится. Надо соблюдать очередь и порядок. Мы сами создаем законы и должны выполнять их во всех мелочах жизни.

И с этими словами Ленин берет стул, садится, вынимает из кармана газету и начинает ее читать.

Тогда встает со стула наш рабочий Григорий Иванов и, сильно волнуясь, говорит товарищу Ленину:

— В аккурат сейчас подошла моя очередь. Но я скорей соглашусь остаться небритым в течение пяти лет, чем я заставлю вас ожидать. И если вы, товарищ Ленин, не согласились нарушить порядок, то я имею законное право уступить вам свою очередь с тем, чтоб занять последнюю — вашу.

И все, которые были в парикмахерской, сказали:

— Он хорошо и правильно говорит.

И парикмахерские мастера, щелкнув ножницами, тоже сказали:

— Владимир Ильич, придется сделать, как предложил рабочий.

И тогда Ленин улыбнулся. И все увидели, что он не хочет обидеть рабочего и не хочет огорчить мастеров и посетителей.

Ленин прячет газету в карман и, сказав: «Благодарю», садится в кресло.

И все смотрят, как парикмахер осторожно и вежливо его бреет.

И все смотрят на товарища Ленина и думают: «Это великий человек! Но какой он скромный!»

Но вот мастер кончил работу. И Ленин вышел из помещения, всем сказав:

— До свиданья, товарищи. Благодарю вас.

10. *О том, как Ленину подарили рыбу*

Однажды Владимир Ильич Ленин сидел в своем кремлевском кабинете и работал.

На столе стакан чаю. На блюдечке сухарь.

В те годы был ужасный голод. И население питалось чем попало. Кушали овес и картофельную шелуху.

Что касается хлеба, то хлеба выдавали людям по одному небольшому кусочку на целый день.

Конечно, для товарища Ленина можно было бы найти наилучшую еду. Но он запрещал это делать. Он не мог позволить себе сытой жизни, когда голодала вся страна. И он даже чай пил без сахара.

Так вот, сидит Владимир Ильич Ленин, работает и в перерыве завтракает: пьет чай и кушает сухарь.

Открывается дверь, и входит секретарь.

Он говорит Ленину:

— Приехал из Петрограда управляющий рыбным делом.

Он непременно вас хочет видеть.

Ленин говорит:

— Хорошо. Пусть он войдет!

И вот входит управляющий.

Он простой рыбак. Революция поставила его на большую должность, с тем чтобы он улучшил рыбную промышленность. И, болея душой за свое дело, он и приехал к Ленину, чтобы ему сказать, отчего плохо ловится рыба. Нужны деньги на ремонт лодок и на покупку сетей. А то рыба, не дождавшись советских сетей, уплывает в английские воды.

Вот управляющий объясняет Ленину, отчего нет рыбы. И сам стоит у письменного стола. И не садится. Хотя Ленин дважды указывает ему на стул и просит его сесть.

Но он не может сесть. Он за спиной в руках держит огромный пакет. В пакете завернута копченая рыба. Это подарок Владимиру Ильичу.

Управляющий сам коптил эту рыбу. И специально привез ее в Москву, чтобы преподнести Ленину.

Конечно, он мечтал сразу преподнести эту рыбу, как только войдет в кабинет. И с этой целью он и заложил пакет за спину, чтобы удивить Ленина неожиданным подарком.

Он даже приготовил слова, с какими он хотел вручить подарок: «Вот, дескать, это вам, дорогой Владимир Ильич. Небольшая копченая рыбешка. Кушайте себе на здоровье и поправляйтесь».

Но когда рыбак вошел в кабинет, он немножко оробел, растерялся, все приготовленные слова выскочили у него из головы, и он решил преподнести рыбу после служебных разговоров.

И по этой причине пакет так и остался у него за спиной.

И вот стоит он в неудобной позе, с копченой рыбой позади, и докладывает Ленину, отчего плохо ловится рыба.

Ленин говорит:

— Деньги мы вам дадим. И все просьбы ваши исполним. А вы, уж пожалуйста, ловите побольше рыбы, чтобы уменьшить голод среди населения.

Ленин попрощался с рыбаком. А тот, собравшись с духом, положил свою рыбу прямо на стол и говорит:

— Тут для вас, Владимир Ильич... рыбешку поймали... Закоптили в лучшем виде...

И вдруг рыбак видит, что Владимир Ильич крайне недоволен. И даже нахмурился.

Рыбак смутился еще больше и сказал:

— Уж пожалуйста, Владимир Ильич... Примите подарок...

Но Владимир Ильич не взял эту рыбу. Он строго сказал:

— Благодарю вас, товарищ, но я не могу принять вашу рыбу. У нас в стране дети голодают. Напрасно вы мне ее привезли.

Рыбак окончательно смутился. Бормочет:

— Закушайте, Владимир Ильич. Исключительно вкусная рыба. Поймали прямо в воде...

И вдруг рыбак видит, что Ленин позвонил.

«Мама дорогая, — думает рыбак, — что же это получилось?»

На звонок приходит секретарь.

Ленин говорит ему:

— Вот что! Возьмите эту рыбу и пошлите ее в детский дом!

Увидев, что рыбак до крайности смущен, Ленин протянул ему руку и сказал:

— От имени детей благодарю вас, товарищ, за подарок.

Рыбак попрощался с Лениным и вышел из кабинета, бормоча:

— Мама дорогая, произошла ошибочка...

11. *О том, как тетушка Федосья беседовала с Лениным*

У тетушки Федосьи произошла беда. Ее муж захворал воспалением легких и по случаю этой болезни умер.

А он был кровельщик, ее муж. Великолепно чинил крыши. И зарабатывал ничего себе, довольно хорошо. Даже тетушка Федосья пила чай внакладку.

А когда он умер, ей, конечно, стало плохо. И пить чай внакладку она уже не могла.

И вот она стала хлопотать, чтоб ей выдали пенсию.

Но из того у нее ничего не вышло. Ей сказали:

— Пенсию не получишь. Твой муж больно мало работал при советской власти.

Но Федосья не растерялась от этих слов и стала ходить буквально в каждое учреждение, надеясь, что где-нибудь ей выдадут пенсию.

А в одном учреждении ей сказали, чтоб от нее отвязаться:

— Один человек может поднять твоё дело: это Ленин.

Сходи к нему, если хочешь.

Тетушка Федосья узнала, что Ленин находится в Смольном. И пошла туда.

Конечно, часовой не хотел её пропустить. Но потом он видит: очень уж безобидная, несчастная старуха. Взял и пропустил.

Тетушка поднялась во второй этаж. И пошла по коридору.

Заглянула в одну комнату — нет никого. Заглянула в другую — видит: сидит человек за столом и что-то пишет.

Это был Ленин.

Тетушка, конечно, не знала, что это Ленин. Она подумала, что это сидит какой-то служащий.

И поэтому она говорит ему без особого волнения:

— Сударь, вы по письму или по разбору? Или, может быть, считаете?

Ленин усмехнулся и отвечает:

— А это как приведется. Иногда по письму, иногда по разбору, а в другой раз и считать приходится. А вам что угодно?

Тетушка говорит:

— Видите ли, мне угодно пенсию получить. Благодаря этому я и пришла побеседовать с самим Лениным. Войдите в моё положение и проводите меня к нему!

Ленин снова улыбнулся и говорит:

— А вы расскажите мне ваше дело! Может, мы и без Ленина обойдемся.

Старуха говорит:

— Нет, сударь, без Ленина мы не обойдемся. Дело мое исключительно трудное. И только один Ленин может его поднять.

Ленин говорит:

— А все-таки вы расскажите, что с вами.

Тетушка говорит:

— География моей жизни исключительно простая. Недавно скончался мой муж, по профессии кровельщик. И вот я пенсию себе хлопочу. А мне все говорят: не будет тебе пенсии: твой муж больно мало работал при советской власти.

Ленин говорит:

— Это они глупости говорят. Ваш муж и не мог много работать при советской власти, потому что советская власть образовалась только недавно.

Ленин снимает трубку с телефона и кому-то говорит:

— Сейчас к вам придет одна гражданка. Надо будет ей оформить пенсию.

После этого Ленин говорит тетушке Федосье:

— Пойдите по коридору в третью дверь отсюда. И там ваше дело будет устроено.

С превеликим недоверием идет тетушка Федосья туда, куда ей указали. Но там без лишних слов ей выдают бумагу на получение пенсионной книжки.

В тот же день тетушка получает пенсию и, безмерно счастливая, идет на базар и там покупает себе сахару и мауфактуры.

И потом она заходит в один кооператив, чтобы приобрести там синьку для стирки белья.

И вдруг в этом кооперативе она видит портрет того, с кем она сегодня беседовала.

Она крайне удивилась, увидев этот портрет, и спросила заведующего лавкой:

— Сударь, не скажете ли, кто изображен на портрете? Я интересуюсь этим потому, что сегодня с ним беседовала.

Заведующий говорит:

— Быть того, бабка, не может. Это Ленин.

Федосья говорит:

— Стало быть, я беседовала с Лениным.

И, придя домой, она рассказала управдому о том, что с ней случилось. И спросила его:

— Как вы думаете, почему Ленин не признался мне в том, что это он и есть Ленин?

Управдом немножко задумался и так ей ответил:

— Бывают разные люди, мамаша. Одни люди кричат и похваляются: дескать, мы то, мы другое, мы вон какие, немазанные, сухие... А бывают люди, которые не кричат, не хвастаются и ничем не задаются, а просто делают свое дело с превышением. И это есть превосходные люди, и тебя, мамаша, можно сердечно поздравить, что ты беседовала с таким человеком.

Тетушка Федосья, вздохнувши, говорит:
— Ах, все-таки я чересчур жалею, что он мне не признался! Я бы ему низко поклонилась.

12. Ошибка

Однажды Ленин работал в своем кремлевском кабинете. И ему понадобился список всех членов коллегии Наркомзема.

Он хотел просмотреть этот список, чтобы включить туда еще нескольких сотрудников.

Ленин позвонил. Пришла дежурная сотрудница секретариата.

Ленин сказал ей:

— Пожалуйста, дайте мне всю коллегию Наркомзема.

Дежурная поспешно вышла из кабинета. Она была очень удивлена.

Только вчера вся коллегия Наркомзема была на совещании у Ленина. И вот сегодня опять нужно всех собирать.

Дежурная взяла список коллегии и стала звонить каждому по телефону, приглашая немедленно явиться к Ленину.

Но членов коллегии было много. И надо было затратить по крайней мере полчаса, чтобы всех обзвонить.

Вот наша дежурная сотрудница, охая и вздыхая, звонит по телефону.

Но вдруг из кабинета Ленина раздается три звонка. Это значит, что Ленин требует к себе секретаря.

Секретарь, товарищ Фотиева, немедленно спешит в кабинет.

Ленин строго ей говорит:

— Я не понимаю, что делается у вас в секретариате. Я попросил дать список членов коллегии Наркомзема. Но вот проходит пятнадцать минут, и до сих пор я списка не имею.

Товарищ Фотиева вернулась в секретариат и там узнала, что произошло досадное недоразумение: вместо того чтобы дать список фамилий, эта дежурная, оказывается, приглашает всю коллегию к Ленину.

Узнав, что Ленину нужен список, а не сами сотрудники, дежурная расплакалась. Ей было досадно, что произошла такая ошибка. И она подумала, что ей попадет за это.

Фотиева взяла нужные бумаги и, войдя в кабинет, стала, смеясь, рассказывать о том, что случилось.

Она подумала, что и Ленин сейчас посмеется вместе с ней, узнав о такой комичной ошибке.

Но, взглянув на Ленина, она увидела, что он не смеется, что он нахмурился и, видать, недоволен.

Задумчиво и как бы про себя Ленин говорит:

— Неужели же я мог сказать такую неточную фразу?.. Да, действительно, я так и сказал: «Дайте мне всю коллегию...»

Товарищ Фотиева говорит Ленину:

— Владимир Ильич, вы, пожалуйста, извините нашу дежурную сотрудницу. Она еще неопытный человек. Недавно у нас работает.

Ленин говорит:

— Но она и не виновата. Это я ошибся. Я неточно выразил свою мысль. Это я виноват.

Наша молоденькая дежурная буквально просияла от радости, когда узнала от Фотиевой, что сказал Ленин.

Она вытерла свои слезы. Потом засмеялась.

И вдруг сказала Фотиевой:

— Вы знаете, в прошлом году я работала машинисткой в одной канцелярии. И там начальник канцелярии продиктовал мне неверную фразу. Вы думаете, что он признался в своей ошибке? Нет, он накричал на меня, сказал, что это я перепутала и что меня нужно выгнать со службы. Я семь дней плакала: так мне это было досадно. А сегодня я огорчилась по своей глупости. Я не знала, что у Ленина такой справедливый характер.

Товарищ Фотиева сказала:

— Нет, это не только справедливость. Признаться в своей ошибке, не переложить ее на чужие головы — это самая прекрасная и, пожалуй, самая редкая черта человеческого характера. Однако вам не надо было плакать: надо быть мужественной во всех случаях жизни.

Между тем в секретариат стали приходиться вызванные члены коллегии Наркомзема. Все они были не особенно довольны, когда узнали, что их напрасно вызвали.

Но один из сотрудников сказал:

— Нет, я огорчаюсь не потому, что меня потревожили. Мне единственно жалко, что я сегодня не увижу Ленина.

Другие сотрудники согласились с этим и стали расходиться по домам.

13. Покушение на Ленина

У Ленина было много врагов.

У него было много врагов потому, что он хотел заново переделать всю жизнь.

Он хотел, чтобы все люди, которые работают, жили бы очень хорошо. И он не любил тех, кто не работает. Он про них сказал: пусть они вообще ничего не кушают, если не хотят работать.

Это многим не понравилось. И враги Ленина непременно хотели его убить.

И они подговорили одну злодейку — убить великого вождя трудящихся Владимира Ильича Ленина.

Они дали ей револьвер. Зарядили этот револьвер ядовитыми пулями. И сказали этой мерзкой злодейке: «Иди на завод. Там сегодня Ленин будет выступать с речью. И когда он закончит свою речь и выйдет из зала, ты подойди к нему и выстрели в него три или четыре раза».

И она так и сделала. Она оделась в черное платье, взяла револьвер и пошла на тот завод, где выступал Ленин.

И когда Ленин, после речи, выходил во двор, какой-то человек, переодетый матросом, нарочно упал у входа. И этим он задержал всех рабочих, которые шли за Лениным.

И благодаря этому Ленин один вышел во двор и один подошел к автомобилю, чтобы в него сесть.

Но в этот момент женщина в черном платье подошла к Ленину совсем близко и четыре раза выстрелила в него.

Из четырех пуль две пули попали в Ленина. И Ленин упал, тяжело раненный.

У него было пробито легкое и ранена рука.

Женщина бросилась бежать, но ее задержали и отправили в тюрьму.

Рабочие подбежали к Ленину. И многие из них плакали.

Рабочие подняли Ленина и посадили его в автомобиль.

И когда автомобиль поехал, люди сняли с Ленина пальто и пиджак и веревкой перевязали руку, чтобы кровь не текла так сильно.

Машина въехала в Кремль и остановилась у подъезда ленинской квартиры.

Тяжело раненный Владимир Ильич с огромным трудом вышел из машины, и люди поддерживали его, чтобы он не упал.

Подбежали рабочие и хотели понести Ленина на руках в его квартиру.

Но Ленин не позволил им это сделать. Он сказал:

— Нет, не надо меня нести на руках. Моя сестра и моя жена увидят, что меня несут на руках, и подумают, что мне очень плохо. Не надо их тревожить.

И все окружающие поразились, что Ленин в такой страшный момент думает не о себе, а о других.

И вот Ленин по крутой лестнице сам поднялся в третий этаж.

Правда, его поддерживали с двух сторон, но все-таки он шел сам.

Тут сразу вызвали лучших врачей. Но врачи сказали, что положение очень тяжелое, пули отравлены ядом, и может быть заражение крови.

Но прекрасное здоровье Ленина помогло ему поправиться после смертельных ран.

И уже через полтора месяца Владимир Ильич Ленин снова стал работать.

14. Пчелы

В очень, очень старое время люди жили в пещерах.

Городов тогда не было. Магазинов никаких не было.

Пирожные и конфеты нигде не продавались. И никто не умел делать эти сладкие вещи. Тем более, и сахару тогда не было.

Вот действительно было плохо.

Например, какой-нибудь ребенок захочет сладкого. И взять неоткуда.

Ну, мамаша этого ребенка сорвет в лесу дикое яблочко и даст его своему младенцу. Вот вам и все угощение.

Но люди не растерялись, что не было сладкого.

Они увидели, что пчелы очень подозрительно себя ведут. Взад и вперед летают. Садятся на цветы. Что-то там пьют. И сразу обратно улетают в свой улей, в свое гнездо, которое у них обыкновенно находилось в дупле дерева.

Люди думают: «Интересно знать, что там пчелы собирают в своем гнезде?»

И хотя пчелы больно кусаются, но люди все-таки этого не испугались и посмотрели, что там, в дупле.

И увидели, что там из воска сделаны какие-то особые корзиночки (соты). И в этих корзиночках лежит что-то очень приятное на вид.

Люди попробовали, что это такое, и удивились, до чего это вкусно! Это был мед.

Тогда люди стали собирать этот мед.

Они кушали мед и детям давали. И от этого все поздоровели и поправились.

И это им вполне заменило то, чего у них не было: пирожные, конфеты и шоколад.

И до сих пор люди собирают мед. И многие специально занимаются пчеловодством. И это пчеловодство, дети, имеет огромное значение в деле развития нашего сельского хозяйства.

Из меда делаются разные вкусные вещицы: пряники, конфеты, напитки, лекарства. А из воска делаются свечи, мази и разные смазки для машин и паровозов.

Так что пчеловодство — удивительно полезное и нужное дело.

И Владимир Ильич Ленин отлично понимал, что надо поскорее развивать это дело для того, чтобы жизнь улучшилась.

И когда Ленин жил под Москвой, в Горках, он очень этим делом интересовался, часто вызывал к себе одного здешнего пчеловода и с ним подолгу беседовал.

И вот однажды Ленину понадобился этот пчеловод.

Ленин хотел послать за ним одного человека, который знал, где пчеловод живет. Но этот человек, как назло, уехал в Москву. А другие люди не знали, где живет пчеловод. Они слышали, что он где-то тут близко живет, но где именно — не знали.

Тогда Ленин никому ничего не сказал, вышел из дому и пошел в поле.

Вот он идет по полю и смотрит по сторонам.

Видит: цветы — белый клевер. А над цветами масса пчел.

Ленин посмотрел, куда летят пчелы.

И увидел: они летят по направлению к какому-то саду.

Тогда Ленин, глядя на этих пчел, тоже пошел к этому саду.

Вот он входит в этот сад. Подходит к домику. Стучит. Ока-
зывается, верно: тут живет пчеловод.

Пчеловод, увидев Ленина, до крайности удивился.

Он сказал:

— Здравствуйте, Владимир Ильич. Как же вы сумели меня найти? Я живу далеко от деревни. И мало кто знает, где я живу. Кто вас проводил сюда, на пасеку? Кто вам показал дорогу?

Ленин засмеялся и сказал:

— Дорогу мне показали ваши пчелы. Это они меня сюда провели.

Пчеловод еще более удивился. Он сказал:

— Владимир Ильич, вы великий человек! В каждом деле вы умеете находить что-нибудь особенное.

Ленин сказал:

— Просто надо быть наблюдательным в каждом случае жизни.

Тут Ленин и пасечник стали беседовать о пчеловодстве. И они два часа об этом беседовали.

Потом Ленин попрощался и ушел домой по той же дороге, по какой он пришел сюда.

15. Ленин и печник

Однажды Ленин гулял в лесу и вдруг увидел, что какой-то мужчина дерево пилит.

А это пилил дерево некто Николай Бендерин. Немолодой мужчина, с огромной бородой. И очень дерзкий.

Он был по профессии печник. Но кроме того он мог все делать. У него сломалась телега. И вот он пришел в лес, чтобы спилить дерево для починки этой телеги.

Вот он пилит дерево. И вдруг слышит: кто-то ему говорит:
— Добрый день.

Бендерин оглянулся. Смотрит: перед ним стоит Ленин. А Бендерин, конечно, не знал, что это Ленин. И ничего ему не ответил. Только кивнул головой; дескать, ладно, здравствуйте, не мешайте мне пилить.

Ленин говорит:

— Зачем вы дерево пилите? Это общественный лес. И тут нельзя пилить.

А Бендерин дерзко отвечает:

— Хочу и пилю. Мне надо чинить телегу.

Ничего на это не ответил Ленин и ушел.

Через некоторое время, может быть там через месяц, Ленин опять встретил этого печника. На этот раз Ленин гулял в поле. Немножко устал. И присел на траву отдохнуть.

Вдруг идет этот печник Бендерин и дерзко кричит Ленину:

— Зачем вы тут сидите и траву мнете? Знаете, почему сейчас сено? Будьте добры, встаньте с травы.

Ленин встал и пошел к дому.

А с Лениным была его сестра. Вот сестра и говорит печнику Бендерину:

— Зачем вы так грубо кричите? Ведь это Ленин, председатель Совета Народных Комиссаров.

Бендерин испугался и, ничего не сказав, побежал домой. И дома говорит жене:

— Ну, Катерина, пришла беда. Второй раз встречаю одного человека и с ним грубо разговариваю, а это, оказывается, Ленин, председатель Совета Народных Комиссаров. Что мне теперь будет, не могу представить.

Но вот проходит еще некоторое время, может быть там два месяца, и наступает зима.

И понадобился Ленину печник. Надо было исправить камин, а то он дымил.

А кругом по всем деревням только и был один печник, этот Бендерин.

И вот приезжают к этому Бендерину два военных и говорят:

— Вы печник Бендерин?

У Бендерина испортилось настроение, и он отвечает:

— Да, я печник Бендерин.

Военные говорят:

— В таком случае одевайтесь. Едем к Ленину в «Горки».

Бендерин испугался, когда услышал эти слова. И настроение у него еще более испортилось.

Он одевается, руки дрожат. Говорит жене:

— Ну, прощайте, Катерина Максимовна. Наверно, уж с вами больше не увидимся. Наверно, Ленин припомнил все мои грубости: и как я его в поле пугнул и как насчет дерева дерзко ответил. Наверно, он все это вспомнил и решил меня в тюрьму посадить.

И вот вместе с военными едет печник в «Горки». Военные приводят Бендерина в комнаты. И навстречу ему из кресла поднимается Ленин.

Ленин говорит:

— А, старый знакомый. Помню, помню, как вы меня на покосе пугнули. И как дерево пилили.

Бендерин задрожал, когда услышал эти слова. Стоит перед Лениным, мнет шапку в своих руках и бормочет:

— Простите меня, старого дурака.

Ленин говорит:

— Ну, ладно, чего там! Я уж забыл про это. Что касается травы, то, пожалуй, вы были правы. Это — не дело, что я сидел на покосе и мял траву. Ну, да не в этом дело. А не можете ли вы, дорогой товарищ Бендерин, сослужить мне одну маленькую службу? Дымит у меня камин. И надо его исправить, чтоб он не дымил. Можете ли вы это сделать?

Бендерин услышал эти приветливые слова и от радости дар речи потерял.

Только кивает головой: дескать, могу исправить. И руками показывает: дескать, пусть мне принесут кирпичи и глину.

Тут приносят Бендерину глину и кирпичи. И он начинает работать. И вскоре все выполняет в лучшем виде и с превышением.

Тут снова приходит Владимир Ильич и благодарит печника Бендерина. Он дает ему деньги и приглашает за стол выпить стакан чаю.

И вот печник Бендерин садится с Лениным за стол и пьет чай с печеньем. И Ленин дружески с ним беседует.

Попив чаю, печник Бендерин прощается с Лениным и сам не свой возвращается домой.

И дома говорит жене:

— Здравствуйте, Катерина Максимовна. Я думал, что мы с вами не увидимся, но выходит наоборот. Ленин — это такой справедливый человек, что я даже и не знаю, что мне теперь о нем думать.

16. *На охоте*

Ленин очень любил охотиться. Он охотился на уток, на глухарей, на зайцев и на волков.

Но и на лисиц он тоже любил охотиться.

Лисица — хитрое животное. И потому охотиться на нее очень интересно.

Лисицы имеют обыкновение жить в норах. Но только благодаря своей хитрости они сами не роют себе нор. А они увидят какую-нибудь готовую нору, которую, например, вырыл себе барсук, и преспокойно там поселяются.

Потом приходит барсук. И — здравствуйте! — уже кто-то живет в его норе.

Ну, барсук, конечно, неприятно поражен, удивляется, что в его квартире расположилась лиса. И думает: «Это недоразумение, наверное она сейчас уйдет».

Но лиса и не думает уходить. Лежит в норе и глазки за крыла, будто это ее не касается.

Тогда барсук тоже лезет в нору. Думает: «В крайнем случае как-нибудь проживу вместе с этой рыжей теткой с длинным хвостом».

Но, оказывается, вместе с лисицей жить ему неинтересно: она вороватая. Пищу крадет. И вдобавок занимает в норе лучшее место. Так что у бедняги барсука иной раз хвост наружу торчит. И, конечно, ему неприятно так жить. Это и зверь может кусить его за хвост. И дождь капает.

И тогда барсук в грустном настроении уходит куда-нибудь в другое место и роет себе новую нору, благо у него нос длинный.

А лисица рада и довольна, что ушел барсук. И начинает жить в норе в свое удовольствие.

А охотничьи собаки выискивают эти норы и выгоняют оттуда лисиц. Собаки начинают лаять, рыть землю или снег, и тогда лисица от страха пулей выскакивает из норы.

Собаки бегут за нею. Выгоняют ее на охотников. Охотники стреляют, но только не всегда попадают, потому что лисица увертливая. Сейчас она здесь, через минуту — там. Потом, глядишь, ее хвост за деревом мелькнул. И вдруг исчезла лисичка. И след простыл.

Так вот однажды московские охотники устроили охоту на лисиц. И устроили очень организованно. Даже на опушке леса развесили флажки. Эти флажки от ветра колебались. И зверь, увидев такие флажки, обыкновенно останавливался и от страха не бежал дальше. А это и требовалось охотникам.

Вот расставили охотников.

И Владимиру Ильичу Ленину тоже показали место, где ему стоять.

Ленин в полушубке и в валенках стал у дерева на одной дорожке. И стоит с ружьем, ожидает.

Вдруг в лесу отчаянно залаяли собаки. Это значит, они нашли лису и сейчас ее выгонят из леса на полянку.

Охотники насторожились. И Ленин тоже насторожился. Посмотрел, правильно ли заряжено его ружье.

А кругом удивительно красиво. Полянка. Лес. Сверкающий пушистый снег на ветках. Зимнее солнце золотит верхушки деревьев.

Вдруг, откуда ни возьмись, в аккурат прямо на Ленина из леса выбежала лисица.

Это была красивая рыжая лисица, с огромным пушистым хвостом. Это была яркоружая лисица, и только кончик хвоста у нее был черный.

Она, спасаясь от собак, выбежала на полянку и, заметавшись по полянке, остановилась, увидев человека с ружьем.

На несколько секунд лисица замерла в неподвижной позе. Только хвост ее нервно качался. И испуганно сверкали ее круглые глазенки с вертикальными зрачками.

Лисица не могла сообразить, что ей делать и куда бежать. Сзади собаки, впереди человек с ружьем. И вот поэтому она растерялась и замерла в неподвижной позе.

Ленин вскинул ружье, чтоб в нее выстрелить.

Но вдруг опустил руку и поставил ружье в снег, к ногам.

Лисица, вильнув своим пушистым хвостом, бросилась в сторону и тотчас исчезла за деревьями.

А тут же у дерева, недалеко от Ленина, стояла его жена, Надежда Константиновна. Она с удивлением спросила:

— Почему же ты не выстрелил?

Ленин, улыбнувшись, сказал:

— Знаешь, не мог выстрелить. Очень уж красивая была лиса. И мне поэтому не хотелось ее убивать. Пусть живет.

Тут подошли другие охотники и тоже стали удивляться, почему Ленин не выстрелил, когда лисица была так близко и даже не бежала.

И, узнав, отчего Ленин не выстрелил, охотники еще больше удивились. А один охотник сказал:

— Чем красивее лиса, тем она ценнее. Я бы в нее выстрелил.

Но Ленин на это ничего не ответил.

РАССКАЗЫ, НЕ ВОШЕДШИЕ В ЦИКЛ

В сорок семь лет

Темная осенняя ночь. Мрачный лес. Где-то горит торф — пахнет едким дымом.

По узкой тропинке идет Ленин. Позади него — трое. Они сопровождают Ленина.

Дело крайне спешное и опасное: надо переправить за границу Владимира Ильича.

Повсюду разослали приказ Временного правительства. Арестовать Ленина. И даже объявлена высокая денежная награда тому, кто задержит его.

Сначала Владимир Ильич скрывался на сенокосе, в шалаше. Потом решено было переправить Ленина в Финляндию.

Но для этого надо было пройти пешком до Белоостровской железной дороги. Потом доехать до станции Удельная. Переночевать там. А вечером сесть на паровоз и в качестве кочегара переехать границу.

Такая договоренность была с одним машинистом.

И вот Ленин и его спутники идут через лес.

Путь не легкий. Под ногами горит торф. Почва проваливается. И ноги увязают в земле.

Спутники Ленина идут молча. Задача — сохранить жизнь Ленина — заставляет их тревожиться за дальнейшее.

Но Ленин настроен весело и шутливо.

Неожиданно подходят к какой-то реке.

Один из спутников Ленина с удивлением говорит:

— Что такое! Не так давно я проходил этот лес, тут реки не было. Вернее, тут была крошечная пересохшая речонка. Ее можно было перейти не замочив коленей.

Ленин говорит:

— Дожди шли две недели — и вот результаты.

Луна показалась из-за облаков и осветила картину. Перед путниками действительно была довольно широкая река.

Спутники Ленина говорят:

— Придется пойти влево и там поискать переправы.

Ленин говорит:

— А почему бы нам речку не перейти вброд? Вряд ли мы в темноте найдем лучшую переправу.

Один из спутников Ленина говорит:

— По-видимому, тут глубоко. Умеете ли вы плавать, Владимир Ильич?.. Что касается нас, то мы переплыть можем. Но за вас побаиваемся. Тут могут быть ямы, рывтины...

Ленин с улыбкой говорит:

— Плавать-то я умею. И даже это — мое любимое занятие. Я другого боюсь: боюсь, что до этого дело не дойдет. К сожалению, тут, кажется, не так уж глубоко.

Ленин быстро разделся, свернул свой костюм в узелок, взял его в левую руку и первый вошел в воду.

За ним вошли в воду остальные.

Вода была дьявольски холодная. Захватывало дыхание у всех, кто входил в воду, но Ленин сказал:

— После дыма и пожара это просто великолепно!

Вода дошла до его груди. Потом до плеч. До подбородка. Потом стало мельче. И, наконец, Ленин вышел на другой берег.

Вслед за ним на берег вышли его спутники.

Было удивительно смотреть на Ленина. Ведь ему сорок семь лет! Такая ночная переправа через холодную речку многих бы привела в уныние. Но Ленин был по-прежнему весел. И даже, пожалуй, он был еще веселей, чем раньше.

Он страхивал с себя воду ладонью руки. И казалось, что ничего, кроме удовольствия, он не испытывает.

Достав из кармана носовой платок, Ленин слегка обтерся им и, быстро одевшись, еще раз сказал:

— Великолепно! Жаль только, что речушка мелка — не пришлось поплавать.

Тут все засмеялись и пошли дальше.

Через два часа Ленин сидел в вагоне.

Однако в этот вагон Ленин сел не тогда, когда поезд стоял на станции. Тогда сесть было нельзя: кругом ходили юнкера и всех подозрительных арестовывали. И хотя Ленин был в парике и выбрит, тем не менее идти на станцию было весьма рискованно.

Ленин и его спутники лежали в канаве и выжидали, когда поезд тронется. И когда поезд тронулся, Ленин быстро подбежал к станции и на ходу вскочил в вагон.

И при этом он проявил удивительное умение, выдержку и самообладание.

На другой день Ленину снова понадобилась его физкультура.

На станции Удельная он, как заправский кочегар, поднялся на паровоз по ступенькам.

Тот, кто видел эти паровозные ступеньки — узенькие и неудобные, — тот поймет, что без привычки это было сделать нелегко и непросто.

Человека, неопытного в физкультуре, пришлось бы, пожалуй, подталкивать снизу. Либо сверху пришлось бы его подтягивать рукой. Да при этом он непременно оступился бы раза три, потерял бы шапку и, чего доброго, крик бы поднял.

Но Ленин так искусно это сделал, что ни сыщики, ни охрана не заметили, что посторонний человек поднялся на паровоз.

И спутники Ленина, следившие за ним, чтоб все было благополучно, с облегчением вздохнули.

Через час Ленин благополучно переехал границу.

Как Ленин спал на полу

Временное правительство хотело арестовать Ленина.

Сыщики повсюду разыскивали его.

И поэтому Ленин должен был скрываться за городом.

В три часа ночи (15 августа 1917 года) Ленин приехал на станцию Удельная.

Там на окраине стоял маленький домик, в котором жил один рабочий со своей женой.

Это было бедное жилище. В комнате стояла одна кровать, убогий кухонный стол и две табуретки.

В этом домике Ленин должен был переночевать. Хозяева с нетерпением ожидали дорогого гостя. Они встретили его с радостью и волнением. Скромно поужинали. И стали укладываться спать. Хозяйка, сконфуженно улыбаясь, сказала Ленину: — Уж пожалуйста, Владимир Ильич, не побрезгуйте, ложитесь спать на нашу кровать.

Ленин сказал:

— Нет, что вы, как это можно. Я лягу на полу. Не беспокойтесь — отлично устроюсь.

Хозяева сказали:

— Очень просим вас лечь на постель. Мы сегодня ложиться не собираемся. И посидим тут на табуретках. Постережем ваш сон.

Ленин пожал руки добрым хозяевам и категорически отказался лечь на их постель.

Он вытащил из кармана две газеты, расстелил их на полу, подложил под голову книгу и пиджак и лег, несмотря на просьбы хозяев.

Хозяйка сказала:

— Мы так ждали вас, Владимир Ильич, так надеялись. И что же мы теперь видим — вы лежите на полу. Нам с мужем прямо немыслимо на это смотреть.

Ленин сказал:

— Нет, нет, прошу вас не беспокоиться обо мне. Мне тут очень удобно. Уверяю вас.

И Ленин закрыл глаза, как будто говорил этим — я страшно устал, уже засыпаю и даже не слышу, что мне говорят.

И вот наступило утро.

Ленин встал и, взяв полотенце, вышел в сени помыться.

И тогда хозяйка заговорила. И какая-то горечь была в ее голосе. Она сказала, обратившись к человеку, который пришел с Лениным:

— Как вы думаете, почему Владимир Ильич отказался лечь на нашу постель? Ведь мы и белье для него перестелили. Вытряхнули матрац. И Владимир Ильич видел, что постель наша опрятная... Неужели же он побрезговал нами?

И тогда человек, которого спросили, ответил:

— Нет, нет, что вы!.. Он не лег на вашу постель не из-за того, из-за чего вы думаете. Он просто не хотел вам доставлять беспокойство, он не хотел, чтоб вам неудобно было спать. Вот почему он это сделал. И больше нет никаких объяснений.

И тогда хозяйка, услышав эти слова, просияла. Но потом, задумавшись, сказала:

— Но как это может быть? Он великий вождь всех трудящихся. Он мог бы приказать, что угодно, и это было бы исполнено. А вместо этого он отказался от нашей постели и спал на полу...

Человек ответил:

— Вот потому, что он вождь всех трудящихся, а не барон или царь — вот именно поэтому он и поступил так, а не иначе.

Женщина сказала:

— Все-таки в этом есть что-то удивительное. И это не укладывается в моей бедной голове... Так ли это, как вы говорите?

И человек, которому это было сказано, снова ответил:

— Это так. За это я могу поручиться, потому что знаю Владимира Ильича. Если в соседней комнате кто-нибудь работает, то Владимир Ильич говорит вполголоса, чтобы не мешать работе. А если это ночью, то он, представьте себе, ходит на цыпочках, чтоб не потревожить соседа. И уж, конечно, не в его характере — лечь на чужую постель, если для этого хозяину постели нужно всю ночь сидеть на табуретке.

И женщина снова сказала:

— Ах, все это не укладывается в моей голове.

И тогда муж этой женщины сказал:

— А в моей голове все это укладывается. Ленин сначала заботится о других, а потом уж о себе. И нам всем следует так поступать.

Тут в комнату вошел Владимир Ильич и сказал:

— Здравствуйте, товарищи. С добрым утром. Я сегодня великолепно выспался. И благодарю дорогих хозяев за гостеприимство.

ХРАБРЫЕ ДЕТИ

Русские люди очень храбрые. Это всем известно. И взрослые храбрые, и многие дети тоже почти ничего не боятся.

Это очень приятно знать, что у нас такие храбрые дети.

Не знаю, конечно, как насчет самых маленьких, которым по пять или там по шесть лет. Насчет таких малышей я вам ничего не могу ответить. Вы уж сами разберайтесь в этом

вопросе — храбрые вы или нет. Скорей всего, я так думаю, вы тоже не из пугливого десятка.

А что касается детей, которым исполнилось по десять или двенадцать лет, то это уже определенно храбрые ребята.

Это видно хотя бы по одной истории, которую я хочу вам рассказать.

Эта история произошла в самом начале войны, когда фашисты напали на нашу страну. Они напали на нашу страну, как разбойники и как дикие звери. Их самолеты стали бросать бомбы на наши деревни и города. Они этим хотели напугать нас. Но нас не так-то легко напугать, поскольку среди нас очень много храбрых людей.

И вот в самом начале войны летит, представьте себе, по небу фашистский самолет.

Наши пушки стали стрелять. И подбили этот самолет. Он загорелся в воздухе и стал падать.

Не знаю, сколько было фашистов на этом самолете. Известно только, что один летчик успел выброситься из горящей машины.

Он выбросился с парашютом и плавно спустился на одно поле.

А на этом поле работали ребята одной здешней школы. И самому старшему из них было тринадцать лет. Он присматривал за ребятами, чтоб они правильно работали и не убежали.

А работа у них была интересная — они выкапывали картошку и накладывали ее в мешки. Они это делали потому, что многие взрослые были на войне и некому было убирать картошку.

И вот работают они и вдруг видят такое происшествие — фашистский летчик спустился на их поле.

Он спустился около самого леса, выхватил револьвер из кармана и хотел стрелять. Но, увидев, что это ребята, не стал стрелять. Спрятал свой револьвер и, наверно, подумал: «Такая мелочь, как эти дети, мне совершенно не опасна». И сам вытащил из сумки карту и стал смотреть на эту карту, чтоб узнать, где он находится и в какую сторону ему бежать.

Старший из ребят, Петюшка Соловьев, сказал ребятам:

— Нельзя допустить, чтоб этот немецкий летчик убежал. Давайте возьмем его в плен.

Тут некоторые даже засмеялись. Говорят:

— Как же мы его в плен возьмем? Это взрослый мужчина с револьвером. А мы — маленькие, неопытные, в плен никогда никого не брали. И даже среди нас находятся такие малыши, как Санька и Васютка, которым всего по восемь лет.

Петюшка говорит:

— Зато нас сорок пять человек. Давайте подойдем к нему ближе. А когда я свистну — все в одно мгновение бросайтесь на него. Одни хватайте его за руки, другие — за ноги. Третьи — держите за волосы. Четвертые — за штаны. И тогда как-нибудь мы его одолеем.

И вот ребята подошли поближе к фашисту и стали на него смотреть, будто интересуются им. А тот и внимания на них не обращает, дескать, безобидные детишки, мелочь.

Тут Петюшка свистнул в свои пальцы, и все ребята в один момент бросились на фашиста. И они бросились с такой быстротой и с такой силой, что фашист от неожиданности

упал в траву. Он упал в траву и стал бороться и кусаться и хотел вырваться, но ребята не выпускали его. Он отбрасывал некоторых ребят в сторону, но те снова наседали на него. И наконец вцепились в него со всех сторон, и так крепко, что фашист уже не мог двинуться.

Особенно помогли делу трое ребят, которые держали фашиста за волосы. Они так держали его, что фашист прямо взмолился. Он закричал:

— Дети, прекратите ваши шалости. Отпустите меня, иначе я вашему учителю пожалуюсь. А главное — не дергайте меня за волосы, мне же больно.

Петюшка Соловьев сказал немцу:

— Нет, это не шалости. Мы вас взяли в плен. Сейчас свяжем вас и поведем в деревню. А что касается волос, то пока, будьте добры, потерпите. Это уж не такая сильная боль, чтоб кричать на все поле.

Тут Петюшка взял веревку, которая лежала у них на мешках, и стал связывать фашиста. Сначала он связал ему руки. Потом на голову надел ему мешок и тоже завязал его вокруг шеи. Наконец связал ноги. Причем так связал, как связывают ноги лошади, чтоб она не убежала, но чтоб могла тихонько идти.

После этого Петюшка велел фашисту встать. И в таком виде они повели его в деревню.

Но тут выяснилось, что не все ребята могут идти в деревню. Некоторые из них пострадали довольно сильно. У одного была сломана нога. У другого вывихнута рука.

Всего пострадало семь человек. Но зато фашист был взят в плен.

И вот ребята привели этого фашиста в деревню. А через деревню в это время проезжала военная машина. И в этой машине находился один полковник.

Этот полковник очень смеялся, когда узнал, как ребята захватили фашиста. Он всех ребят поблагодарил и повез фашиста в штаб.

А перед этим он взял в свою машину всех пострадавших ребят и отвез их в госпиталь. И там им всем оказали медицинскую помощь. И вскоре они все поправились и вернулись в свою школу.

А через месяц ребята получили письмо с благодарностью от военного командования.

Недавно я видел это письмо. В очень красивых выражениях военное командование благодарило ребят за их храброе и мужественное поведение.

И все ребята были очень рады и довольны, что они получили такое письмо.

ЛЕНОЧКА

Я шел по деревенской улице.

Часть деревни была сожжена. Торчали трубы. Валялись разбитые телеги. Лежала обгоревшая утварь.

Другая часть деревни была цела. Кое-где остались немецкие надписи. Эти надписи были на столбах, на заборах, на каком-то сарае.

Я шел вдоль тенистых садов, поглядывая на эти следы, оставшиеся от непрошенных хозяев. Мне захотелось с кем-нибудь поговорить. С каким-нибудь человеком, который был здесь при немцах и был свидетелем их жизни, их адского порядка, их бегства.

У плетня на скамейке сидел немолодой крестьянин. Седой. В розовой рубашке. В меховой шапке.

Я дал ему закурить. И мы разговорились. Но он неохотно и односложно отвечал на все мои вопросы. Он так отвечал:

— Сами знаете. Что об этом толковать. Все было. Расстреливали. Пороли розгами. Выказывали зверство на каждом шагу. Неохота об этом вспоминать.

Из ворот вдруг вышла маленькая девчурка. Белокурая. Миленькая. Курносая.

Увидев ее, старик просиял. Он сказал:

— Честь имею представить мою внучку Леночку. Ей десять лет.

Девчурка строго посмотрела на меня. Кивнула головой. Но руки не подала. И не подошла. Старик сказал:

— Нет, она не смущается. Но она занята. Торопится по своим делам.

Девчурка улыбнулась своему дедушке и солидно пошла по улице, заложив свои ручонки за спину.

Неожиданно засмеявшись, старик сказал мне:

— Между прочим, дети еще интереснее взрослых. Они показывают будущую страну. Взгляните, как идет моя внучка. Она выступает как взрослая.

— А как при немцах она держалась? — спросил я.

— Она независимо держалась. Буквально как и теперь, — ответил старик и снова засмеялся. Потом, немного помолчав, добавил: — Она великолепно держалась. Не хуже взрослых. Конечно, многие взрослые тут погибли при немцах. Многих немцы угнали к себе на каторгу. Лично же я уцелел. Но я отчего уцелел? Я им был нужен. Я печник. И я им переключивал печки. Они меня осенью вызвали и сказали: «Приближается русская зима с ее суровыми морозами. Проверь все печки во всем доме. Почини. Переложи. Чтоб нам, немецким офицерам, зимой было тепло и уютно».

Нет, сначала я им не хотел переключивать. Боролся с самим собой. После думаю: «Своим отказом положения не улучшу. Ничего героического этим не совершу. И только они меня за это повесят. И тогда в дальнейшем я уже не смогу сослужить службу своей стране». И значит, приступил к осмотру печей.

А немцы помещались в детской школе. Там был их штаб. Дом большой — бывшая помещицья постройка. В штабе у них был генерал. Три полковника. И разная другая мелкая немецкая шушера. Все были исключительно нахальные. Любители выпить, закусить, повеселиться. И только генерал не принимал участия в их веселье. И был этот генерал мне особенно противен. Он был очень такой гордый, надменный. Держался особняком. И кроме как со своей собачкой, он почти ни с кем не разговаривал. Он любил и уважал эту свою немецкую собачку, с которой не расставался. Кушал с ней одновременно. Гулял с ней по саду. И во время работы

держал ее в своем кабинете, где, может быть, советовался с ней по разным вопросам.

И вот я работаю в его кабинете. Перекладываю печку. И вдруг слышу собачий лай. Крики. И так далее. Гляжу в окно. Вижу — генерал барахтается в яме. Вижу — кто-то вырыл яму на садовой дорожке, прикрыл ее веточками и песком. И вот генерал, гуляя, провалился в эту волчью яму. А его собачка не провалилась. Она скачет вокруг ямы. Лает. Беснуется. Визжит. Но помочь генералу не в силах.

Бегут солдаты. Господа офицеры. Вынимают генерала из ямы. А он бледный, дрожит. Воскликает: «Партизаны, партизаны!..»

Я тоже сначала подумал, что это партизаны провалили генерала. Тем более что три дня назад кто-то стекло выбил в генеральском кабинете. И кто-то гвозди набил в садовую скамейку. Так что генерал напоролся на них.

После думаю: «А какой интерес партизанам такую неглубокую яму копать. Ведь генерал даже не разбился. Только испугался».

Вдруг в кабинет прибегает один их солдат. Говорит мне по-русски: «Прекрати работу. Уходи. Завтра вызовем. Нынче генерал не в силах видеть русские лица».

Вышел я из сада. За садом рощица. Иду этой рощицей и вдруг замечаю, что ребяташки в кустах лежат. Школьники. И среди них моя внучка Леночка. Ученица третьего класса.

Поглядел я на ребяташек и сразу понял, кто вырыл волчью яму, кто стекло разбил и кто гвозди в скамейку натывал.

Ребята говорят:

— Да, это мы произвели, но это еще мало. Мы третий день против генерала совещаемся. И пришли к новому решению — убрать с его пути собачку.

Леночка говорит:

— И тогда он расстроится и будет еще хуже воевать.

Всплеснул я руками. Говорю:

— Ребятки, ничего этим не добьетесь. Только озлобите генерала. И начнет он вас хватать, поскольку поймет, чье это поведение.

Говорю им, а сам прямо плачу, страшусь за их судьбу.

А Леночка мне говорит:

— Не мешай нам, дедушка, своими причитаниями. Мы сами знаем, как нам поступать против тех, кто занял нашу школу.

Думаю: «Боже мой, я, старый хрен, печку генералу пере-
кладываю, а тут ребята преподают мне гражданский урок».

Говорю ребятам:

— Дети, может быть, и мне печку как-нибудь так переложить, чтоб генерал задохся и угорел.

Дети говорят:

— Нет, дедушка, из этого ничего не получится. Немцы проверят печку и тебя посадят в тюрьму. Лучше придумай что-нибудь другое и потом нам скажи.

И вот стал я думать, что бы мне такое произвести, чтоб от ребят не отстать. Но тут вскоре узнается, что Красная Армия произвела на немцев натиск и теперь приближается к на-

шим местам. И тогда немцы поспешно снялись и ушли из нашей деревни.

А за два дня до этого генеральский песик все же исчез. Ребята выпустили в сад какую-то свою собаку. Немецкий пес побежал за ней и уж обратно не вернулся — ребята его задержали.

При всей своей горячей любви к собаке генерал не стал ее разыскивать. Орудия грохотали слишком близко. И тут генералу было уже не до собачки.

Старик замолчал. Потом, поглядев на меня, добавил:

— И с тех пор мое уважение к Леночке еще того более увеличилось. Вот почему я весь сияю, когда вижу эту мою внучку.

СПУСТЯ ТРИ ГОДА

Вот какой удивительный случай произошел в самом начале войны. Два брата, Сережа и Коля Волковы, проживали в деревне Рассадники Порховского района.

Старшему брату было лет шестнадцать или семнадцать, а младшему девять.

И вот однажды мамаша послала этих мальчиков в соседнюю деревню. Там проживала их бабушка. Она захворала. И мать этих мальчиков, желая, чтоб бабушка поправилась, послала ей порошки против простуды, горшочек меда и пирожки с луком.

И вот идут эти парнишки полев. У одного в руках горшочек с медом, а у другого пирожки. А впереди бежит их собачонка. Обыкновенная небольшая дворняжка с простым и неблагозвучным именем Бобик.

Так вот, идут эти мальчики по дороге. Свистят. Ни о чем особенном не думают. И вдруг старший брат Сережа говорит:

— Гляди, какие странные полосы на поле. Будто кого-то тащили по земле.

Младший говорит:

— Тащили, наверно, мешок с картошкой. Поэтому такие полосы.

Старший говорит:

— Если бы тащили мешок с картошкой, то полоса была бы ровная. А тут похоже на то, что тащили человека за плечи. Вон даже полосы от ног.

Младший говорит:

— А какое нам дело — кто кого тащил. Нам надо бабушке продукты отнести. Иначе от мамы будет нахлобучка.

И с этими словами младший идет вперед. И Бобик с ним. Бобик тоже не заинтересовался этими следами. Ну, простая, неслужебная собака, дворняжка. Не приученная, знаете, ко всяким таким делам.

Вдруг старший братишка кричит:

— Гляди, Колька, следы прекратились. Полосы дальше не идут.

Младший братишка хотел рассердиться на старшего за то, что тот понапрасну тратит время на такие пустышки. Но

тут вдруг Бобик, этот простой, неслужебный песик, стал лаять, прыгать и бесноваться на том самом месте, где прекратились следы. И стал, между прочим, лапами рыть землю.

Тут младший братишка тоже слегка заинтересовался, стал помогать своему Бобику рыть землю.

Смотрят мальчики — торчит из-под земли какой-то ремень. Потянули. Вытащили. Глядят — парашют.

Младший говорит:

— Наверно, немцы подбили нашего летчика. Он спустился сюда на парашюте. И сам, наверно, пошел в деревню.

Старший говорит:

— Летчик зарыл свой парашют и тем самым скрыл свои следы. Значит, это не наш летчик. Должно быть, немцы сбросили сюда своего шпиона.

Стали мальчики глядеть, куда ведут следы. Видят — следы от сапог ведут к лесу.

Пошли мальчики лесной дорогой. А там в лесу на полянке вырыты были окопы. Старые учебные окопы. Здесь когда-то обучалась воинская часть. И окопы так и остались.

И вот мальчики видят, что в окопах мелькнула чья-то фигура.

Старший братишка Сергей сразу же сообразил, что им не следует показывать вида, что они обнаружили этого человека. Все-таки они мальчики, подростки. Невооруженные тем более. Схватить и задержать этого немецкого агента они не смогут. А тот, ясно, откроет пальбу, перебьет их и скроется.

Но младший братишка, не отличаясь сообразительностью, стал кричать:

— Вот он. В окопе. Даю честное слово — он там.

Старший дернул его за руку и велел молчать.

И сам нарочно громко сказал:

— Никого там нет. Это твоя фантазия.

Но тут вдруг Бобик чуть не погубил все дело. Не отличаясь большим умом, он подбежал к окопу и снова стал лаять, прыгать и бесноваться.

Сергей отозвал его и тоже нарочно громко сказал:

— Ну что ты лаешь, дурная собака. Ведь там никого нет. Пустые окопы!

И вот мальчики медленно и спокойно пошли вперед, как будто ничего не случилось.

И только когда дорога поворотила направо и окопы скрылись из вида, мальчики бросились бежать. Запыхавшись, они прибежали в деревню и рассказали то, что они видели.

А там в деревне стояла воинская часть. Командир этой части сразу же снарядил отряд. И вскоре неизвестный был задержан в лесу.

Командир части позвал Сережу Волкова и перед всем строем поблагодарил его за помощь. Он обнял его и сказал ему:

— Будешь ты отличным бойцом. И для этого у тебя есть все качества — наблюдательность, смекалка, выдержка и сообразительность. Благодаря этому мы задержали немецкого агента.

Сереза покраснел от радости и спросил командира:

— А есть ли такие воинские части, которые ловят шпионов и диверсантов, такие части, где от бойцов требуют особой смекалки и наблюдательности?

Командир сказал:

— От всех бойцов требуют смекалки и наблюдательности. Но такие специальные части есть. Это наши пограничные войска. Они стоят на страже наших рубежей. И от бойцов-пограничников требуется особая бдительность и особая смекалка. И умение быть следопытами.

— В таком случае, — сказал Сереза, — я буду пограничником, когда меня призовут в ряды Красной Армии.

И вот прошло три года.

Недавно я читал свои рассказы в одной воинской части. И там ко мне подошел один молодой пограничник. Он познакомился со мной и рассказал мне эту историю. Этот пограничник был Сергей Волков. Рассказав мне эту свою историю, Сергей Волков добавил:

— И вот исполнилась моя самая горячая мечта — я стал пограничником. Уже теперь не Бобик, а какая-нибудь отличная служебная собака поведет меня по дозорной тропе. И мне уже не придется бежать за помощью, чтоб задержать нарушителя.

Я поздравил Сергея Волкова с тем, что исполнилось его горячее желание. Я сказал ему:

— Нет ничего прекрасней на свете, чем работа, которую делаешь по призванию. Человек, любящий свое дело, достигает больших успехов. От души пожелаю вам этого.

ИНТЕРЕСНЫЙ РАССКАЗ

Когда началась война, Коля Соколов умел считать до десяти. Конечно, это мало считать до десяти, но бывают дети, которые и до десяти считать не умеют.

Например, я знал одну маленькую девочку Лялю, которая считала только до пяти. И то, как она считала? Она говорила: «Раз, два, четыре, пять». И «три» пропускала. Разве это счет! Это же прямо смехотворно.

Нет, навряд ли такая девочка будет в дальнейшем научным работником или профессором математики. Скорей всего, она будет домашней работницей или младшим дворником с метлой. Раз она настолько неспособна к цифрам.

А наш Коля, я говорю, умел считать до десяти. И благодаря этому он отсчитал десять шагов от дверей своего дома. И, отсчитав эти шаги, он стал рыть яму. Лопатой.

Вот он вырыл яму. И положил в эту яму деревянный ящик, в котором находились разные его вещи — коньки, топорик, маленькая ручная пила, складной карманный ножик, фарфоровый зайчик и другие мелкие предметы.

Положил он этот ящик в яму. Засыпал землей. Затаптал ногами. И вдобавок сверху набросал желтого песочку, чтоб незаметно было, что там яма и в яме что-то лежит.

Сейчас я объясню вам, зачем Коля зарыл в землю свои вещи, такие нужные для него.

Он с мамой и с бабушкой уезжал в город Казань. Потому что фашисты наступали тогда. И подошли очень близко к их деревне. И все жители поспешно стали уезжать.

И, значит, Коля с мамой и с бабушкой тоже решили уехать.

А все вещи, конечно, с собой нехватишь. И по этой причине некоторые вещи мама положила в сундук и зарыла в землю, чтоб они не достались фашистам.

От дверей дома мама отсчитала тридцать шагов. И там зарыла сундук.

Она отсчитала тридцать шагов для того, чтоб знать то место, где зарыто. Не разрывать же весь двор, чтоб потом искать этот сундук. Стоит только отсчитать тридцать шагов по направлению к огороду, и сундук сразу будет найден, когда фашистов выгонят из деревни.

И вот мама зарыла сундук в тридцати шагах от дверей. А Коля, который умел считать до десяти, отсчитал десять шагов. И там зарыл свой ящик.

И в тот же день мама, бабушка и Коля уехали в город Казань. И в этом городе они прожили почти что четыре года. И там Коля подрос, стал ходить в школу. И считать научился до ста и больше.

И вот наконец стало известно, что фашистов выгнали из той деревни, где в свое время проживал Коля. И не только из той деревни, а вообще их выгнали с нашей земли. И тогда Коля с мамой и с бабушкой вернулись в свои родные места.

Ах, они с волнением подъезжали к своей деревне. Думали: «Цел ли наш дом? Не сожгли ли его фашисты? И целы ли вещи, зарытые в земле? Или, может быть, фашисты вырыли эти вещи и взяли их себе? Ах, это будет очень жаль, если они взяли себе коньки, пилу и топорик».

Но вот, наконец, Коля дома. Дом цел, но, конечно, немножко разрушен. И все вещи, которые оставались в доме, исчезли. Фашисты украли их. Но мама сказала: «Это ничего. У нас сохранилось еще много вещей, зарытых в землю».

И с этими словами мама отсчитала тридцать шагов и стала копать лопатой. И вскоре убедилась, что сундук там. И тогда Коля сказал маме:

— Вот что значит арифметика. Если б мы зарыли сундук просто так, не отсчитали бы тридцать шагов, вот теперь и не знали бы, где копать.

Наконец мама открыла сундук. И там все было цело и исправно. И вещи даже не подмокли, потому что поверх сундука была положена клеенка. И мама с бабушкой были так довольны, что сохранились эти вещи, что даже запели песню: «Светит месяц, светит ясный».

И тогда Коля в свою очередь взял лопату, отсчитал десять шагов и сказал соседским ребятам, которые собрались вокруг него:

— Если б я зарыл свои вещи просто так, где попало, не отсчитал бы десять шагов, вот я бы теперь и не знал, где они лежат. Но счет приносит людям огромную пользу. Благодаря арифметике я теперь знаю, где мне надо копать.

И с этими словами Коля стал копать. Копают, копают, но найти своего ящика не может. Уже глубокую яму вырыл. Нет ящика. И немножко влево стал копать. И немножко вправо. Нигде нет.

Уже ребята стали смеяться над Николаем.

— Что-то, говорят, не помогла тебе твоя арифметика. Может быть, фашисты вырыли твои вещи и взяли их себе?

Коля говорит:

— Нет, если наш огромный сундук найти не могли, то навряд ли они нашли мои вещи. Тут что-то не так.

Коля бросил лопату. Сел на ступеньки крыльца. И сидит скучный, грустный. Думает. Потирает лоб рукой. И вдруг, засмеявшись, говорит:

— Стоп, ребята! Я знаю, где лежат мои вещи.

И с этими словами Коля отсчитал только пять шагов и сказал:

— Вот где они лежат.

И, взяв лопату, стал копать. И действительно вскоре из земли показался ящик. И тогда все собравшиеся сказали:

— Странно. Ты зарыл свой ящик в десяти шагах от двери, а теперь он оказался в пяти шагах. Неужели же твой ящик во время войны сам подвинулся поближе к твоему дому?

— Нет, — сказал Коля, — ящики сами двигаться не могут. Тут вот что произошло. Когда я зарыл свой ящик, я был совершенно маленький малыш. Мне было всего пять лет. И у меня были тогда маленькие и даже крошечные шаги. А теперь мне девять лет, десятый год. И вон какие у меня огромные шаги. И вот почему я вместо десяти шагов отсчитал только пять. Арифметика приносит пользу тем людям, которые умеют понимать, что происходит в жизни. А происходит то, что время движется вперед. Люди растут. Их шаги меняются. И ничто в жизни не остается без перемены.

Тут Коля открыл свой ящик. Все оказалось на месте. И даже железные вещи не заржавели, потому что Коля обмазал их салом. А такие вещи не имеют права давать ржавчину.

Вскоре приехал Колин папа. Он был сержант, награжденный медалью за храбрость. И Коля ему все рассказал. И папа похвалил Николая за его ум и смекалку.

И все были очень довольны и счастливы. Пели, веселились и даже танцевали танцы.

БЕДНЫЙ ФЕДЯ

В одном детском доме находился мальчик по имени Федя. Это был очень грустный и скучный мальчик. Он никогда не смеялся. Не шалил. И даже не играл с ребятами. Он тихонько сидел на скамейке и о чем-то думал.

И дети к нему не подходили, потому что им было неинтересно играть с таким скучным мальчиком.

И вот однажды воспитательница дала Феде книжку и сказала:

— Прочитайте вслух несколько строчек из этой книги. Я хочу узнать, хорошо ли вы читаете. Чтобы знать, в какой класс вас зачислить.

Федя покраснел и сказал:

— Я не умею читать.

И тогда все дети удивленно на него посмотрели. А некоторые даже рассмеялись. Потому что мальчику десятый год, а он читать не умеет. Это смешно и странно.

Воспитательница спросила Федю:

— Неужели же вы совершенно читать не умеете? Может быть, даже не знаете букв?

И, показав на букву «А», она спросила:

— Какая это буква?

Федя снова покраснел, потом побледнел и говорит:

— Я не знаю, какая это буква.

И тогда все дети громко рассмеялись. А учительница спросила:

— Как же так случилось, что вы до сих пор букв не знаете?

Федя сказал:

— Когда мне было пять лет, фашисты угнали нас в Германию. Меня и мою маму. И там мы работали на заводе. И там фашисты не учили нас читать.

Тут все дети перестали смеяться. А воспитательница спросила Федю:

— А где же теперь ваша мама?

Печально вздохнув, Федя сказал:

— Она умерла в Германии. Она была очень больна. И она лежала с высокой температурой. Но фашисты подняли ее штыками и заставили ее работать. И вот почему она умерла.

Воспитательница сказала Феде:

— Бедный мальчик. Ты не смущайся, что ты не умеешь читать. Мы тебя научим. И мы тебя будем любить, как родного.

И, обратившись к ребятам, она им сказала:

— Ребята, примите Федю поиграть в свои игры.

Но Федя отказался играть. И он по-прежнему сидел на скамейке скучный и бледный.

И вот в один прекрасный день воспитательница взяла его за руку и повела к докторше. И сказала ей:

— Будьте добры, дайте этому мальчику какие-нибудь порошки для того, чтобы он был веселый и здоровый. И чтоб он играл с ребятами, а не сидел бы молча на своей скамейке.

Докторша сказала:

— Нет, таких порошков у нас не имеется. Но есть одно средство для того, чтобы он был здоровый и веселый и чтоб играл с ребятами. Это нужно, чтобы он засмеялся или хотя бы улыбнулся. И если это произойдет, вот тогда он и будет здоровый.

И вот все дети, узнав об этом, стали развлекать и смешивать Федю. Они нарочно падали перед ним, чтоб он рассмеялся. Нарочно мяукали. Прыгали. И ходили на руках. Но Федя не смеялся.

Правда, он смотрел на все это, но улыбка не появлялась на его лице.

И тогда дети стали придумывать особенные номера, чтоб рассмешить Федю. Например, один парнишка взял палку и этой палкой нарочно ударил себя по затылку. И он так звонко себя ударил, что все ребята рассмеялись. Потому что это было неожиданно и комично, что такой звон пошел.

Все ребята засмеялись. И только Федя не засмеялся. И этот мальчик, который сам себя ударил, тоже не засмеялся. Он так больно себя хлопнул, что ему было не до смеха. Он прямо чуть не заплакал. И, потирая свой затылок, убежал.

И после этого неудачного номера ребята вот что придумали.

Они смяли кусок газеты и сделали небольшой бумажный шарик, вроде мяча. И привязали этот шарик кошке за лапку. За длинную нитку.

Кошка побежала и вдруг видит — бумажный шарик бежит за ней. Конечно, кошка бросилась к этому шарiku, чтоб схватить его, но шарик, который был на нитке, ускользнул от нее. Кошка прямо с ума сходила, чтоб поймать этот шарик. Она подпрыгивала, бегала, скакала, но шарика так и не могла схватить.

Правда, учительница запретила этот номер. Она сказала, что не следует так волновать животное. И тогда дети стали ловить кошку, чтоб отвязать от нее этот бумажный шарик. Но кошка решила сама отделаться от него. Она влезла на дерево, чтоб наконец не видеть его. Но, к ее удивлению, бумажный шарик тоже полез за ней на дерево.

Это было очень комично. И все дети так смеялись, что некоторые даже попадали на траву.

Но Федя и тут не засмеялся. И даже не улыбнулся. И тогда дети подумали, что он никогда не будет здоровый, раз он не умеет смеяться.

И воспитательница то же самое подумала.

Но вот однажды в детдом пришла одна молодая женщина. Некто Анна Васильевна Светлова. Это была мамаша одного мальчика — Гриши Светлова. Она пришла за своим сыном Гришей, чтоб взять его домой на воскресенье.

Она пришла такая веселая. И сыночек ее тоже очень развеселился, когда ее увидел. Он забегал и запрыгал вокруг нее. И с удовольствием стал одеваться, чтоб идти домой.

И они уже хотели уйти. Но тут Анна Васильевна увидела Федю, который сидел на скамейке и очень грустно на них смотрел. И он так задумчиво смотрел, что Анна Васильевна невольно подошла к нему и сказала:

— А разве ты, мальчик, не идешь сегодня домой?

Федя тихо сказал:

— Нет, у меня нету дома.

Гриша Светлов сказал своей матери:

— У него нету дома и нету мамы благодаря фашистам.

И тогда Анна Васильевна сказала Феде:

— Если хочешь, мальчик, пойдем с нами.

Гриша закричал:

— Конечно, пойдем с нами. У нас дома весело, интересно.

Будем играть.

И тут вдруг все увидели, что Федя улыбнулся. Он чуть-чуть улыбнулся, но все это заметили, хлопнули в ладоши и сказали:

— Bravo. Он улыбнулся. Он теперь будет здоровый.

И тогда Гришина мама, Анна Васильевна, поцеловала Федю и сказала ему:

— С этих пор ты каждое воскресенье будешь ходить к нам. И если ты захочешь, я буду твоей мамой.

И тут все заметили, что Федя второй раз улыбнулся и тихо сказал:

— Да, хочу.

И тогда Анна Васильевна взяла его за руку, а другой рукой взяла за руку сына. И они втроем вышли из детдома.

И с тех пор Федя каждое воскресенье ходил к ним. Он очень подружился с Гришей. И очень переменялся к лучшей. Он стал веселый и довольный. И часто шутил и смеялся.

И однажды докторша, увидев его таким, сказала:

— Он поправился, потому что он стал смеяться. Смех приносит людям здоровье.

ХОРОШАЯ ИГРА

Вот что случилось со мной в день Первого мая.

Я шел по дорожке Летнего сада. Внезапно услышал детские голоса. Какие-то ребята пронзительно мне кричали, показывая пальцами на мои ноги:

— Дяденька, дяденька, гляди, у тебя тесемки висят, сапог расшнуровался.

Я посмотрел на свои сапоги. Действительно, один мой ботинок слегка расшнуровался.

Поблагодарив ребят, я присел на скамейку и стал поправлять шнурки. Один из ребят, видимо самый главный и старший из их компании, подросток лет тринадцати, заломив на затылок свою зимнюю шапку-ушанку, сказал мне с солидностью взрослого человека:

— Хорошо, что мы вовремя заметили вашу неисправность. Вы, гражданин, непременно оборвали бы ваши шнурки,

если бы наступили на них ногой. И понесли бы при этом лиш-
ний расход.

Я еще раз поблагодарил ребят и с удивлением на них по-
смотрел. Их было около дюжины. Они сидели, буквально
облепив скамейку. Неожиданно они заволновались, зашеп-
тались и вдруг крикнули какой-то женщине, которая встала
со скамейки напротив:

— Тетенька, тетенька, книжку забыли!

Посмотрев на ребят, женщина вернулась к своей скамей-
ке и, взяв книгу, ушла.

Еще с большим удивлением я стал смотреть на ребят.
Увидев мой взгляд, подросток в ушанке сказал мне:

— Нет, это у нас такая игра. На первое апреля люди обык-
новенно обманывают друг друга. Нарочно говорят: «Гляди,
у тебя нос в чернилах» или «Гляди, деньги из кармана упа-
ли». И потом хохочут. А на Первое мая мы решили наоборот.
На Первое мая мы никого не обманываем. И делаем самые
хорошие и героические дела. Потому что это Первое мая.

На дорожке сада показался прохожий. Он был слегка
навеселе. Шагал нетвердо. И помахивал рукой в такт мело-
дии, какую он тихонько напевал себе под нос.

Мои ребята гаркнули ему, и так громко, что я чуть не
оглох:

— Эй, дяденька, гляди, у тебя вся спина в известке!

Действительно, спина прохожего, да и не только спина,
но и штаны, и бок, и кепка были замазаны чем-то белым.

Взглянув на ребят, прохожий, хитро улыбаясь, стал гро-
зить им пальцем: дескать, ладно, не обманете, не проведете.

— Нет, правда, честное слово, спина у вас в известке! — закричали дети.

Прохожий сделал неудачную попытку взглянуть на свою спину. Для этого он раза три повернулся вокруг своей шаткой оси. И, не добившись желаемого, снова погрозил ребятам пальцем и побрел дальше.

Подросток в ушанке сказал ребятам:

— А ну-ка, друзья, побегите до него. Почистите ему спину. Быстро!

Два малыша, сорвавшись со скамейки, бросились вслед за прохожим. Но тот, ожидая от ребят, должно быть, какого-нибудь подвоха, усилил шаг. И, отмахиваясь от ребят рукой и чертыхаясь, удалился.

Ребята вернулись к своей скамейке. Подросток в ушанке сказал:

— Нет, взрослые еще не привыкли к этому. Всегда с ними какая-нибудь канитель. Вместо спасибо они в другой раз только лишь ругаются.

Кивнув в мою сторону, подросток продолжал свою мысль:

— Не все, конечно, ругаются. Некоторые из них замечают свою пользу. И нам же говорят спасибо.

Какая-то немолодая женщина проходила в это время мимо нас по дорожке сада. Посмотрев на ребят, она вздохнула. Видимо, ей хотелось посидеть на солнышке. Но ребята не заметили ее намерений. И тогда она, обернувшись, сказала:

— Потеснитесь немножко, деточки, а?

Подросток скомандовал:

— Очистить скамью для бабушки. Живо!

Три малыша, покорно соскочив со скамейки, сели на песок.

Я сказал, обращаясь более к подростку, чем к остальным:

— Ребята, а ведь это вы здорово придумали. Ведь это отличная игра — делать только хорошие и, как вы говорите, героические дела в день Первого мая. Это прямо, доложу я вам, замечательно. Но только, между нами говоря, — ведь это надо всякий день так поступать, а не только в день Первого мая.

Подросток сказал:

— Нет, всякий день нельзя. Это голова заболит — за всем следить и все замечать.

Обратившись к ребятам, подросток сказал:

— Пошли на улицу. Здесь больше делать нечего.

Ребята вспорхнули, как воробьи. И ушли. А я долго сидел на скамейке и думал об этой славной детской игре — делать только «хорошее и героическое» в день Первого мая. И мне почему-то показалось, что в дальнейшем все ребята нашей страны будут так же поступать.

Что касается взрослых, то со взрослыми, пожалуй, будет некоторая «канитель». Пожалуй, взрослые скажут: «Да что вы, в самом деле! И так-то нам хватает всяких дел. А вы тут еще втягиваете нас в какие-то детские забавы».

Это верно, взрослые на войне и без того зарекомендовали себя с наилучшей стороны. Но может быть, в порядке любопытства, они когда-нибудь в дальнейшем примкнут и к этому детскому движению.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ОБЕЗЬЯНЫ

В одном городе на юге был зоологический сад. Небольшой зоологический сад, в котором находились — один тигр, два крокодила, три змеи, зебра, страус и одна обезьяна, или, попросту говоря, мартышка. И, конечно, разная мелочь — птички, рыбки, лягушки и прочая незначительная чепуха из мира животных.

В начале войны, когда фашисты бомбили этот город, одна бомба попала прямо в зоологический сад. И там она разорвалась с громадным оглушительным треском. Всем зверям на удивленье.

Причем были убиты три змеи — все сразу, что, быть может, и не является таким уж тяжелым фактом, и, к сожалению, страус.

Другие же звери не пострадали, и, как говорится, только лишь отделились испугом.

Из всех зверей больше всего была перепугана обезьяна-мартышка. Ее клетку опрокинуло воздушной волной. Эта клетка упала со своего возвышения. Боковая стенка сломалась. И наша обезьяна выпала из клетки прямо на дорожку сада.

Она выпала на дорожку, но не осталась лежать неподвижной по примеру людей, привыкших к военным действиям. Наоборот. Она тотчас влезла на дерево. Оттуда прыгнула на забор. С забора на улицу. И, как угорелая, побежала.

Бежит и, наверно, думает: «Э, нет, думает, если тут бомбы кидают, то я не согласна». И, значит, что есть силы бежит

по улицам города. И до того шибко бежит, будто ее собаки за пятки хватают.

Пробежала она через весь город. Выбежала на шоссе. И бежит по этому шоссе прочь от города. Ну — обезьяна. Не человек. Не понимает, что к чему. Не видит смысла оставаться в этом городе.

Бежала, бежала и устала. Переутомилась. Влезла на дерево. Съела муху для подкрепления сил. И еще пару червячков. И заснула на ветке, там, где сидела.

А в это время ехала по дороге военная машина. Шофер увидел обезьяну на дереве. Удивился. Тихонько подкрался к ней. Накрыл ее своей шинелькой. И посадил в свою машину. Подумал: «Лучше я ее подарю каким-нибудь своим знакомым, чем она тут погибнет от голода, холода и других лишений военного времени». И, значит, поехал вместе с обезьяной.

Приехал в город Борисов. Пошел по своим служебным делам. А мартышку в машине оставил. Сказал ей:

— Подожди меня тут, милочка. Сейчас вернусь.

Но мартышка не стала ждать. Она вылезла из машины через разбитое стекло и пошла себе по улицам гулять.

И вот идет она по улице как миленькая. Гуляет, прохаживается, задрав хвост. Народ, конечно, удивляется, хочет ее поймать. Но поймать ее не так-то легко. Она живая, проворная, бегаёт быстро. Так что ее не поймали, а только замучили напрасной беготней.

Замучилась она, устала и, конечно, кушать захотела.

А в городе где она может покушать? На улицах ничего такого съедобного нет. Не может же она со своим хвостом в сто-

ловую зайти. Или в кооператив. Тем более — денег у нее нет. Скидки нет. Продуктовых карточек она не имеет. Кошмар.

Все-таки она зашла в один кооператив. Почувствовала, что там что-то имеется. А там отпускали населению овощи — морковку, брюкву и огурцы.

Заскочила она в этот магазин. Видит — большая очередь. Нет, в очереди она не стала стоять. И не стала расталкивать людей, чтоб пробиться к прилавку. Она прямо по головам покупателей добежала до продавщицы. Вскочила на прилавок. Не спросила, почему стоит кило морковки. А просто схватила целый пучок морковки и, как говорится, была такова. Выбежала из магазина, довольная своей покупкой. Ну — обезьяна. Не понимает, что к чему. Не видит смысла оставаться без продовольствия.

Конечно, в магазине шум произошел, гам, переполох. Публика закричала. Продавщица, которая вешала брюкву, та вообще чуть в обморок не грохнулась от неожиданности. И действительно, можно напугаться, если вдруг рядом, вместо обычного, нормального покупателя, скачет что-то такое мохнатое, с хвостом. И еще, вдобавок, денег не платит.

Публика бросилась за обезьяной на улицу. А та бежит и на ходу морковку жует, кушает. Не понимает, что к чему.

И вот впереди всех бегут мальчишки. За ними взрослые. А позади бежит милиционер и дует в свой свисток.

И вдруг, откуда ни возьмись, выскочила собака. И тоже погналась за нашей мартышкой. Притом, такая нахалка, не только тявкает и лает, а прямо-таки норовит схватить обезьяну своими зубами.

Наша мартышка побежала быстрее. Бежит и, наверно, думает: «Эх, думает, зря покинула зоосад. В клетке спокойнее дышится. Непременно вернусь в зоосад при первой возможности».

И вот бежит она что есть мочи, но собака не отстает и вот-вот хочет ее схватить.

И тогда наша обезьяна вскочила на какой-то забор. И когда собака подпрыгнула, чтоб схватить мартышку хотя бы за ногу, та со всей своей силой ударила ее морковкой по носу. И до того больно ударила, что собака завизжала и побежала домой со своим разбитым носом. Наверно, подумала: «Нет, граждане, лучше я буду спокойно дома лежать, чем ловить вам обезьяну и испытывать такие неприятности».

Короче говоря, собака убежала, а наша обезьяна прыгнула во двор.

А во дворе в это время колот дрова один мальчик, подросток, некто Алеша Попов.

Вот он колет дрова и вдруг видит обезьяну. А он очень любил обезьян. И всю жизнь мечтал иметь при себе какую-нибудь такую обезьянку. И вдруг — пожалуйста.

Алеша скинул с себя пиджачок и этим пиджачком накрыл мартышку, которая забила в угол на лестнице.

Мальчик принес ее домой. Накормил ее. Чаем напоил. И обезьяна была очень довольна. Но не совсем. Потому что Алешина бабушка сразу ее невлюбила. Она накричала на мартышку и даже хотела ударить ее по лапе. Все из-за того, что, когда пили чай и бабушка положила свою откусанную

конфету на блюдечко, обезьяна схватила эту бабушкину конфету и запихала ее в свой рот. Ну — обезьяна. Не человек. Тот если и возьмет что, так не на глазах же у бабушки. А эта прямо в присутствии бабушки. И, конечно, довела ее чуть не до слез.

Бабушка сказала:

— Вообще, это крайне неприятно, когда в квартире живет какая-то макака с хвостом. Она будет меня пугать своим нечеловеческим видом. Будет прыгать на меня в темноте. Будет кушать мои конфеты. Нет, я категорически отказываюсь жить в одной квартире с обезьяной. Кто-нибудь из нас двоих должен находиться в зоологическом саду. Неужели же непременно я должна перейти в зоологический сад? Нет, уж пусть лучше она находится там. А я буду продолжать жить в моей квартире.

Алеша сказал своей бабушке:

— Нет, бабушка, вам не надо переходить в зоосад. Я вам гарантирую, что мартышка больше ничего у вас не съест. Я ее воспитаю, как человека. Я научу ее кушать с ложечки. И пить чай из стакана. Что касается прыжков, то не могу же я запретить ей лазать на лампу, которая висит на потолке. Оттуда, конечно, она может прыгнуть вам на голову. Но вы, главное, не пугайтесь, если что произойдет. Потому что это всего лишь безобидная обезьяна, привыкшая в Африке прыгать и скакать.

На другой день Алеша ушел в школу. И попросил свою бабушку присмотреть за обезьяной. Но бабушка не стала за ней смотреть. Она подумала: «Вот еще, стану я смотреть за

всяким чудовищем». И с этими мыслями бабушка взяла и нарочно заснула в кресле.

И тогда наша обезьяна вылезла через открытую форточку на улицу. И пошла себе по солнечной стороне. Неизвестно — может быть, она прогуляться хотела, но, может быть, и решила снова заглянуть в магазин, чтоб там что-нибудь себе купить. Не на деньги, а так.

А по улице проходил в это время один старик. Инвалид Гаврилыч. Он шел в баню и в руках нес большую корзинку, в которой лежало мыло и белье.

Он увидел обезьяну и сначала даже не поверил своим глазам, что это обезьяна. Он подумал, что это ему показалось, поскольку перед этим он выпил кружку пива.

Вот он с удивлением смотрит на обезьяну. И та на него смотрит. Может быть, думает: «Это еще что за чучело с корзинкой в руках?»

Наконец Гаврилыч понял, что это настоящая обезьяна, а не воображаемая. И тогда он подумал: «Дай-ка я ее словлю. Отнесу завтра на рынок и там продам ее за сто рублей. И на эти деньги подряд выпью десять кружек пива». И с этими мыслями Гаврилыч стал ловить обезьяну, приговаривая: «Кыс, кыс, кыс... подойди сюда».

Нет, он знал, что это не кошка, но он не понимал, на каком языке с ней надо разговаривать. И только потом сообразил, что это высшее существо из мира зверей. И тогда он вытащил из кармана кусочек сахара, показал его обезьяне и сказал ей, поклонившись:

— Красавица мартышка, не желаете ли скушать кусочек сахара?

Та говорит: «Пожалуйста, желаю...» То есть вообще-то она ничего не сказала, потому что она говорить не умеет. Но она просто подошла, схватила этот кусочек сахара и стала его кушать.

Гаврилыч взял ее на руки и посадил в свою корзинку. А в корзинке было тепло и уютно. И наша мартышка не стала оттуда выскакивать. Быть может, она подумала: «Пусть этот старый пень понесет меня в своей корзинке. Это даже интересно».

Сначала Гаврилыч думал отнести ее домой. Но потом ему не захотелось домой возвращаться. И он пошел с обезьянкой в баню. Подумал: «Еще и лучше, что я с ней в баню схожу. Я там ее вымою. Она будет чистенькая, приятненькая. На шею ей бантик привяжу. И мне за нее на рынке дороже дадут».

И вот он со своей мартышкой пришел в баню. И стал с нею мыться.

А в бане было очень жарко — прямо как в Африке. И наша мартышка была очень довольна такой теплой атмосферой. Но не совсем. Потому что Гаврилыч намылил ее мылом, и мыло попало в рот. Конечно, это невкусно, но уж не настолько, чтоб кричать, царапаться и отказываться мыться. В общем, наша мартышка стала плевать, но тут мыло попало ей в глаз. И от этого мартышка совершенно обезумела. Она укусила Гаврилыча за палец, вырвалась из его рук и, как угорелая, выскочила из бани.

Она выскочила в ту комнату, где раздевались люди. И там она всех перепугала. Никто же не знал, что это — обезьяна. Видят — выскочило что-то такое круглое, белое, в пене. Кинулось сначала на диван. Потом на печку. С печки на ящик. С ящика кому-то на голову. И снова на печку.

Некоторые нервные посетители закричали и стали выбегать из бани. И наша обезьяна тоже выбежала. И спустилась вниз по лестнице.

А там, внизу, находилась касса с окошечком. Обезьяна прыгнула в это окошечко, думая, что там ей будет спокойней и, главное, не будет такой суеты и толкотни. Но в кассе сидела толстая кассирша, которая ахнула и завизжала. И выбежала из кассы с криком:

— Караул! Кажется, бомба попала в мою кассу! Накапайте мне валерианки!

Нашей мартышке надоели все эти крики. Она выскочила из кассы и побежала по улице.

И вот бежит она по улице, вся мокрая, в мыльной пене. А за ней снова бегут люди. Впереди всех мальчишки. За ними взрослые. А за взрослыми милиционер. А за милиционером наш престарелый Гаврилыч, кое-как одетый, с сапогами в руках.

Но тут снова, откуда ни возьмись, выскочила собака, та самая, которая вчера за ней гналась.

Но собака на этот раз не погналась за ней. Собака только посмотрела на бегущую обезьяну, почувствовала сильную боль в носу и не побежала, даже отвернулась.

А в это время наш мальчик, Алеша Попов, вернувшись из школы, не нашел дома своей любимой обезьянки. Он очень

огорчился. И даже слезы показались на его глазах. Он подумал, что теперь уже никогда больше он не увидит своей славной обожаемой обезьянки.

И вот от скуки и грусти он вышел на улицу. Идет по улице меланхоличный такой. И вдруг видит — бегут люди. Нет, сначала он не подумал, что они бегут за его обезьяной. Он подумал, что они бегут благодаря воздушной тревоге. Но тут он увидел свою обезьянку, всю мокрую, в мыле. Он бросился к ней. Схватил ее на руки. И прижал к себе, чтоб никому ее не отдавать.

И тогда все бегущие люди остановились и окружили мальчика.

Но тут из толпы вышел наш престарелый Гаврилыч. И, всем показывая свой укушенный палец, сказал:

— Граждане, не велите этому парнишке брать на руки мою обезьяну, которую я завтра хочу продать на рынке. Это моя собственная обезьяна, которая укусила меня за палец. Взгляните все на этот мой распухший палец. И это есть доказательство того, что я говорю правду.

Мальчик Алеша Попов сказал:

— Нет, это моя обезьяна. Видите, с какой охотой она пошла ко мне на руки. И это тоже доказательство того, что я говорю правду.

Но тут из толпы выходит еще один человек — тот самый шофер, который привез обезьяну в своей машине. Он говорит:

— Нет, уважаемые, это не ваша и не ваша обезьяна. Это моя мартышка, потому что я ее привез. Но я снова уезжаю в

свою воинскую часть и поэтому я подарю обезьяну тому, кто ее так любовно держит в своих руках, а не тому, кто хочет ее безжалостно на рынке продать ради своей выпивки. Обезьяна принадлежит мальчику.

И тут вся публика захлопала в ладоши. И Алеша Попов, сияющий от счастья, еще крепче прижал к себе обезьяну. И торжественно понес ее домой.

Гаврилыч же со своим укушенным пальцем пошел в баню домываться.

И вот с тех пор обезьяна стала жить у мальчика Алеши Попова. Она и сейчас у него живет. Недавно я ездил в город Борисов. И нарочно зашел к Алеше — посмотреть, как там она у него живет. О, она хорошо живет! Она никуда не убегает. Стала очень послушной. Нос вытирает носовым платком. И чужих конфет не берет. Так что бабушка теперь очень довольна, не сердится на нее и уж больше не хочет переходить в зоологический сад.

Когда я вошел в комнату к Алеше, обезьяна сидела за столом. Она сидела важная такая, как кассирша в кино. И чайной ложкой кушала рисовую кашу.

Алеша сказал мне:

— Я воспитал ее, как человека, и теперь все дети и даже отчасти взрослые могут брать с нее пример.

Примечания

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Восп. — Вспоминая Михаила Зощенко / Сост. и подг. текста Ю. В. Томашевского. Л., Художественная литература, 1990.

ИП — Зощенко Мих. Избранные повести. Л., Гослитиздат, 1936.

Лицо и маска — Лицо и маска Михаила Зощенко / Сост. и публ. Ю. В. Томашевского. М., Олимп — ППП, 1994.

Летопись — Хронологическая канва жизни и творчества Михаила Зощенко / Сост. Ю. В. Томашевский // Лицо и маска. С. 340–365.

Мат 1 — Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. Кн. 1. СПб, Наука, 1997.

Мат 2 — Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. Кн. 2. СПб, Наука, 2001.

Мат 3 — Михаил Зощенко: Материалы к творческой биографии. Кн. 3. СПб, Наука, 2002.

Рассказы 1937–1938 — Зощенко Мих. Рассказы. 1937–1938. Л., Советский писатель, 1938.

Рассказы 1940–1945 — Зощенко Мих. Фельетоны. Рассказы. Повести. 1940–1945. Л., Лениздат, 1946.

Рассказы 1959 — Зощенко Мих. Рассказы и повести. 1923–1956. Л., Советский писатель, 1959.

СС 6 — Зощенко Мих. Собрание сочинений: В 6 т. Л.; М., Прибой — Гослитиздат, 1929–1932.

СС 3 — Зощенко Мих. Собрание сочинений: В 3 т. / Сост., подг. текста, прим. Ю. В. Томашевского. Л., Художественная литература, 1986–1987.

УТ — Зощенко Мих. Уважаемые граждане: Пародии. Рассказы. Фельетоны. Сатирические заметки. Письма к писателю. Одноактные комедии / Изд. подг. М. З. Долинским. М., Книжная палата, 1991.

Шестой том Собрания сочинений М. М. Зощенко состоит из двух частей. В нем продолжается публикация большой прозы писателя, начатая в томе пятом. Повести второй половины 1930-х гг., посвящены, главным образом, исторической тематике и демонстрируют как смену стилистической манеры, так и сближение писателя с идеологическими лозунгами и требованиями времени. Рассказы для детей, большей частью созданные в это же время, интересны как сами по себе, так и в качестве экспериментальной площадки для постановки проблем, затронутых в книге «Перед восходом солнца». Рассказ «Приключения обезьяны», сыгравший драматическую роль в судьбе писателя, тоже публикуется в детском разделе, так как первоначально он был предназначен именно для этой аудитории. Некоторые входящие в том тексты не переиздавались около полувека.

Черный принц (с. 7)

Юный пролетарий. 1936. № 4, 5, 7/9.

Печ. по: Рассказы 1959. С. 545–605.

Авторская датировка: 1936.

Этот, как и следующий, текст Зощенко писался по специальному заказу и был связан с юбилеем Октябрьской революции. В интервью (Литературный Ленинград. 1936. № 41) писатель рассказы-

вал: «Для юбилейного сборника ЭПРОНа я написал большой очерк “Черный принц”. Этот исторический очерк — новый для меня жанр. Меня увлек материал — история о том, как зародилась легенда о миллионах, похороненных якобы в трюмах английского парохода “Черный принц” на дне Балаклавской бухты» (Цит. по: УГ. С. 74).

В другом, новогоднем, интервью «Литературной газете» (1937. № 1, 5 января) Зощенко признавался: «Мой план. В январе прошлого года мною были задуманы к 20-й годовщине Великой пролетарской революции следующие работы: 1. Повесть “Черный принц” — глава из истории ЭПРОНа. 2. Повесть “Возмездие” для сборника “Две пятилетки” <...>» (Там же. С. 74).

По неизвестным причинам публикация очерка состоялась в другом издании.

Меншиков (Меньшиков) Александр Сергеевич (1787–1869) — адмирал, финляндский генерал-губернатор с 1830 г., начальник русских войск в Крыму в 1853 — феврале 1855 гг.

Пирогов Николай Иванович (1810–1881) — знаменитый русский хирург, во время крымской войны работал в Севастополе.

Сумма погибшего золота постепенно возрастала и дошла наконец до шестидесяти миллионов.

Эта цифра, кстати сказать, указана писателем А. Куприным. Он был в Балаклаве в то время, когда итальянская экспедиция разыскивала затонувший корабль. И писатель в своих «Листригонах» указывает, что «погибшее золото достигало огромной суммы — шестидесяти миллионов рублей звонким английским золотом». — Цитируется (не совсем точно) глава 7 «Водолазы» (1910) из очерка

А. И. Куприна «Листригоны»: в ней рассказывается о поиске клада с «Принца» итальянцами. Из этой главы взяты и некоторые приводимые далее детали, в том числе легендарное сообщение о найденном кусочке кормы с обрывком названия корабля.

Но, может быть, это имя дали ему в честь исторического героя — принца Уэльского, который жил в XIV веке и назывался «Черным» по цвету своего рыцарского вооружения. Этот принц умер ранее своего отца, и он не царствовал. Он умер от меланхолии и от несчастий, которые преследовали его в последние годы жизни. И в истории он известен под именем «Черного принца». — Речь идет о сыне английского короля Эдуарда III (1327–1377) принце Эдуарде Валлийском (?–1376), принимавшем участие в Столетней войне.

Александр Михайлович (1866–1933) — великий князь, внук Николая I, в 1902–1905 гг. главноуправляющий Главного управления торгового мореплавания и портов, председатель комитета по восстановлению памятников Севастопольской обороны.

Эпрон — Экспедиция подводных работ особого назначения, специальная организация в СССР для подъема затонувших судов и проведения аварийно-спасательных работ. Была создана в 1923 г. при ОГПУ для поиска «Черного принца». Перестала существовать в начале Великой Отечественной войны, ее функции были переданы Аварийно-спасательной службе военно-морского флота.

Это знаменитое крымское землетрясение, во время которого девятьсот человек было ранено и шестнадцать убито и была также разрушена Ялта, произошло, как известно, в ночь с 12 на 13 сентября. — Это событие стало сюжетом более раннего рассказа Зощенко «Землетрясение» (1929); см. т. 2.

Георг III (1738–1820) — английский король с 1760 г.
Аничков Виктор Михайлович (1830–1877) — генерал-майор,
автор книги «Описание осады и обороны Севастополя» (1856).

Возмездие (с. 85)

Новый мир. 1937. № 10.

То же: Звезда. 1937. № 11.

Печ. по: Рассказы 1959. С. 335–409.

Авторская датировка: 1936.

Повесть, как и предыдущая (см. выше) задумывалась к 20-летию Октябрьской революции и предназначалась для коллективного сборника. «Нынешним летом <1936 г.> я закончил для издания “Две пятилетки” повесть “Возмездие” размером в четыре листа», — говорил Зощенко в интервью «Литературному Ленинграду» (Цит. по: УГ. С. 72).

По неизвестным причинам публикация состоялась лишь через год (редкий для Зощенко случай) — и в другом издании.

Заглавие повести повторяет название цикла и неоконченной поэмы А. Блока (1910–1921). Не случайно один из героев цитирует входящее в цикл стихотворение Блока, а также фактически переводит блоковский образ в пословичную форму: «Наши деды ели виноград, а у нас оскомина».

В отличие от реального персонажа «Истории одной перековки» (см. т. 5), героиня этой повести Зощенко является лицом собирательным. «Зощенко говорил, что он изобразил в этой героине трех знакомых ему женщин (у одной взял характер, у другой биографию

и т. д.) и что все они читали повесть и ни одна из них себя не узнала», — писал критик, в тридцатые годы много общавшийся с писателем (Вольпе Ц. Искусство непохожести. М., 1990. С. 303).

Все на свете, все на свете знают... Все умрут... — Неточная цитата из стихотворения А. А. Блока «Ночь — как ночь, и улица пустынна...» (4 ноября 1908), входящего в цикл «Возмездие» третьего тома лирики; два последних стиха у Блока:

День — как день; ведь решена задача:

Все умрут.

Менжу Адольф (1890–1963) — известный американский киноактер.

Холодная Вера Васильевна (1893–1919) — русская киноактриса, одна из первых звезд немого кино.

Рунич Осип Иванович (1889–1947) — известный актер русского немого кино, партнер Веры Холодной.

Вертинский Александр Николаевич (1889–1957) — артист эстрады, исполнитель и автор песенок («ариеток») на стихи многих русских поэтов, в том числе А. Ахматовой, С. Есенина и др.

Так что я со спокойной совестью уехала в Ленинград. — В описываемое время город, конечно, был еще Петроградом. Однако здесь, как и в повести «Мишель Синягин» (см. т. 3) Зощенко осовременивает имя города, подчиняя номинацию логике сказа.

Скоропадский Павел Петрович (1873–1945) — один из лидеров украинских националистов, в апреле 1918 г. избран гетманом Украины, в декабре свергнут и бежал в Германию.

Петлюра Симон Васильевич (1879–1926) — глава «самостийной» Украинской народной республики в 1919 г.

Деникин Антон Иванович (1872–1947) — главнокомандующий «Вооруженными силами Юга России», руководитель похода на Москву в 1919 г.

Юденич Николай Николаевич (1862–1933) — командующий белыми войсками на северо-западе России, руководитель наступления на Петроград в 1919 г.

Губком — губернский комитет.

Кутепов Александр Павлович (1882–1930) — генерал от инфантерии, командир корпуса в армии Врангеля, черноморский генерал-губернатор, проводивший жестокие репрессии против населения, позднее в эмиграции, в 1930 г., был похищен в Париже советскими агентами.

Врангель Петр Николаевич (1878–1928) — барон, генерал-лейтенант, один из главных руководителей белого движения в Гражданскую войну, в 1920 г. командовал «Русской армией» на юге России, позднее — в эмиграции.

Я окончил Павловское военное училище, и этим все сказано. — Павловское военное училище, основанное в Петербурге в августе 1863 г., считалось учебным заведением с высокой репутацией.

Что-то солнышко не светит... Либо близок коммунар... — Известная песня начала двадцатых годов, которую приписывают участникам так называемого антоновского мятежа, антисоветского восстания крестьян-тамбовцев под руководством Александра Степановича Антонова (1888–1922). В мемуарах о Есенине (1926) В. Эрлих вспоминал, что это была «любимая в последнее время песня» поэта. Запись двух строф сохранилась в черновиках Есенина.

Приводим один из вариантов «Песни тамбовских повстанцев».

Что-то солнышко не светит,
Над головушкой туман,
Ай уж пуля в сердце метит,
Ай уж близок трибунал.

Припев:
Эх, доля-неволя,
Глухая тюрьма!
Долина, осина,
Могила темна.

Где-то черный ворон вьется,
Где-то совушки кричат.
Не хотелось, а придется
Землю кровью орошать!..

Поведут нас всех под стражей,
Коммунист, взводи курок,
На тропинке, на овражьем
Укокошат под шумок.

Поведут нас всех огулом,
Отдадут команду «Пли!»
Чур, не хныкать перед дулом,
Не лизать у ног земли!..

Мы не пивом и не водкой
В наш последний вечерок

Самогоном зальем глотку
И погибнем под шумок!

Не к лицу нам покаянье,
Не пугает нас огонь!..
Мы бессмертны! До свиданья,
Трупом пахнет самогон!..

1920–1921

Шестая повесть Белкина (с. 183)

Талисман

Звезда. 1937. № 1.

Печ. по: Рассказы 1959. С. 606–621.

Авторская датировка: 1937.

Замысел повести, как и предшествующих текстов, имеет в некоторой степени юбилейный характер: в 1937 г. в СССР широко отмечалось столетие со дня гибели Пушкина. Этому событию Зощенко посвятил не только повесть-стилизацию, но и два фельетона «В пушкинские дни» (см. т. 4). О своем отношении к поэту Зощенко также рассказал в ответах на анкету журнала «Литературный современник», весь номер которого был посвящен Пушкину:

1. Я познакомился с творчеством Пушкина в гимназии, в школьной программе, но сказку «О золотой рыбке» я знал с пятилетнего возраста.

2. Все сочинения Пушкина мне дороги сейчас в одинаковой степени, но по силе восприятия (сколько я помню) наиболее всего меня поразили письма поэта и повести Белкина.

3. В творчестве Пушкина я наиболее всего ценю его умение необычайно кратко и просто, с большой художественной силой и убедительностью излагать свои мысли.

4. Меня больше всего интересовал огромный аналитический ум Пушкина, что наряду с высоким поэтическим направлением создало гениального писателя.

Наиболее трагический момент в его жизни — это, по-моему, катастрофа его молодой философии и невозможность (практически) осуществить новую в условиях его придворной жизни. Однако, были все внутренние предпосылки создать свою жизнь на новых основаниях. Это было видно по начатым литературным работам. По этим работам можно видеть, какую правильную (литературную) позицию занял поэт, подходя к сорокалетнему возрасту. История литературы имела бы роман о Петре I и целый ряд исторических работ в той художественной форме, которая была бы показательна и в наши дни.

5. Влияния Пушкина (в прямом смысле) на мою литературную работу не было. Но многие сочинения его всегда были для меня идеальными образцами. И благодаря этому в своей работе я всегда стремился к краткости, занимательности и простоте. И в этом (техническом) отношении влияние Пушкина на мою работу значительно.

(Литературный современник. 1937. № 1. С. 313)

Мне бы, например, хотелось написать на тему Л. Толстого — «Сколько человеку земли нужно». — Герой притчи Толстого «Много ли человеку земли нужно» (1886), искушаемый чертом, пытается захватить как можно больше земли, но умирает, получая лишь три аршина, размер могилы.

Мне хотелось бы написать на некоторые сюжеты Мопассана, Мериме и т. д. — Французские писатели Проспер Мериме (1803–1870) и Ги де Мопассан (1850–1893) традиционно считались в России мастерами новеллы. В интервью 1934 г. Зощенко высказывался сходным образом: «Я считаю, что на меня повлияли Мопассан и Мериме. У них я старался учиться искусству короткой новеллы» (Цит. по: УГ. С. 69).

Не титла славу вам сплетают, Не предков наших имена. — Неточная цитата из нравоучительной оды Михаила Матвеевича Хераскова (1733–1807) «Знатная порода»:

Не титла славу нам сплетают,
Не предков наших имена —
Одни достоинства венчают,
И честь венчает нас одна.

Константин Павлович (1779–1831) — второй сын императора Павла I, великий князь, главнокомандующий польской армией и фактический наместник Царства Польского.

Бесславный конец (с. 203)

Смена. 1937. № 10.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 177–229.

Повесть, очевидно, писалась к 20-летию Октябрьской революции. Одновременно со «Сменой» предполагалась публикация в журнале

«Литературный современник» (1937, № 11). Однако здесь повесть была запрещена со следующей мотивировкой: «В номере был дан рассказ Зощенко о Керенском “Бесславный конец”. Общая направленность рассказа правильная. Но в частности много было дано субъективных положений, с налетом обывательских суждений автора как о месте и роли Керенского в революции, так и о событиях 1917 года.

Принятые меры: рассказ из номера изъят на доработку» (Художник и власть: 12 цензурных историй / Публ. А. Блюма // Звезда. 1994. № 8. С. 85).

Позднее текст все-таки был опубликован: Литературный современник. 1938. № 1. Много позднее, в сборнике Рассказы 1959, повесть получила заглавие «Керенский».

В 1917 году, во время Февральской революции, А. Ф. Керенскому было тридцать шесть лет. — Годы жизни Керенского: 1881–1970.

Мартов Л. (настоящие фамилия и имя — Цедербаум Юлий Осипович, 1873–1923) — русский социал-демократ, один из лидеров меньшевиков, в годы революции выступал за сотрудничество всех социалистических партий.

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) — русский политик, историк и публицист, один из главных деятелей партии конституционных демократов (кадетов); в первом составе Временного правительства занимал пост министра иностранных дел, вышел в отставку в мае 1917 г., с 1920 г. в эмиграции.

Кромвель Оливер (1599–1658) — деятель Английской буржуазной революции XVII века, в декабре 1653 был провозглашен лордом-протектором Англии, Ирландии и Шотландии, став фактическим правителем страны.

Половцев Петр Александрович (1874–1964) — генерал от инфантерии, командующий войсками Петроградского военного округа с июля 1917 г., позднее командовал Кавказской туземной дивизией, с 1918 г. в эмиграции.

В первые же дни своего приезда Керенский настоял перед правительством о немедленном аресте всех большевистских вождей.

Об этом был отдан приказ с обещанием высокой денежной награды за арест В. И. Ленина. — Приказ об аресте Ленина был отдан 7 июля 1917 г.; после этого Ленин перешел на нелегальное положение и скрылся неподалеку от Петрограда на озере Разлив, а потом — в Финляндии.

И тогда он имел смелость принять на себя пост министра-председателя и верховного главнокомандующего. — Второе коалиционное Временное правительство во главе с Керенским было создано 24 июля 1917 г.

Корнилов Лавр Георгиевич (1870–1918) — главнокомандующий Добровольческой армией, в ноябре 1917 — апреле 1918 гг. в ее состав входила Кавказская туземная конная дивизия, называемая «Дикой дивизией».

Полковников Георгий Петрович (1883–1918) — с 4 сентября 1917 г. командующий войсками Петроградского военного округа; после Октябрьской революции служил в Добровольческой армии, в марте 1918 г. захвачен красными и расстрелян.

Черемисов Владимир Андреевич (1871–?) — генерал от инфантерии, с сентября 1917 г. командовал Северным фронтом, с 1918 г. в эмиграции.

Карташев Антон Владимирович (1875–1960) — в правительстве Керенского — министр исповеданий, с 1919 г. в эмиграции,

профессор Свято-Сергиевского богословского института, историк русской церкви.

Краснов Петр Николаевич (1869–1947) — генерал-лейтенант, во время Октябрьской революции 1917 г. был назначен Керенским командующим войсками, направленными с фронта на Петроград с целью подавления революции; позднее как атаман Войска Донского воевал с большевиками на юге России; с 1919 г. в эмиграции; в годы второй мировой войны сотрудничал с фашистами; захвачен советскими войсками и повешен в Москве.

Кишкин Николай Михайлович (1864–1930) — член ЦК партии кадетов, во Временном правительстве занимал пост министра государственного призрения, в советскую эпоху работал в Наркомздраве, наркомате здравоохранения.

Коновалов Александр Иванович (1875–1948) — крупный текстильный фабрикант, политический деятель, во Временном правительстве министр торговли и промышленности, позднее в эмиграции.

Духонин Николай Николаевич (1876–1917) — генерал-лейтенант, с сентября 1917 г. начальник штаба при верховном главнокомандующем, после бегства Керенского исполнял обязанности верховного главнокомандующего, убит на вокзале толпой солдат и матросов.

Путешествие на край ночи — заглавие главки повторяет название романа французского писателя Луи-Фердинанда Селина (1894–1961) «Путешествие на край ночи» (1932, русск. перевод — 1934).

Барановский Владимир Львович (1882–1931) — родственник Керенского (который был женат на родной сестре Барановского), с 6 июня 1917 г. — начальник кабинета военного министра, в ав-

густе 1917 г. из полковников произведен в генерал-майоры; с 1918 г. служил на различных должностях в Красной армии, арестован в 1931 г., умер в заключении.

Савинков Борис Викторович (1879–1925) — русский политический деятель, эсер-террорист, писатель; после Февральской революции был комиссаром Временного правительства; в 1924 г. арестован после нелегального проникновения в СССР; погиб в тюрьме при неясных обстоятельствах.

Довбор-Мусницкий Юзеф (1867–1937) — русский и польский военный деятель, генерал-лейтенант, с августа 1917 г. командовал Польским корпусом легионеров, в январе 1918 г. поднял мятеж против Советской власти, вскоре подавленный.

Ниссель Анри Альбер (1866–1955) — французский генерал, в 1917 г. руководил военной миссией Франции в России, позднее представитель дипломатической миссии Франции в Польше.

В двадцать третьем году он выпустил в Париже книгу, названную им «Издадека». — Книга вышла в 1922 г.; факты из мемуарного очерка «Гатчина» использованы в повести.

Тарас Шевченко (с. 281)

Литературный современник. 1939. № 2–3.

Фрагменты: Огонек. 1939. № 4. Заглавие: Шевченко в Петербурге; Смена. 1939. № 3. Заглавие: Юность Шевченко; Молодой колхозник, 1939. № 3. Заглавие: Детство.

Зоценко Мих., Евстафьев П., Боцяновский В. Тарас Шевченко. Повести и рассказы. Л., 1939. С. 3–48.

Печ. по: Рассказы 1959. С. 622–674.

Авторская датировка: 1939.

Повесть об украинском поэте, как и большинство текстов этого тома, имеет юбилейный характер. В 1939 г. исполнилось 125 лет со дня рождения Т. Г. Шевченко. Эта дата широко отмечалась в СССР.

20 августа 1936 г. Зоценко выступал на заседании юбилейного Шевченковского комитета (см.: Лицо и маска. С. 356). Первая глава повести «Народный поэт» была первоначально опубликована в качестве предисловия к изданию: Шевченко Т. Кобзарь. Л., 1939. С. 5–6 (Библиотека поэта).

Даже Белинский — его брат по духу — едко и зло посмеялся над ним. — Вероятно, имеется в виду отзыв В. Г. Белинского в рецензии на поэму «Гайдамаки» (1842): «Если же эти господа кобзари думают своими поэмами принести пользу низшему классу своих соотечичей, то в этом очень ошибаются: их поэмы, несмотря на обилие самых вульгарных и площадных слов и выражений, лишены простоты вымысла и рассказа, наполнены вычурностями и замашками, свойственными всем плохим поэтам, — часто несколько не народны, хотя и подкрепляются ссылками на историю, песни и предания, — и, следовательно, по всем этим причинам — они непонятны простому народу и не имеют в себе ничего с ним симпатизирующего» (Белинский В. Г. Собрание сочинений: В 9 т. Т. 5. М., 1979. С. 275). Еще более резкий отзыв о поэте содержится в письме критика П. В. Анненкову 1–10 декабря 1847 г. (Там же. Т. 9. С. 689–690).

Первая его книга «Кобзарь» произвела на читателей неслыханное впечатление. Критик Добролюбов, один из немногих критиков, своим блестящим умом понял Шевченко. Он писал о нем: «Тарас

Шевченко — поэт совершенно народный, такой, какого мы не можем указать у себя. — Цитируется (с заменой местоимения именем поэта) фраза из рецензии Н. А. Добролюбова на издание «Кобзаря» (СПб, 1860). См.: Добролюбов Н. А. Литературная критика: В 2 т. Т. 2. Л., 1984. С. 229.

Продажа крестьян «в розницу» существовала до 1841 года. Писатель Григорович приводит в своих воспоминаниях сценку, какой он был свидетель. Некий помещик Коротков говорит своему управляющему: «Жена собирается в Москву... Нужны деньги... Проезжая давеча по деревням, я видел, много там этой мелкоты и шушеры накопилось. Пойди распорядись...» Это означало (пишет Григорович), что управляющему поручалось забрать и продать лишних детей и девок. — Пересказывается эпизод из «Литературных воспоминаний» (1893, переизданы — 1928) русского писателя Дмитрия Васильевича Григоровича (1822–1899). В новейшем издании фамилия помещика, обозначенная инициалом, передается как Кротков (см.: Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 27, 322).

Ламсдорф (Ламбсдорф) Матвей Иванович (Густав Матиас, 1745–1828) — генерал от инфантерии и член государственного совета, воспитатель императора Николая I.

...Как увижу В деревне маленького мальчика... Что это и есть моя молодость. — Цитата из стихотворения «Мне золотую, дорогую...» (1849); подстрочный перевод.

...Еще в школе... Пою один и плачу... — Цитата из стихотворения «А. О. Казачковскому» (1847, 1858), подстрочный перевод.

Энгельгардт Василий Васильевич (1755 или 1758–1828) — действительный тайный советник, сенатор (с 1797), его мать, Марфа

Александровна Потемкина, была родной сестрой Г. А. Потемкина, известного государственного деятеля эпохи Екатерины I.

Энгельгардт Павел Васильевич (1795–1849) — адъютант виленского губернатора, незаконный сын В. В. Энгельгардта.

Римский-Корсаков Александр Михайлович (1753–1840) — генерал от инфантерии, в 1806–1808 гг. был военным губернатором в Вильно и командиром войск в западных губерниях.

Платов Матвей Иванович (1751–1818) — граф, генерал от кавалерии, атаман донских казаков.

Такою должность он нашел — он стал адъютантом у принца Виртенбергского. — Вероятно, Фридрих Евгений принц Виртембергский (1788–1857), генерал-майор лейб-гвардии конного полка, шеф драгунского полка.

Сошенко Иван Максимович (1807–1876) — художник, земляк Шевченко.

Гребенка Евгений Павлович (1812–1848) — украинский писатель.

Григорович Василий Иванович (1786–1965) — преподаватель и конференц-секретарь Академии художеств.

Брюллов Карл Павлович (1799–1852) — русский художник, автор знаменитого «Последнего дня Помпеи» (1830–1833).

Венецианов Алексей Гаврилович (1780–1847) — известный живописец, сын дворянина, родом из нежинских греков.

Жуковский Василий Андреевич (1783–1852) — русский поэт и переводчик.

Один из писателей (Квитко) написал Шевченко о своих чувствах после прочтения книги: «Волосы на голове поднялись, в глазах зеленело, а сердце как-то болит. Я прижал вашу книгу к сердцу. Хорошо, очень хорошо». — Вероятно, речь идет об отзыве украин-

ского писателя Григория Федоровича Квитка-Основьяненко (1778–1843).

Костомаров Николай Иванович (1817–1885) — известный русский историк, много занимавшийся историей Украины. Образованное им Кирилло-Мефодиевское общество, проповедовавшее идеи славянского единства, в 1847 г. было разгромлено, и его участники подвергнуты различным наказаниям.

Дубельт Леонтий Васильевич (1792–1862) — генерал-лейтенант, с 1839 г. управляющий III отделением, занимавшимся обеспечением внутренней безопасности, слежкой и преследованием инакомыслящих.

Орлов Александр Федорович (1786–1861) — генерал, шеф корпуса жандармов и начальник III отделения с 1844 г.

И вот опять пришлось пасться... Скрывая думы от людей. — Цитата из стихотворения «А. О. Казачковскому» (1847, 1858).

И там степи, и тут степи... А там голубые... — Цитата из того же стихотворения.

Обручев Владимир Афанасьевич (1795–1866) — генерал от инфантерии, с 1842 г. оренбургский генерал-губернатор.

Три года грустно протекли... Внесло незримое перо... — Цитата из стихотворения «Считаю в ссылке дни и ночи...» (1850, 1858).

Может, сам на небеси... Давно уж люди прокляли... — Цитата из стихотворения «Когда б вы знали, барчуки...» (1850).

Усков Ираклий Александрович (1810–1882) — майор, затем подполковник, комендант Новопетровского укрепления, делал Шевченко многочисленные послабления, включая разрешение рисовать и отпуск.

Как сказал про себя поэт Блок: «И был я в розовых цепях у женщин много раз». — Цитата из стихотворения «Зачатый в ночь, я в ночь

рожден...» (12 апреля 1907), входящего в цикл «Разные стихотворения» второго тома лирики Блока.

Как будто солнце засияло... — Цитата из стихотворения «N. N.» (1847).

Где скряться мне? ...Людей на медленном огне. — Цитата из стихотворения «Порой, поникнув головою...» (21 июля 1859).

Васильчиков Илларион Илларионович (?–1863) — киевский генерал-губернатор.

Царей, кровавых шинкарей... Свою ты силу ниспошли. — Цитата из стихотворения «Молитва» (1860).

Чернышевский Николай Гаврилович (1828–1889) — русский писатель и мыслитель, революционный демократ.

Добролюбов Николай Александрович (1836–1861) — русский литературный критик и публицист, революционный демократ.

Куручкин Василий Степанович (1831–1875) — русский поэт-сатирик, переводчик, журналист и общественный деятель.

Тайный кружок Петрашевского распространял стихи Шевченко с агитационной целью. — В доносе И. П. Липранди, после которого были арестованы члены кружка М. В. Буташевича-Петрашевского (1849), утверждалось, что члены общества собирались «действовать в Малороссии, где умы предполагались находящимися в брожении от семян, брошенных сочинениями Шевченко».

Как умру — похороните... Добрым, тихим словом... — Цитата из стихотворения «Завещание» (1845).

На смерть Шевченко поэт Некрасов писал... — Цитируется (с небольшими неточностями) первая строфа стихотворения Н. А. Некрасова «На смерть Шевченко» (1861).

Рассказы для детей (с. 353)

Умные животные (с. 355)

Рассказы 1937–1938. С. 112–118.

Печ. по указанному изданию.

Авторская датировка: 1937.

Хитрые и умные (с. 364)

Зоценко Мих. Хитрые и умные / Рисунки Н. Радлова. М.; Л., 1940. 16 с.

Печ. по указанному изданию.

Загадочная история (с. 374)

Костер. 1937. № 1.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 105–112.

Позднее рассказ получил заглавие «Загадочное происшествие».

Глупая история (с. 387)

Чиж. 1937. № 3.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 95–97.

Показательный ребенок (с. 390)

Журнальная публикация не установлена.

Зоценко Мих. Смешные рассказы. Л., 1937.

Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 92–25.

Авторская датировка: 1937.

Умная Тамара (с. 395)

Журнальная публикация не установлена.
Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 101–103.
Авторская датировка: 1938.

Трусишка Вася (с. 398)

Журнальная публикация не установлена.
Печ. по: Рассказы 1937–1938. С. 90–92.
Авторская датировка: 1937.

Самое главное (с. 401)

Чиж. 1939. № 6.
Печ. по: Зощенко Мих. Избранные произведения. 1923–1945.
С. 192–195.
Авторская датировка: 1938.

Любимое занятие (с. 405)

Журнальная публикация не установлена.
Печ. по: Зощенко М. М. Рассказы для детей. М., 2005. С. 64–66.

Кто ваши родители? (с. 407)

Журнальная публикация не установлена.
Печ. по: Зощенко М. М. Рассказы для детей. М., 2005. С. 66–67.

Смелый, да не очень (с. 408)

Журнальная публикация не установлена.
Печ. по: Зощенко М. М. Рассказы для детей. М., 2005.
С. 67–68.

Леся и Минька (с. 409)

Рассказы 1940–1945 (первая публикация цикла).

Печ. по: Рассказы 1959. С. 262–297.

Авторская датировка: 1939–1940.

Не надо врать (с. 409)

Звезда. 1940. № 3/4.

Весело сияет месяц над селом, Белый снег сверкает синим огоньком... — Цитата из стихотворения Ивана Саввича Никитина (1824–1861) «Зимняя ночь в деревне» (1853). Это же стихотворение упоминается в книге «Перед восходом солнца» (см. т. 7).

Галоши и мороженое (с. 415)

Крокодил. 1939. № 5.

Бабушкин подарок (с. 421)

Чиж. 1939. № 11/12.

Тридцать лет спустя (с. 425)

Крокодил. 1939. № 35/36.

То же: Звезда. 1940. № 3/4. Заглавие: Через тридцать лет.

Находка (с. 429)

Звезда. 1940. № 3/4.

Елка (с. 435)

Ленинградская правда. 1938. 1 января.

Великие путешественники (с. 439)

Звезда. 1940. № 10.

Золотые слова (с. 448)

Рассказы 1940–1945.

Рассказы о Ленине (с. 456)

Зоценко Мих. Рассказы о Ленине. М.; Л., 1939 (11 текстов); Звезда 1940. № 1 (№ 3, 4, 5, 6, 7, 9, 13, 14, 15, 16); Звезда. 1940. № 7 (№ 8, 10, 11); Звезда. 1940. № 8/9 (№ 12). Зоценко Мих. Рассказы о Ленине (Из книги для детей). М., 1941 (12 текстов).

Печ. по: Рассказы 1959. С. 298–332.

Авторская датировка: 1940–1941.

Рассказы о Ленине сочинялись Зоценко для младших школьников. После журнальных публикаций они составили две маленькие книжки, а также включались в состав «Избранных произведений» (Л., 1946) и Рассказов 1959. В последнюю авторскую публикацию цикла несколько текстов не вошли. Они публикуются в дополнении.

Этот цикл Зоценко привлек большое внимание критики (из произведений 1930-х гг. с ним сопоставима лишь реакция на «Возвращенную молодость»; см. т. 5). В 1939–1941 гг. появилось около полутора десятков газетных и журнальных откликов, в том числе С. Маршака, М. Слонимского, В. Шкловского. Несколько рецензий было посвящено сопоставлению цикла Зоценко и одновременно вышедшей книги А. Кононова «Рассказы о Ленине».

Интересна эпистолярная оценка М. С. Шагинян в письме Зоценко 25 марта 1941 г., увидевшей в работе Зоценко не конъюнк-

туру, а продолжение эстетического эксперимента: создание прозы, рассчитанной на самого заинтересованного и неподготовленного читателя — ребенка.

«Вы жалуетесь на этот год. Во-первых, он еще не прошел, а только начался. Во-вторых, нужно быть не знаю до чего неблагодарным человеком, чтоб жаловаться на год, в который писались рассказы о Ленине и удались так, как Ваши. Это не только трудный успех в трудной области, где многие из нас срезались; это — оправдание, обнажение, апология — не знаю даже как сказать — Вашей литературной манеры, языка и словаря. Это огромный лит<ературный> факт, еще никем достаточно не осмысленный. Это Ваш “во весь голос”» (Мат 1. С. 136).

Современная английская исследовательница также, поверх исторической проблематики и идеологического задания, видит в этих текстах «традиционные повествовательные блоки», универсальные архетипические сюжеты детского чтения: «В каждом рассказе занимательная повествовательная линия, ведущая к морали в заключении. Зощенко уверяет детей, что “человек может удивительно много учиться и работать, если он правильно отдыхает”. Он развлекает их рассказами о хитрости и доброте. Они узнают, что “порядок один для всех”. Рассказ “На охоте” затрагивает вопрос о красоте природы и аморальности чисто коммерческих интересов. Такие рассказы читаются детям по всему миру по сей день» (Милн Л. «Рассказы о Ленине» // Литературное обозрение. 1995. № 1. С. 45).

...рассказала его старшая сестра Анна Ильинична. — Елизарова-Ульянова Анна Ильинична (1864–1935) — старшая сестра Ленина, автор воспоминаний о нем.

А его младший брат Митя тоже был очень хороший и добрый мальчик. — Ульянов Дмитрий Ильич (1874–1943) — врач, занимался революционной деятельностью.

А мать Ленина, Мария Александровна, была дочь врача. — Ульянова (урожденная — Бланк) Мария Александровна (1835–1916) — действительно, дочь врача.

Мы живем на пенсию, которую я получаю после смерти твоего отца Ильи Николаевича. — Ульянов Илья Николаевич (1831–1886) — родился в мещанской семье, в 1882 г. получил потомственное дворянство, в 1874–1886 г. — директор народных училищ Симбирской губернии; пенсия, получаемая семьей после его смерти, была довольно значительной.

Царь велел посадить Ленина в тюрьму. И Владимир Ильич просидел в тюрьме четырнадцать месяцев. А после этого жандармы выслали его в Сибирь. И там, в Сибири, Ленин прожил в деревне целых три года. — Ленин вместе с другими членами «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» был арестован в ночь с 8 (20) на 9 (21) декабря 1895 г., а в феврале 1897 г. выслан на три года в с. Шушенское Минусинского округа Енисейской губернии.

Наркомзем — Народный комиссариат земледелия.

Фотиева Лидия Александровна (1881–1975) — личный секретарь Ленина в 1918–1924 гг., автор воспоминаний о нем.

И они подговорили одну злодейку — убить великого вождя трудящихся Владимира Ильича Ленина. — Покушение на жизнь Ленина эсерки Ф. Каплан произошло 30 августа 1918 г.

Рассказы, не вошедшие в цикл (с. 502)

В сорок семь лет

Печ. по: Зошенко Мих. Рассказы о Ленине (Из книги для детей).
М., 1941. С. 37–40.

В окончательный состав цикла не включен.

Как Ленин спал на полу

Печ. по: Молодой колхозник. 1941. № 1. С. 20.

В окончательный состав цикла не вошел.

Храбрые дети (с. 508)

Журнальная публикация не установлена.
Рассказы 1940–1945.

Печ. по указанному изданию. С. 124–126.

Авторская датировка: 1943.

Леночка (с. 512)

Журнальная публикация не установлена.
Рассказы 1940–1945.

Печ. по указанному изданию. С. 117–120.

Авторская датировка: 1943.

Спустя три года (с. 517)

Пограничник. 1944. № 22.

Печ. по: Рассказы 1940–1945. С. 120–123.

Интересный рассказ (с. 522)

Журнальная публикация не установлена.

Рассказы 1940–1945.

Печ. по указанному изданию. С. 133–136.

Авторская датировка: 1945.

В Рассказах 1959 вторая половина текста несколько сокращена и отредактирована.

Бедный Федя (с. 526)

Журнальная публикация не установлена.

Рассказы 1940–1945.

Печ. по указанному изданию. С. 136–140.

Авторская датировка: 1945.

В Рассказах 1959 текст несколько отредактирован.

Еще в 1938 г. Зощенко работал над сценарием комедии под таким заглавием, не имеющим ничего общего с рассказом; фильм на экраны не вышел (Летопись. С. 356).

Хорошая игра (с. 531)

Ленинград. 1945. № 7/8.

Печ. по: Рассказы 1940–1945. С. 147–150.

В журнальной публикации в конце была еще одна фраза, привязывающая действие ко времени написания: «И тогда не только на войне будут одержаны блестящие победы» (см. СС 3. Т. 2. С. 360).

Приключения обезьяны (с. 535)

Мурзилка. 1945. № 12, декабрь.

Повторно: Звезда. 1946. № 5/6, май-июнь.

Печ. по: УГ. С. 563–568. (Воспроизводится публикация «Звезды».)

Этот невинный детский текст после повторной публикации в журнале «Звезда» стал поводом как для идеологической травли Зоценко, так и для давления на послевоенную советскую культуру в целом.

10 августа 1946 г. газета «Культура и жизнь» публикует заметку драматурга Вс. Вишневского «Вредный рассказ Мих. Зоценко». «Общая концепция рассказа сводится к тому, что обезьяны в обществе людей плохо и скучно. В одном из “рассуждений” обезьяны, то есть рассуждений, сделанных Зоценко за обезьяну, прямо говорится, что жить в клетке, то есть подальше от людей, лучше, чем в среде людей», — писал Вишневский, уже знавший о готовящемся партийном документе.

14 августа 1946 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) «О журналах “Звезда” и “Ленинград”», опубликованное в газетах через неделю.

С докладом, разъясняющим его положения, выступил в сентябре на писательском собрании в Ленинграде секретарь ЦК А. А. Жданов. Он говорил: «Из постановления ЦК ясно, что наиболее грубой ошибкой журнала “Звезда” является предоставление своих страниц для литературного “творчества” Зоценко и Ахматовой. Я думаю, что мне нет нужды цитировать здесь “произведение” Зоценко “Приключения обезьяны”. Видимо, вы все его читали и знаете лучше, чем я. Смысл этого “произведения” Зоценко заключается в том, что он изображает советских людей бездельниками и уродами, людьми глупыми и примитивными. Зоценко совершенно не интересуется труд советских людей, их усилия и героизм, их высокие общественные и моральные качества. Эта тема всегда у него

отсутствует. Зоценко, как мещанин и пошляк, избрал своей постоянной темой копание в самых низменных и мелочных сторонах быта. Это копание в мелочах быта не случайно. Оно свойственно всем пошлым мещанским писателям, к которым относится и Зоценко. Об этом много говорил в свое время Горький. Вы помните, как Горький на съезде советских писателей в 1934 году клеймил, с позволения сказать, “литераторов”, которые дальше копошится на кухне и бани ничего не видят.

“Приключения обезьяны” не есть для Зоценко нечто выходящее за рамки его обычных писаний. Это “произведение” попало в поле зрения критики только лишь как наиболее яркое выражение всего того отрицательного, что есть в литературном “творчестве” Зоценко. Известно, что со времени возвращения в Ленинград из эвакуации Зоценко написал ряд вещей, которые характерны тем, что он не способен найти в жизни советских людей ни одного положительного явления, ни одного положительного типа. Как и в “Приключениях обезьяны”, Зоценко привык глумиться над советским бытом, советскими порядками, советскими людьми, прикрывая это глумление маской пустопорожней развлекательности и никчемной юмористики.

Если вы повнимательнее вчитаетесь и вдумаетесь в рассказ “Приключения обезьяны”, то вы увидите, что Зоценко наделяет обезьяну ролью высшего судьи наших общественных порядков и заставляет читать нечто вроде морали советским людям. Обезьяна представлена как некое разумное начало, которой дано устанавливать оценки поведения людей. Изображение жизни советских людей, нарочито уродливое, карикатурное и пошлое, понадобилось Зоценко для того, чтобы вложить в уста обезьяне гаденькую,

отравленную антисоветскую сентенцию насчет того, что в зоопарке жить лучше, чем на воле, и что в клетке легче дышится, чем среди советских людей.

Можно ли дойти до более низкой степени морального и политического падения, и как могут ленинградцы терпеть на страницах своих журналов подобное пакостничество и nepотpeбствo?

Спрашивается, до каких пор редакция журнала «Звезда» будет предоставлять свои страницы для произведений, являющихся клеветой на жизнь советского народа?»

В результате безудержной идеологической кампании журнал «Ленинград» был закрыт, «Звезда» «укреплена» новыми кадрами, а Зощенко (как и Ахматова) стал литературным изгоем и так и не смог вернуться к нормальной литературной деятельности.

Подробнее об исторических обстоятельствах публикации рассказа см.: «Писатель с перепуганной душой — это уже потеря квалификации» / Публ. Ю. В. Томашевского // Дружба народов. 1988. № 3. С. 171–178; Сарнов Б., Чуковская Е. Случай Зощенко // Юность. 1988. № 8. С. 69–74.

О творческой истории и разных редакциях текста см. УГ. С. 651–655; Приключения обезьяны. Черновая машинопись с авторской правкой / Публ. Н. А. Грозновой // Мат 2. С. 88–99.

**Алфавитный указатель
произведений**

Бабушкин подарок (Леся и Минька)	421
Бедный Федя	526
Бесславный конец	203
В гостях у клоуна (Хитрые и умные)	372
В парикмахерской (Рассказы о Ленине)	477
В сорок семь лет	502
Великие путешественники (Леся и Минька)	439
Вот какие бывают мышки (Хитрые и умные)	364
Галоши и мороженое (Леся и Минька)	415
Глупая история	387
Глупый вор и умный поросенок (Умные животные)	356
Графин (Рассказы о Ленине)	456
Елка (Леся и Минька)	435
Еще одна умная белка (Хитрые и умные)	370
Загадочная история	374
Золотые слова (Леся и Минька)	448
Иногда можно кушать чернильницы (Рассказы о Ленине)	469
Интересно придумала (Хитрые и умные)	370
Интересный рассказ	522
Как Ленин спал на полу	505
Кто ваши родители?	407
Леся и Минька	409
Ленин и печник (Рассказы о Ленине)	495
Ленин и часовой (Рассказы о Ленине)	475
Леночка	512
Любимое занятие	405
На охоте (Рассказы о Ленине)	498
Находка (Леся и Минька)	429

Не надо врать (Леля и Минька)	409
О том, как Ленин перехитрил жандармов (Рассказы о Ленине)	466
О том, как Ленин подарил одному мальчику игрушку (Рассказы о Ленине)	472
О том, как Ленину подарили рыбу (Рассказы о Ленине)	480
О том, как тетушка Федосья беседовала с Лениным (Рассказы о Ленине)	483
Очень умная лошадь (Умные животные)	358
Очень умные обезьянки (Умные животные)	362
Ошибка (Рассказы о Ленине)	487
Показательный ребенок	390
Покушение на Ленина (Рассказы о Ленине)	490
Попалась, которая кусалась (Хитрые и умные)	365
Пора вставать! (Хитрые и умные)	371
Приключения обезьяны	535
Пчелы (Рассказы о Ленине)	492
Рассказ о том, как Ленин бросил курить (Рассказы о Ленине)	464
Рассказ о том, как Ленин учился (Рассказы о Ленине)	461
Рассказы о Ленине	456
Самое главное	401
Серенький козлик (Рассказы о Ленине)	459
Смелый, да не очень	408
Спустя три года	517
Сравнительно умная кошка (Умные животные)	361
Тарас Шевченко	281
Тридцать лет спустя (Леля и Минька)	425

Трусишка Вася	398
Умная белка (Хитрые и умные)	368
Умная кура (Умные животные)	356
Умная птичка (Умные животные)	358
Умная собака (Умные животные)	360
Умная Тамара	395
Умные животные	355
Умный гусь (Умные животные)	355
Ученая обезьянка (Хитрые и умные)	366
Хитрые и умные	364
Хорошая игра	531
Храбрые дети	508
Черный принц	7
Шестая повесть Белкина. Талисман	183

Содержание

ЧЕРНЫЙ ПРИНЦ	7
1. Крымская кампания	7
2. Противники	8
3. Первый рейс	10
4. На рейде	11
5. Страшный ураган	12
6. Гибель эскадры	14
7. Сокровища погибшего корабля	17
8. «Черный принц»	19
9. Итальянская экспедиция	21
10. Поиски	24
11. Золотая лихорадка	26
12. Советская экспедиция	30
13. Работа Эпрона	32
14. Другие дела	35
15. Находка	37
16. Предложение	40
17. «Синкай когиоссио»	43
18. Показательная работа	45
19. Договор	48
20. Японская экспедиция	51
21. Победы и поражения	55
22. Первое золото	58
23. Землетрясение	60
24. Сто дней	63
25. Возвращение на родину	66
26. Итоги	70

27. Был ли найденный пароход «Черным принцем»	72	
28. Было ли золото на «Черном принце»	78	
29. Финал	82	
ВОЗМЕЗДИЕ	85	551
1. Вечер воспоминаний	85	
2. Речь А.Л.Касьяновой	86	
3. Детство	88	
4. На заводе	89	
5. Поездка в деревню	91	
6. В Киеве	94	
7. Генеральша Дубасова	97	
8. Новая кухарка	99	
9. Генеральшины гости	101	
10. Веселая жизнь	103	
11. Февральская революция	106	
12. Неожиданная встреча	108	
13. Первое крещение	111	
14. Новая жизнь	114	
15. Октябрьские дни	118	
16. Снова Киев	121	
17. В походе	123	
18. Поездка в Житомир	126	
19. Опасное назначение	129	
20. Ночной переход	133	
21. Арест	137	
22. Первый допрос	141	

23. Второй допрос	145	
24. Неожиданное избавление	150	
25. В Симферополе	156	
26. Рука и сердце	159	
27. Свадебное путешествие	164	
28. В Ялте	167	
29. Находка	170	
30. Эвакуация	173	
31. Семейная драма	176	
32. Эпилог	180	
ШЕСТАЯ ПОВЕСТЬ БЕЛКИНА	183	555
От автора	183	
Талисман	186	
БЕССЛАВНЫЙ КОНЕЦ	203	557
1. Громкое имя	203	
2. А. Ф. Керенский	205	
3. Государственный муж	208	
4. Головокружительная карьера	211	
5. Военный и морской министр	215	
6. Сто десять дней	219	
7. Ночь на 25 октября	223	
8. 25 октября	228	
9. Путешествие на край ночи	232	
10. Положение меняется	237	
11. Снова Гатчина	242	
12. На Петроград	245	

13. Наступление	250	
14. Сражение под Пулковым	255	
15. У разбитого корыта	259	
16. В плену	266	
17. Исторический разговор	270	
18. Бегство	273	
19. Издалека	278	
ТАРАС ШЕВЧЕНКО	281	561
1. Народный поэт	281	
2. Детские годы	284	
3. Поиски искусства	290	
4. Неудача	297	
5. Снова неудачи	301	
6. Искусство и коммерция	305	
7. Последнее препятствие	309	
8. Новая жизнь	315	
9. На родине	322	
10. Арест и ссылка	327	
11. Роль личности в истории жизни человека	334	
12. Возвращение	339	
13. Последние годы	345	
14. Смерть Тараса Шевченко	350	
РАССКАЗЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ	353	567
Умные животные	355	567
1. Умный гусь	355	
2. Умная кура	356	

3. Глупый вор и умный поросенок	356	
4. Очень умная лошадь	358	
5. Умная птичка	358	
6. Умная собака	360	
7. Сравнительно умная кошка	361	
8. Очень умные обезьянки	362	
Хитрые и умные	364	567
Вот какие бывают мышки	364	
Попалась, которая кусалась	365	
Ученая обезьянка	366	
Умная белка	368	
Еще одна умная белка	370	
Интересно придумала	370	
Пора вставать!	371	
В гостях у клоуна	372	
Загадочная история	374	567
Глупая история	387	567
Показательный ребенок	390	567
Умная Тамара	395	568
Трусишка Вася	398	568
Самое главное	401	568
Любимое занятие	405	568
Кто ваши родители?	407	568
Смелый, да не очень	408	568
Лея и Минька	409	569
I. Не надо врать	409	569
II. Галоши и мороженое	415	569
III. Бабушкин подарок	421	569

IV. Тридцать лет спустя	425	569
V. Находка	429	569
VI. Елка	435	569
VII. Великие путешественники	439	570
VIII. Золотые слова	448	570
Рассказы о Ленине	456	570
1. Графин	456	
2. Серенький козлик	459	
3. Рассказ о том, как Ленин учился	461	
4. Рассказ о том, как Ленин бросил курить ..	464	
5. О том, как Ленин перехитрил жандармов ..	466	
6. Иногда можно кушать чернильницы	469	
7. О том, как Ленин подарил одному мальчику игрушку	472	
8. Ленин и часовой	475	
9. В парикмахерской	477	
10. О том, как Ленину подарили рыбу	480	
11. О том, как тетушка Федосья беседовала с Лениным	483	
12. Ошибка	487	
13. Покушение на Ленина	490	
14. Пчелы	492	
15. Ленин и печник	495	
16. На охоте	498	
Рассказы, не вошедшие в цикл	502	573
В сорок семь лет	502	573
Как Ленин спал на полу	505	573
Храбрые дети	508	573

Леночка	512	573
Спустя три года	517	573
Интересный рассказ	522	574
Бедный Федя	526	574
Хорошая игра	531	574
Приключения обезьяны	535	574
Примечания	545	
Алфавитный указатель произведений	580	

Литературно-художественное издание

Мих. Зощенко

Собрание сочинений

Шестая повесть Белкина

Редактирование и корректура

Елена Кузьменок

Художественный редактор

Валерий Калныньш

Подписано в печать 29.07.2008. Формат 70×108¹/₃₂.

Бумага писчая. Усл.-печ. л. 25,9.

Тираж 3000 экз. Заказ № 596.

«Время»

115326 Москва, ул. Пятницкая, 25.

Телефон (495) 951 5568

<http://books.vremya.ru>

e-mail: letter@books.vremya.ru

Отпечатано в соответствии с качеством

предоставленного оригинал-макета

в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»

620041, ГСП-148, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

<http://www.uralprint.ru> e-mail: book@uralprint.ru

Бли́зкий Вам Банк!

Более **300** отделений по всей России –
от Калининграда до Владивостока!

Все, что нужно для Вас и Вашего бизнеса:

- вклады;
- кредитование;
- денежные переводы и платежи;
- расчетно-кассовое обслуживание;
- пластиковые карты;
- сейфовые ячейки и др.

Русь-Банк основан 5 сентября 1994 года.
Является участником Системы обязательного
страхования вкладов. По данным ЦБ РФ входит
в список 30 крупнейших российских банков.

www.russbank.ru

8-800-200-80-60

(по России звонок бесплатный)

МИХ.
ЗОЩЕНКО

ШЕСТАЯ ПОВЕСТЬ
БЕЛКИНА

Черный принц
Возмездие
Шестая повесть Белкина
Бесславный конец
Тарас Шевченко
Рассказы для детей

